

ISSN 2078-7626

ВЕСТНИК

Сургутского
государственного
педагогического
университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (78) 2022 г.

ВЕСТНИК

**СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

Основан в августе 2007 г.
№ 3 (78) 2022 г.

«Вестник Сургутского государственного педагогического университета» входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук».

Журнал включён в индексы научного цитирования и в международные библиографические базы данных: РИНЦ, Cyberleninka.ru, Scientific Indexing Services (SIS), ESJl, Ulrich Plus.

Учредителем и издателем СМИ «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» является бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Сургутский государственный педагогический университет».

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-29393 от 24 августа 2007 г.

Главный редактор: КОНОПЛИНА Надежда Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, Президент Сургутского государственного педагогического университета

Адрес издательства, редакции и типографии:
г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2.
Телефон: 8 (3462) 22-31-87 (доб. 4-493).
E-mail: vestnik@surgpu.ru

Периодичность издания: 6 выпусков в год.

Выход в свет: 20.06.2022 г.
Формат 70x100/16. Авт. л. 15,62.
Печать цифровая.
Гарнитура DejaVu Serif.
Тираж 1000. Заказ № 33.

Отпечатано в РИО СурГПУ.
© Сургутский государственный педагогический университет, 2022.
Распространяется бесплатно, 12+

ISSN 2078-7626

**Surgut
State
Pedagogical
University**

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

№ 3 (78) 2022 г.

SURGUT STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

№ 3 (78) 2022.

This Bulletin has started its publishing activity since 2007.

«Surgut State Pedagogical University Bulletin»
is in «The List of Russian peer-reviewed journals
recommended by State Commission of Academic Degrees
and Titles for publication of main scientific results of Doctor and Ph.D. theses».

The Journal is in the list of Science Citation Index and international bibliographic database:
RSCI, Cyberleninka.ru, Scientific Indexing Services (SIS), ESJL, Ulrich Plus.

This academic journal has been registered
in the Russian Federal Agency supervising over the mass media,
tele- and radio-communication saving
in its way the Russian Federation State Cultural Heritage.

The Mass-Media Information Registration Certificate
is ПИ № ФС 77-29393, August 24, 2007.
Founder of journal: Budgetary Institution of Higher Education
of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra
«Surgut State Pedagogical University».

The Chief Editor: KONOPLINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Education, Professor,
President of the Surgut State Pedagogical University.

Address of the publishing house, editorial office and printing house is:
628417 Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra,
Surgut, 50 let VLKSM st., 10/2.
Phone: 8 (3462) 22-31-87 (ext. 4-493). E-mail: vestnik@surgpu.ru

Publication frequency: 6 issues per year.

Release date: 20.06.2022 Format
70x100/16. Auth. l. 15,62. Digital
printing.
The DejaVu Serif headset.
The circulation is 1000.
Order No. 33.
Printed in RIO SurGPU.

Distributed for free, 12+

© Сургутский государственный педагогический университет, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

Попов Э.А.	Проблема «Российская Империя — Балканы» в творчестве и общественно-политической деятельности М.Н. Каткова.....	9
Зверев В.В.	«Новые люди» Н.Г. Чернышевского и «Человек из подполья» Ф.М. Достоевского: противостояние утопии и почвы.....	17
Варфоломеев Ю.В., Ризаева Е.Н.	«Имена, знакомые с раннего детства...»: В.А. Пыпина о выдающихся представителях столичной интеллигенции.....	34

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА

Квасов О.Н.	Народнические извещения о террористических актах (вторая половина XIX века).....	44
Мауль В.Я.	Во главе «Тайной дружины»: взлет и падение крестьянского атамана.....	51
Милевский О.А.	Начало пути в революцию: о влиянии художественной литературы на формирование мировоззренческих установок поколения народников 1870-х гг.....	63
Мокшин Г.Н.	Эволюция идеи «революционной правоспособности масс» в идеологии левого народничества 1870-х — начала 1880-х гг.....	82
Морозов Т.С.	Типографская деятельность южнорусской организации «Народной воли»: 1885–1887 гг.....	92
Санькова С.М., Крижановский Н.И.	К вопросу о предпосылках возникновения революционных настроений среди морских офицеров в пореформенный период (по воспоминаниям и дневникам выпускников кронштадтского технического училища И.П. Ювачёва и М.О. Меньшикова).....	105
Степанов Ю.Г.	Казус С.Г. Нечаева (комментарий к биографии).....	118

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 1900- Х ГГ.: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аленичева Н.В.	От революционной романтики до деморализации: настроения саратовского студенчества в переломную эпоху (1914–1917 гг.).....	128
Варфоломеев Ю.В., Шумилова Л.Н.	Погромные «иллюминации»: особенности и характер крестьянских беспорядков в Саратовской губернии в 1905 году (по материалам судебных процессов).....	135

Ищенко О.В.	К вопросу о политической принадлежности Барнаульской группы учащихся (1908 г.).....	146
--------------------	--	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Ермаков В.А., Лёвин С.В., Плужников Д.А.	Вопросы освободительного движения в России XIX в. в переписке И.В. Пороха и Н.А. Троицкого с Н.М. Дружининым....	156
Степаненкова З.В.	Оценка общественно-политической деятельности В.В. Берви-Флеровского в советской историографии.....	162
Худолеев А.Н.	Революционная теория П.Н. Ткачёва в дискурсе отечественной историографии 2020 и 2021 гг.....	170

РЕЦЕНЗИИ

Зверев В.В.	Рецензия на издание: Каблиц Иосиф Иванович: Биобиблиографический указатель (1878–2021 гг.) / [Сост. Г.Н. Мокшин]; Воронежский государственный университет. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2021.— 204 С.....	176
--------------------	---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	178
---------------------------------	-----

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРАМИ.....	181
--	-----

CONTENTS

SOCIO-POLITICAL THOUGHT OF RUSSIA IN THE XIX- EARLY XX CENTURIES

- Popov E.A.** The Problem «The Russian Empire — the Balkans»
in the Work and Socio-Political Activity of M.N. Katkov.....9
- Zverev V.V.** «New People» by N.G. Chernyshevsky and «Man From Underground»
by F.M. Dostoevsky: the Confrontation of Utopia and Soil.....17
- Varfolomeev Yu. V., Rizayeva E.N.**
«Names Familiar Since Early Childhood ...»: V.A. Pypina about
the Outstanding Representatives of the Capital Intellectuals.....34

PROBLEMS OF STUDYING REVOLUTIONARY POPULISM

- Kvasov O.N.** Populist Notices of Terrorist Acts
(the Second Half of the XIX Century).....44
- Maul V.Ya.** At the Head of the «Secret Squad»:
Rise and Fall of the Peasant Ataman.....51
- Milevsky O.A.** The Beginning of the Path to Revolution: on the Influence
of Fiction on the Formation of Worldview Attitudes
of the Generation of Populists of the 1870s.....63
- Mokshin G.N.** The Evolution of the Idea of the «Revolutionary Capacity
of the Masses» in the Ideology of Left-Wing Populism
1870s — the Early 1880s.....82
- Morozov T.S.** Typographic Activity of the South Russian Organization
of «People's Will»: 1885–1887.....92
- Sankova S.M., Krizhanovsky N.I.**
On the Question of the Prerequisites for the Emergence
of Revolutionary Sentiments Among Naval Officers
in the Post-Reform Period (According to the Memoirs and Diaries
of the Graduates of the Kronstadt Technical School I.P. Yuvachov
and M.O. Menshikov).....105
- Stepanov Yu.G.** The Case of S.G. Nechaev (Biography Commentary).....118

STUDENTS AND STUDENTS IN THE REVOLUTIONARY MOVEMENT OF THE 1900S.: REGIONAL ASPECT

- Alenicheva N.V.** From Revolutionary Romanticism to Demoralization:
the Mood of Saratov Students in a Critical Era (1914–1917).....128
- Varfolomeev Yu.V., Shumilova L.N.**
Pogrom «Illuminations»: Features and Nature of Peasant Riots
in the Saratov Province in 1905
(Based on the Materials of the Trials).....135

Ishchenko O.V.	On the Question of the Political Affiliation of the Barnaul Group of Pupils (1908).....	146
-----------------------	--	-----

HISTORIOGRAPHY OF THE LIBERATION MOVEMENT OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Ermakov V.A., Lyovin S.V., Pluzhnikov D.A.	Questions of the Liberation Movement in Russia of the XIX Century in the Correspondence of I.V. Porokh and N.A. Troitsky with N.M. Druzhinin.....	156
Stepanenkova Z.V.	General Characterization V.V. Bervi-Flerovsky's Social-Political Activity in Soviet Historiography.....	162
Khudoleev A.N.	The Revolutionary Theory of P.N. Tkachov in Discourse of Russian Historiography 2020 and 2021.....	170

REVIEWS

Zverev V.V.	Review of the publication: Kablitz Joseph Ivanovich: Biobibliographical Guide (1878-2021) / [Author G. N. Mokshin]; Voronezh State University. — Voronezh: Publishing House of VSU, 2021. — 204 p.....	176
--------------------	---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....	178
---	-----

RULES FOR SUBMITTING MANUSCRIPTS BY AUTHORS.....	181
---	-----

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ
XIX — НАЧАЛА XX ВВ.****SOCIO-POLITICAL THOUGHT OF RUSSIA
IN THE XIX- EARLY XX CENTURIES**

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.017

УДК 94(47).07"18" Катков М.

ББК 63.3(2)522-4,8 Катков М.

Э.А. ПОПОВ

**ПРОБЛЕМА «РОССИЙСКАЯ
ИМПЕРИЯ — БАЛКАНЫ» В ТВОРЧЕСТВЕ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М.Н. КАТКОВА**

E.A. POPOV

**THE PROBLEM «THE RUSSIAN EMPIRE —
THE BALKANS» IN THE WORK AND SOCIO-
POLITICAL ACTIVITY OF M.N. KATKOV**

Михаил Катков (1818-1887) и его издания газета «Московские ведомости» и журнал «Русский вестник» вели активную работу по отстаиванию национальных интересов России на международной арене. Важное место в его творчестве и общественно-политической деятельности занимала проблематика Балкан (положение православных славянских народов в Османской империи). Катков использовал популярность своих изданий и передовиц по злободневным вопросам для повышения гражданской активности русского общества в этих направлениях. Деятельность М.Н. Каткова оказала мощное влияние на общественные настроения и в итоге повлияла на принятие политических решений власти (Русско-турецкая война 1877-1878 гг.). Впоследствии (в 1880-е гг.) Катков с помощью сформированной сети корреспондентов продолжал оказывать существенную поддержку русской политике на Балканах.

Michail Katkov (1818-1887) and his editions: a newspaper «Moskovskye vedomosti» and a magazine «Russky vestnik» — led active work for assertion Russia's national interests on the world arena. An important place in his work and socio-political activity was occupied by the problems of the Balkans (the situation of the Orthodox Slavic peoples in the Ottoman Empire). Katkov used the popularity of his publications and editorials on topical issues to increase the civic activity of Russian society in these areas. The activities of M.N. Katkov had a powerful influence on public sentiment and eventually influenced the political decisions of the authorities (the Russian — Turkish War of 1877-1878). Subsequently (in the 1880s) Katkov, with the help of a network of correspondents, continued to provide substantial support for Russian policy in the Balkans.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: М.Н. Катков, общественное мнение, Балканы, болгарский вопрос, сеть корреспондентов.

KEY WORDS: M.N. Katkov, public opinion, Bulgar question, network of correspondents.

ВВЕДЕНИЕ. Вторая половина XIX века стала временем расцвета русского политического консерватизма. Но самым влиятельным в ряду общественных и государственных деятелей-консерваторов стал Михаил Никифорович Катков (1818-1887). Каткову, обла-

дателю необычайно острого пера, удавалось в течение трех десятилетий будоражить русское общественное мнение. Один из примеров тому — деятельное участие Каткова в общественных процессах в России и влияние его на политические решения в балканском вопросе.

В наши дни Россия в очередной раз столкнулась с противостоянием с коллективным Западом. Оказались совмещены внешние угрозы и проблемы внутреннего состояния нашего общества и государства. Вновь сделались актуальными задачи мобилизации патриотических общественных сил для решения задач международной политики — или, напротив, проблемы внешней политики активно вторгаются в нашу внутреннюю жизнь.

Опять актуальна задача действенной и эффективной организации патриотического общественного мнения на службу государству для отстаивания суверенитета страны. Или даже больше: для сохранения страны.

Принято считать, что Россия всегда была слаба в части общественной самоорганизации. Это так и не так. Не вдаваясь в детализацию, отметим, что материал настоящей статьи, посвященной общественно-государственной деятельности русского публициста, редактора и общественного деятеля М.Н. Каткова и его корреспондентов в отстаивании интересов России на Балканах, опровергает расхожее утверждение.

Итак, **ЦЕЛЬЮ** настоящей работы является анализ механизмов деятельности (зачастую новаторских) общественных патриотических сил, сконцентрировавшихся вокруг идейно-организационного центра — периодических изданий М.Н. Каткова, — их кооперации и взаимодействия с единомышленниками в государственных органах власти в отношении сверхзначимой для пореформенной России (1860–1880-е гг.) балканской проблемы. Как функционировал этот механизм, каким образом взаимодействовали общественные силы и бюрократические структуры, наконец, к каким результатам привело это взаимодействие — вот вопросы, на которые мы попытаемся ответить в своей статье. Как мы полагаем, поставленные задачи обладают и исследовательской, и общественной актуальностью. Об истории русской внешней политики середины — второй половины XIX столетия написана обширная литература. Определенное внимание уделялось в ней и личности и деятельности М.Н. Каткова. И все же, смеем заметить, на периферии исследовательского внимания оказалось самое интересное, на наш взгляд: новаторские, а подчас и революционные формы и методы работы с общественным мнением, кои применял М.Н. Катков и его сотрудники. Они, эти методы, и, вообще, весь опыт общественной деятельности в поддержку усилий государства Российского будут очень нелишними в наши дни. Автор льстит себя надеждой, что в своей практической деятельности пусть в малой степени но повторил уроки Каткова: налаживать взаимодействие гражданского общества и государства.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В работе применялся ряд общенаучных принципов и подходов и конкретно-исторических методов, а также методологические возможности смежных общественно-гуманитарных дисциплин, прежде всего, социальной философии и политической социологии. Сложная картина мира, в недрах которой развивались весьма противоречивые процессы, анализируемые в статье, предопределило задействование системного метода. Акцентуация эвристического поиска на личности М.Н. Каткова делает необходимым использование историко-биографического метода. Однако наиболее значимую роль в раскрытии темы сыграли историко-социологический и политико-социологический методы. Их применение позволило выявить характер и особенности создания и развития уникальной модели функционирования общественных групп с авторитарными и «закрытыми» государственными институтами Российской империи.

В ходе работы были использованы архивные источники (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, фонд М.Н. Каткова), литература по истории международных отношений и внешней политике Российской империи, историографические труды,

посвященные общественно-политической жизни пореформенной России, теоретические произведения и публицистика М.Н. Каткова и деятелей славянофильского направления.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В третьей четверти XIX века международное положение Российской империи можно назвать критически сложным. В результате поражения в Крымской войне 1853–1856 гг. Россия утратила военно-морскую мощь на Черном море. Нейтрализация Черного моря делала южные рубежи империи незащищенными. Вдобавок пострадал международный престиж страны. Россией было утрачено преимущественное право покровительства православным народам Востока.

Главной внешнеполитической задачей нового царствования стала ликвидация стеснительных и унижительных последствий Парижского мирного договора 1856 года. А также усиление русского присутствия на ключевом балканском театре дипломатической деятельности.

С воцарением Александра II балканское направление становится приоритетным. На пост министра иностранных дел был назначен князь Александр Михайлович Горчаков [1]. Новый министр со всей энергией взялся за исправление неблагоприятной ситуации и, как показали дальнейшие события, всецело преуспел в своей работе. И хотя ему не удалось добиться установления контроля над черноморскими проливами — вековой мечты русских дипломатов и правителей — ему все же удалось не только устранить «похабный» Парижский мир, но существенно усилить присутствие России в славянских и балканских странах.

Впрочем, эти задачи едва были бы успешно решены без деятельной помощи и организационных талантов ряда представителей русского общества консервативного и славянофильского направлений.

Не только власть реагировала на необходимость изменений стратегии и тактики внешней политики. Общественность также не оставалась в стороне. А зачастую именно она толкала власть на проведение более активной внешней политики.

Внешнеполитическая тематика составляет весьма немалую часть теоретических трудов и публицистики Михаила Никифоровича Каткова. Из них же значительная часть, если не большинство, посвящена проблематике так называемого Восточного вопроса. Составной частью одного является балканский вопрос.

Легитимист Катков, как полагают авторы коллективной монографии «История внешней политики России. Вторая половина XIX века ...», «лозунг «национальной» внешней политики заимствовал у славянофилов и противопоставил национальную политику «династической» и «кабинетной» политике Горчакова и Гирса. Для Каткова, наиболее влиятельного трибуна консервативно-патриотического лагеря, национальный характер внешней политики — это «активность и самостоятельность действий России на международной арене» [5, с. 312].

Какова же содержательная часть внешнеполитической программы Каткова? Она, разумеется, не была зафиксирована в каком-либо итоговом документе (не будем забывать, что ее автор — публицист и политик в духе *realpolitik*, не склонный к излишним теоретизированиям). Но все же можно выявить основные ее пункты. А именно: отстаивание и укрепление суверенитета, поддержка славянских народов (преимущественно православных) и развитие межславянских связей и панславистского движения, самостоятельность внешнеполитического курса, что, в свою очередь, сопряжено со стремлением избегать по возможности политики блокирования. Национальная политика «состоит только в том, чтобы было правительством своей страны, чтобы оно было силой только своего народа: иерархия интересов остаётся в своей силе, напротив, только при условии истинно национальной политики возможно соблюдение всех интересов страны в их правильной постепенности» [6, с. 149].

Уже в постановке основных задач видна политико-географическая адресность. В 60-е — 80-е гг. XIX века национальная политика империи локализуется преимущественно на Балканах. Впрочем, важную роль Катков отводил имперским задачам в новом регионе империи — Туркестане. Традиционно значимым был для него и польский вопрос, — с одной

стороны, сугубо внутренний, с другой стороны, этот внутренний вопрос постоянно толкал Россию на конфронтацию с Западом.

Но «национальная политика» для Каткова — не только проведение подлинно суверенного курса в интересах России. Перефразируя известное определение демократии А. Линкольна, отметим: национальная (внешняя) политика России для Каткова — политика народа (выраженная в особе самодержавного императора), политика для народа, политика посредством народа. Последнее предполагало активное вовлечение «народа» (различных социальных групп) в политические процессы. И здесь сразу же возникают противоречия. Первое из них психологического свойства. Менталитет русского народа, казалось бы, не соответствует выполнению задачи. «Наше общество не привыкло к самостоятельности, и русские люди не вдруг обнаруживают энергию и находчивость в общественном деле» [8, с. 143].

Противоречие второе — авторитарный характер русской государственности, казалось бы, ставил неодолимую препону на пути общественной активности. Однако, как показала деятельность М.Н. Каткова, это препятствие было успешно преодолено. Авторитарная государственность обладала достаточной гибкостью и институциональными возможностями для использования созидательных инициатив общественного активизма.

М.Н. Катков, консерватор и легитимист (Ричард Пайпс причислил его к разряду консерваторов-государственников), оказался в парадоксальной роли новатора, а подчас и революционера по части использования новаторских общественных инициатив. Образно говоря, главный редактор «Московских ведомостей» оказался творцом организованного общественного мнения. Русское патриотическое большинство, доселе аморфное, усилиями талантливого (а возможно, и гениального) организатора оказалось оформлено в Русскую партию — не институционализированную, но способную к мобилизации в нужном направлении в нужное время. Эта лоялистская партия, что весьма характерно, не стеснялась оказывать воздействие на власть. «Московские ведомости» Каткова, как известно, не раз подвергались штрафам и даже закрывались за критику тех или иных действий или деклараций власти. Но именно народный (то есть с опорой на общественное мнение большинства) характер катковских изданий делал эту партию пусть не всегда удобным, но все же необходимым партнером власти.

Таким образом, М.Н. Катков применял широкий арсенал средств общественно-государственного «партнерства»: общественный резонанс собственных передовиц, независимое (а на самом деле — искусно создаваемое и направляемое самим Катковым) общественное мнение. И, наконец, личные контакты с сановниками самого высокого ранга. Из коих немалое число было представлено лицами, сделавшими карьеру благодаря Каткова.

К чести М.Н. Каткова следует заметить, что он никогда не пользовался своими связями в корыстных целях, более всего ценил независимость. Не пользуясь — для себя — услугами, предоставляемыми близостью к власти предрежащим, Катков взамен позволял себе быть нелюбимым критиком власти.

Обращение Каткова к славянскому и балканскому вопросам произошло на самой заре его общественно-политической деятельности. В 1857–1858 гг. М.Н. Катков стал одним из учредителей Славянских благотворительных комитетов. Их задача — действенная помощь славянам (в первую очередь, болгарам, кои находились в наиболее плачевном положении), защита Православия на Балканском полуострове и борьба с католической пропагандой (последнее касалось преимущественно Царства Польского). Общество издавало и бесплатно распространяло литературу, учредило премии за научные труды (хорошо известная в наши дни система грантов!), оказывало содействие славянским переселенцам в империю, всячески популяризировало распространение знаний о славянских делах в русском обществе. Очень важное направление — открытие школ и церквей для православных славян Балканского полуострова, в ту пору входившего в состав Османской империи.

В 1867 году был проведен Славянский съезд — первый опыт совместной работы представителей славянских народов [3]. Проведенный по общественной инициативе и на негосударственные средства съезд, тем не менее, рассматривался европейскими странами с недоверием и опаской как акт правительственного Петербурга. Не помогло даже отречение русского МИДа от организации съезда и отдельных выступлений [12, с. 172].

М.Н. Катков высоко ставил славянский вопрос, но выше всего — интересы России. Российская империя обязана доминировать на Балканах. Сложная международная обстановка (см. выше) и начавшиеся Великие реформы резко сузили возможности Петербурга. И едва не единственным доступным средством стали культурные связи. Катков на страницах своих изданий публикует материалы о жизни зарубежных славян и произведения балканских писателей и публицистов. Со временем заслуги Каткова были оценены. Так, в 1883 году М.Н. Катков был награжден черногорским Орденом князя Даниила I степени и греческим Орденом Спасителя III степени [2].

Середина 1870-х годов — кризис на Балканах и одновременно пик активности и общественного и международного (!) признания влияния Каткова. Творцы дум патриотической России Ф.М. Достоевский, М.Н. Катков, И.С. Аксаков горячо выступали в поддержку угнетенных славян, хотя по-разному понимали славянский вопрос и задачи России. Под влиянием их идей самоорганизовывалось русское общество и все громче звучало общественное мнение. Опираясь на мощную общественную поддержку, правительство решилось начать военные действия на Балканах. Огромную роль в практических вопросах помощи славянам сыграл Московский славянский комитет (руководитель — И.С. Аксаков, его заместитель — М.Н. Катков).

Редактор «Московских ведомостей» актуализировал балканский вопрос, поднимая проблему освобождения христианских народов Балкан от гнета мусульманской Порты. Популярность балканского вопроса в русском обществе — в немалой степени его заслуга. «Повсюду в Европе внимание было поглощено восточным кризисом, но в России не просто внимание общества, а вся душа народа была захвачена поднявшейся на востоке борьбой. Для русского народа эти события были его внутренним делом» [9, с. 1].

Русское общество включилось в балканский кризис гораздо раньше, чем официальный Петербург. Тот был связан межгосударственными договорами и стремился избежать всяких осложнений. Не следует забывать, что военная реформа 1874 только началась, что финансы империи были в плохом состоянии. На фоне этой осторожности власти, стремившейся ограничиться дипломатическими мерами, рождается добровольческое движение в поддержку восставших Черногории, Боснии, Сербии. Славянские комитеты и их идейный и духовный лидер — Московский Славянский комитет — организовывали закупку и переправку оружия на Балканы, создавали отряды добровольцев. В общей сложности с июля по октябрь 1876 года в Сербию направилось 5–6 тыс. добровольцев, в основном кадровых военных (офицеров, унтер-офицеров, солдат), врачей и сестер милосердия, репортеров.

Однако русские добровольцы в Сербии, несмотря на их героизм и профессионализм не могли победить огромную Османскую империю. Необходимо было вмешательство правительства. «...Правительство наше,— с горечью резюмировал М.Н. Катков,— оставаясь верным своим международным обстоятельствам, не принимало никакого участия в направлении добровольного движения русских людей на личные жертвы. Оно только не препятствовало ему...» [7, с. 207].

Лето 1875 года, время восстания в Герцеговине, издания Каткова регулярно публикуют материалы своих корреспондентов с места событий, заявления Московского славянского комитета, общественных и государственных деятелей Сербии, Черногории, Болгарии к России. Градус напряжения внутри общества постепенно нарастал. Сам Катков, политик реалистично мыслящий и глубоко и разносторонне понимающий международную обстановку,

первоначально выступает за дипломатическое давление на Турцию. Но по мере углубления кризиса ему становится ясным недостаточность этих мер. Упорное нежелание Европы услышать призывы России и защитить славян от репрессий Порты заставило осторожного Каткова заговорить в передовицах «Московских ведомостей» о вероятном вступлении России в войну [11, с. 1]. В противном случае Россия бы «отреклась от своих исторических задач и всегдашнего сочувствия восточным христианам» [13, с. 173]. Вынужденная радикализация позиции Каткова ощутимо влияет на общество, а через него — и на правительство.

В мае 1877 г. Катков подготовил наследнику престола великому князю Александру Александровичу официальную «Записку». В ней был поставлен вопрос об ограничении влияния Германии на русские дела на Балканах: «Всякое содействие какое бы не оказал нам Бисмарк на Балканском полуострове будет истолковано, — и он сам постарается это сделать, — как новое доказательство слабости России и могущества Германии. Особенно было бы опасно принимать эту помощь от политики, которая вся состоит из коварностей, какова политика Бисмарка. Чем будем мы свободнее от нее, тем будет безопаснее для нас» [10, с. 165].

Итак, М.Н. Катков, наряду с И.С. Аксаковым, духовно окормляет русское общество в балканском вопросе и оказывает воздействие — весьма ощутимое — на официальный Петербург. Не без его влияния развивается добровольческое движение. Всё вместе формирует нужную атмосферу. 12 апреля 1877 года Россия объявляет войну Османской империи.

Военная победа в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и дипломатическое поражение на Берлинском конгрессе 1878 года ставят перед правительством вопрос поиска нового союзника. Как прозорливо предсказывал Катков, Германия Бисмарка обманула Россию. Также весьма реалистичной оказалась катковская оценка (и прогнозы) действий Британской империи. Победа была украдена у русской армии на Берлинском конгрессе. Но вместе с тем, это послужило горьким уроком для власти. Новое царствование императора Александра III началось во внутренней политике с курса на контрреформы, а во внешней — с поиска новой программы. И нового союзника. То и другое в немалой степени определялось М.Н. Катковым.

1880-е годы стали вершиной его политического влияния. «Он выступил в такой роли, которая приобрела ему громадную популярность в русском обществе, сделала имя его ненавистным в Германии и Австрии, заставила Францию не скупиться на выражение ему своих симпатий и возбуждала неизмеримое против него озлобление нашей дипломатии» [4, с. 160]. Катков оказал воздействие на антигерманский поворот русской внешней политики и на сближение с Францией.

Центральное место занимает болгарский вопрос. Верный своему принципу действовать разными способами Катков ведет поиск единомышленников в сановных сферах. Происходит сближение с И.А. Зиновьевым, директором (до 1883 года) Азиатского департамента русского МИД, оппонентом министра Н.К. Гирса. Зиновьев оказывал помощь болгарским офицерам-эмигрантам. Такую же помощь оказывает болгарам и сам Катков.

В начале 1887 года Катков использует право прямого доклада императору и просит его об оказании финансовой помощи болгарской армии. Однако придворная интрига, ускори́вшая смерть М.Н. Каткова, помешала реализовать болгарский проект.

ВЫВОДЫ. Передовицы М.Н. Каткова и его общественная активность оказали колоссальное влияние на русское общество. И — прямо или опосредованно — на политику Российской империи. Катков стоял у истоков создания Славянских комитетов. В ходе Балканского кризиса середины 70-х гг. XIX века Катков идейно окормлял русское общество, популяризуя идею освобождения балканских славян. Издания М.Н. Каткова оказались связующим звеном между Властью и Обществом, точнее, позволили первой опереться на поддержку второго. И в этом роль и значение Каткова и его изданий уникальны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., Институт славяноведения РАН, изд-во «Наука», 2005. 302 с.
2. Делянов Иван Давыдович. Письма Каткову Михаилу Никифоровичу // ОР РГБ. Ф. 120 (Катков М.Н.). П. 2. Ед. хр. 41. 33 лл.
3. Досталь М.Ю. Славянский съезд 1867 года в С.-Петербурге и в Москве. Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., Рос.акад.наук, Институт славяноведения, 1998. 112 с.
4. За кулисами политики / Е.А. Феоктистов, В.Д. Новицкий, Ф. Лир, М.Э. Клейнмихель. М., Фонд Сергея Дубова, 2001. 560 с.
5. История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского договора). М., Международные отношения, 1999. 384 с.
6. Катков М.Н. Идеология охранительства. М., Институт русской цивилизации, 2009. 800 с.
7. Катков М.Н. Империя и крамола. М., Фонд «Имперский вестник», 2007. 432.
8. Катков М.Н. Истинный и разумный патриотизм // Московские ведомости. 1863. № 103.
9. Катков М.Н. Русское народное движение минувшего года / Московские ведомости. 1877. № 4.
10. Кочуков С. Отношение образованного общества России к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Власть. 2011. № 11.
11. Московские ведомости. 1876. 26 июля.
12. Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М.: Издательство Московского университета, 1960. 364 с.
13. Рыбаченок И.С. Восточный кризис 1875–1878 гг. и русско-турецкая война на страницах газеты «Московские ведомости // Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., Изд-во МГУ, 1981. с. 168–183.

REFERENCE

1. Vinogradov V.N. *Balkanskaya epopeya knyazy A.M. Gorchakova* [The Balkan epic of Prince A.M. Gorchakov]. M., Institut slavyanovedeniya RAN, izd-vo «Nauka», 2005. 302 s. (In Russian).
2. Delyanov Ivan Davydovich. *Pis'ma Katcovu Mikhailu Nikiforovichu* [Letters to Mikhail Nikiforovich Katkov] // OR RGB. F. 120 (Katcov M.N.). P. 2. Ed. hr. 41. 33 ll. (In Russian).
3. Dostal' M.Y. *Slavyanskiy syezd 1867 goda v S.-Peterburge i v Moscve. Slavyanskoye dvizheniye XIX–XX vekov: syezdy, congressy, soveshaniya, manifesty, obrasheniya* [Slavonic Congress of 1867 in St. Petersburg and Moscow. The Slavic movement of the XIX–XX centuries: congresses, congresses, conferences, manifestos, appeals]. M., Ros. acad. nayc, Institut slavyanovedeniya, 1998. 112 s. (In Russian).
4. *Za culisamy politiki* [Behind the scenes of politics] / E.A. Feoctistov, V.D. Novitskiy, F. Lir, M.E. Cleynmikhel'. M., Fond Sergeya Dubova, 2001. 560 s. (In Russian).
5. *Istoriya vneshney poliriki Rossii. Vtoraya polovina XIX veka (ot Parizhskogo mira 1856 g. do russko-frantsuzskogo dogovora)* [The history of Russia's foreign policy. The second half of the XIX century (from the Paris Peace of 1856 to the Russian-French treaty)]. M., Mezhdunarodniye otnosheniya, 1999. 384 s. (In Russian).
6. Katkov M.N. *Ideologiya okhranitel'stva* [Ideology of protection]. M., Institut russkoy tsivilizatsii, 2009. 800 s. (In Russian).
7. Katkov M.N. *Imperiya i kramola* [Empire and Sedition]. M., Fond «Imperskiy vestnik», 2007. 432 s. (In Russian).
8. Katkov M.N. *Istinniy i razumniy patriotizm* [True and reasonable patriotism] // *Moscovskiye vedomosti*. 1863, № 103. (In Russian).
9. Katkov M.N. *Russkoye narodnoye dvizheniye minuvshogo goda* [Russian People's Movement of the past year] / *Moscovskiye vedomosti*. 1877. № 4. (In Russian).

10. Kochukov S. *Otnosheniye obrazovannogo obshchestva Rossii k rusko-turetskoy voyne 1877-1878 rr.* [The attitude of the educated society of Russia to the Russian-Turkish war of 1877-1878] // *Vlast'*. 2011. № 11. (In Russian).
11. *Moskovskiye vedomosti* [Moscow Vedomosti]. 1876. July 26. (In Russian).
12. Nikitin S.A. *Slavyanskiye komitety v Rossii v 1858-1876 godakh* [Slavic committees in Russia in 1858-1876]. M., Izdatel'tvo Moskovskogo universiteta, 1960. 364 s. (In Russian).
13. Rybachenok I.S. *Vostochniy crisis 1875-1878 gg. I rusko-turetskaya voyna na stranitsah gazety «Moskovskiye vedomosti»* [The Eastern crisis of 1875-1878 and the Russian-Turkish war on the pages of the newspaper «Moskovskie Vedomosti»] // *Rossiya I vostochniy crisis 70-h godov XIX v.* M., Izdatel'tvo Moskovskogo universiteta, 1981. S. 168-183. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.018

УДК 82.161.1-95

ББК 83.3(2=411.2)52

**В.В. ЗВЕРЕВ «НОВЫЕ ЛЮДИ» Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
И «ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДПОЛЬЯ»
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ПРОТИВОСТОЯНИЕ
УТОПИИ И ПОЧВЫ**

**V.V. ZVEREV «NEW PEOPLE» BY N.G. CHERNYSHEVSKY AND
«MAN FROM UNDERGROUND» BY F.M. DOSTOEVSKY:
THE CONFRONTATION OF UTOPIA AND SOIL**

В статье рассматривается скрытая полемика между авторами двух знаковых произведений отечественной литературы — романа «Что делать?» и повести «Записки из подполья». В этих сочинениях Н.Г. Чернышевский и Ф.М. Достоевский во многом выразили квинтэссенцию собственных представлений об обществе и человеке. Чернышевский создал утопию, в которой сочеталась критика буржуазного социума с идеальным будущим мироустройством, где человек будет свободен в своих решениях и поступках. Если первый аспект был выражен объемно, реалистично и содержательно, то созданный вариант альтернативного социального обновления, опиравшийся на теорию разумного эгоизма, предполагал эволюционное изменение человека с целью постепенной трансформации современности. В критике романа «Что делать?» Достоевский основной упор сделал на ошибочности представлений Чернышевского о сущности человека и его предназначении, на безоглядном увлечении умозрительными философскими концепциями и забвении морально-этических норм, которые определяли существование человеческого рода в прошлом и должны оставаться неизменными в будущем.

The article examines the hidden controversy between the authors of two iconic works of Russian literature — the novel «What to do?» and the story «Notes from the underground». In these works N.G. Chernyshevsky and F.M. Dostoevsky expressed in many ways the quintessence of their own ideas about society and a man. Chernyshevsky created the utopia that combined criticism of bourgeois society with an ideal future world order, where a person would be free in his decisions and actions. If the first aspect was expressed in a voluminous, realistic and meaningful way, then the created variant of alternative social renewal, based on the theory of reasonable egoism, assumed an evolutionary change of a person with the aim of gradual transformation of modernity. In the criticism of the novel «What to do?» Dostoevsky put the main emphasis on the fallacy of Chernyshevsky's ideas about the essence of a man and his destiny, on reckless fascination with speculative philosophical concepts and oblivion of moral and ethical norms that determined the existence of the human race in the past and should remain unshakable in the future.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Н.Г. Чернышевский, Ф.М. Достоевский, прогресс, «новые люди», «человек из подполья», столкновение утопии и консерватизма, идеал будущего и современность.

KEY WORDS: N.G. Chernyshevsky, F.M. Dostoevsky, progress, «new people», «a man from the underground», the clash of utopia and conservatism, the ideal of the future and modernity.

ВВЕДЕНИЕ. Дискуссия всегда представляет собой столкновение. Прямое, непосредственное или косвенное. Однако традиционное утверждение, что «в споре рождается ис-

тина», напроць опровергается практикой, как, впрочем, и другое и не менее распространенное мнение об истине, которая якобы лежит посередине. Такого не бывает. Примирить разные, а уж тем более диаметрально противоположные взгляды, невозможно. Эклектичная попытка взять лучшее из каждой точки зрения и механически их соединить ни к чему хорошему привести не может. В спорах только обостряется аргументация, утяжеляются доказательства, зачастую возрастают неприятие и нетерпимость в отстаивании субъективно понимаемой истины. А в отношении того, что она лежит посередине, необходимо согласиться с мнением мудрого И.В. Гете — между несходными подходами лежит проблема.

ЦЕЛЬ. Сопоставление идей, прозвучавших со страниц романа «Что делать?» Н.Г. Чернышевского и повести «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского, в первую очередь продиктовано стремлением проанализировать существовавшие в начале 1860-х гг. общественных настроений, различных проектов (в том числе и утопических) будущего развития страны, роли отечественной интеллигенции в преобразовательном процессе, соотношения революционных и реформационных намерений, свойственных пореформенной эпохе.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Творческое наследие Чернышевского и Достоевского предоставляет в этом отношении наиболее яркий и показательный материал как выражение противоположенных точек зрения. Однако решение поставленной задачи связано с преодолением существующих стереотипов оценок, уже ставших настолько традиционными, что они крайне редко вызывают сомнения и возражения. В первую очередь это относится к взглядам Чернышевского, имя которого еще с давних времен прочно ассоциировалось с образом непреклонного революционера, убежденного борца с царским режимом. В связи с этим нам представляется необходимым первоначально обратиться к достаточно эскизному изложению основных положений его мировоззрения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Краеугольным камнем понимания Чернышевским развития человека и человеческого общества стала его глубокая убежденность в последовательно прогрессивном развитии, в основе которого лежат как природно-климатические особенности отдельных территорий, так и антропологический характер эволюции. Наряду с определяющим влиянием на человека окружающей среды последний и сам обладает врожденной любознательностью и стремлением к улучшению своей жизни. Они — «первые две из основных сил, производящих прогресс». Побудительным мотивом к любого рода деятельности служит «личный интерес» человека, забота о собственной пользе, удовольствии, благе, в основе которых, по мысли Чернышевского, «лежит чувство, называемое эгоизмом» [8, т.Х, с. 920; т.V, с. 620; т.VII, с. 283].

Но человек не может существовать в окружающем его мире в одиночку. И заботясь об удовлетворении своих потребностей, он одновременно должен заботиться об установлении и поддержании отношений с другими индивидуумами. Средством, объединяющих людей в сообщество, становится труд, направленный на преобразование природы и удовлетворение разумных потребностей каждого члена общества.

Поскольку главным в жизни человека Чернышевский считал труд, то первостепенным фактором, обеспечивающим поступательное движение общества, для него становились усовершенствование техники производства и направленности трудовой деятельности. По мере улучшения орудий труда улучшается и качество произведенных продуктов, повышается «квалификация производителя, качества работника, исполняющего эти операции». Таким образом, производительный труд в определении прогресса человеческого общества становился базовой категорией, действующей «на человека с необходимостью физических законов» [8, т. IX, с. 219, 338.].

Вместе с тем, не только обеспечение физиологического существования людей влияет на общественное развитие. Отмеченный Чернышевским природный эгоизм человека руководит всеми его поступками, побуждает все соизмерять расчетом, «...велящим отказываться

от меньшей выгоды или меньшего удовольствия для получения большей выгоды, большего удовольствия» [8, т.VII, С. 285]. И даже общество, достигшее высокой степени в технологии производства, неминуемо столкнется с проблемой баланса интересов его членов.

Материальные потребности и собственный интерес индивидуума должны быть соотнесены с более общими понятиями. «Общечеловеческий интерес стоит выше выгод отдельной нации, общий интерес целой нации стоит выше выгод отдельного сословия, интерес многочисленного сословия выше выгод малочисленного», — так Чернышевский расставлял общественные приоритеты [т.VII, с. 286]. Именно на этой идее он основывал собственную теорию разумного эгоизма, которая должна была определять существование человечества.

В целом определение субъекта прогресса Чернышевским опиралось на материалистические идеи Фейербаха. Антропологический принцип достаточно сильно выражен в его философских взглядах. Но одновременно с этим, существенное влияние на понимание Чернышевским механизма функционирования общественной эволюции оказало и наследие французских просветителей, рассматривавших интересы общества как общие и постоянные для всех его членов интенции¹. В не меньшей степени это влияние ощущается и во взглядах Чернышевского на основные факторы прогресса, этапы эволюции общества, способы социальных преобразований, характер взаимоотношений личности и масс в истории.

Соединение материалистического понимания основ существования человека с идеалистической категорией добра подталкивало к поискам универсального средства, способного примирить два разнохарактерных вектора прогресса. У Чернышевского это средство — сила разума; «прогресс основывается на умственном развитии; коренная сторона его прямо и состоит в успехах и развитии знаний». Наука тем самым становилась высшим выражением поступательного движения к более совершенному общественному устройству. Логика рассуждений Чернышевского была достаточно проста: накопление и распространение знаний одновременно определяют как степень технического оснащения производства, так и интеллектуально-моральный облик людей. «Стало быть, — писал Чернышевский, — основная сила прогресса — наука, успехи прогресса соразмерны степени совершенства и степени распространения знаний. Вот что такое прогресс — результат знаний» [8, т.VII, с. 645].

В приведенной цитате легко читается главная идея эпохи Просвещения — непоколебимая вера в то, что чем выше образованность людей, тем совершеннее общество, тем гуманнее отношение между его членами. Собственно, иллюзорные надежды на всемогущество разума, науки, образования и определяли в течение всего XIX в. интеллектуальные поиски многих мыслителей. Чернышевский в их ряду не был исключением. Идеи эпохи Просвещения привлекали его своим обоснованием непрерывности развития цивилизации, эволюционного и постепенного движения на основе накопления и распространения знаний. Как прекрасно показал В.Ф. Антонов, у Чернышевского «прогресс — просто закон нарастания». Его суть состоит в том, что каждая историческая эпоха оставляет наследие, с помощью которого можно или повторить в новых условиях аналогичный процесс, или, опираясь на накопленный опыт, «...начать новый процесс высшего порядка» [1, с. 31].

Прямым следствием рационально-эволюционного подхода были и представления Чернышевского о пульсирующем характере социального развития. Реализация прогрессивных начал на практике не была однозначно поступательной. В истории случались и попятные движения, и периоды застоя. Новые идеи медленно преодолевали сопротивление старого. Их воздействие на общественное сознание было наиболее плодотворным в краткие периоды «усиленной работы», когда «общество полгода, год, много — три или четыре года, работа-

1 Особенно сильным было влияние на Чернышевского Ж.Ж. Руссо. Произведения великого просветителя требовались ему для работы в тюрьме, их он взял с собой на каторгу. Духовную близость идей Руссо признавал и сам Чернышевский [8, т.XV, с. 360]. Подробнее см.: работу И. Паперно «Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма». [6, с. 39, 195].

ло над исполнением хотя некоторых из тех немногих желаний, которые проникли в него от лучших людей». Но такая вспышка активности была кратковременной. Вслед за ней наступало дремотное время застоя, когда вырабатывались новые идеи, подготавливалась почва для очередного «благородного порыва» [8, т.VI, с. 12].

Как считал Чернышевский, постоянное чередование периодов ускоренного движения и временных остановок определяло «общий вид истории», характеризовало динамику общественных изменений. Качественный прорыв возможен лишь на основе длительной подготовительной работы, когда полностью исчерпывается прогрессивный потенциал высказанных ранее идей. Новый всплеск активности может быть связан только с заменой их более совершенными знаниями. Хотя «минуты творчества непродолжительны и влекут за собой временный упадок сил» [8, т.VI, с. 13], они определяют будущее. В этом и заключается функционирование закона «нарастания», постепенного накопления интеллектуального богатства цивилизации и рационального его использования. Убежденность в эволюционной преемственности этапов развития общества приводила Чернышевского и к другому, не менее важному выводу. Каждый новый скачок непосредственно связан с деятельностью нового поколения людей. Приобретая в ранней юности необходимые знания, молодежь одновременно с этим формирует собственное мировоззрение, которое качественно отличается от взглядов их отцов. Достигнув зрелости, именно эта генерация людей будет определять характер и направленность преобразований. Временные отрезки в «пятнадцать или шестнадцать лет» образуют периоды смены идей в истории [1, с. 34–35]. Тем самым социальный прогресс в очередной раз связывается с природной закономерностью существования человека. Правда, теперь это — не климатическое и не географическое влияние окружающей среды, а физиологические пределы существования представителей биологического вида.

Но Чернышевский проводил четкую грань между медленной эволюцией природы и сложной динамикой развития человеческого общества. Для этого он пытался совместить количественный фактор прогресса с параметрами качественных изменений и на их основе определить целевую направленность поступательного движения. Поскольку нарастание научных знаний и их распространение связано со сменой поколений, осуществляющих преемственность исторического процесса, то естественным выводом становилось утверждение об увеличении общей суммы полезных и необходимых сведений, а также — об освоении их более значительным количеством людей. Однако просветительская идея накопления и распространения знаний еще не давала видения общей перспективы социальной эволюции. И Чернышевский обращался к наиболее общим законам развития природы и общества, открытыми Г. Гегелем и Ф. Шеллингом.

Чернышевский не во всем разделял их убеждения². Но открытие универсальной закономерности, согласно которой «высшая ступень развития по форме совпадает с совершенной неразвитостью, существенно отличающейся от него содержанием», представлялось ему гигантским шагом в постижении всех без исключения явлений «материального и нравственного,

2 В этом отношении весьма характерна оценка, которая давалась Чернышевским философии Гегеля, оказавшей, по его мнению, самое непосредственное влияние на эволюцию мировоззрения российской интеллигенции в 30–40-е гг. XIX в. Знакомство с его универсальной системой послужило «...переходом от бесплодных схоластических умствований, граничащих с апатией [и невежеством], к простому и светлому взгляду на литературу и жизнь»; «...гегелева философия вселила в своих русских последователей глубокое сознание, что действительность достойна внимательнейшего изучения, потому что истина достигается только строгим, всесторонним исследованием действительности, а не произвольными умствованиями или сладкими мечтами». Сам Чернышевский восхищался изумительно сильной диалектикой «исполина немецкой философии», которая казалась облекала «всю его систему броней неразрушимого...единства». Вместе с тем «...погрешности в ее выводах, несогласие принципов с ее результатами, основных идей с применениями, ...односторонность принципов...» вызвали критическое отношение как в Европе, так и в России. Причем развитие «последовательных воззрений из двусмысленных и лишенных всякого применения намеков Гегеля совершилось у нас отчасти влиянием немецких мыслителей, явившихся после Гегеля, отчасти — мы с гордостью можем сказать это — собственными силами. Тут в первый раз русский ум показал свою способность быть участником в развитии общечеловеческой науки» [8, т.III, с. 209, 825, 218, 206].

индивидуального и общественного бытия» [8, т. II, с. 295; т. V, с. 373]. В ней он находил ответ на вопрос о взаимосвязи закона «нарастания» с цикличностью мировой истории.

Согласно интерпретации Чернышевского, логическая схема немецких философов позволяла с полным основанием утверждать, что начальная форма, проходя через противоречия усиленного развития последующего этапа, реализует затем заложенные в ней прогрессивные начала, но уже на более высокой ступени. Тем самым прямое заимствование идеи постоянных изменений и превращений мира позволяла преобразовать культурную преемственность поколений в понятие спирального развития, которое, однако, по-прежнему опиралось на веру в то, что прогресс определяется накоплением и распространением знаний. Концепция Чернышевского приобретала, казалось бы, завершённый универсальный характер.

Процесс эволюции человеческого общества обусловлен постепенным просвещением людей, рациональным постижением мира и целенаправленным использованием научных знаний. Каждое новое поколение вносит свой вклад в продвижение к справедливому социальному устройству, увеличивая как массу полезных открытий, так и количество образованных членов общества. С формальной точки зрения преемственность между различными генерациями осуществлялась не линейно, а путем диалектического отрицания предыдущего этапа. Отталкиваясь от первоначального неразвитого состояния общества, человечество проходило стадию ускоренного развития, чтобы затем возвратиться к своим истокам на новом витке цивилизации. Но в действительности теория прогресса была лишена целостности. Эклектичное соединение разнохарактерных идей эпохи Просвещения и немецкой философии свидетельствовало о «глубоком идеализме истового материалиста» [6, с. 33], пытавшегося дополнить объективные основы существования человека субъективными элементами его деятельности и на их основе сконструировать универсальные закон социальной эволюции.

Для Чернышевского прогресс общества определяется разумной необходимостью объективного бытия: «что является, то является по необходимости; что исчезает, то исчезает по необходимости; если в известное время еще нет известного явления, значит, оно еще невозможно; если в известное время уже нет известного явления, значит оно уже стало невозможно» [8, т. X, с. 444].

По его глубокому убеждению высшей фазой развития человеческого общества обязан был стать социализм, идея «о союзе и братстве между людьми», впервые высказанная в утопических учениях Р. Оуэна, А. Сен-Симона, Ш. Фурье [т. V, с. 578; 8, т. VII, с. 18; т. IV, с. 729].

Чернышевскому казалось, что, сочетание объективного элемента трудовой деятельности с разумным устройством хозяйственных и распределительных отношений позволяет утопическому социализму приобрести необходимые характеристики закономерного результата общественного развития, высшей ступени социальной эволюции. Тем самым прогресс приобретал целевую направленность в восхождении от первоначальной неразвитой формы общественной жизни к ее совершенному и гармоничному устройству [8, т. V, с. 389]³.

Однако процесс эволюции далеко не бесконфликтен. Все новое и прогрессивное пробивает себе дорогу в борьбе с отжившим и сопротивляющимся старым. Это характерно как для царства природы, так и для человеческого общества. По мнению Чернышевского, таков «общий исторический закон: все хорошее настоящее приобретено борьбою и лишениями людей, готовивших его; и лучшее будущее готовится так же» [8, т. XII, с. 73].

³ Понимание социализма как идеала общественного устройства сочетался во взглядах Чернышевского с убежденностью в том, что перспектива установления справедливых отношений между людьми значительно удалена во времени. Наряду с этим вполне закономерным ему представлялась и смена социалистической фазы развития более совершенной организацией общества, под которой понимался коммунизм. Коммунизм, по определению Чернышевского «берет за основание общественного устройства идеал более высокий, чем каковы принципы социализма. По этому самому эпоха коммунистических форм жизни, вероятно, принадлежит будущему, еще гораздо более отдаленному, чем те, быть может, также весьма далекие времена, когда сделается возможным полное осуществление социализма» [8, т. IV, с. 831]

Но в социальной жизни длительный и постепенный процесс эволюции в значительной степени зависит и от тех средств, которые используются для осуществления прогрессивных начинаний. Мировая история, констатировал Чернышевский, была полна сведениями о кровавых завоеваниях, революционных потрясениях, политических переворотах, реформах; по своей сути они представляли собой варианты насильственных и ненасильственных способов преобразований. Их использование определялось в конечном итоге готовностью общества к назревшим изменениям и степенью сопротивления уже переживших свое время идей и порядков. Устаревшая форма общественного устройства чаще всего держится силой традиции, «...пока есть мнение, что она приносит благо; она падает, как скоро распространяется мнение, что она существует только ради самой себя, не заботясь об удовлетворении сильнейших интересов общества». Но для этого должна быть подготовлена почва. В сознании людей не сразу прочно закрепляется идея о бесплодности и вредности установившегося порядка. Но как только такая точка зрения получает широкое хождение, участь прежних «понятий и учреждений» — предрешена. Как писал Чернышевский, «факт существует только постоянной поддержкою от силы, которая произвела его. Чтобы он исчез, слишком много будет, если сила прямо обратится на его разрушение; довольно будет, если она перестанет поддерживать его, он сам собою падет...» [8, т.V, с. 8; т.VII; с. 648].

Итак, первое условие для установления новых общественных отношений — осознание необходимости преобразований и отказ в поддержке отжившего строя, который «...падает не силой своих врагов...», а в результате дряхлости собственных идей и институтов власти. Но отжившее старое не уходит без сопротивления, используя для этой цели все доступные средства — силу армии, репрессивный аппарат полиции и т.п. Бывает, что такими «крутыми мерами» удается одержать временную победу. Но конечный итог также закономерен, как и неотвратим — смерть старого общества [8, т.V, с. 8, 395–396].

Вся логика рассуждений Чернышевского свидетельствует о том, что наиболее приемлемым средством преобразований ему представлялось ненасильственное и постепенное накопление количественных изменений, которые в конечном итоге привели бы к качественному преобразованию существовавшего общества. Реформа — главное орудие прогресса, — так можно в целом охарактеризовать его представления об эволюционно-поступательном развитии цивилизации. Это, конечно, не означает, что Чернышевский отвергал революции как закономерный факт мировой истории. Свидетель революционных выступлений в Европе, он осознавал их значение и влияние на ход мировых событий. Но опыт конца XVIII–XIX вв. наглядно продемонстрировал, что, во-первых, политические перевороты не полностью разрешали накопившиеся проблемы и отнюдь не всегда приводили к установлению «порядка дел, сообразного с новыми потребностями общества»; во-вторых, революции — это и «безрассудные меры», и «кровавые восстания», и «уличные смуты». Цена «изменения гражданского быта» могла оказаться непомерно высокой и оплаченной жертвами ни в чем не повинных людей. Чернышевский задумывался над целесообразностью и правомочностью использования насильственных методов. Он предупреждал, что нельзя предаваться их идеализации. Рассудительному человеку требовалось, по его словам, очень много фактов и возникновения «совершенно особенных обстоятельств для пробуждения в нем ожиданий подобного события». Но «кто не хочет волновать народ, кому отвратительны сцены, неразрывно связанные с возбуждением народных страстей, тот не должен и брать на себя ведение дела, поддержкой которого может служить только одушевление массы» [8, т.VI, с. 416, 19, 475, 418].

Проблема революции и реформы как проблема использования насильственных и ненасильственных средств преобразования общества приобретала у Чернышевского явно выраженный морально-этический звучание. В ее анализе он не шел по пути подчинения нравственности политике, не подыскивал аргументы для обоснования революционной

целесообразности. Ключ к решению этой задачи лежал, по его мнению, в рациональном постижении общественных законов и целенаправленном их использовании. А центральным вопросом становился вопрос о взаимодействии личности и масс в историческом процессе.

Роль народа в социальном прогрессе, по словам Чернышевского, огромна. Хотя он, по собственной оценке, и не принимал «...выше человеческой личности ...на земном шаре ничего» [8, т.V, с. 597], но в конечном итоге судьба человечества зависела не от гения, либо выдающегося государственного, политического деятеля, а от совокупных усилий «...людей простых и честных, темных и скромных...». Трудом народа создаются материальные блага, его умственное и нравственное развитие определяет общий уровень гуманности и цивилизованности общества [8, т.V, с. 176; т. III, с. 547; т. IX, с. 66].

Однако подавляющая масса населения «...привыкла жить рутиной, привыкла быть апатична, привыкла доверять господствующим над ней людям». Приверженность традиции, отсутствие «непоколебимых и ясных политических убеждений» неоднократно делали народ игрушкой в руках реакционеров, которые не обещали улучшений жизни, но защищали существовавший порядок, «...дающий массе насущный скудный хлеб ежедневным трудом...». Народ еще нем и темен, он не способен разумно и целенаправленно влиять на ход мировой истории. По словам Чернышевского, «...масса нации ни в одной еще стране не принимала деятельного, самостоятельного участия в истории» [8, т.VII, с. 155, 618; т.V, с. 44; т.VI, с. 370].

Для того, чтобы народ в полной мере осознал и проявил свои силы, необходимо силой просвещения пробудить в нем человеческое достоинство, развить природный ум, дать возможность реализовать его разнообразные и недюжинные способности. Чернышевский отводил роль внешнего побудительного толчка образованной части общества. Выдающиеся личности должны были стать наставниками и руководителями основной массы населения в усвоении главных ценностей цивилизации — науки и образования. «Великие люди едва ли не потому только и бывают великими людьми, что спешат ковать железо, пока оно горячо; умеют не терять дней, пока обстоятельства благоприятствуют делу», — писал Чернышевский по этому поводу [8, т.VI, с. 417].

Чем больше простого народа будет приобщено к культуре, чем более просвещенной станет основная масса населения, тем быстрее пойдет развитие общества, тем совершеннее станет его устройство. И все же этот процесс не обещал завершиться в скором будущем. Приобретение народом господствующего положения, как считал Чернышевский, — «...это ...история очень длинная» [8, т.IX, с. 833]. Подхлестывать эволюционное и постепенное движение по пути прогресса было крайне опасно.

В связи с этим Чернышевский рассматривал характер отношения отечественной интеллигенции и народа. Он был убежден в существовании пропасти, разделяющей образованное меньшинство и темную, непросвещенную массу. Большинство народа составляют «дюжинные люди», лишенные «внутренней инициативы» и руководствующиеся в своих поступках и образе мыслей «бессознательными и бесцельными побуждениями». Ждать от них решительных действий по преобразованию существующих порядков бесполезно. «Инициатива народной деятельности не в них, они ...только плывут, куда дует ветер. Но их изучение все-таки важно, потому что они составляют массу простонародья... Инициатива не от них; но должно знать их свойства, чтобы знать, какими побуждениями может действовать на них инициатива» [8, т.V, с. 598; т.VII, с. 884, 885, 863; т.V, с. 598; т.VII, с. 884, 885, 863].

Таким образом, первый шаг в сближении образованных и «дюжинных» — в понимании «народного сознания». Второй шаг — просвещение народа. Это «дело долгое и трудное», время его настанет, «...но не завтра и не послезавтра». Однако «образованные люди уже могут, когда хотят, становиться понятны и близки народу... Никаких особенных штук для этого не требуется: говорите с мужиком легко и непринужденно, и он поймет вас; входите в его интересы, и вы приобретете его сочувствие. Это дело совершенно легкое для того,

кто в самом деле любит народ, — любит не на словах, а в душе». И, наконец, третий шаг — ликвидация русского азиатства. «Мы часто обвиняем азиатцев за их раболепство, — писал Чернышевский, — но что же им делать, когда закон у них... бессилён? Водворите у них законность, и вы увидите, что они сделаются такими же людьми, как мы, европейцы» [8, т.VII, с. 616, 889; т.V, с. 700].

Все три шага должны были привести Россию к тому же уровню цивилизации, который существует в Европе. По словам Чернышевского, «когда мы будем так же просвещены, как западные народы, только тогда... опыт и цивилизация Запада действительно будет получена нами в наследство; тогда мы станем также вести историческое дело вперед, но это еще далекое будущее, а пока долго еще наша забота должна состоять в том, чтобы догнать других» [8, т.VII, с. 616–617].

Просвещением догнать других, — так звучит основная задача российской интеллигенции в представлении Н.Г. Чернышевского. В этой формуле нет и намека на насильственные способы преобразования общественного строя. Длительный подготовительный период нужен стране, ранее погрязшей в азиатстве, чтобы овладеть достижениями цивилизации, просветить основную массу народа, а только затем двигаться вперед по пути прогресса. Напротив, решительные, но необдуманные действия могут привести к тому, что «...возбужденное чувство, не имея возможности устремиться к правильной цели, выразилось бы горячими действиями для достижения целей неправильных». Народу необходим надежный и верный поводырь, который мог бы подсказать правильный путь и повести по нему. В противном случае эту обязанность может возложить на себя «первый встречный плутоватый самодур», воспользовавшийся неумением народа рассуждать, его забитостью и темнотой. И чем плутоватей будет он, тем «...гуще повалит за ним толпа..., желающих прожить чужим умом и под чужой волей, хотя бы самодурной». Другая опасность коренилась в невежестве, предрассудках и слепой ненависти народа «...ко всем отказавшимся от его диких привычек. Он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми он стал бы поступать одинаково. Он не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию» [8, т.VII, с. 882; т.X, с. 92].

Чернышевский боялся необдуманных и стихийных выступлений. О его заинтересованности в крестьянских движениях не говорит «ни один источник, кроме дневниковых записей до 1853 г. включительно... До того времени, когда крестьянство не станет образованным, просвещенным, его восстания будут представляться Чернышевскому лишь ««драматическими эпизодами» истории» [1, с. 42]⁴. Очень часто встречающиеся в исторической литературе ссылки на революционный пафос воззвания «К барским крестьянам» абсолютно необоснованны, поскольку до сих пор не обнаружено доказательств, что оно было написано Чернышевским. Опровергает утверждения о радикализме его позиции и конкретная программа преобразований, разработанная руководителем «Современника».

Главной задачей в жизни страны он считал освобождение крестьян с землей без выкупа. Действия правительства в конце 1850-х гг., направленные на отмену крепостного права, Чернышевский первоначально приветствовал как факты «всемирно-исторического значения». Но впоследствии, убедившись в непоследовательности, половинчатости решения крестьянского вопроса, неоднократно критиковал избранный вариант освобождения и призывал «для отклонения смут» изменить его основные положения [8, т.V, с. 65; т. X, с. 100].

Среди других неотложных мер Чернышевский особенно выделял ликвидацию «дурного управления», реформирование государственного аппарата и судебной власти. В целом пред-

4 Но и сами дневниковые записи в общем передают настроения молодого человека, готовящегося вступить в брак. Утверждения о том, что, если вспыхнет бунт, то он не сможет удержаться и его «...не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня» больше напоминают браваду перед невестой, чем взвешенный анализ политической ситуации в стране [8, т.I, с. 419].

лагаемую им программу можно назвать программой демократизации России, программой привлечения наиболее активной и просвещенной части населения к деятельному участию в преобразовании страны. «Надобно сделать,— писал по этому поводу Чернышевский,— чтобы должностная деятельность перестала быть канцелярской тайной, чтобы все делалось открыто, перед глазами общества, и общество могло высказывать свое мнение о каждом официальном действии каждого должностного лица» [8, т.V, с. 707].

Благодаря свободе слова, печати, собраний можно было бы преодолеть инерционную силу бюрократии, придать новый импульс реформаторскому процессу. Власть, хотя и положила начало реформам, но, как оказалось, взяла «на себя исполнение чужой программы, основанной на принципах, не согласных с характером самой власти». В лучшем случае она могла только заштопать прорехи на потертом мундире российской государственности, в то время как все общество уже желало одеться в новое и современное платье демократии [8, т.X, с. 99, 96].

Конечная цель преобразовательного процесса виделась Чернышевскому в установлении конституционного порядка, когда власти закона подчинялось бы все население страны и им же определялись основные черты общественной и государственной деятельности: «...ответственность министров, вотирование бюджета, суд присяжных, свобода печати, уничтожение сословных привилегий, самоуправление по областям и общинным делам» [9, с. 309].

Но путь к такому устройству нелегок и тернист. «Вековые привычки исчезают нелегко и нескоро. Демократия не имеет такой волшебной силы, чтобы один звук этого слова мог перерождать нравы в несколько лет...». Установление конституционного порядка зависит от кропотливого труда, пропаганды «партии просвещенных людей», составляющих «мирную оппозицию» власти и требующих «...не октроирования конституции, а созыва депутатов для свободного ее составления». Действовать нужно крайне осторожно, чтобы не вызвать подозрительной настороженности властей и необузданного бунта уставшего ждать подлинной воли народа. На первых порах можно было ограничиться подготовкой общественного сознания к подаче адреса государю, затем — начать собирать подписи. И лишь когда «настанет срок», подготовленные требования будут представлены «...спокойно, торжественно, с непреодолимою силою, перед которою робко преклонится правительство» [8, т.V, с. 653; т.X, с. 97; 9, с. 313, 309, 312].

Чернышевского абсолютно не смущало, что обращаться придется к российскому императору, который навряд ли благосклонно отнесется к поднесенному адресу. Он был убежден — опасность национальной смуты заставит главу государства согласиться на введение конституции. Хотя династия и «...будет потом стараться взять назад свои уступки», но и «партия просвещенных людей» может изменить свои требования. Сам Чернышевский считал, что «...законность и нынешняя династия — вещи, которых нельзя соединить». Однако в тактических соображениях допускал возможность сохранения на определенный срок прежней системы правления, если «...нынешний государь откажется от произвола». В конечном результате, по его словам, «истинно конституционная монархия мало отличается от республики» [9, с. 312, 311].

Убежденность Чернышевского в необходимости ненасильственного реформирования России заставляла его неоднократно обращаться к Александру II с призывами силой власти и правительства, опирающихся «на свободную волю нации», совершить необходимые преобразования. В противном случае «Россия подвергнется страшному перевороту», и все достижения цивилизации будут уничтожены в огне крестьянского бунта. Ради спасения драгоценной для него идеи просвещения Чернышевский, по собственному определению, готов был пожертвовать своими убеждениями и пойти даже на предательство интересов народа [9, с. 314, 479]. Разрушение или прогресс — так можно определить еще один принцип взаимоотношения интеллигенции с основной массой населения.

Чернышевский в своей программе конкретных действий в первую очередь стремился преодолеть кризисное состояние России и призвать к активной деятельности просвещенное меньшинство страны. Отрицание и неприятие кровавых последствий радикализма в полный голос звучит со страниц его работ. Для недопущения возможного кровавого народного бунта Чернышевский напрямую обращается к царствующему монарху, призывая его путем последовательных реформ недопустить этого несчастья для страны.

Необходимые для прогрессивно-эволюционного развития страны силы он находил в среде молодого поколения. Сила будущих преобразований заключалась, по мысли Чернышевского в «новых людях», близких к народу, чутко относящихся к его настроению и способных оказать на него благотворное влияние. Таких личностей он находил во всех слоях населения: «... во всех ... сословиях... встречаются люди энергического ума и характера, способные обдумать данное положение, понимать данное сочетание обстоятельств, сознавать свои потребности, соображать способы их удовлетворения при данных обстоятельствах и действовать самостоятельно... Нельзя сомневаться в существовании таких людей» [8, т. VII, с. 887].

Чернышевский почувствовал и предугадал появление нового поколения интеллигенции — разночинцев, которые были вызваны к деятельной жизни происшедшими в стране изменениями, но одновременно определяли характер будущих изменений. В них он видел проводников идеи прогресса и наделял их качествами, которых не было у предшественников. Чернышевский подчеркивал в первую очередь такие ее качества, как рационализм и практичность, высокую мораль и готовность на самопожертвование.

В полной мере представления Чернышевского о развитии общества воплотилась в романе «Что делать?», который можно назвать квинтэссенцией его мировоззрения. Социалистический идеал был, пожалуй, наименее самостоятельной и легко уязвимой частью его литературного труда. Созданные в романе картины будущего были столь же утопичны и нереалистичны, как город солнца Т. Кампанеллы или фаланстеры Ш. Фурье. Дворцы из камня, алюминия и стекла, изображенные в четвертом сне Веры Павловны, даже своей архитектурной формой, внутренним убранством, продуманностью до мелочей быта прямо перекликались с давно высказанными фантастическими идеями. Счастливые и радостные их обитатели проходят неосознанными фантомами всеобщего благополучия. Рациональный труд с использованием технических средств превратил жизнь людей из напряженной борьбы за существование в удовольствие. Подчинившись воле и гению человека, сама природа сторицей платит за его преобразующее творчество обильными урожаями, обеспечивающими необходимыми продуктами питания. Улучшены и сами природные условия существования. Для достижения этого прекрасного и светлого будущего было необходимо совсем немного: «Нужно только быть рассудительным, уметь хорошо устроиться, узнать как выгоднее употреблять средства» [8, т. XI, с. 281].

Идеал Чернышевского при всей его внешней привлекательности может быть так и остался бы прекраснодушным мечтанием, отдаленным зыбким и недостижимым миражом, если бы не возвышенный призыв к созиданию будущего, прозвучавший со страниц «Что делать?»: «Стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее все, сколько можете перенести...» [8, т. XI, с. 283–284]. В этих словах слышалась не только убежденность в неотвратимости социализма, но и обосновывалась деятельная практика личности. Хотя социализм и представлялся еще отдаленной перспективой, но определенные его элементы могли бы реализованы уже и в современной жизни.

Элементы разумного устройства могли воплотиться в деятельности артельных мастерских, создаваемых на коллективистских началах совместного труда. Чернышевский считал, что сознательная работа на себя, концентрация денежных средств, экономное и продуманное их использование позволят уже в настоящем добиться удешевления производства, сделают его более эффективным. В итоге это обеспечит благосостояние производителей и более

выгодное употребление дохода. По своему характеру «экономические расчеты» преимуществ мастерских Веры Павловны антикапиталистичны. Они абсолютно не учитывают конъюнктуры рынка, конкуренции и других моментов, связанных с производством и реализацией продукции. Моральной ответственности трудящихся друг перед другом, совместной заинтересованности в результатах труда явно недостаточно для победы над математически выверенной, рационально организованной и машинно-бездушной рыночной системой. Представления Чернышевского в этом вопросе были не более чем неудачной попыткой совмещения социалистических идеалов с неприятием эксплуатации человека человеком, необходимостью установления новых, пока еще непонятых, отношений труда и капитала.

Наиболее емко и осязаемо в романе была представлена точка зрения на роль и значение личности в мировой истории. Изображенные в «Что делать?» новые люди символизировали собой смену поколений и появление индивидуумов, способных не на единичный поступок, а на подчинение своей жизни единой выбранной цели. В них отсутствовали романтизм и экзальтированность, фантазия и бездействие людей 1830-1840-х гг., способных на душевный порыв, на минутное и яркое сопротивление внешним обстоятельствам, но и также быстро разочаровывавшихся в своих мечтах и подчинявшихся окружающей среде. Новое поколение было наделено, по мысли Чернышевского, холодной практичностью, ровной и расчетливой деятельностью, деятельной рассудительностью. Их честность граничила с расчетом. Расчет, осознанным, понятым как общее благо, как закон счастливой жизни. Этот закон обращался к принципиальным интересам человеческой природы, а не ежеминутным стремлениям, больше похожим на капризы или увлечения. Для нового типа людей осознание собственной выгоды, собственной пользы было неотделимо от выгоды общественной: нельзя быть счастливым, причиняя горе окружающим, нельзя строить собственное благополучие на унижении и подчинении других.

Чернышевский переводил на литературный язык теоретическую формулу совмещения индивидуальных потребностей человека с общественными интересами. Разумный эгоизм новых людей включал в себя, наряду с этим, и понимание смены поколений как закономерности в последовательном накоплении полезных качеств, требуемых обществу. Время требовало таких людей. Вооруженные силой разумного эгоизма, они своими поступками, поведением, образом жизни нарушали привычные нормы. На них шикали, их осмеивали, их ...боялись. Говоря о новых людях, Чернышевский одновременно и создавал их образ. Сошедшие со страниц «Что делать?» Лопухов, Кирсанов, Вера Павловна показали, какими надо быть в жизни. Грязь торгашества, необразованность и ограниченность мещанства, разврат и роскошь аристократии, коррумпированность и подлость чиновничества побуждали читателя отречься от современного общества. Романтически возвышенное восхваление этих чистых бескорыстных натур привлекало внимание юношества, заставляло признавать чистоту морального императива людьми среднего поколения и вызывало ворчливое недовольство манерой их поведения у стариков.

Но, создавая тип новых людей, Чернышевский не рассчитывал на его долгое существование в качестве эталона. Он обязан исчезнуть «...вместе с своим ...временем. Его недавняя жизнь обречена и недолгой жизнью» [8, т. XI, с. 145]. Эти люди как предвестники и предтечи будущего несут с собою задатки и зачатки нового мироустройства. И если они не разбудят духовных сил общества, то, по крайней мере, подадут пример, укажут направление, чтобы затем сойти со сцены истории под немногочисленные аплодисменты галерки и громкое шиканье партера и лож. Их роль будет сыграна с достоинством и честью, они выполнят свою обязанность перед людьми и «...после них все-таки будет лучше, чем до них», хотя общество и человек не претерпят коренного изменения. Потребуется приход нового поколения личностей, и это будет продолжаться до тех пор, пока «...не будет этого отдельного типа...», а он «станет общею натурой людей» [8, т. XI, с. 145].

Сила личностей, нарисованных Чернышевским, в их искренности и цельности, это — просто порядочные люди, заслуживающие любви и уважения. В них нет ничего героического, просто они живут по другим законам, отличным от законов обывателя, сидящего в «преисподней трущобе». Но если такие люди появляются в эпохи лжи и гнусности, то при правильном общественном устройстве они станут не исключением, а правилом. Ведь даже дурной человек, попадающий в совершенно новую благотворную обстановку, превращается в полезного и нужного члена общества. Для этого требуется лишь постепенное изменение условий его существования.

Эволюционный закон нарастания получал осязаемые контуры и реальное воплощение в литературных портретах новых людей. Роман «Что делать?» перерастал рамки обычного художественного произведения и становился средством влияния на широкую общественную аудиторию. Но Чернышевский не ограничивался только пропагандой рационального образа жизни и целенаправленной деятельности новых людей. В его произведении появился персонаж, символизировавший собой революцию и революционеров — Рахметов. Он явно противопоставлялся новым людям, которые слишком погружены в свою личную жизнь. Они способны только увеличивать общее количество полезных знаний и своим примером влиять на постепенную эволюцию общества. Но для решительных действий требуются особенные люди, экземпляры «очень редкой породы» [8, т. XI, с. 210], лишенные внутренних недостатков, «самоломанные», сознательно идущие на лишения и невзгоды. Недоужинность их характера, обширность и глубина знаний ставят перед ними задачи, которые могут быть разрешены только подвижничеством и самоотречением. Немногие способны на это, но от них зависит многое.

Рахметов вылеплен именно из такого теста. Новые люди побаиваются его критического ума, силы воли, безапелляционности суждений. Да и сам автор романа относится к нему с большим уважением, считая особенных людей двигателями двигателей, солью соли земли. Однако наряду с этим Чернышевский постоянно проводит мысль о том, что революционеры необходимы, но опасны⁵. Не разделяет Чернышевский и радикализма революционеров. Характерен в этом отношении разговор автора с Рахметовым, приведенный на страницах романа: «Мы потолковали с полчаса; о чем говорили, это все равно; довольно того, что он говорил: «надобно», я говорил: «нет»; он говорил: «вы обязаны», я говорил: «нисколько»». И хотя несколькими строками ниже Чернышевский и прибавлял, что он лукавил и говорил Рахметову «не то, что думал» [8, т. XI, с. 205], это не может быть свидетельством общности позиции автора и его героя.

Пожалуй, единственное совпадение их взглядов наблюдалось в убеждении, что для руководства народными массами требуется знать их потребности, нужды, образ мышления. Другими словами — понять народ и сблизиться с ним. Дистанцируясь от наиболее радикальных заявлений Рахметова, Чернышевский своей авторской волей покинул одного из героев романа за изучением интересов и настроений русского мужика, подчеркивая тем самым значимость наиболее разумного и взвешенного варианта приложения сил передовой отечественной интеллигенции.

Несмотря на то, что по замыслам главными персонажами «Что делать?» были, без всякого сомнения, новые люди, воспитывающая сила Рахметова оказалась более значительной и настолько велика, что не одно поколение молодежи было «перепажено», как и Ленин, этим произведением. Произошла своеобразная инверсия представлений автора и читателей. Чернышевский сознательно разработал модель нового человека, которую считал необходимой для России. Но не менее важно — в чем его субъективные представления совпали с умонастроениями значительного слоя нарождавшейся интеллигенции, а в чем

5 Пожалуй, первым в исторической литературе обратил на это внимание К. С. Ингерфлом [4, с. 81].

разошлись. Смена ориентиров в науке и культуре конца 1850 — начала 1860-х гг. происходила одновременно с появлением поколения молодежи, готовой воплотить новые идеи в своей практике. Разночинцы не менее самого Чернышевского были вдохновлены открытиями естественных наук, наступлением эпохи позитивизма и утилитаризма. В этих условиях литературный образ становился образцом для подражания, а его автор наделялся ореолом пророка и духовного наставника. Парадоксальность ситуации как раз в том и заключалась, что «дешифровка» романа сделала наиболее популярной фигуру Рахметова, а имя Чернышевского стало символизировать и социальный протест, и программу деятельности, и моральный устав. Но если утопичность планов преобразования общества вскоре стала очевидной, то мифологизированный идеал писателя как учителя и вождя радикально настроенной части общества прочно вошел в сознание российской интеллигенции. И хотя оценки идейного наследия «коновода» разночинцев были различны, нравственное величие его подвига признавалось подавляющим большинством интеллектуальной элиты⁶.

Ф.М. Достоевский оказался среди принципиальных, последовательных и непримиримых критиков романа Чернышевского. Неприятие литературного творения его оппонента коренились отнюдь не в художественных особенностях романа. О них было говорить достаточно сложно, поскольку роман «Что делать?» в этом отношении был откровенно слаб. Суть вопроса заключалась в другом.

В «Записках из подполья» Достоевский откровенно и неприкрыто противопоставлял собственное видение мира той картине, которая была создана Чернышевским. Оптимизм и вера в общественный прогресс, выстроенные на просветительской парадигме сталкиваются с гнетущей повседневностью обычного человека.

С самого начала повести Достоевский подчеркивал тот факт, что речь пойдет о лице, которое не только может, но и обязано существовать. По его словам, он собирался «вывести повиднее» именно обыкновенный тип человека, «...один из характеров протекшего недавнего времени. Это — один из представителей еще доживающего поколения» [3, т. 2, с. 400]. Таким образом, в отличие от Чернышевского изначально акцент делался не на отдельных представителях будущего общества, а на конкретной и многочисленной группе лиц, наделенных всеми особенностями и недостатками настоящего. Таким образом, утопии Чернышевского противостояла реальность, в которой, увы, было мало привлекательности, как малопривлекателен был и герой повествования.

Вернее, его правильнее назвать антигероем, что и делал сам Достоевский, отмечавший, что «...тут нарочно собраны все черты для антигероя...» [3, т. 2, с. 503]. По поводу этого замечания Достоевского следует отметить, что он использовал в «Записках из подполья» характерный для своего творчества прием, когда повествование велось от имени главного персонажа и в результате будто бы стиралась грань между ним и автором. Отделить его собственные идеи от мировоззрения создателя литературного произведения было достаточно сложно. Однако «человек из подполья» не является двойником Достоевского. Напро-

6 Общеизвестно коленопреклоненное отношение к Чернышевскому революционеров-семидесятников и последующих поколений радикалов. Но и люди, отрицательно относившиеся к его взглядам, считали своих долгом подчеркнуть высоту его морального облика. По свидетельству современницы, В.С. Соловьев, видя теоретические заблуждения Чернышевского, находил, что «...нравственное качество его души оказалось полновесным. Над развалинами беспощадно разбитого существования встает тихий, грустный и благородный образ мудрого и справедливого человека...» [7, с. 379]. Не менее красноречиво и признание Н.А. Бердяева: «...необходимо отметить нравственный характер Чернышевского. Такие люди оставляют нравственный капитал, которым в последствии будут пользоваться менее достойные люди. По личным нравственным качествам это был не только один из лучших русских людей, но и человек, близкий к святости» [2, с. 108]. Даже В.В. Набоков, давший в романе «Дар» весьма ироничный портрет «главы радикальной партии России», признавал, что «...такие люди, как Чернышевский, при всех их смешных и страшных промахах, были, как ни верти, действительными героями в своей борьбе с государственным порядком вещей, еще более тлетворным и пошлым, чем их литературно-критические домыслы, и что либералы или славянофилы, рисковавшие меньшим, стоили тем самым меньше этих железных забияк» [5, с. 198].

тив, он становился в некоторых случаях средством для передачи некоторые его мыслей, а в некоторых — объектом критики и порицания.

Итак, «человек из подполья», согласно его же признанию, не сделался «...не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым» [3, т. 2, с. 402]. Другими словами, был он обывателем, просто живущим, просто существующим, не ставящим перед собой каких-то высоких (или, наоборот, низменных) целей. Действительно, не герой и не злодей. Дожив до сорока лет, в лучшем случае он намеревается прожить долгую жизнь. Впрочем, и в этом также не видя своей главной задачи.

Мало того, он гордится своей ординарностью, видя в ней доказательства ума и знания философии человеческого существования: «...человек девятнадцатого столетия должен и нравственно обязан быть существом по преимуществу бесхарактерным; человек же с характером, деятель — существом по преимуществу ограниченным» [3, т. 2, с. 402]. Самооправдание пессимиста, индивидуалиста и циника, разочаровавшегося во всевозможных идеях, скорее всего, привлекавших его внимание двадцать лет назад, в юношескую пору. По крайней мере на это указывает знание основным персонажем повествования и теории прогресса, и просветительских настроений, против которых теперь «человек из подполья» усиленно выступает, отрицает и порицает. Он не верит в силу разума, науки и знания, благодаря успехам которых человек не только станет царем природы, но и — цивилизованнее, культурнее, добьется усовершенствования общественного устройства, улучшения самого человека, человеческого рода в целом. Как утверждал со злой иронией «человек из подполья», стоит открыть законы природы, «...и уж за поступки свои человек отвечать не будети жить ему будет чрезвычайно легко» [3, т. 2, с. 418].

Вполне резонно герой повести ставит вопрос: что же оказалось на практике? И сам отвечает на него, предварительно обрушивая на читателя каскад обвинений: «Замечали вы, что самые утонченные кровопроливцы почти сплошь были самые цивилизованные господа, которым все эти разные Атиллы да Стеньки Разины в подметки не годились, и, если они не так ярко бросаются в глаза, как Атилла и Стенька Разин, так это именно потому, что они слишком часто встречаются, слишком обыкновенны, примелькались». Его заключительная тирада не допускала двусмысленного толкования: «По крайней мере от цивилизации человек стал если не более кровожаден, то уже наверное хуже, гаже кровожаден, чем прежде» [3, т. 2, с. 417].

Не удовлетворяло «человека из подполья» и бытовавшее мнение о том, что найдена причина ненормального обустройства существования людей, которая якобы состоит в нарушении справедливости, а устрани ее — «...настанут новые экономические отношения, совсем уж готовые и тоже собственно потому вычисленные с математической точностью, так, что в один миг исчезнут всевозможные вопросы собственно потому, что на них получатся всевозможные ответы» [3, т. 2, с. 418].

Словами своего героя Достоевский свидетельствовал о своем большом сомнении в правильности не только просветительской идеи бесконечного и вечного прогресса человечества, в котором конкретному индивидуума предназначена «исчисленная» и предугаданная строго определенная функция деятельности. Он выступает и против не менее всеобъемлющей и провиденциальной задачи построения светлого будущего, некоего хрустального Дворца, о котором писал Чернышевский. По его мысли, будет в этом обществе «ужасно скучно», и, пожалуй, наступит такой момент, когда найдется человек, который захочет разрушить этот логарифмически выстроенный мир, чтобы «...опять по своей глупой воле пожить» [3, т. 2, с. 418]. Антитеологичность и антисоциалистичность воззрений «человека из подполья» основывается на убеждении в том, что человек по своей природе отнюдь не добр и мудр, а зол и глуп, преследует в связи с этим отнюдь не благие цели. А раз это так, то «человеку

надо — одного только самостоятельного хотенья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела» [3, т. 2, с. 419].

Не говоря уже о том, что такая позиция напрочь перечеркивала получившую широкое распространение среди разночинской молодежи теорию разумного эгоизма Чернышевского, она перемещала проблему общественного существования и развития человека и человечества из сферы социальной в сферу морально-этическую. В первую очередь Достоевский отрицал идею Чернышевского о необходимости изменения общества для изменения условий существования человека. Вполне резонно он полагал, что для достижения кажущихся такими благими целей может человек пуститься во все тяжкие. И в результате это окажется страшным для него самого и для окружающих его людей. В том случае, когда требуемых для него средств преобразований будет недостаточно, и он «...выдумает разрушение и хаос, выдумает разные страдания и настоит-таки на своем! Проклятие пустит по свету, а так как проклинать может только один человек (это уж его привилегия, главным образом отличающая его от животных), так ведь он, пожалуй, одним проклятием достигнет своего, то есть действительно убедится, что он человек, а не фортепьянная клавиша» [3, т. 2, с. 423].

В этих словах звучат и грозные раскаты революционных потрясений прошлого, и пророчества появления революционного тирана, руководимого убеждениями в собственной исключительности, отрицающего законы человеческого общежития, однозначно решившего для себя дилемму, сформулированную позднее Достоевским: «тварь я дрожащая или право имею?». Достоевский, как и «человек из подполья», — безусловный и яростный противник радикализма, который представляется несомненным врагом существования человека, и в своем непреклонной враждебности насильственного преобразования общества он отрицает как хрустальную мечту социализма Чернышевского, так и в саму возможность постепенного изменения, перевоспитания человека.

Конечно, было бы существенным преувеличением ассоциировать позицию Достоевского с взглядами антигероя его произведения, но в данном случае просматриваются явные и очевидные параллели. Достоевский вопросами «человека из подполья» выявлял слабые стороны, присущие казавшейся столь привлекательной социальной конструкции Чернышевского. Он сомневался как в конечной цели социальной эволюции, так и в умеренных рецептах ее реализации, сторонником которой был его оппонент. «Вот вы, например, человека от старых привычек хотите отучить и волю его исправить, сообразно с требованиями науки и здравого смысла, — писал Достоевский. — Но почему вы знаете, что человек не только можно, но и нужно так переделывать? Из чего вы заключаете, что хотенью человеческому так необходимо надо исправиться?» [3, т. 2, с. 424].

Такая постановка проблемы важна и потому, что, хотя человек и есть существо созидющее, но это совершенно не означает, что все созидаемое им является разумным и полезным. Да и сам человек, «...подобно шахматному игроку, любит только один процесс достижения цели, а не самую цель» [3, т. 2, с. 425]. К тому же для того, чтобы его переделать, необходимо было прельстить чем-то другим, дать другой идеал. «Уничтожьте мои желания, сотрите мои идеалы, покажите мне что-нибудь лучшее, и я за вами пойду», — писал «человек из подполья». Однако подобное действие сопряжено со стиранием естества человека, с неведомыми и отнюдь не только положительными изменениями. И это заставляло антигероя делать неутешительный вывод о том, что «...нашего брата подпольного нужно в узде держать», и «...лучше ничего не делать. Лучше сознательная инерция!» [3, т. 2, с. 427, 428].

Однако с этим утверждением героя повести Достоевский не мог согласиться. Его убеждение основывалось на твердой вере в то, что «...без чистого сердца — полного, правильного сознания не будет» [3, т. 2, с. 429–430].

Другими словами, Достоевский был убежден в необходимости пробудить в человеке любовь, сочувствие, сострадание, — именно те качества, которых был лишен основной

персонаж его повести. Он тем самым окончательно отделял себя от выдуманной фигуры, будто сотканной из индивидуализма и эгоизма, живущей не «живой жизнью». Другую жизнь и чистую душу, способную на самопожертвование во имя другого, Достоевский находил в образе девушки Лизы, которую «человек из подполья» оскорбил и унизил едва ли не двадцать лет назад. Да только воспоминание о содеянном было настолько острым, что даже спустя столько лет он из этого случая делал всеохватные обобщения: «Мы даже и человеками-то быть тяготимся,— человеками с настоящим, собственным телом и кровью; стыдимся этого, за позор считаем и норовим быть какими-то небывалыми общечеловеками» [3, т. 2, с. 504].

ВЫВОДЫ. Итак, роман Чернышевского «Что делать?», безусловно, принадлежит к категории литературной утопии, в которой резкая и безжалостная критика современности сочетается с созданным идеалом будущего, идеалом, воплощенным в достаточно стройную и в то же время умозрительную систему взглядов. Сила этой системы заключалась в том, что она была способна при попытках ее реализации поколебать или взорвать существовавший порядок вещей. Особенностью утопии Чернышевского является то, что наряду с созданием образа будущего автор придерживался идеи постепенного реформационного преобразования общества. Будучи противником революционного радикализма, он настаивал на преемственности положительных элементов разных эпох социального прогресса и на постепенной замене плохих общественных отношений хорошими. Он пытался найти зародыши этого общества в настоящем. Опираясь на собственную теорию разумного эгоизма, он видел предвестников этого будущего в «новых людях», которые приходили на смену современных людей.

Классификация утопий Е. Шацкого позволяет отнести роман Чернышевского к категории героических утопий, в которых мечты о будущем сочетаются с программой и призывами к действию, но действию по созданию резерватов добра внутри плохого общества. Это так называемая утопия ордена, объединяющая единомышленников, друзей. «Орден не изменяет мира — он создает в нем остров» [10, с. 53–54, 57, 58]. Но одновременно с этим «утопия ордена — это сотворение общественного мира заново», снизу, когда «...из общественного окружения выделяется группа людей, связанных ценностями, для которых в нем нет места. Так возникает государство в государстве, общество в обществе, во многих отношениях противостоящее себя действительности, из которой оно выросло» [10, с. 122, 125].

По способу своей практики утопия ордена отличается от героических утопий, нацеленных на замену плохого общества хорошим (так называемая «утопий политики»). С ними, как подчеркивает Шацкий, связаны нравственные проблемы. «Если другие типы утопии позволяют сохранить «чистые руки», то здесь их нельзя не запачкать. Утопист-политик... принимает участие в игре, правила которой установлены без него... Чтобы уничтожить существующий мир, он должен так или иначе участвовать в нем. Отсюда известные парадоксы утопической политики: террор применяемый из любви к людям и ненависти к насилию, войны, ведущиеся во имя мира без войн, ложь, должествующая расчистить путь в царство Истины. Утопия политики, таким образом, находится в одном шаге от самоуничтожения и, безусловно, в любом из своих воплощений оказывается самой недолговечной. Но именно через нее утопия сближается с реальной историей» [10, с. 59].

В своей мощной и (это следует признать) в некоторых аспектах совершенно справедливой критике утопических воззрений Чернышевского Достоевский главный удар направлял на крайности возможного радикального прочтения звучавших со страниц романа призывов и пророчеств. Но великий писатель будто не замечал, что позиция самого автора была далека от революционной вседозволенности и отрицания морально-этических принципов существования человеческого общества. Суммируя выдвигаемые им инвективы, можно сказать, что главный порок социальной утопии Чернышевского он находил в ложности его понимания сущности человека и его предназначения, призвание которого состоит

не в достижении некоего эфемерного идеала, а в простом человеческом счастье и само-совершенствовании. Эта ошибка неминуемо должна была сказаться на недооценке сложности общественной жизни, которая в свою очередь приводила к оправданию насилия по отношению к другим людям. Полемика (открытая и скрытая) воплощалась в создании антиутопии, безусловно, консервативной по своей сути. Но она была сильна только своей критической составляющей, его созидаящая часть не давала ответов на вызовы времени. Но самая главная причина состоит в том, что консерватизм, как, впрочем, и всякий культ стихийности, наделен неистребимой верой в то, что «...действительность порождает идеал сама из себя и сама же к нему стремится» [10, с. 45].

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов В.Ф. Историческая концепция Н.Г. Чернышевского. М.: МГПИ, 1983. 86 с.
2. Бердяев Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж: YMCA-PRESS, 1971. 117 с.
3. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в двенадцати томах. М.: Правда, 1982. Т. 2. С. 400–504.
4. Ингерфлом К.С. Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. М.: Ипол, 1993 (1994). 288 с.
5. Набоков В. Дар. М.: Правда, 1990. 217 с.
6. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.
7. Пыпина-Ляцкая П.А. Владимир Сергеевич Соловьев. Страничка воспоминаний // Соловьев В. Неподвижно лишь солнце любви... М.: Московский рабочий, 1990. С. 368–382.
8. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 16-ти т. М.: Гослитиздат, 1939–1953.
9. Чернышевский Н.Г. Письма без адреса // Письма без адреса. М.: Современник, 1983. С. 477–511.
10. Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. 454 с.

REFERENCES

1. Antonov V.F. *Istoricheskaya koncepciya N.G. Chernyshevskogo* [The historical concept of N.G. Chernyshevsky]. M.: MGPI, 1983. 86 s. (In Russian).
2. Berdyayev N. *Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoy mysli XIX veka i natchala XX veka* [The main problems of Russian thought of the XIX century and the beginning of the XX century]. Paris: YMCA-PRESS, 1971. 117 s. (In Russian).
3. Dostoevskiy F.M. *Zapiski iz podpolya* [Notes from the underground] // Dostoevskiy F.M. *Sobr.sotch. v dvenadtsati tomakh*. M.: Pravda, 1982. T. 2. S.400–504. (In Russian).
4. Ingerflom K.S. *Nesostoyavcheysya grajdanin. Russkie korni leninizma* [A failed citizen. The Russian roots of Leninism]. M.: Ipol., 1993 (1994). 288 s. (In Russian).
5. Nabokov V. *Dar* [Gift]. M.: Pravda, 1990. 217 s. (In Russian).
6. Paperno I. *Semiotika povedeniya: Nikolay Chernyshevskiy — tchelovek epokhi realizma* [Semiotics of behavior: Nikolai Chernyshevsky — a man of the era of realism]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 1996. 207 s. (In Russian).
7. Pypina-Lyatskaya P.A. *Vladimir Sergeevitch Soloviev. Stranitchka vospominaniy* // Soloviev V. *Nepodvijno lichsolntselubvi...* [Vladimir Sergeevich Solovyov. Page of memories // Solovyov V. Only the sun of love is motionless...]. M.: Moskovskiyrabotchiy, 1990. S.368–382. (In Russian).
8. Chernyshevskiy N.G. *Polnoe sobranie sotchineniy: V 16-ti t.* [The complete works: In 16 vols]. M.: Gospolitizdat, 1939–1953. (In Russian).
9. Chernyshevskiy N.G. *Pisma bez adresa* [Letters without an address] // *Pisma bez adresa*. M.: Sovremennik, 1983. S.477–511. (In Russian).
10. Shatskiy E. *Utopiya i traditsiya* [Utopia and tradition]. M.: Progress, 1990. 454 s. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.019

УДК 94(47)»18/19».084

ББК 63.3(2)53–283.2,8

Ю.В. ВАРФОЛОМЕЕВ
Е.Н. РИЗАЕВА**«ИМЕНА, ЗНАКОМЫЕ С РАННЕГО
ДЕТСТВА...»: В.А. ПЫПИНА
О ВЫДАЮЩИХСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ
СТОЛИЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**YU..V. VARFOLOMEEV
E.N. RIZAYEVA**«NAMES FAMILIAR SINCE EARLY
CHILDHOOD ...»: V.A. PYPINA ABOUT
THE OUTSTANDING REPRESENTATIVES
OF THE CAPITAL INTELLECTUALS**

Статья посвящена исследованию малоизвестных сторон жизни и морально-психологических качеств выдающихся представителей столичной интеллигенции поздней имперской России: супругов И.М. и М.А. Сеченовых, историка В.С. Соловьева и композитора М.А. Балакирева. Авторы проводят историко-психологический анализ личностей «первого плана» через призму, в первую очередь, неопубликованного эго-источника — дневниковых заметок дочери академика А.Н. Пыпина, двоюродной племянницы Н.Г. Чернышевского Веры Александровны Пыпиной, которые она вела на протяжении нескольких лет. Эти мемуары представляют собой уникальные, яркие, живые воспоминания современницы о выдающихся людях, которые были частыми гостями в доме ее родителей, завсегдатаями «Веймарского кружка», а также «Вторников» В.А. Пыпиной и Ф.Г. Беренштама. Представленный авторами исследовательский материал дополняет уже имеющиеся личностные характеристики известных представителей отечественной интеллигенции — И.М. и М.А. Сеченовых, В.С. Соловьева и М.А. Балакирева.

The article is devoted to the study of little-known aspects of life and moral and psychological qualities of the outstanding representatives of the metropolitan intellectuals of late Imperial Russia: the spouses I.M. and M.A. Sechenovs, the historian V.S. Solovyov and the composer M.A. Balakirev. The authors conduct a historical and psychological analysis of the personalities of the «first plan» through the prism, first of all, of an unpublished ego source — diary notes of the academician A.N. Pypin's daughter, the niece of N.G. Chernyshevsky Vera Alexandrovna Pypina, that she kept for several years. These memoirs are unique, bright and vivid memories of the contemporary about outstanding people who were frequent guests at her parents' house, regulars of the «Weimar Circle», as well as «Tuesdays» by V.A. Pypina and F.G. Berenstam. The research material presented by the authors complements the already existing personal characteristics of famous representatives of the Russian intelligentsia such as I.M. and M.A. Sechenovs, V.S. Solovyov and M.A. Balakirev.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: И.М. и М.А. Сеченовы, В.С. Соловьев, М.А. Балакирев, В.А. Пыпина, «Веймарский кружок», «Вторники».

KEY WORDS: I.M. and M.A. Sechenov, V.S. Solovyov, M.A. Balakirev, V.A. Pypina, «Weimar Circle», «Tuesdays».

ВВЕДЕНИЕ. Обращение к исследованию малоизученных сторон интеллектуальной и культурной жизни русской интеллигенции, процесса и специфики формирования ее мировоззрения и выработки жизненной позиции в переломный период российской истории,

безусловно, сохраняет актуальность и представляет научный интерес. Исследование этой проблемы проводится на основе малоизвестных источников личного происхождения — дневников и воспоминаний, принадлежащих перу Веры Александровны Пыпиной, одной из ярких представительниц петербургской интеллигенции конца XIX — начала XX, дочери выдающегося русского ученого А.Н. Пыпина и двоюродной племянницы Н.Г. Чернышевского [10]. Своеобразие ее мемуарного нарратива состоит в том, что через замечательные зарисовки литературно-музыкальных вечеров в доме ее отца, а затем и «Вторников» в ее семье оживают и появляются новые оттенки в отображении образов выдающихся современников, среди которых, в частности, были: В.С. Соловьев, М.А. Бокова, И.М. Сеченов и М.А. Балакирев. Их всех объединяла любовь ко всему новому и живому в литературе, музыке, театральным постановкам и живописи — всему тому, что они находили в часы отдохновения и приятного общения в салонах А.Н. Пыпина и В.А. Пыпиной — Ф.Г. Беренштама.

ЦЕЛЬЮ СТАТЬИ стало исследование духовно-нравственных и психологических качеств выдающихся личностей — представителей российской интеллигенции поздней имперской России — М.А. Боковой, И.М. Сеченова, М.А. Балакирева и В.С. Соловьева.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В ходе проведенного исследования задействован значительный корпус документов и архивных материалов. В качестве основного эго-источника использованы неопубликованные архивные документы — дневник и воспоминания В.А. Пыпиной. При подготовке статьи используются базовые методы исторического исследования, а также специально-исторические: проблемно-хронологический, историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный и историко-биографический. Учитывая специфику исследуемой темы, авторы акцентируют внимание на историко-антропологическом и микроисторическом подходах.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Старшая дочь Александра Николаевича Пыпина — Вера родилась 28 марта 1864 г. в семье выдающегося ученого, литератора и общественного деятеля, и уже самым этим фактом ей суждено было оказаться в среде многоликой и талантливой столичной интеллигенции поздней имперской России. Детские и юношеские годы запечатлели в ее памяти не только многоплановый, насыщенный интеллектуальной и культурной атмосферой образ жизни родителей, но и разнохарактерный круг выдающихся лиц эпохи, как правило, людей «первого плана». Жизненный уклад, и, прежде всего, семейные ценности стали для Веры Пыпиной, по ее выражению, «святым напутствием» [7, л. 114.].

Воспоминания юности открывают перед мысленным взором Веры «имена, знакомые с раннего детства...» [9, л. 1.], среди которых П.А. Ровинский, И.Е. Репин, В.С. Соловьев, П.Е. Щеголев, М.А. Балакирев, И.М. Сеченов, М.А. Сеченова-Бокова, С.В. Панина и многие другие представители русской интеллигенции. Это были друзья семьи ее родителей: матери — Юлии Петровны (урожд. Гурскалин) и отца — Александра Николаевича Пыпиных. Общение с выдающимися и неординарными людьми, которых она запросто встречала у себя дома, безусловно, оказало влияние на формирование мировоззрения и на выработку жизненной позиции. Они навсегда остались в памяти и сердце Веры, и с годами она все больше и больше осознавала их благотворное влияние на образ ее мышления и поступки.

Бывали моменты, когда в минуты грусти и ностальгии она открывала бережно хранимый десятилетиями семейный альбом с фотографиями и трогательными записями дорогих ей людей, вспоминая каждого. Очевидно, для нее эта визуальная встреча с прошлым и пробужденные этим эмоции и чувства были, прежде всего, источником вдохновения, который, как она признавалась, придавал ей силы. Думается, что через эту ретроспекцию рефлексировующего сознания она как бы сверяла свои жизненные «часы», особенно в трудные для себя моменты, и в период тяжелых испытаний в ее судьбе. Однако это не было банальным дежавю

силуэтов и образов некогда знакомых ей выдающихся людей. Возникающая таким образом в ее сознании реминисценция становилась не только интеллектуально-духовным переживанием, но и переосмыслением реальности через умственные и моральные практики прошлого.

Однажды, перебирая старые отцовские бумаги, Вера Александровна наткнулась на визитную карточку П.И. Бокова, домашнего врача и друга Н.Г. Чернышевского, на оборотной стороне которой была надпись: «П.И. Боков и И.М. Сеченов приглашают Чернышевского и Александра Николаевича по случаю окончания экзаменов Марии Александровны» [15, с. 718]. Любопытно, что Николай Гаврилович назван просто по фамилии, как было принято называть его среди друзей и близких, в то время как его младший двоюродный брат Пыпин — Александром Николаевичем. Веру заинтересовало это приглашение, и она пылливо принялась «раскручивать» этот сюжет, а параллельно дает пояснения и разъяснения возможному читателю своих мемуаров. Знакомство И.М. Сеченова и молодой слушательницы профессорских курсов медицинской академии Марии Боковой состоялось осенью 1861 г.: «я познакомился с двумя представительницами нового течения, серьезно и крепко зараженными на подвиг служения женскому вопросу <...> Как было не помочь таким достойным труженицам!» [13], — вспоминал ученый свою первую встречу с ней и ее подругой Н.П. Суловой. Жизненный выбор М.А. Боковой (урожд. Обручевой), быть независимой от воли родителей и иметь возможность получить высшее медицинское образование, который она сделала еще в юности определил ее дальнейшую судьбу. Для этого ей пришлось даже заключить фиктивный брак с домашним учителем студентом-медиком П.И. Боковым, поступившим в дом ее родителей по рекомендации Н.Г. Чернышевского. Так вот, 7 августа 1863 г. произошло действительно важное для будущей студентки событие — М.А. Бокова успешно сдала экзамен за курс мужской гимназии. Отметить именно этот радостный для них всех момент Сеченов и Боков пригласили своих близких знакомых — Н.Г. Чернышевского и А.Н. Пыпина. Вера Александровна, конечно, не могла быть свидетелем этих событий, но и ей приходилось слышать, что «Боков и Сеченов, т.е. история их отношений к Марии Александровне нашла отражение в романе Чернышевского «Что делать?». Когда она лично познакомилась с ними, то они давно жили *maritalement*¹», — вспоминала она [6, л. 56]. Послужил ли на самом деле «треугольник» П.И. Боков — М.А. Бокова — И.М. Сеченов основой для сюжетной линии романа Чернышевского, до сих пор вызывает полемику в научных кругах, сама Мария Александровна всегда болезненно и негативно реагировала на подобные ассоциации. Наверно, поэтому и В.А. Пыпина осторожно, не подтверждая его, упоминает об этом сюжете фразой «приходилось слышать...», и не более того.

Вера Пыпина хорошо помнила М.А. Бокову еще с детских лет. Однажды, когда та пришла к Александру Николаевичу, чтобы переговорить с ним о своей статье, то обратила внимание на сильно воспаленные глаза Веры. Являясь прекрасным специалистом-офтальмологом, Мария Александровна сразу определила заболевание глаз у девочки и предложила ее родителям: «Присылайте ко мне Веру каждый день после гимназии» [6, л. 57]. Несколько таких посещений возымели положительный эффект, и Вера с благодарностью потом вспоминала, что за зиму раздражение прошло, и это заболевание никогда больше ее не преследовало. Вера вспоминала, что они с младшей сестрой Наташей, пользуясь этим случаем, ежедневно бывали у Сеченовых. Жили они тогда у Большого проспекта Васильевского острова, рядом с доходным домом А.Ф. Юнкера. Вера вспоминает, что не без робости входили в большую, но очень скромно убранную гостиную с роскошной развесистой пальмой, которая была здесь единственным украшением. «В раскрытую дверь виднелся рабочий стол Ивана Михайловича, это была большая хорошо выструганная доска, укрепленная на двух козлах» [Там же], — мельком, и с любопытством разглядывали девочки кабинет знаменитого Сеченова.

1 *vivre maritalement* (фр.) — жить как супруги, сожительствовать

Хозяйка — Мария Александровна — «среднего роста, приятная лицом с простотою приветливо встречала девочек» [Там же]. Принимали юных гостей в просторной столовой. Сам Иван Михайлович сидел за самоваром и разливал чай. Этим любимым делом он неизменно занимался сам. Мария Александровна, проявляя особый такт, никогда не расспрашивала девочек о гимназии, о подругах, а только осведомлялась: здоровы ли все дома и приступала к лечению Вериных глаз. Она усаживала девушку перед окном, где освещение было лучше, промывала и прижигала ей веки. Вера, наблюдая за отношениями четы Сеченовых, подметила, что Иван Михайлович и Мария Александровна обращались друг к другу на «Вы», и в их взаимном общении чувствовалась какая-то совсем особенная глубина и «патриархальная важность» [Там же].

В доме Пыпиных часто собиралась молодежь и с энтузиазмом устраивала, как она записала, «немудреные театральные представления на доморощенном театре» [6, л. 58]. Вера Александровна с теплотой вспоминала один из подобных вечеров в одну из зим 1886–1887 гг., на который и пригласили супругов Сеченовых. Мария Александровна и Иван Михайлович всегда отзывались на такие приглашения и с удовольствием принимали участие и в интеллектуальных беседах столичной интеллигенции, и в молодежных литературных вечерах. «Все живое, новое захватывало Ивана Михайловича» [Там же]. Как раз в это время появилась пьеса Л.Н. Толстого «Власть тьмы», которую запретил к постановке на театральной сцене цензурный комитет. В этой ситуации, по совету друзей Льва Николаевича В.Г. Черткова и А.А. Стаховича, «Власть тьмы» с театральных подмостков перекочевала в импровизированные литературные салоны известных столичных домов и ходила по рукам в рукописи. Поэтому не случайно, что и в пыпинском «доморощенном театре» прозвучала эта драма. Читал ее не кто-нибудь, а сам Иван Михайлович Сеченов! «Читал он просто, без какой-либо претензии на художественность, но чтение это было чтением большого человека и глубоко, навсегда запавшего в душу» [6, л. 59], — вспоминала, тронутая проникновенным и искренним сеченовским прочтением этого произведения Вера Пыпина. Спустя годы она увидела постановку этой драмы на сцене, но узнала «Власть тьмы» только тогда, когда мысленно представила себе озвучание пьесы в интерпретации Ивана Михайловича [Там же].

В начале 1889 г. И.М. Сеченов вернулся преподавателем в свою альма-матер — на медицинский факультет Императорского Московского университета, и они с Марией Александровной покинули столицу и уехали в Москву. К сожалению, эта любимая в семье Пыпиных чета больше не посещала их гостеприимный дом. Эта вынужденная разлука, на наш взгляд, отзывалась грустью и в душе Сеченовых. Вера вспоминала, как Иван Михайлович трепетно, с особым вниманием и любовью относился к хозяйке дома — ее маме Юлии Петровне [6, л. 59]. Много позже, когда Вера Александровна бывала в Москве проездом и навещала Сеченовых, Иван Михайлович в который раз вспоминал о дорогих сердцу вечерах в доме Пыпиных. В своих «Автобиографических записках» он сухо и пунктирно зафиксировал созвездие своих петербургских друзей: «водил знакомство с семьей Анд. Ник. Бекетова, бывал у Дм. Ив. Менделеева, Фед. Фом. Петрушевского и проф. Поссе. Кроме того, познакомился с семьями Ал. Ник. Пыпина и Над. Вас. Стасовой» [13]. Но пусть нас не смущает такой «телеграфный» стиль его повествования. Как и в реальной жизни, так и в ее письменном изложении, он предстает скромным, по-деловому конкретным, но, безусловно, искренним и душевным. Обращает на себя внимание и то, что он «водил знакомство» именно «с семьей А.Н. Пыпина», а это свидетельствует как раз о том, что в круг его общения входил не только глава семьи Александр Николаевич, но и его жена Юлия Петровна, а также дочери Вера и Наталия.

Во время одного из московских визитов Иван Михайлович рассказал Вере Пыпиной о том, что Мария Александровна «получила деревню от матери» в имении Обручевых — в селе Клепенино Харинской волости Ржевского уезда Тверской губернии и устроила там школу кружевниц. Наряду с этим владелица имения, будучи высокопрофессиональным

медиком, безвозмездно врачевала местных жителей. Эта ее благородная миссия не осталась незамеченной на официальном земском уровне. Так, например, в октябре 1883 г. на одном из заседаний Ржевского уездного собрания, обсуждая состояние сельского здравоохранения, особо отметили ее заслуги на этом поприще: «В селе Клепенино проживает Мария Александровна Бокова, имеющая докторское звание и уже несколько лет оказывающая медицинскую помощь местному населению безвозмездно. Собрание выразило женщине-медику благодарность за ее полезный и безвозмездный труд...» [1]. В.А. Пыпина с теплотой вспоминала, что до последних дней жизни И.М. Сеченова она не раз еще бывала в гостях у той дорогой ее сердцу семейной пары.

После смерти родителей Вера Александровна стала хранительницей богатейшего архива отца и матери. Зная об этом, к ней нередко обращались за документами, рукописями, письмами, содержание которых проливало дополнительный свет в освещение жизни и деятельности того или иного выдающегося представителя русской интеллигенции. В частности, музыковед и музыкальный критик Г.Н. Тимофеев, будучи в свое время постоянным участником музыкальных вечеров у Пыпиных, работая над статьей, посвященной жизни и творчеству М.А. Балакирева [14], обратился за интересующими его сведениями к Вере Александровне, которые она ему любезно предоставила. Между тем, появление М.А. Балакирева на семейных литературно-музыкальных встречах Пыпиных произошло не как обычно — через знакомство с главой семьи Александром Николаевичем, а через его жену — Юлию Петровну. Ее отец Петр Иванович Гурскалин был владельцем столичной музыкально-издательской фирмы «Одеон», которая издавала произведения М.И. Глинки, и вполне объяснимо, что и его дочери Мария и Юлия проявляли большой интерес к музыке.

Познакомила Юлию Петровну с Балакиревым ее сестра Мария. Воспользовавшись этим знакомством, Ю.П. Пыпина попросила известного композитора помочь ей в совершенствовании игры на рояле. Маэстро «отнесся к ней очень внимательно» и согласился давать уроки. «Немаловажную роль в сближении Балакирева с этой семьей сыграла хозяйка дома — Юлия Петровна Пыпина. <...> Благодаря сочувствию, пониманию и приветливости, встреченной у нее Балакиревым, он начинает чаще бывать в этой семье» [2], — подчеркивает М.Г. Иванова. Вера Пыпина очень хорошо запомнила свою первую встречу с выдающимся композитором, лидером знаменитой «Могучей кучки». После уроков с Юлией Петровной композитор ко всеобщему удовольствию играл на рояле. «Все большее число слушателей и слушательниц стало собираться у нас в дни приезда «маэстро». Ко второй половине 80-х годов это был уже сплоченный, хорошо знакомый Милию Ал<ексееви>чу и приятный ему кружок» [12, л. 7], — констатировала В.А. Пыпина.

Этот «сплоченный и приятный» композитору кружок получил странное, на первый взгляд, название — «Веймарский». С.Н. Лалаева, постоянная участница этих музыкальных вечеров, в своих мемуарах раскрыла интригу появления такого необычного названия кружка. Как оказалось, 22 октября 1890 г. в день рождения Ф. Листа, Балакирев устроил музыкальный вечер в память о любимом композиторе, на котором присутствовал и барон Мейндорф, сын княгини О.М. Горчаковой, страстной поклонницы Ференца Листа. В этот вечер «Милий Алекс<еевич> играл просто вдохновенно и привел всех в восторг, особенно Барона Мейндорфа (sic!), который в первый раз слышал игру Балакирева <...> Бар<он> Мейндорф выразил свое удивление и восторг, что у Юлии Петровны в доме такое поклонение Листу, какое ему не пришлось встретить в Петербургском обществе. «Я так этим восхищен, сказал он, что мне кажется, что я сегодня в Веймаре»» [11, л. 12 об.], — воспроизвела в своих воспоминаниях вдохновенную атмосферу этого действа Саломея Лалаева. С этого памятного вечера, и, несомненно, с легкой руки молодого барона Мейндорфа завсегда стали называть дом Пыпиных «нашим музыкальным Веймаром», а кружок соответственно — «Веймарским». Кстати, это название очень понравилось и Балакиреву,

так что он впоследствии всегда называл его только «Веймарским». Кружок завсегдатаев всегда собирался к приходу Милия Алексеевича. Потом он даже стал присылать программку намеченных им к исполнению на следующий день пьес.

Культурный очаг дома Пыпиных настолько был дорог и близок М.А. Балакиреву, что именно здесь он решил отметить важную для него дату — сороколетие со дня его первого публичного выступления на Университетском концерте, где он исполнял свое Concert-Allegro с оркестром под управлением Карла Шуберта. В этот знаменательный день — 12-го февраля 1896 г. — он попросил Юлию Петровну собрать на свой праздник всех «веймаровцев»: «Мне хочется этот вечер отпраздновать у Вас, — обратился он к ней, — и буду играть Вам свои сочинения <...> Где же, как не у Вас мог я праздновать свой 40-летн<ий> юбилей? Это совершенно понятно, иначе быть не могло!» [11, л. 17].

В своих воспоминаниях С.Н. Лалаева искренне писала: «В дорогом доме друзей моих Юлии Петровны и Александра Николаевича Пыпиных познакомилась я с Милием Алексеевичем Балакиревым. Слышала от Юлии Петровны о нем как о большом художнике и симпатичном человеке. При первых звуках игры я поняла, что это музыка выдающаяся» [11, л. 3]. Как человек, по ее мнению, он раскрывается через письма. «Сколько у него было духовной силы, энергии и спокойности к борьбе — это удивительно... Он часто слишком резок и строг в своих суждениях о людях — но я думаю он пишет правду», — делилась Саломея Николаевна своими наблюдениями о нем в письме Вере Александровне [11, л. 4]. Во многом солидаризуясь с Лалаевой в оценках знаменитого композитора, Вера Александровна писала о нем: «...большая сильная личность был Милий. Талант несомненный, творчество незаурядное, но властность столь великая, что столкновение с силами музыкальными, развертывавшимися и самобытными оказалось таким глубоким и таким острым, что это испытание захватило Милия» [8, л. 73].

Члены семьи Пыпиных познакомились с М.А. Балакиревым в 1875 году, и это был, пожалуй, самый тяжелый период в его судьбе, когда он был отстранен от руководства Российским музыкальным обществом и работал кассиром на Варшавской железной дороге. Однако совсем проститься с музыкой он был не в силах, и чтобы хоть как-то приобщиться к любимому делу, давал частные уроки. Жил он в то время в конце Невского проспекта, в доме Д.Е. Бернардаки. Вера Пыпина вспоминала, как мамина сестра, Мария Петровна, ездила брать уроки к Балакиреву, взяв с собой племянницу, и представляла ее композитору как свою ученицу. В памяти девочки запечатлелся интерьер комнаты, в которой жил Милий Алексеевич. Эта комната показалась тогда ей мрачной из-за недостатка света, а также из-за темной обивки мебели зеленым репсом. Позднее, когда она была в гостях у композитора уже в его собственной квартире, то ей запомнился другой интерьер его комнаты: голубая, яркая обивка мебели и голубые стеклянные шары на лампах. «Очевидно, этот цвет ему нравился» [8, л. 73об.], — сделала она вывод.

Впоследствии, когда М.А. Балакирев стал часто бывать у Пыпиных, мать Веры, Юлия Петровна, обладавшая мягким, чутким характером, сразу дала почувствовать Милию Алексеевичу, что в их доме он найдет внимание и самое сердечное сочувствие ко всем его затруднениям, не говоря уже о его главном интересе — музыке. Вера отмечала, что его толкование музыкальных произведений глубоко западало в душу, и «если он не мог быть назван виртуозом, то был настоящим музыкантом — не было ничего, что он моментально вам бы не сыграл. Он мог знакомить с музыкальной вещью уже на следующий день, если даже на ночь просмотрит только что полученную партитуру, играя ее экспромтом» [8, л. 74].

Также не ускользнуло от пристального взгляда Веры Александровны и то обстоятельство, как благотворно влияла обстановка в их доме на Милия Алексеевича. Он, буквально, «оттаивал словно тяжелая оболочка сходила с него» [8, л. 74], — точно и образно подметила она. Поначалу Балакирев приходил в 7 вечера, и уже в 9 часов срывался, будто боялся,

что кто-нибудь его застигнет, а впоследствии становился все более спокойным и мягким, оставаясь у Пыпиных вплоть до двенадцати часов ночи. Играл он народные гармонизированные им напевы, по преимуществу, восточные, а также исполнял произведения своих любимых авторов. Беседуя с присутствующими, он любил говорить о Кавказе, который на него произвел большое впечатление. Юлия Петровна, в благодарность за концерты, которые Балакирев давал в их доме, переводила для него иностранные музыкальные заметки, а также письма, получаемые им от заграничных друзей. Вставала Юлия Петровна рано, чтобы побыстрее сделать эту работу, а он был нетерпелив. Если была малейшая задержка доставки ему переводной корреспонденции из-за почты на час или два, он уже запрашивал открыткой, получили ли его письмо, так нетерпеливо он ждал переводы Ю.П. Пыпиной [Там же]. Пожалуй, лучше всего передают особую атмосферу пыпинского дома и его литературно-музыкальных вечеров проникновенные слова Саломеи Лалаевой: «С какой любовью и благодарностью вспоминаю я эти вечера, — вспоминала она, — этот дорогой дом, где было столько поэзии, просвещения, столько ласки, душевной теплоты и свободы. Этот милый зал с 2-мя роялями, по стенам портреты великих художников музыки и литературы. Сколько зелени, солнца и света, сколько музыки — и какой музыки!!» [11, л. 13].

В 1886 году выдающийся философ и литератор Владимир Сергеевич Соловьев начал печатать в «Вестнике Европы» свои статьи и стихотворения, а несколько позднее — в 1889–1890 гг. он постепенно сдружился с сотрудниками журнала, среди которых был и А.Н. Пыпин. Это стало отправной точкой их дальнейшего более близкого знакомства. С этого момента Владимир Сергеевич стал бывать у Пыпиных по воскресеньям на обедах, ужинах в наиболее свободное для него время. В 1895 г. интеллектуальное и культурное пространство литературно-музыкального салона Пыпиных расширяется. Этот момент наступил тогда, «когда мы с мужем (Беренштамом. — Ю.В.) поселились на отдельной квартире и по вторникам у нас собирались друзья и знакомые, то нередко заглядывал к нам и Владимир Сергеевич. Сидят они с отцом за шахматами, вокруг идет веселая болтовня, поются романсы, ставятся шарады...» [5, с. 124], — вспоминала Вера Александровна. Преемственность этих встреч, которые получили название «Вторники», идет от так называемого «Веймарского» кружка, уютно подвизавшегося в квартире А.Н. Пыпина. Следует подчеркнуть, что одной из характерных культурных новаций «Вторников» стали альбомы, которые явились, по сути, уникальным домашним журналом, на страницах которого были запечатлены заметки, стихотворения, рисунки, а также вложены телеграммы, открытки, фотографии, «Альбомы — интереснейший документ, являющийся не просто свидетельством необычайно дружеских, близких отношений между людьми, но и уникальным образцом салонной культуры конца XIX века, представляющий срез целой эпохи, — отмечает Д.Л. Морозова. — Альбомы представляют собой не воспоминания или мемуарные заметки, но «живой» источник, создававшийся имманентно событию» [3, с. 6].

Первый из альбомов датируется 1895 г., и это время как раз совпадает с появлением на литературно-музыкальных вечерах «Вторники» В.С. Соловьева. Он с удовольствием принимал в них участие: оставлял автографы, короткие подписи [4]. В фондах саратовского музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского сохранились альбомы «Вторники», в одном из которых имеется немного ироничная, оригинальная запись Владимира Соловьева: «В день болезни М.Н. Чернышевского был и от огорчений подписался левой рукой Владимир Соловьев». Ниже, в пик своей образной заметки философа, последовал созвучный его шутливому тону ответ Михаила Николаевича, младшего сына Н.Г. Чернышевского: «Болезнь моя продолжалась 55 минут, и пока результаты ее выразились в том, что я стал завидовать лаврам Владимира Сергеевича в писании левой рукой и нацарапал каракули» [4, л. 5].

Несмотря на дружескую, душевно-раскрепощенную атмосферу беренштамовских «Вторников», в некоторых случаях на них возникало необычное напряжение, секрет

которых раскрыла Вера Пыпина. Она вспоминала, что, пользуясь воскресным досугом, у них очень любила собираться молодежь. Их приятели и приятельницы, привыкшие чувствовать себя на «Вторниках» совсем непринужденно, бывали не очень довольны, когда в их компании появлялся мудрый и серьезный В.С. Соловьев. «Соберутся, и вот извольте: целый обед сидеть молча, слова не проронив, потому что обмениваться какими бы то ни было впечатлениями в присутствии Владимира Сергеевича, к которому мы чувствовали особенно почтительное уважение, казалось нам невозможным, — вспоминала В.А. Пыпина. — Еще хорошо, если он и отец ведут интересную, хотя подчас и малоодушную для нас беседу, а случалось — и притом весьма часто, — что оба погружаются в глубокое раздумье, занятые своими мыслями. Они способны были не замечать окружающего, а для нас это становилось настоящей пыткой. Концу обеда мы радовались, как освобождению от неволи» [5, с. 128].

А.Н. Пыпин называл В.С. Соловьева своим младшим другом. Вера Александровна вспоминала, что память у «младшего друга» отца была поразительная: «Он сам говорил, раз услышав, он мог цитировать длинейшее стихотворение» [Там же]. Даже в последние годы его жизни, когда память была уже не так остра, с ним случился один случай, описанный ею в дневнике «Воспоминания, мысли и настроения». Как-то по дороге в Царское Село он встретил в вагоне знакомого, который прочел Соловьеву длинное французское стихотворение. На станции они распрощались. Прошло две недели, и вот они еще раз встретились. Знакомый сетовал, что забыл стихотворение, а прочесть негде, так как оно не напечатано. Владимир Сергеевич тотчас же прочел стихотворение слово в слово. Соловьев рассказывал, что в детстве память у него была редкая. Не зная ни слова по-гречески, он воспроизводил по памяти все, что заучивал наизусть старший брат, который учил уроки в соседней комнате [6, л. 57]. Вера Пыпина, наблюдая за отношениями двух выдающихся ученых — отца и Владимира Соловьева, подметила: «Это были люди различного миропонимания в строго философском смысле этого слова, различных поколений и разного круга, оба они были кристально ясны душой и доверчивы, как дети. Именно это их роднило» [6, л. 58]. С большой грустью и печалью воспринял печальное известие А.Н. Пыпин о том, что из жизни ушел его «младший друг». По свидетельству дочери, он долго потом не мог прийти в себя, а Вера Александровна, спустя 13 лет после смерти их близкого знакомого, написала о нем воспоминания, ставшие ценным историческим источником, дополняющим интересные штрихи к образу великого мыслителя [5].

ВЫВОДЫ. Литературно-музыкальные вечера и, в частности, «Веймарский кружок» в доме академика А.Н. Пыпина, а также «Вторники» в доме его дочери — Веры Александровны, стали, несомненно, неотъемлемой и яркой страницей интеллектуального и культурного пространства столицы поздней имперской России. Пыпинские вечера и беренштамовские «Вторники», на наш взгляд, являются оригинальными образцами салонной культуры Санкт-Петербурга второй половины XIX — начала XX вв., демонстрирующими многоплановый и содержательный пласт умственной, духовно-нравственной и культурной жизни выдающихся представителей русской интеллигенции.

Мемуарные заметки В.А. Пыпиной служат, безусловно, ценным эго-источником, позволяющим дополнить новыми штрихами историко-психологические портреты ее близких знакомых, выдающихся современников — ученых, писателей, музыкантов, художников.

Думается, что культурная, духовно-нравственная атмосфера и умственный настрой, которыми были наполнены пыпинские литературно-музыкальные вечера и беренштамовские «Вторники», сформировали у присутствовавших особое жизненное кредо и аксиологическую составляющую их мировоззрения, которые очень хорошо выразила Вера Александровна Пыпина: «Если рушится самое дорогое, то «надо жить своими духовными ценностями» [7, л. 19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Л., Лисицына Н. «Великая жена великого мужа»: Мария Александровна Бокова (Сеченова). URL: https://минздрав.тверскаяобласть.рф/novosti/novosti/?print=y&ELEMENT_ID=128004&ysclid=I372w46hed (дата обращения: 11.05.2022).
2. Иванова М.Г. «Веймарский кружок». URL: https://expositions.nlr.ru/ex_manus/balakirev_list/veimar.php?ysclid=I3cnlp20n0 (дата обращения: 12.05.2022).
3. Морозова Д.Л. Вечера на Васильевском острове. Страницы семейной истории: альбом «Вторники» 1898–1899 // Научный вестник Крыма. 2017. № 4 (9). С. 1–7.
4. Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского. Основной фонд. ОФ 4181.
5. Пыпина-Ляцкая В.А. Владимир Сергеевич Соловьев: Страничка из воспоминаний // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 122–129.
6. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 406.
7. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 415.
8. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 417.
9. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 419.
10. Ризаева Е.Н. «Добрый гений нашей семьи...»: Вера Александровна Пыпина / Е.Н. Ризаева; под науч. ред. Ю.В. Варфоломеева. Саратов Изд-во «Техно-Декор», 2020. 258 с.
11. Российская национальная библиотека. Ф. 41 (М.А. Балакирев), № 554.
12. Российская национальная библиотека. Ф. 621 (А.Н. Пыпин), № 1119.
13. Сеченов И.М. Автобиографические записки. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003744204> (дата обращения: 10.05.2022).
14. Тимофеев Г.Н. М.А. Балакирев // «Русская мысль». 1912. № 6–7.
15. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15-ти томах. М.: Гослитиздат, 1939–1953. Т. 11. 1950. 959 с.

REFERENCES

1. Ivanova L., Lisicyna N. «*Velikaya zhen a velikogo muzha*»: *Mariya Aleksandrovna Bokova (Sechenova)* [«The great wife of a great husband»: Maria Alexandrovna Bokova (Sechenova)]. URL: https://минздрав.тверскаяобласть.рф/novosti/novosti/?print=y&ELEMENT_ID=128004&ysclid=I372w46hed (data obrashheniya: 11.05.2022). (In Russian).
2. Ivanova M. G. «*Vejmarskij kruzhok*» [«Weimar circle»]. URL: https://expositions.nlr.ru/ex_manus/balakirev_list/veimar.php?ysclid=I3cnlp20n0 (data obrashheniya: 12.05.2022). (In Russian).
3. Morozova D. L. *Vechera na Vasil`evskom ostrove. Stranicy semejnoy istorii: al`bom* «*Vtorniki*» 1898–1899 [Evenings on Vasilievsky Island. pages of family history: album «Tuesdays» 1898–1899] // *Nauchny`j vestnik Kry`ma*. 2017. № 4 (9). S. 1–7. (In Russian).
4. *Muzej-usad`ba N. G. Cherny`shevskogo. Osnovnoj fond* [The Museum-estate of N. G. Chernyshevsky. The main fund]. OF 4181. (In Russian).
5. Py`pina-Lyaczskaya V. A. *Vladimir Sergeevich Solov`ev: Stranichka iz vospominanij* [Vladimir Sergeevich Solovyov: A page of memories] // *Golos minuvshego*. 1914. № 12. S. 122–129. (In Russian).
6. *Rossijskij gosudarstvenny`j arxiv literatury` i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art]. F. 395. Op. 1. Ed. xr. 406. (In Russian).
7. *Rossijskij gosudarstvenny`j arxiv literatury` i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art]. F. 395. Op. 1. Ed. xr. 415. (In Russian).
8. *Rossijskij gosudarstvenny`j arxiv literatury` i iskusstva* (Dalee — RGALI). F. 395. Op. 1. Ed. xr. 417. (In Russian).
9. *Rossijskij gosudarstvenny`j arxiv literatury` i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art]. F. 395. Op. 1. Ed. xr. 419. (In Russian).

10. Rizaeva E. N. «*Dobry`j genij nashej sem`i...*»: *Vera Aleksandrovna Py`pina* / E. N. Rizaeva; pod nauch. red. Yu. V. Varfolomeeva. [«The good genius of our family...»: Vera Alexandrovna Pypina]. Saratov. Izd-vo «Texno-Dekor», 2020. 258 s. (In Russian).
11. *Rossiyskaya nacional`naya biblioteka* [Russian National Library]. F. 41 (M. A. Balakirev), № 554. (In Russian).
12. *Rossiyskaya nacional`naya biblioteka* [Russian National Library]. F. 621 (A. N. Py`pin), № 1119. (In Russian).
13. Sechenov I. M. *Avtobiograficheskie zapiski* [Autobiographical notes.] URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003744204> (data obrashheniya: 10.05.2022).
14. Timofeev G. N. *M. A. Balakirev* [M. A. Balakirev] // «Russkaya my`sl`. 1912. № 6–7. (In Russian).
15. Cherny`shevskij N. G. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]: v 15-ti tomax. M.: Goslitizdat, 1939–1953. T. 11. 1950. 959 s. (In Russian).

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА

PROBLEMS OF STUDYING REVOLUTIONARY POPULARITY

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.020

УДК 94(47).081"18"

ББК 63.3(2)53-3

О.Н. КВАСОВ

НАРОДНИЧЕСКИЕ ИЗВЕЩЕНИЯ
О ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТАХ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

O.N. KVASOV

POPULIST NOTICES OF TERRORIST ACTS
(THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY)

В статье на основе печатного и эпистолярного материала исследуется проблематика информационно-коммуникативного сопровождения террористической деятельности народнических организаций. Автором рассматриваются и анализируются одна из важнейших частей этого комплекса, а именно оперативные политические заявления от лица партии о совершенном преступлении. Отмечается, что народники создали две основные формы таких извещений: короткое, сугубо фактическое и обширное извещение, по объему напоминающее прокламацию. Анализ выявленных 19 партийных извещений позволил сделать вывод о том, что народники максимально продуктивно использовали данный вид пропагандистской продукции. В извещении-прокламации, помимо фактических событий акции, обычно затрагивались злободневные темы революционной борьбы, а именно народная направленность революционной деятельности, репрессивность царского режима, вынужденный характер революционного экстремизма, угрозы эту борьбу продолжать и условия прекращения террора.

On the basis of printed and epistolary material the article examines the problems of information and communication support of terrorist activities of populist organizations. The author examines and analyzes one of the most important parts of this complex, namely prompt political statements on behalf of the party about the crime committed. It is noted that the populists created two main forms of such notices: a short, purely factual and extensive notice, resembling a proclamation in length. The analysis of the identified 19 party notices allowed us to conclude that the populists used this type of propaganda as productively as possible. The notice-proclamation, in addition to the actual events of the action, usually touched on topical topics of the revolutionary struggle, namely, the popular orientation of revolutionary activity, the repressiveness of the Tsarist regime, the forced nature of revolutionary extremism, threats to continue this struggle and the conditions for ending terror.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: народничество, партия «Народная Воля», теракт, информационное сопровождение, пропагандистские цели

KEY WORDS: Narodniks, Narodnaya Volya Party, terrorist attack, information support, propaganda purposes

ВВЕДЕНИЕ. Всеми исследователями террора признаются особые роль и значение коммуникативного фактора терроризма. Почти полувековая террористическая практика российских революционеров сформировала элементы этого коммуникативного сопровождения, в числе которых наиболее важную роль играли, во-первых, общественный призыв к насилию или оправдание расправы; во-вторых, публичное партийное извещение о теракте; в-третьих, возвеличивание террориста, его поступка и самого факта самопожертвования; в-четвертых, последующая актуализация (вспоминание) террористического события [3, с. 8–17].

Теракт является субъективным фактором политического процесса. Его смысл и содержание формируется не только фактическим составом преступления, но и целым комплексом сопутствующих и производных элементов, имеющих различную смысловую нагрузку. Общественное восприятие и политическое значение террора определяется комплексным осознанием этих элементов. В этом комплексе большую роль играли обстоятельства, складывающиеся после покушения, и в первую очередь это партийное извещение о совершенном теракте.

ЦЕЛЬ. Научные исследования последних десятилетий дали многое для понимания феномена революционного терроризма. Однако далеко не полно или фрагментарно изучен тактико-стратегический аспект революционного террора. Одними из неопределенных вопросов являются мотивационная сфера участия рядовых боевиков, выбор объектов насилия, материально-техническое обеспечение боевой деятельности и целый спектр проблем, связанных с информационно-коммуникативным комплексом террористической деятельности революционных организаций. Исследование последнего, как видится, может дать определенные ответы на характер причин изменения политической линии народников.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Постоянной стратегией царских властей являлся отказ революционерам в политической субъектности и, соответственно, отказ не только в диалоге, но и запрет общественной коммуникации. Власть уничтожала, конфисковывала революционные издания, карала за их хранение, но, в первую очередь, пресекала издательские возможности революционеров. Поэтому для народников было очень важно не только согласовать, сформулировать и распечатать свои политические требования, но и донести их до власти и народа. И теракт представлял собой такое событие, которое, помимо политического содержания и внутреннего подтекста, могло вынудить власть и общество ознакомиться с посланием революционеров. В этой связи партийное извещение о теракте, которым являлось оперативное политическое заявление от первого лица о совершенном преступлении, имеет важное источниковое значение, в котором раскрываются не только декларируемые причины, цели и задачи теракта, но и многие проблемы самого народнического движения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Первым народническим терактом, сопровождаемым извещением, является покушение на предателя Н.Е. Гориновича (11.06.1876). При этом члены киевского кружка «южных бунтарей» действовали непоследовательно и противоречиво. Шпиона заманили, жестоко избили и, посчитав умершим, облили лицо серной кислотой для того, «чтобы полиция не могла потом констатировать личность убитого. Но чтобы, с другой стороны, все знали причину убийства, возле лежавшего Гориновича оставлена была записка следующего содержания: «Такова участь всякого шпиона» [2, с. 269]. Очевидно, что одно намерение противоречило другому, а содержание записки не столько информативно, сколько импульсивно и мстительно. Само преступление отдаёт бульварщиной и ярко демонстрирует аффективное состояние революционеров во время покушения. Эти же характеристики относятся и к двум предыдущим покушениям народников — выстрелу Д.В. Каракозова в царя (04.04.1866) и убийству И.И. Иванова «нечаевцами» (21.11.1869). Следующие два преступления народников, убийство предателей

В.А. Тавлеева (06.09.1876) и Н.Ф. Шарашкина (19.07.1877), сопровождаться записками не будут. Кардинальные изменения относительно покушений на шпионов и провокаторов произойдут после покушения В.Н. Засулич и перехода народников к стратегии политических выступлений.

Так, убийство шпиона А.Г. Никонова (02.02.1878) уже будет освещать публичное извещение от имени Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии, организованной В.А. Осинским. В извещение коротко указаны факты об убийстве (дата, место, имя жертвы) и «во всеобщее сведение и поучение» признано, что оно совершено «нами, революционерами-социалистами». Большую часть извещения занимает объяснение причины убийства: тяжелая неравная борьба революционеров за народные интересы, жестокость царского режима, «гнусность» предательства Никонова и опасения еще больших жертв от его деятельности. Прокламация заканчивается предупреждениями «русскому правительству»: «Мы не хотим долее терпеть. Мы решились защищаться. Мы будем искоренять этих Иуд...» [8, с. 161]. Аналогичное извещение выйдет вслед убийству в Москве другого провокатора Н.В. Рейнштейна (26.02.1879). Характерно, что отпечатанные по поводу этого убийства прокламация и извещение в «Листке «Земли и воли»» будут написаны от имени того же Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии и даже скреплены известной печатью комитета, однако к тому времени сам комитет уже будет полицией разгромлен [1, с. 73].

Исследователям известно 14 покушений на предателей, «шпионов», провокаторов, совершенных разными народническими группами в период с 1876 по 1884 гг., что составляет 31% от общего количества народнических терактов (45). За период следующей террористической кампании 1901–1917 гг., по нашим подсчетам, было совершено как минимум 28 покушений на «шпионов» и «предателей», что составило уже 4,4% от всех революционно-террористических проявлений (641). Количественное сравнение хорошо демонстрирует, насколько большую роль в XIX в. играли мстительные мотивы покушений, а в убийстве отступников и провокаторов именно месть является побудительной причиной, и сколь значительные изменения в сторону других мотивов и причин произошли в XX в. Анализ текстовых извещений этот вывод только подтверждает.

Важное значение в конструировании схемы аргументации террористических нападений сыграло извещение, вышедшее вслед покушению В.Н. Засулич (24.01.1878). Это извещение было оперативно опубликовано в форме землевольческой прокламации и имело, в отличие от предыдущих извещений, обширный и содержательный текст. В преамбуле прокламации была представлена реконструкция самого события, после чего образным публицистическим слогом изложены события в Петербургском доме предварительного заключения, порка Боголюбова, отсутствие общественной и административной реакции на этот «произвол полусамодержавного временщика». Большой объем текста занимают рассуждения по поводу вынужденного характера поступка Засулич, — это аргумент «безнаказанного произвола», отсутствие «других средств защиты прав человека», общественная апатия. В прокламации несколько раз отмечается, что революционеры «нисколько не сторонники насилия», но вынуждены прибегнуть к нему. Жестокость власти живописуется гипотетическими муками, с которыми по обыкновению столкнется революционерка в дальнейшем. Заканчивается прокламация-извещение дифирамбами террористке и названием ее имени. Структура и обозначенные темы в дальнейшем будут активно использоваться революционерами в большинстве извещений развёрнутого типа [6, с. 47].

Как известно, покушение В.Н. Засулич стало рубежом перехода к политической деятельности народников. Само покушение, образ террористки, оправдательный вердикт суда присяжных, общественная реакция на покушение и многое другое сыграли свою роль в определении исторического значения этого акта.

Террористическую тенденцию южных бунтарей продолжило покушение В.А. Осинского на товарища губернского прокурора М.М. Котляревского (23.02.1878). Текст этого извещения, помимо первого предложения с констатацией события, полностью посвящен объяснению «перед русским обществом мотивов этого покушения». Структура объяснений схематична: народные интересы революционеров, репрессивность царского режима, «невиданные с апостольских времен гонения», невозможность мирных форм деятельности, вынужденный характер революционного насилия, в итоге — «Скрепя сердце, мы решились прибегнуть к средству, против которого во всякое другое время протестовали бы всеми силами души». Последнее предложение, в дальнейшем будет неоднократно перефразироваться, но его смысл станет определяющим в объяснение причин народнического террора и акцентирование вынужденного его характера.

Не менее важное политическое событие, чем акт В.Н. Засулич, приобрело и покушение С.М. Кравчинского на шефа жандармов Н.В. Мезенцева (04.08.1878). Помимо самого факта убийства высшего должностного лица империи, покушение шокировало власть и общество предъявлением развернутого в виде брошюры извещения, содержавшего ультимативные требования. Автором брошюры являлся сам же террорист, который скроется с места преступления, эмигрирует и продолжит активную писательскую и издательскую деятельность революционера за рубежом. Извещение, вошедшее в историю под названием «Смерть за смерть!», во многом стало предвестником другого известного произведения Кравчинского «Подпольная Россия», благодаря которому он приобрел славу «основателя радикальной мифологии» [5, с. 8].

Прокламация начинается посвящением памяти казненного за два дня до теракта народника И.М. Ковальского. «Во избежание всяких недоразумений», указывается, что покушение совершено «нами, революционерами-социалистами», после чего следует уже классическая схема обоснования преступления: развернуто с многочисленными фактами, характеризуется жестокость и репрессивность царского режима, неоднократно указывается вынужденный защитный характер покушений, кратко упоминается народная направленность программы революционеров. Новшеством этого извещения стали два момента — акцент на личной ответственности Мезенцева и предъявление условий прекращения террора.

Персональная ответственность Мезенцева сформулирована коротко, он убит «как человек, совершивший ряд преступлений, которых мог и должен был не совершать», но конкретизирована пятью предъявляемыми обвинениями. Принципиальным положением народников являлась персональная ответственность жертвы террора в преступлениях. И данное положение носит категоричное отличие от террористической кампании, развернувшейся в условиях Первой российской революции (1905–1907), когда покушения в значительной мере будут носить системный характер, выбор жертв диктоваться социальными признаками, а время совершения акта определяться тактико-стратегическими соображениями.

Извещение просто изобилует угрозами и предупреждениями: «вы бессильны и беспомощны», «горе, горе вам», «берегитесь», «у нас есть средства еще более ужасные», «вы будете уничтожены», «наш тайный суд, как меч Дамокла» и пр. После такого нагнетания страха следует требование предоставления революционерам свободной политической деятельности, выраженное в условиях: прекращение всяких политических преследований, «уничтожение всякого административного произвола» и объявление «полной амнистии для всех политических преступников». Автор прямо указывает, что революционерам «совершенно безразлично» введение «конституции», «разделение властей» и прочее, решение этих вопросов относится к будущему противостоянию с буржуазией [7, с. 397–404]. Содержание извещения даёт основание утверждать, что автор уже склоняется к системному использованию террора, — еще не угрожает императору, но уже понимает подчиненный характер его чиновников, от которых ничего не зависит; указывает на персональную ответственность жертвы, но уже

угрожает всему правящему классу. Неоднократно отмечалось, что народовольческая «охота на императора» Александра II, выразившаяся в организации четырех покушений и его смертельном ранении 1 марта 1881 г., явилась закономерным и вынужденным переходом от наивной программы «деревенщиков» к реализации авантюрной программы «политиков». При этом Исполнительный комитет Народной воли наследовал не только ограниченные материальные и людские ресурсы землевольцев, но и пропагандистские традиции и формы, скорректировав их только под свою программу.

Так, была продолжена и практика публиковать извещение о терактах. Более того, ИК признал свою организацию даже по двум формально не осуществленным актам. Осенняя подготовка покушения на царя на железной дороге в Одессе и под Александровском (Екатеринославская губ.) по разным причинам не произошла, но в газете «Народная воля» (№ 4, 5 декабря 1880) было опубликовано краткое сообщение, что эти покушения были произведены ИК «согласно с общим планом, установленным осенью прошлого года, с целью приведения в исполнение смертного приговора над Александром II, постановленного Исполнительным комитетом 26 августа 1879 г.» [4, с. 287].

Практика обширных извещений продолжилась в прокламации от ИК по поводу покушения на Александра II на линии Московско-Курской железной дороги (19.11.1879). В извещении многословно и категорично все беды народа и политические репрессии были возложены не на обезличенное правительство, а лично на Александра II, который определен как «главный представитель узурпации народного самодержавия, главный столп реакции, главный виновник судебных убийств». Условием прекращения террора названы отказ царя от престола и передача власти «избранному свободно посредством всеобщей подачи голосов» Учредительному собранию. Новшеством извещения стало прямое обращение ИК «ко всем русским гражданам» с просьбой поддержать партию в борьбе с царизмом [6, с. 221–222].

Следующее извещение ИК по поводу взрыва в Зимнем дворце (05.02.1880) фактически дословно повторяло текст предыдущей прокламации. Однако целый абзац текста пришлось уделить оправданиям в «погибели несчастных солдат караула». Объяснение этих жертв (погибло 11 и 56 ранено) взрыва было связано с утверждением, что пока солдаты являются оплотом царя, а не народа, такие жертвы неизбежны [6, с. 223–224].

Кульминацией террористических усилий ИК стало смертельное ранение императора (01.03.1881), на которое партия отреагировала публикацией пяти прокламаций-извещений, адресованных разным слоям российского населения и европейскому обществу. Однако наибольшую известность получила опубликованная спустя 9 дней прокламация-извещение, адресованная новому императору Александру III. Написанная тактично и умеренно, без оскорбительных терминов и оборотов эта прокламация стала последним прямым обращением ИК к царю. В этой прокламации присутствует весь набор пропагандистских элементов, выработанных в предыдущих извещениях: многочисленные примеры жестокости режима, угрозы «страшного взрыва, кровавой перетасовки» и повторение уже заявленных требований для прекращения террора — «общая амнистия по всем политическим преступлениям» и созыв «народного собрания». Второе требование конкретизировано соблюдением условий принципов демократических выборов. Симптоматично, что в тексте прокламации все претензии и ранее заявляемая персональная ответственность государя перекладывается вновь на правительство [4, с. 903–907].

Как известно, полицейские преследования в ближайшие месяцы после мартовского покушения уничтожили ядро ИК. Ресурсов для продолжения террористической борьбы у партии не осталось.

Народовольцы отметились и другим новшеством в информационно-коммуникативном комплексе террористической деятельности. Они первыми опубликовали извещение-

опровержение. 22 ноября 1881 г. ИК опроверг свою причастность к покушению на товарища министра внутренних дел П.А. Черевина (13.11.1881) и к ограблению на 300 тыс. руб. Московского Воспитательного дома. Если первое преступление, помимо отрицания, никаких иных рассуждений не имело, то во втором случае, в следствие серьезности досужих разговоров, комитет посчитал нужным добавить комментарий следующего характера: «Всякий ... грабеж имущества частных лиц, а тем более общественных филантропических учреждений настолько же в корне противоречит нашим принципам, насколько составляет обыкновенное явление в сфере императорской бюрократии. Повторяем еще раз, что денег, добытых подобным путем, ИК никогда не принимал и впредь принимать не станет». Причем это извещение было опубликовано и в печатном органе Народной воли (№ 7, 23 декабря 1881 г.) [4, с. 457].

ВЫВОДЫ. Подводя итоги вышесказанному, можно заключить, что народнические организации в полной мере понимали большое значение политической коммуникации с властью и обществом. При этом царская администрация всеми возможными средствами и способами старалась эту коммуникацию не допустить и разрушить. Вследствие этого появился особый жанр политической публикации, в который постепенно трансформировались партийные извещения о совершенных терактах. Помимо коротких, с минимумом информации о покушении, народниками использовались многословные и содержательные извещения-прокламации. В них, на основе ярко выраженных эмоций и ажиотажа по поводу преступления, народники излагали свою политическую программу и актуальные проблемы движения. Преимущественными темами таких извещений являлись народная направленность революционной деятельности, репрессивность царского режима, вынужденный характер террористической борьбы, угрозы эту борьбу продолжать и расширять, условия прекращения террора. Насколько большое значение уделяли извещениям народники, говорит тот факт, что почти половина народнических терактов (19) были в той или иной мере оперативно или некоторое время спустя, но объявлены партийными и обоснованы политическими причинами. Этот пропагандистский опыт народников будет всецело востребован в начале XX в. в условиях второй террористической кампании (1901-1911 гг.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Волк С.С. Народная воля. 1879-1882. М.; Л.: Наука, 1966. 491 с.
2. Дебагорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. СПб.: Свободный труд, 1906. 601 с.
3. Исаков В.А., Квасов О.Н. PR террористической борьбы в России на рубеже XIX-XX вв. // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 1 (25). С. 8-17.
4. Литература социально-революционной партии «Народной воли». [Женева]: Типография партии Социалистов-революционеров, 1905. 978 с.
5. Могильнер М.Б. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 208 с.
6. Революционное народничество 70-х годов XIX века / под ред. С.С. Волка. Т. II. 1876-1879 гг. М.; Л.: Изд-во «Наука», 1965. 472 с.
7. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публицистика. М., Археографический центр, 1997. 576 с.
8. Убийство шпиона в Ростове-на-Дону в 1878 г. // Былое. Ростов-на-Дону. 1906. Вып. II (1903-1904). С. 161.

REFERENCES

1. Volk S.S. *Narodnayavolya. 1879-1882* [Narodnayavolya. 1879-1882]. M. Leningrad: Publ. Nauka, 1966. 491 s. (In Russian).

2. Debagoriy-Mokriyevich V.K. *Vospominaniya* [Memory]. SPb.: Svobodnyytrud. 1906. 601 s. (In Russian).
3. Isakov V.A., Kvasov O.N. *PR terroristicheskoyborby v Rossiinarubezhe XIX–XX vv.* [Revolutionary PR of terrorist struggle in Russia] // *VestnikMoskovskogogosudarstvennogopedagogicheskogouniversiteta. Seriya: Istoricheskienauki*. 2017. № 1 (25). S. 8–17. (In Russian).
4. *Literatura socialno-revolucionnoj partii narodnoj voli* [Literature of the social revolutionary party «Narodnaya Volya»]. Publ. of The socialist revolutionary party, 1905. 978 s. (In Russian).
5. Mogilner M.B. *Mifologiya «podpolnogo cheloveka»: radikalnyy mikrokosm v Rossii nachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza* [The Mythology of the «underground man»: a radical microcosm in Russia at the beginning of the twentieth Century as a subject of semiotic analysis]. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 1999. 208 s. (In Russian).
6. *Revolucionnoe narodnichestvo 70-h godov XIX veka* [Revolutionary populism of the 70s of the XIX century]. Vol. II, 1876–1879. M.; Leningrad: Publ. Nauka, 1965. 472 s. (In Russian).
7. *Revolucionnyj radikalizm v Rossii: vek devyatnadcatyj* [Revolutionary radicalism in Russia: nineteenth century]. M.: Publ. Arheograficheskijcentr, 1997. 576. (In Russian).
8. *Ubiystvo shpiona v Rostove-na-Donu v 1878 g.* [The murder of a spy in Rostov-on-Don in 1878] // *Byloye. Rostov-na-Donu*. 1906. Vyp. II. (1903–1904). S.161. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.021

УДК 94(571).081"18"

ББК 63.3(253)53-414,8

В.Я. МАУЛЬ

**ВО ГЛАВЕ «ТАЙНОЙ ДРУЖИНЫ»:
ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО АТАМАНА**

V.YA. MAUL

**AT THE HEAD OF THE «SECRET SQUAD»:
RISE AND FALL OF THE PEASANT ATAMAN**

В статье впервые в историографии рассматривается биография одного из крестьянских вожakov «Чигиринского заговора» 1877 г. Этот заговор был подготовлен в среде бывших государственных крестьян Правобережной Украины революционерами И.В. Бохановским, Л.Г. Дейчем и Я.В. Стефановичем. Ход событий показан в их преломлении в судьбе атамана «Тайной дружины» Ефима Олейника. На основе архивных документов реконструированы черты его жизни до «Чигиринского заговора» и во время самого заговора. Анализируется взлет и падение крестьянского предводителя, вплоть до тюремного заключения и вынесения обвинительного приговора.

For the first time in historiography the article examines the biography of one of the peasant leaders of the «Chigirin Conspiracy» of 1877. This conspiracy was prepared among the former state peasants of Right-Bank Ukraine by revolutionaries I.V. Bokhanovsky, L.G. Deich and Ya.V. Stefanovich. The course of events is shown in their refraction in the fate of the ataman of the «Secret Squad» Yefim Oleinik. On the basis of archival documents the features of his life before the «Chigirin Conspiracy» and during the conspiracy itself are reconstructed. The rise and fall of the peasant leader is analyzed, up to imprisonment and sentencing.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «Чигиринский заговор», Киевская губерния, революционеры-народники, государственные крестьяне, «Тайная дружина», крестьянский атаман, Олейник.

KEY WORDS: "Chigirin Conspiracy", Kiev province, revolutionaries-populists, state peasants, «Secret Squad», peasant chieftain, Oleinik.

ВВЕДЕНИЕ. Сформулированная в заголовке проблема впервые в историографии оказывается объектом научного анализа. Никогда прежде не изучались личность и деятельность Ефима Алексеевича Олейника, в 1877 г. неумолимой логикой «Чигиринского заговора» поставленного во главе подпольной крестьянской организации «Тайная дружина». Она возникла по инициативе революционеров-народников (И.В. Бохановский, Л.Г. Дейч, Я.В. Стефанович), попытавшихся с помощью подложных царских бумаг (грамота, устав, присяга) вызвать бунтарское движение среди бывших государственных крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии.

Общая сюжетная канва наущившего дела кратко описана в давних и более современных работах зарубежных и отечественных историков [11, с. 206-210; 17, с. 196-230; 25, р. 581-584, и др.]. Однако необходимой познавательной глубины удалось достичь только в последние годы, когда в различных архивохранилищах были найдены новые источники, выявлены неизвестные факты о крестьянском заговоре вообще и его вожаках в частности, произошел методологический поворот в сторону историко-психологического и культурно-антропологического «измерения» прошлого. Все это вкупе привело к достижению более продуктивных научных результатов в изучении «Чигиринского заговора», его предпосылок и последствий [21]. Благодаря успехам историографии нет нужды еще раз повторять

уже знакомый ход событий. Вместо их очередного пересказа целесообразнее акцентировать внимание на нелегкой судьбе одного «маленького» человека, силой обстоятельств втянутого в водоворот большой истории. Актуальность проблематики связана с необходимостью устранить существующие эвристические пробелы в исключительно важной теме, а также на конкретном примере массового народного протеста выявить социокультурную природу, механизмы внутренней детерминации и роль отдельной личности в масштабных социальных конфликтах.

ЦЕЛЬ. Реконструировать черты биографии Е.А. Олейника в период до возникновения «Чигиринского заговора», затем — за полгода участия в нем, закончившегося арестом, тюремным заключением и обвинительным приговором как одному из главных руководителей противозаконного сообщества [4, л. 130]. В то же время политическая ссылка в Восточную Сибирь и годы жизни после возвращения оттуда пока не планируются к рассмотрению, так как требуют дополнительных архивных разысканий и заслуживают специального исследования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Источниковую базу преимущественно составили материалы делопроизводства государственных учреждений, в том числе протоколы допросов участников заговора, донесения волостного и уездного полицейского начальства в вышестоящие инстанции, переписка губернских властей, отчеты Киевского ГЖУ в 3-е отделение императорской канцелярии и мн. др. Большинство их не опубликовано и хранится в фондах российских и украинских архивов [1-5; 16; 23 и др.], некоторая же часть вошла в изданные ранее сборники документов [9; 12]. На вооружение взяты методы микроистории и биографического нарратива, дающие возможность восстановить ключевые подробности жизненного пути Е.А. Олейника и через них раскрыть семантику коллективных и индивидуальных актов исторической драмы, развернувшейся в бывших казенных имениях Правобережной Украины в конце 70-х — начале 80-х гг. XIX в.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. О герое нашей статьи в источниках сохранились диаметрально противоположные суждения. Из сообщений отнюдь не беспристрастных официальных документов вырисовывается вполне привлекательный портрет крестьянского лидера. Узнаём, что отставной унтер-офицер, крестьянин с. Шабельники Е.А. Олейник был «человек весьма энергический и смысленный», «грамотный и весьма разумный», стоявший «выше общей массы крестьян» и «пользовавшийся неограниченным доверием членов Тайной дружины», подчинявшихся «его нравственному влиянию». Без ложной скромности об уважении к нему селян говорил сам Е.А. Олейник [2, л. 32, 171; 4, л. 123об, 75].

Совсем другое отношение сложилось у прямых виновников разжигания заговора из революционных рядов [21, с. 7]. Постфактум они стремились хоть на кого-то сбросить отрицательные эмоции от провала многообещавшей авантюры, и едва ли имелась для этого более удобная мишень. В мемуарах Л.Г. Дейча утверждалось, что Е.А. Олейник «проявлял самые низменные пороки — был корыстолюбив, нечист на руку и пр.». Будто бы у мемуариста уже тогда, «во время ведения агитации среди чигиринцев, возникало опасение, что, при подходящих обстоятельствах, в случае, напр., ареста, Олейник всех и все выдаст, что и подтвердилось» [6, с. 77-78]. К перечисленным изъянам Я.В. Стефанович прибавлял, что крестьянский вожак отличался администраторской неспособностью, что многие неурядицы в дела подпольной организации вносились «честолюбием и корыстолюбием атамана», совершившего, помимо прочего, денежную кражу у товарищей по борьбе. В подтверждение он ссылался на мнение одного из них, что «атаман более, чем кто-нибудь, губил Тайное Общество» [24, с. 209, 210].

При том, что Е.А. Олейник не был, конечно, ангелом во плоти, достойно сожаления, что именно обличительная характеристика, изображавшая его не в лучшем свете, без должной критики была воспринята на веру и закрепилась в историографии. Под ее

влиянием историки прямо обвиняли его в корысти, упрекали в том, что он якобы «утаил часть общественных денег» и приводили иные нелестные отзывы о нем [11, с. 209; 22, с. 121].

Не менее противоречивые сведения сохранились о дате рождения Е.А. Олейника. Из упоминаний ряда источников вытекает, что это могли быть 1828 или 1835 гг. [3, л. 572, 106 об]. Но более достоверной представляется запись в посемейном списке по Шабельницкому сельскому управлению за 1874 г., согласно которой на тот момент ему было полных 40 лет, то есть появление на свет датируется 1833 г. [5, л. 236]. Значит, в феврале 1877 г., когда Е.А. Олейник с ближайшими соратниками приступил к формированию «Тайной дружины», он достиг 43-летнего возраста мужской зрелости, имея за плечами солидный жизненный опыт.

Из полицейского описания известно, что сколько-нибудь броской и яркой внешностью он не обладал, а потому среди особых примет перечислялись вполне заурядные отметины: «на левой ноге ниже колена замечается рубец от бывшего чирья, на правой лопатке родимое пятно коричневого цвета, на шее сзади замечается знак от мушки» [16, л. 4 об]. Рост Е.А. Олейника в пересчете на метрическую систему составлял около 174–175 см (2 аршина 7 $\frac{1}{4}$ вершков), волосы на голове и бровях были темно-русыми с проседью, усы — светло-русыми, довольно окладистую бороду он, судя по всему, иногда сбривал. Серые глаза, длинный нос, обыкновенные рот и лоб, круглый подбородок и чистое лицо дополняли незатейливый облик простого чигиринского хлебороба. При отсутствии в сельской глубинке профессиональных дантистов Е.А. Олейник, как и многие его современники, явно страдал челюстно-лицевыми проблемами. По крайней мере, обращает на себя внимание тот факт, что у него «на нижней челюсти нет с левой стороны 4-х, а с правой 3-х коренных зубов» [16, л. 4 об].

Надо заметить, что для чигиринских и окрестных территорий украинская фамилия Олейник (Олійник) не была редкостью, в одной только Шабельницкой волости в 1870-х гг. зафиксированы десятки таковых жителей [5, л. 10об, 121–121об, 122–122об, 248–248 об]. Более того, сведения об Олейниках по данному региону встречаются в документах весьма отдаленных времен. Например, в росписи Войска Запорожского от 1649 г. в составе Марковой сотни Черкасского полка упоминалось имя Остапа Олейника. Войсковым товарищем Нежинского полка в 1677 г. был Данило Олейник. В Реестре запорожского казачьего войска от 1756 г. встречаются казаки Петро и Федор Олейники, и это лишь малая толика всех стародавних носителей фамилии [10, с. 270; 19, с. 46]. Хотя родство Е.А. Олейника с кем-либо из них не установлено, похоже на то, что его местная генеалогия уходила корнями, как минимум, в героический период национально-освободительной борьбы украинского народа, когда Чигирин на несколько десятилетий превратился в гетманскую столицу.

Несмотря на историческую укорененность предков, о жизни самого Е.А. Олейника от рождения до «Чигиринского заговора» в источниках сохранилось мало конкретных сведений. Те же, что есть, носят в основном справочный характер (метрические книги, исповедальные ведомости, посемейные списки и т.п.). Поэтому отдельные штрихи биографии приходится собирать буквально по крупицам прямых и косвенных упоминаний архивных документов.

В родительской семье (отец — Алексей, мать — Степанида) Ефим оказался младшим из четырех братьев, причем возрастная дистанция между ними была значительной: со старшим братом Петром — 19 лет, со средними братьями Никитой и Пантелеймоном — 8 и 4 года соответственно [5, л. 121, 122, 236, 248].

Повзрослев, в 1855 г. Е.А. Олейник поступил на действительную военную службу [3, л. 572]. Буквально накануне холостой 22-летний парубок отгулял родину и крестины

у односельцев Трофима и Лукии Нощенко дочери Агриппины, чьим восприемником ему довелось стать 16 июня того же года [23, л. 594об-595]. Согласно славянской народной традиции в крестные родители обычно старались приглашать людей, «обладающих высокими моральными качествами, без физических недостатков», истинно религиозных по убеждениям [20, с. 658–663]. Поскольку считалось, что от выбора восприемников зависит будущая судьба новорожденного ребенка, надо полагать, земляки признавали за молодым Е.А. Олейником наличие высоких личностных достоинств.

Шанс доказать прочность своей исконной веры в Господа, царя и Отечество он получил в последующие 15 лет, когда в составе Кабардинского пехотного полка не единожды рисковал головой в боевых операциях Кавказской войны. По свидетельству очевидца, в ходе ожесточенных боев «с усилившимися под властью Шамиля горцами, самые кровавые эпизоды, самые изумительные геройские подвиги связаны с именем Кабардинского полка» [7, с. VI]. Среди таковых за время службы Е.А. Олейника можно назвать участие в делах при реке Джалка, поход к чеченскому аулу Гурдали, блестящую победу над 15-тысячным отрядом Шамиля под Истисом, отличия при взятии укреплений в Таузенской долине, штурме Ведено и мн. др. [8, с. 53–451].

Все вехи армейской карьеры Е.А. Олейника, по его утверждению, были «прописаны в моем указе об отставке, который находится у меня дома» [3, л. 572]. О доблестной службе чигиринца красноречиво говорит унтер-офицерское звание и награждение «орденами за подвиги на Кавказе» [9, с. 149]. Боевая закалка, знакомство с географией и этнической спецификой покоряемого края расширяли кругозор, влияя на характер и взгляды Е.А. Олейника. Выработывалась дисциплинированность, крепили верность присяге и готовность повиноваться приказам командиров, ответственность за товарищей и порученное дело, чувство взаимопомощи и другие востребованные чрезвычайной обстановкой качества. Сказывалась также особая аура полковой атмосферы, сложившейся на театре войны. На Кавказе «не сочиняли бесчисленных правил, уставов, регламентаций, жили, как указывали условия жизни, имели всегда пред глазами смерть, помнили, что солдат тоже человек, разумное существо, не обирали его, не гнушались им, не третировали его с высоко, не вгоняли в него постоянного страха, не могли, наконец, не уважать его, видя как он рос вместе с опасностью, развивался нравственно» [8, с. 76–77]. Названные факторы, полтора десятка лет исподволь воздействовавшие на сознание, формировали психологические установки восприятия будущим атаманом «Тайной дружины» неразрывной взаимосвязи человеческого достоинства с верноподданническим долгом.

Служба Е.А. Олейника пришлась на переломную для страны эпоху так называемых великих реформ, которые катком прошли по Чигиринскому уезду и родным Шабельникам [13; 25, р. 581–582]. Демобилизовавшись в 1870 г., он уже не застал в живых свою мать, старшего брата Петра и двух его сыновей Якова и Дементия, двоюродную сестру Евдокию, невестку Зиновию и др. [5, л. 121–121об, 122об, 248]. Горечь потерь компенсировалась радостью знакомства с восемью выросшими в его отсутствие племянниками, встречами с другими родственниками и старыми друзьями. Обнаружился в селе и неожиданный островок стабильности в лице церковного причта во главе со священником Василием Татаровым. Его многолетнюю порочную жизнь, приведшую к падению нравственного авторитета в глазах прихожан, Е.А. Олейник назвал пусть второстепенной, но одной из причин крестьянского движения против кабальных условий аграрной реформы [4, л. 74; 13, с. 57–65].

Вскоре последовали перемены и в личной судьбе. Геройский унтер с боевыми наградами, умевший рассказывать захватывающие истории о кавказских приключениях, был обречен на пристальное внимание со стороны деревенских невест. Одна из них (по имени Феодора) стала его суженой, причем новобрачная была на 13 лет моложе супруга.

14 сентября 1873 г. у них родился первенец Никита, видимо, названный в честь старшего из оставшихся братьев. Через четыре с небольшим года последовало новое прибавление в семье — дочка Мария [3, л. 572; 5, л. 236–236 об]. Приятные переживания в то же время ставили перед недавним служакой непривычную дилемму: как самостоятельно прокормить растущую семью, если во всем Чигиринском уезде «после бывших в 1875 году волнений крестьяне сильно обеднели» [4, л. 74]. Потому и у него самого имелись лишь «одна десятина пахотной и небольшое количество усадебной земли, на которой построен дом, стоящий всего двадцать рублей» [16, л. 31]. К этому добавлялось бремя подушных и иных обязательных платежей, размер которых неуклонно возрастал [13, с. 60–62]. Между тем, помимо нелегкого труда пахаря, другого мастерства, способного стать спасительным подспорьем в быту, он не знал. Так что у Е.А. Олейника, надо полагать, не было иного выбора, как по примеру односельчан уходить на сезонные заработки в Херсонскую губернию, где «в имениях помещиков ощущался постоянно недостаток в рабочих силах, в особенности в летнее время при уборке трав и хлебов» [1, л. 21]. Но даже столь энергозатратный, отнимающий силы и время способ периодически пополнять семейный бюджет не решал экзистенциальных проблем жителей разоренной реквизициями и реквизициями Шабельницкой волости [13, с. 60, 63–65].

Как повелось истари, так и теперь в трудную годину, у чигиринцев (православных монархистов по убеждениям [14]) не оставалось другой надежды, кроме как на добрую волю «царя-батюшки». Не зря же он мыслился «своеобразным источником общего блага, неким олицетворением благополучия и крайне важной для крестьян общественно-политической стабильности». В их «далеко не рациональных представлениях царь виделся грозным карающим началом, носителем правды, земным провидением» [18, с. 24]. От него одного ждали защиты и помощи против зловредных чиновников, панов и попов, которых традиционно подозревали в искажении высочайшей воли [13, с. 63–65]. Тем легче монархически настроенным крестьянам было поверить, что самодержец и впрямь своим указом повелел «наделить их землею в достаточном количестве и освободить от платежа податей» [4, л. 74], но будто бы «указ этот скрывается местными властями и священниками в церквях на престолах» [1, л. 13 об]. Об этом совершенно определенно сообщалось в многочисленных слухах, с начала 1870-х гг. стихийно разносившихся по уездной округе. Дополнительный импульс им был придан действиями Я.В. Стефановича, ставившего задачу организовать в бурлящем недовольством сельской местности крестьянское восстание. По словам современных нам историков, «ситуация для реализации “чигиринского плана” была крайне удачной. В данном случае совпало все: наличие идеи, материал для ее воплощения и личность, готовая этот план реализовать» [15, с. 84]. В рамках намеченных мероприятий Я.В. Стефанович объявил себя с товарищами «царскими комиссарами» и для укрепления присвоенного звания преднамеренно эксплуатировал промонархические чаяния населения. Согласно сведениям источников, еще зимой 1875 г. он «скитался на бережьях р. Днепра, и распространял слухи о том, что дело крестьян о переделе земли еще не погребено, что о нем уже два раза докладывали Государю Императору и что скоро они получат полное удовлетворение» [2, л. 32].

Примерно в то же время Я.В. Стефанович завязал первые контакты с шабельницкими крестьянами, находившимися в Киеве под надзором полиции за участие в аграрных беспорядках. Через них нити заговора перекинулись в недавно усмиренный с помощью войск, но не смирившийся с навязанной кабалой Чигиринский уезд [3, л. 580–581 об, 586–588 об; 24, с. 147–155].

Впоследствии на допросе Е.А. Олейник показал, что о подготовке заговора узнал «от крестьянина Лазаря Тененика, который прийдя к нему 31 января 1877 года, стал рассказывать, что в Киеве какие-то комиссары говорили ему, что в России уже много обра-

зовалось таких тайных обществ, которые по приказу Государя Императора разделили все земли и леса поровну, и что они советуют и Шабельникам крестьянам составить подобное же общество, чтобы таким путем получить душевой надел по 15 десятин на душу. При этом Тененик советовал ему ехать в Киев, получить там устав общества» [4, л. 74].

Жестокие уроки прежней жизни отучили Е.А. Олейника от слепого доверия чужим словам, пусть даже звучавшим из уст хорошего знакомого. Поэтому поначалу он не проявил особого желания присоединиться к опасной затее. От предложения «съездить тогда в Киев и прочесть означенный устав» он отказался под предлогом, что «не мог оставить дома одну жену и малых детей» [3, л. 572 об]. Хотя, в принципе, был не против узнать подробности дела, если «ему принесут бумаги в Шабельники, где он их и пересмотрит» [3, л. 588]. Естественные сомнения быстро развеялись при чтении «Высочайшей тайной грамоты», в которой от имени венценосца подтверждалось, что он «давно желал наделить нас землею, но что ему мешали в этом чиновники и дворяне; что поэтому нужно соединяться в тайные дружины и подготовляться к восстанию против чиновников и дворян». Проникнувшись сакральной силой «царских» слов, Е.А. Олейник признал, что «это дело хорошее и что поэтому нужно набирать дружины» [3, л. 581, 581 об]. Перемена взглядов, словно индикатор, отразила глубину его убежденности, что все «производится действительно по повелению Государя Императора» [4, л. 71]. В таком случае нечего было предаваться умозрительным рассуждениям, надо было действовать решительно и быстро.

Обзаведясь печатным экземпляром устава, Е.А. Олейник вместе с Л.А. Тенеником занялись рекрутированием членов организации «сначала в Шабельниках, затем в с. Мордва и в волостях Адамовской и Рацевской» Чигиринского уезда. Бесхитростная вера в поддержку государя явилась побудительным стимулом крестьянской активности, когда за первые же дни (24–28 февраля) в дружину вступило 250 человек [2, л. 149об-150]. Процесс институционализации завершился в ночь на 1-е марта 1877 г. «около местности называемой “Раскопанная Могила”», где собрались записавшиеся в общество, «и, согласно уставу, разделились на староства, которые избрали себе старост» [2, л. 32 об]. Судя по всему, признанием незапятнанной репутации Е.А. Олейника в глазах крестьян стала доверенная ему должность атамана «Тайной дружины». Правда, сам он утверждал, что это произошло позже — почти через два месяца в доме Николая Охрименко в селе Россошинцы в присутствии «царских комиссаров» Дмитро Найды (Я.В. Стефановича) и некоего Семёна или Бориса (судя по всему, И.В. Бохановского). Они предложили крестьянам «избрать себе главного начальника; те избрали меня и Найда объявил мне, что я буду атаманом» [3, л. 574–574об, 582].

Какая бы из двух версий ни была верна, по общему правилу устава избранник мог занимать пост не более трех месяцев, если только он не назначался по рекомендации «царских комиссаров». Тогда без их согласия его нельзя было сместить. В уставе подчеркивалось, что «атаман избирается из самых лучших дружинников», и это обстоятельство в очередной раз говорит в пользу Е.А. Олейника, коль скоро избрали его, а не кого-то другого. Через него дружина поддерживала связь с «комиссарами», а те будто бы «с самим Его Императорским Величеством». Атаман обязывался сообщать наверх актуальную информацию «о делах дружины, имена ненадежных членов, а также имена особенно старательных для дела». Кроме того, в уставе оговаривалась предсказуемая для селян возможность, когда во главе «Тайной дружины» оказался бы неграмотный человек, что не должно было становиться для него препятствием, поскольку он мог взять себе писаря [4, л. 72 об]. Впрочем, пока главенствовал грамотный Е.А. Олейник, никаких неразрешимых казусов в этой связи не возникало.

По разъяснениям Я.В. Стефановича, атаман дружины, — это, «так сказать, власть исполнительная, рада — законодательная» [24, с. 152]. Именно в тесном союзе со Старост-

ской Радой атаман Е.А. Олейник старался действовать в интересах тайной организации. На неизведанном для него поприще он проявил себя вполне эффективным лидером. Помогала, видимо, военная закалка с ее приматом единоначалия, в силу чего Е.А. Олейник иногда норовил сосредоточить в своих руках все руководство разросшейся за тысячу человек дружиной. С первых же дней в повседневную практику атамана вошла забота об организации крестьянских сходок, где ему приходилось приводить к присяге десятки неопитов. Со временем эти функции он переложил на плечи старост, а сам ограничился сбором с них списков присягнувших, которые «сшивал в особую тетрадку» [3, л. 573 об].

Многokrатно по просьбам товарищей Е.А. Олейник, посещая одну волость за другой, занимался разъяснительной работой, «так как никто из наших крестьян не знал, как следует вести списки принявших присягу и как вообще вести это дело» [3, л. 584]. Он толковал для непонятливых смысл «царских» бумаг: дескать, государь давно «сделал распоряжение о том, чтобы вся земля была отобрана от дворян и разделена между крестьянами, но что это распоряжение скрыли будто бы чиновники». Отчаявшись самостоятельно с ними бороться, император «требуется, чтобы крестьяне составили из себя Тайные дружины, заготовили оружие и силою отняли бы у дворян землю». Перебив «чиновников за неисполнение будто бы ими означенного распоряжения Государя Императора», следует приступить к черному переделу «между всеми крестьянами по ровну без всяких податей» [3, л. 584 об].

Когда же подобные разъяснения не убеждали, для сохранения дисциплины неоднократно приходилось твердой рукой пресекать ропот сомнений, как, например, в ходе полемики о толковании устава «Тайной дружины». Возражая критикуемому оппоненту, Е.А. Олейник обронил едкую реплику, мол, «ты следовательно умнее меня» [4, л. 85 об]. А одному из недоверчивых слушателей с угрозой заявил, «что прослужа 15 лет в военной службе, он дело это понимает лучше, и что если показатель не поступит в члены общества, то “я”, продолжал Ефим Олейник, “выбран от членов дружины атаманом и по этому могу донести о тебе кому следует, и ты будешь казнен”» [4, л. 90]. В другой раз шабельницкий житель Антон Комаренко попытался было увильнуть от назначения старостой. И тут же, как он вспоминал, «Олейник мне на это ответил: а ты думаешь, что так и будет?» Хотя впоследствии все же сменил гнев на милость [3, л. 589 об, 590]. Из источников также известно, что Е.А. Олейник где-то в лесу «собранным крестьянам с. Мордвы и Шабельник» читал письмо, «в котором комиссары отказывались от крестьян за то, что они себя выдают, а их арестовывают» [12, с. 343], тем самым ставя под удар существование тайного сообщества. Порой нерадивых дружинников за неповиновение приходилось наказывать, подобно Науму Власенко, за неявку на сходку старост «Олейник оштрафовал его тремя рублями» [4, л. 77] и т.д.

Одним словом, у атамана сполна хватало регулярных и чрезвычайных забот по организации крестьянского движения в Чигиринском уезде, и не все его действия увенчивались успехом. Порой приходилось сталкиваться с досадными неудачами, как это было при попытке вооружить участников готовящегося восстания, для чего он «заказал изготовить пики кузнецу Артемчуку, но последний сделал ему и крестьянину Михаилу Ляшенко по одной только пике и от дальнейшей работы отказался» [4, л. 75].

Согласуясь с уставным порядком, Е.А. Олейник трижды встречался с «царскими комиссарами», и каждый раз они вручали «печатные уставы, денежные пособия и давали советы и наставления к поддержанию и укреплению» целей сообщества [4, л. 4]. Правда, первое из назначенных свиданий «в последних числах мая месяца» в м. Смеле Черкасского уезда Е.А. Олейник проигнорировал, вызвав недовольство организаторов заговора [4, л. 74]. Последующие встречи также неизменно проходили по инициативе «комиссаров» и в выбранных ими местах: 6 июня 1877 г. в г. Новогеоргиевске (Крылове) Херсон-

ской губернии, 25 июня и 25 августа того же года — в Киеве. Как раз в Крылове Д. Найда «объявил, что устраняет его от должности атамана и назначает вместо него — Кузьму Прудкого», к которому испытывал большое доверие [4, л. 83об; 24, с. 209]. Получается, что пребывание Е.А. Олейника во главе «Тайной дружины» продлилось отмеренные уставом три месяца (отсчитывая от событий на «раскопанной могиле») или того меньше, если вести счет от сходки в Россошинцах в конце апреля. Тем не менее, лишение полномочий не заставило его отказаться от заглавной роли в организации. Из полученных суммарно от «комиссаров» 400 или 800 рублей (по разным данным), атаман «выдавал по полтине и по рублю нуждающимся крестьянам», и «преимущественно семействам лиц арестованных по настоящему делу» [2, л. 33об-34; 4, л. 73 об]. С самими же дружинниками, томящимися в застенках, поддерживал связь через записки, «сообщая о ходе деятельности сообщества, убеждал заключенных строго хранить тайны этого сообщества и при этом уведомлял, что семейства их получили от него пособие» [4, л. 96].

До последнего дня на воле Е.А. Олейник, выполняя указания Д. Найды, старался приучать дружинников к азам конспирации, с которой и сам был не сильно в ладах. С этой прагматичной целью установили пароль «Воздвижное» и «положено было назначить обход по ночам, так как прошел слух, будто поляки ходят шайками и намерены напасть на крестьян совместно с пайковыми» [4, л. 74об-75]. Но не понимавшие необходимости принимаемых мер крестьяне не смогли удержать тайну заговора, слухи о нем расползлись по уезду и неизбежно дошли до начальства [14, с. 234]. Дознание, начатое чигиринским исправником и подхваченное киевскими жандармами, быстро установило личности главных крестьянских вожаков, среди которых сразу прозвучало имя Е.А. Олейника. Какое-то время, покинув дом и скрываясь у соседей, ему удавалось избегать ареста и продолжать кипучую деятельность, пока измена не проникла в ближайшее окружение. В результате полицейской спецоперации «для задержания упорно скрывающегося отставного унтер-офицера Евфима Олейника» он был выдан теми, в ком чаял обрести опору [4, л. 74]. Произошло это 29 августа 1877 г., вскоре после приезда из Киева от «царских комиссаров». Нежданным предателем оказался участник совместной поездки, активист из Адамовки Андрей Приходько. «По возвращении домой,— вспоминал он,— Олейник мне назначил ночь, когда я должен был явиться к нему для совета по делам дружины, но я к нему тогда не пошел, а заявил об этом г. Исправнику и Олейника в эту ночь арестовали» [3, л. 585–585 об]. Причем, как задумали правоохранители, «для отклонения подозрения» сам А.В. Приходько тоже был «захвачен» полицией, благодаря чему Е.А. Олейника удалось ввести в заблуждение о виновниках его бедствий. Попав в руки служителей закона, он напоследок со смирением лишь попытался утешить кричавшую от горя жену: «не беспокойся, такая участь наша!» [4, л. 74].

На допросе атаман-невольник выразил полную уверенность в симпатиях к нему крестьян, «что не обошлось бы без деятельной со стороны их защиты, в случае его ареста днем» [4, л. 75]. Так, кстати, бывало в истории чигиринских волнений предшествовавших лет (Ф.Д. Прядко, Н.Е. Лихошерстая и др.), и всегда готовность селян к сопротивлению становилась мерилем их доверия к вожакам. Едва ли казус Е.А. Олейника нужно возводить в разряд исключений из этого правила. Справедливость озвученной им версии позднее подтвердил Я.В. Стефанович, узнавший от очевидцев подробности происшествия. Общаясь в тюрьме с чигиринцами, он выяснил, что во время ареста Е.А. Олейника «народ стоял огромной толпой тут же около против выстроенного ряда солдат». Причем дружинники «выражали намерение броситься отбивать атамана», но не решились на смелый шаг, потому что «не нашлось такого, который первым бы двинулся с места» [24, с. 212]. В наэлектризованной атмосфере, казалось, стоило Е.А. Олейнику бросить клич, как народный скоп взорвется протестом и вырвет его из рук врагов. Но не произошло ни пер-

вого, ни второго: 1) атаман не обратился за помощью и не попытался пуститься в бега по примеру некоторых заговорщиков; 2) стоявшие в оцепнении крестьяне, не увидев в нем былой решимости, ограничились глухим ропотом.

Однако не будем спешить с обвинениями в том, что предводитель «Тайной дружины» дрогнул в ответственный момент, проявив несвойственную прежде слабость и изменив соратникам по борьбе (так, кстати, считали Л.Г. Дейч и Я.В. Стефанович). Напротив, есть основания полагать, что наступившая развязка подготавливалась всем ходом событий и сопутствующими им раздумьями не только Е.А. Олейника, но и большинства рядовых сообщников. Известно, что идея «Чигиринского заговора» изначально и до конца опиралась на преданность крестьян монарху, на веру в его высочайшие распоряжения бороться с панами и чиновниками, нарушившими волю государя [14, с. 227–230]. Об этом свидетельствовали популярные в уезде слухи о милостивых царских указах, об этом же говорила каждая строчка документов, предъявленных крестьянам от имени царя. Ради виртуального единения с венценосцем они, разумеется, были готовы создать подпольное сообщество и выполнять указания «царских комиссаров». Но лишь до тех пор, пока не сомневались в их легитимности. Один из первых историографов чигиринских беспорядков А. Тун был абсолютно прав. Я.В. Стефанович «хорошо знал, что он делал: только благодаря имени царя ему удалось побудить крестьян создать тайный союз; ему никогда не удалось бы это в качестве агента социалистического комитета» [22, с. 122]. Через несколько лет, находясь в Киевском тюремном замке, Е.А. Олейник и другие лидеры крестьянского подполья именно так и объясняли свое поведение: «Не знали мы тогда, что эти лица были самозванцы, действующие в разрезе с твоими, всепресветлейший государь, мудрыми распоряжениями» [9, с. 150].

Общение с «царскими комиссарами», форма и логика их поступков, речи и внешний вид и до того время от времени вызывали недоверие состоявшихся и потенциальных заговорщиков [14, с. 232–237]. Сомнения периодически посещали даже руководителей «Тайной дружины». Еще во время июньской встречи с «комиссарами» Е.А. Олейник «заподозрил их в том, не обманывают ли они нас, и высказал было свое намерение их связать и предъявить в Полицию, но Кузьма Прудкой возразил мне и сказал, что за подобный поступок я подлежу по уставу к смертной казни и я оставил поэтому свое намерение». Присутствовавший при разговоре А.С. Комаренко подтвердил слова Е.А. Олейника, что скоро «придут два человека и что вероятно они мошенники, что их следует связать и отвести в Полицию» [3, л. 576–576об, 589]. Не случайно, по признанию атамана, после августовской поездки в Киев он все-таки решился осуществить намерение, «думал на следующий же день отправиться к исправнику и заявить о всей организации нашего общества», и если бы «не был задержан, то явился сам добровольно, так как начал сознавать неправоту настоящего дела» [3, л. 579; 4, л. 75].

Знакомство с жизнью и взглядами Е.А. Олейника не оставляет тени сомнения в его искренности. То, что в глазах революционеров, принципиальных врагов самодержавия, выглядело изменой общему делу, для монархически настроенного главы заговора «от имени царя» было естественным стремлением искупить невольную вину перед Богом и государем. Неприкрытый цинизм мнимых комиссаров проявился даже здесь: вероломно обманув чигиринских крестьян, обманщиком они почему-то назначили поверившего им Е.А. Олейника. Впрочем, по сообщению Я.В. Стефановича, после ареста бывший атаман якобы «недели две крепился и даже устоял против побоев. Но будучи привезен в Киев, он, как солдат, против магического действия генеральских эполет Павлова устоять не мог и рапортовал все, что только знал и даже больше, чем было на самом деле» [24, с. 212]. Однако более верной представляется оценка вышеупомянутого А.С. Павлова, тогдашнего начальника Киевского ГЖУ. В отношении к губернатору Н.П. Гессе он прямо признал:

«Более ловкого и полезного сотрудника для обнаружения всего того, что требуется от производящих дознание, каким могла быть личность Алейника, приискать невозможно». Иной расклад трудно представить: глубина раскаяния Е.А. Олейника компенсировалась добровольностью показаний на допросах. К сожалению, «не взирая на его полную готовность содействовать властям к достижению главной цели, т.е. прекращения дальнейшего развития этого опасного движения», правоохранители подошли к вопросу формально, не решившись «воспользоваться его услугами, ибо по Закону, он не может быть освобожден из под стражи иначе как только по приговору суда». Но ожидания главных фигурантов дела «удостоиться помилования за преступление совершенное ими единственно по недоразумению и легкомыслию» не сбылись. В конечном счете, после нескольких лет тюремных мытарств, Е.А. Олейника осудили на поселение в отдаленнейших местах Сибири. 5 апреля 1881 г., «согласно депеше Начальника Главного Тюремного Управления», он был отправлен «из Киева в распоряжение Орловского губернатора» для заключения «в Мценскую тюрьму вплоть до отправления» к месту назначенного наказания [2, л. 171об, 210об-211; 4, л. 108-108об, 161]. Начиналась новая страница и без того непростой биографии крестьянского атамана «Тайной дружины».

ВЫВОДЫ. Подводя итоги, необходимо заметить, что в судьбе простого чигиринского крестьянина Е.А. Олейника, словно в зеркале, отразились боль и страдания пореформенной России. Заявленные как модернизация сельского хозяйства, аграрные инновации государства, по сути, поставили казенную деревню Правобережной Украины на грань нищеты. Возникшим крестьянским недовольством захотели воспользоваться революционные силы, в борьбе с царским режимом мечтавшие о пожаре народного бунта. В начавшейся игре политических амбиций наш герой, подобно другим участникам «Чигиринского заговора», оказался не субъектом, а объектом истории, той разменной пешкой, которой каждый из игроков готов был пожертвовать ради вождельной победы.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 109, 3-я экспедиция. 1875. Д. 144.
2. ГАРФ. Ф. 109, 3-я экспедиция. 1877. Д. 262. Ч. 1.
3. ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476.
4. ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477.
5. Державний архів Черкаської області (ДАЧО). Ф. 658. Оп. 1. Д. 1.
6. Дейч Л.Г. Заговор среди крестьян Чигиринского уезда // Сборник материалов и статей. Ред. журн. «Исторический архив». Вып. 1. М.: Госиздат, 1921. С. 73–79.
7. Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка. (1726–1880). Т. 1. СПб.: Типогр. В. Грацианского, 1881. 498 с.
8. Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка. (1726–1880). Т. 3. СПб.: Типогр. В. Грацианского, 1881. 538 с.
9. Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. / Под ред. П.А. Зайончковского. М.: Наука, 1968. 613 с.
10. Кривошея В.В., Кривошея И.И., Кривошея О.В. Неурядова старшина Гетьманщини. Київ: Стило, 2009. 432 с.
11. Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М.: Политиздат, 1991. 302 с.
12. Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.) / за ред. К. Гребенкіна. Харків: Видання Центрального архівного управління УСРР, 1934. 440 с.
13. Мауль В.Я. В цепи Великих реформ: казенная деревня на переломе (Чигиринский уезд, Киевская губерния) // Вестник Рязанского государственного университета. 2021. № 2. С. 56–68.

14. Мауль В.Я. «Чигиринский заговор» и крестьянская психология // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 221–240.
15. Милевский О.А., Терехова С.А. На пути к «Чигиринскому заговору»: ранняя революционная деятельность Я.В. Стефановича // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2020. № 3 (66). С. 72–90.
16. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. И-12. Оп. 15. Д. 60.
17. Пойда Д.П. Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). Днепропетровск: Днепропетровское областное изд-во, 1960. 488 с.
18. Присяжнюк Ю.П. Віра українських селян в «добрих царів» після скасування кріпацтва // *Культура народів Причорномор'я*. 2001. № 24. С. 123–126.
19. Реестра всего Войска Запорожского после Зборовского договора с королем Польским Яном Казимиром, составленные 1649 года, октября 16 дня, и изданные по подлиннику О.М. Бодянским. М.: Изд-е Императорского ОИДР, 1875. 337 с.
20. Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 2: Д-Ко. М.: Междун. отнош-я, 1999. 689 с.
21. Терехова С.А. «Чигиринский заговор» в современной российской историографии // *Народники в истории России*. Вып. 3. Воронеж: Истоки, 2019. С. 7–16.
22. Тун А. История революционного движения в России. Петроград: Типогр. П.П. Сойкина, 1917. 293 с.
23. Центральний Державний Історичний Архів України м. Київ (ЦДІАК України). Ф. 127. Оп. 1012. Д. 3001.
24. Я.С. Чигиринское дело. Крестьянское общество «Тайная дружина» (Опыт революционно-народной организации) // *Памятники агитационной литературы*. Т. 1: Черный передел. Орган социалистов-федералистов. 1880–1881 г. М.; Пг.: Госиздат, 1923. С. 141–165, 199–214.
25. Venturi F. *Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movement in Nineteenth Century Russia*. New York: Alfred A. Knopf, 1960. 850 p.

References

1. *Gosudarstvennyi arhiv Rossiiskoi Federacii* [State Archive of the Russian Federation] (SARF). Fond 109 (3rd expedition, 1875). Case 144. (In Russian).
2. SARF. Fond 109 (3rd expedition, 1877). Case 262. Part 1. (In Russian).
3. SARF. Fond 112. Inv. 1. Case 476. (In Russian).
4. SARF. Fond 112. Inv. 1. Case 477. (In Russian).
5. *Derzhavnij arxiv Cherkas'koï oblasti* [State archive of Cherkasy region] (SACR). Fond 658. Inv. 1. Case 1. (In Russian).
6. Deich L.G. *Zagovor sredi krest'yan Chigirinskogo uezda* [Conspiracy among the peasants of Chigirin district] // *Sbornik materialov i statej*. Red. zhurn. «Istoricheskij arxiv». M.: Gosizdat, 1921. S. 73–79. (In Russian).
7. Zisserman A.L. *Istoriya 80-go pexotnogo Kabardinskogo general-fel'dmarshala knyazya Baryatinskogo polka. (1726–1880)* [The history of the 80th Infantry Kabardian Field Marshal Prince Baryatinsky regiment. (1726–1880)]. Т. 1. SPb.: Tipogr. V. Gracianskogo, 1881. 498 s. (In Russian).
8. Zisserman A.L. *Istoriya 80-go pexotnogo Kabardinskogo general-fel'dmarshala knyazya Baryatinskogo polka. (1726–1880)* [The history of the 80th Infantry Kabardian Field Marshal Prince Baryatinsky regiment. (1726–1880)]. Т. 3. SPb.: Tipogr. V. Gracianskogo, 1881. 538 s. (In Russian).
9. *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1870–1880 gg.* [The peasant movement in Russia in 1870–1880] / Ed. by P.A. Zajonchkovsky. M.: Nauka, 1968. 613 s. (In Russian).
10. Krivosheya V.V., Krivosheya I.I., Krivosheya O.V. *Neuryadova starshina Get'manshhini* [Non-governmental foreman of the Hetmanate]. Київ: Stilos, 2009. 432 s. (In Ukrainian).
11. Litvak B.G. *Perevorot 1861 goda v Rossii: pochemu ne realizovalas' refor-matorskaya al'ternativa* [The Coup of 1861 in Russia: why the reformist alternative has not been implemented]. M.: Politizdat, 1991. 302 s. (In Russian).

12. *Materiali do istorii selyan'skix revolyucijnix ruxiv na Chigirinshhini (1875-1879 rr.)* [Materials to the history of rural revolutionary movements in the Chigirin Region (1875-1879)] / Ed. by K. Grebenkin. Kharkiv: Publication of the Central archival administration of the USSR, 1934, 440 s. (In Russian).
13. Maul' V.Ya. *V cepi Velikix reform: kazennaya derevnya na perelome (Chigirinskij uezd, Kievskaya guberniya)* [In the chain of Great reforms: the state village at the break (Chigirin district, Kiev province)] // Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Yesenin. 2021. № 2. S. 56-68. (In Russian).
14. Maul' V.Ya. «Chigirinskij zagovor» i krest'yanskaya psixologiya [The Chigirin Conspiracy and Peasant Psychology] // Quaestio Rossica. T. 5. 2017. № 1. S. 221-240. (In Russian).
15. Milevskij O.A., Terexova S.A. *Na puti k «Chigirinskomu zagovoru»: rannaya revolyucionnaya deyatel'nost' Ya.V. Stefanovicha* [On the way to the «Chigirin Conspiracy»: the early revolutionary activity of Ya.V. Stefanovich] // Surgut State Pedagogical University Bulletin. 2020. № 3 (66). S. 72-90. (In Russian).
16. *Nacional'nyj arhiv Respubliki Saha (Jakutija) (NARS (Ja))* [National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya))]. Fond 12. Inv. 15. Case 60. (In Russian).
17. Pojda D.P. *Krest'yanskoe dvizhenie na Pravoberezhnoj Ukraine v poreformennyj period (1866-1900 gg.)* [Peasant movement in Right-Bank Ukraine in the post-reform period (1866-1900)]. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovskoe oblastnoe izd-vo, 1960. 488 s. (In Russian).
18. Prisyazhnyuk Yu.P. *Vira ukraïns'kix selyan v «dobrix czariv» pislya skasuvannya kripaczstva* [Faith of Ukrainian peasants in « good tsars « after the abolition of serfdom] // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2001. № 24. S. 123-126. (In Ukrainian).
19. *Reestra vsego Vojska Zaporozhskogo posle Zborovskogo dogovora s korolem Pol'skim Yanom Kazimirom, sostavlenny'e 1649 goda, oktyabrya 16 dnya, i izdannyy'e po podlinniku O.M. Bodyanskim* [The register of all the Zaporozhian Troops after the Zborovsky Treaty with the Polish King Jan Kazimierz, compiled in 1649, October 16 days]. M.: Izd-e Imperatorskogo ODR, 1875. 337 s. (In Ukrainian).
20. *Slavyanskije drevnosti: e'tnolingvističeskij slovar'* [Slavic Antiquities: an ethnolinguistic dictionary] / Ed. by N.I. Tolstogo. T. 2: D-Ko. M.: Mezhdun. otnosh-ya, 1999. 689 s. (In Russian).
21. Terexova S.A. «Chigirinskij zagovor» v sovremennoj rossijskoj istoriografii [The «Chigirin Conspiracy» in Modern Russian Historiography] // Narodniki v istorii Rossii. Vy`p. 3. Voronezh: Istoki, 2019. S. 7-16. (In Russian).
22. Tun A. *Istoriya revolyucionnogo dvizheniya v Rossii* [History of the Revolutionary Movement in Russia]. Petrograd: Tipogr. P.P. Sojkina, 1917. 293 s. (In Russian).
23. *Central'nij Derzhavnij Istorichnij Arhiv Ukraïni m. Kiïv* [Central State Historical Archive Of Ukraine] (CSHAK). Fond 127. Inv. 1012. Case 3001. (In Russian).
24. *Ya.S. Chigirinskoe delo. Krest'yanskoe obshhestvo «Tajnaya družina» (Opy't revolyucionno-narodnoj organizacii)* [The Chigirin affair. Peasant Society «Secret Squad» (Experience of the revolutionary people's organization)] // Pamyatniki agitacionnoj literatury`. T. 1: Cherny`j peredel. Organ socialistov-federalistov. 1880-1881 g. M.; Pg.: Gosizdat, 1923. S. 141-165, 199-214. (In Russian).
25. *Venturi F. Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movement in Nineteenth Century Russia*. New York: Alfred A. Knopf, 1960. 850 p. (In English).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.022
УДК 94(47)081."18"+821.161.1.09
ББК 63.3(2)53-3+83.3(2=411.2)52

О.А. МИЛЕВСКИЙ **НАЧАЛО ПУТИ В РЕВОЛЮЦИЮ:
О ВЛИЯНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК
ПОКОЛЕНИЯ НАРОДНИКОВ 1870- Х ГГ.**

O.A. MILEVSKY **THE BEGINNING OF THE PATH
TO REVOLUTION: ON THE INFLUENCE
OF FICTION ON THE FORMATION
OF WORLDVIEW ATTITUDES
OF THE GENERATION OF POPULISTS
OF THE 1870S.**

В статье рассматривается вопрос о влиянии художественной литературы на формирование мировоззренческих установок поколения народников 1870-х гг. Выдвигается тезис о том, что при изучении воздействия на радикальную молодежь 1870-х гг. литературы следует брать за точку отсчета годы детства, когда идет становление характера человека. Именно в этот период времени система подросткового чтения играет очень важную роль. В дальнейшем уже на основе сформированных в детские годы книжных впечатлений передовая часть поколения 1870-х гг. под влиянием демократической литературной критики начинала знакомиться с иностранными и отечественными социальными романами, которые в конечном итоге приводили ее к ломке традиционных мировоззренческих установок и принятию новой этики, проповедуемой героями этих сочинений. Это было важным шагом на пути дальнейшей радикализации сознания молодежи, которую довершало знакомство с новыми научными теориями материалистического плана и идеями «прогрессивных» социальных мыслителей и революционеров.

The article considers the question of the influence of fiction on the formation of worldview attitudes of the generation of populists of the 1870s. The thesis is put forward that when studying the impact on radical youth of the 1870s. Literature should be taken as a starting point for the years of childhood, when the character of a person is becoming. It is during this time period that the teenage reading system plays a very important role. Later, on the basis of book impressions formed in childhood, the advanced part of the generation of the 1870s under the influence of democratic literary criticism began to get acquainted with foreign and domestic social novels, which ultimately led her to break down traditional worldview attitudes and adopt a new ethics preached by the characters of these works. This was an important step towards the further radicalization of youth consciousness, which was completed by acquaintance with new scientific theories of the materialist plan and the ideas of «progressive» social thinkers and revolutionaries.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Народничество, радикализм, художественная литература, детское чтение, демократическая публицистика, Н.Г. Чернышевский, Ф. Шпильгаген, революционные кружки.

KEY WORDS: Populism, radicalism, fiction, children's reading, democratic journalism, N.G. Chernyshevsky, F. Shpilgagen, revolutionary circles.

ВВЕДЕНИЕ. Споры о природе появления поколения народников 1870-х гг. и их роли в судьбах России возникли практически сразу же после того, как его представители сошли с исторической сцены. Шкала оценок и суждений об их деяниях оказалась полярной. Некогда яркий представитель этого поколения, член «великого ИК» «Народной воли» и редактор ее издания, а затем столь же ревностный монархист Лев Тихомиров в одной из постреволюционных статей весьма жестко отозвался о его судьбе: «Печальна судьба этого поколения. Не имело оно недостатка в способностях, ни в искренности, ни в готовности к самопожертвованию, а в конце концов — было ли поколение до такой степени бесплодное, так мало сделавшее, так безжалостно уложившее все в пустое место?» [35, с. 343].

Другой участник народнического движения, до конца жизни оставшийся верным его идеалам, так написал о нем: «Живи эти люди при иных политических условиях, они оставили бы глубокий след в теоретической и практической мысли нашей родины — в науке, литературе, искусстве и политике. Но история имеет порой свою логику — и отвела большинству этих людей место... на Голгофе!» [1, с. 377].

Споры о роли народников-«семидесятников» в истории России до сих пор не утихают среди представителей исторического сообщества, публицистов и даже политиков. Квинт-эссенцию современных оценок революционеров-народников очень точно сформулировала историк В.А. Твардовская — для одних «революционеры 1870–1880-х гг. — «народолюбцы и тираноборцы», для других — «бомбисты», лишенные нравственных принципов [26, с. 9].

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ. Во многом дискуссионным остается и вопрос о природе формирования мировоззренческих установок этого поколения [19]. Хотя все чаще звучит мнение, что именно круг чтения «как поколенческий критерий идентификации можно считать одним из самых устойчивых в русском обществе, вследствие особой роли и влияния литературы на настроения и ценности общества, значения литературных героев как выразителей духа эпохи» [20, с. 30; 33, с. 60].

Итак, многие современные исследователи именно систему чтения ставят во главу угла при определении поколенческих характеристик, и народники 1870-х гг. не исключение. Вполне можно согласиться с мыслью М. Могильнер, отмечавшей, что «процесс чтения становился актом политической оппозиции. Мир беллетристики и поэзии, населенный «настоящими» людьми и пропитанный «настоящими» чувствами, становился нормативной реальностью, по правилам которой старались жить интеллигентные читатели» [20, с. 30–31], особенно передовая молодежь.

ЦЕЛЬ. Поэтому целью данной статьи и является выяснения степени влияния художественной литературы на формирование мировоззрения поколения народников 1870-х гг.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Однако, говоря о роли литературы и ее воздействия на молодое поколение читателей, исследователи чаще всего ведут речь о влиянии на формирующуюся личность серьезной взрослой литературы, забывая или, лучше сказать, игнорируя тот непреложный факт, что всем мы «родом из детства», и дети, чье рождение пришлось на вторую половину 1840-х — середину 1850-х гг., в результате и составившие поколение 1870-х гг., здесь не исключение.

Представляется, что, рассуждая о воздействии на них литературы, надо брать за точку отсчета именно годы их раннего детства, когда идет становление характера человека как структурного компонента личности с основными возрастными новообразованиями, характеризующими личностное развитие (познавательные способности и интеллектуализация психической деятельности, осознанность и произвольность всех психических

процессов, включая развитие рефлексивности на себя, самопознание, формирование новой идентичности и т.д.). Большинство современных психологов склоняются к мнению, что детерминантами свойств характера, помимо наследственных признаков, являются особенности средовых воздействий (влияние важных для ребенка взрослых, помимо родителей, круг чтения и т.д.)¹.

Яркая представительница поколения народников 1870-х гг. В.Н. Фигнер писала по этому поводу: «Человеческая личность складывается обыкновенно под влиянием едва уловимых вкладов, которые делают люди, книги и окружающая жизнь. Но бывает, что какой-нибудь из этих элементов делает в душе глубокую зарубку и закладывает фундамент новой строящейся личности» [43, с. 55]. И для абсолютного большинства представителей той эпохи это были именно книги.

Естественно, что свое погружение в мир чтения дети, родившиеся на заре 1850-х гг., начинали не со знакомства с работами Добролюбова или Писарева! Думается, что, размышляя о становлении их характера, нельзя не учитывать воздействие художественной литературы, прочитанной ими в ранние детские годы.

Дети, чье рождение пришлось на переходную эпоху двух царствований от Николая I к Александру II, повсеместно воспитывались в семьях, где господствовали вкусы николаевской эпохи. В эпоху Николая I фактический запрет на европейскую мысль и свежее слово привел к тому, что читающая Россия вынуждена была в огромных количествах поглощать доморощенных «классиков» — писателей так называемой риторической школы, наиболее потребных императорскому вкусу. Тогда повсеместно в каждой образованной семье можно было найти не только булгаринский альманах «Северная пчела», сочинения Н.И. Греча, Н.М. Карамзина и Г.Р. Державина, но и в изобилии книги Н.В. Кукольника и О.И. Сенковского (писал под псевдонимом барон Брамбеус), массово выходившие и отдельными тиражами, и в издаваемом ими ежемесячном журнале «Библиотека для чтения».

К счастью, в период «золотого века» русской культуры появились книги и журналы, содержавшие произведения действительно знаковых российских писателей и поэтов (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Т.Г. Шевченко, раннего И.С. Тургенева), но все же их было крайне мало на фоне господства писателей «риторической школы».

Система детского чтения как таковая также оставляла желать лучшего. По мнению современных экспертов, «первая половина XIX в. по праву считалась «временем застоя» для детского чтения и литературы. В это время во всех образовательных учреждениях (кадетские корпуса, институты, гимназии) преобладало чтение книг не на русском, а на французском языке. Это факт послужил для распространения в России сентиментального нравоучительного направления в детской литературе, в рамках которого особенно эффективной была деятельность Сергея Глинки и Александры Ишимовой [24, с. 95]. Сергей Глинка издавал несколько лет журнал «Новое детское чтение», являясь последователем деятельности Новикова и Карамзина. Однако содержание журнала «Новое детское чтение» не было интересным» [24, с. 95]. Наиболее популярными сочинениями А.И. Ишимовой являлись «Священная история» и «Рассказы по русской истории», которые были представлены в виде беседы воспитателей или родителей с детьми» [24, с. 96]. То есть чтение хотя и познава-

1 В отечественной психологии возраст определяется как динамическое, постоянно меняющееся многоструктурное образование, обеспечивающее реализацию линий психического развития личности. Главным фактором, определяющим возраст, является представление о социальной ситуации развития, под которой понимается «совершенно своеобразное, специфическое для данного возраста, исключительно неповторимое отношение между ребенком и окружающей его действительностью, прежде всего социальной» [8]. С точки зрения наиболее известной в отечественной науке классификации периодов развития человека (Эльконин Д.Б., Выготский Л.С.), возраст от 3-х до 15-ти лет является сензитивным периодом для становления характера, когда психика ребенка наиболее восприимчива к внешним воздействиям и формированию определенных качеств личности [8, 48] По мнению ряда исследователей (Ф. Арьес и др.), во второй половине XIX в. критерии возрастных периодов были примерно такими же.

тельное, но не слишком интересное для детского уха. Наблюдался в это время в Российской империи и явный дефицит детских журналов², они практически не издавались, а те, которые все же выходили, имели малую популярность из-за их «убогого» содержания [24, с. 99]. Так что на российском детском книжном рынке вплоть до 1850-х гг. присутствовали в основном весьма скучные нравоучительно-познавательные произведения. Поэтому неудивительно, что первую половину XIX в. эксперты считают временем упадка для отечественной детской литературы [24, с. 97].

Зато как раз на рубеже 1840-1850-х гг. в мировой литературе произошли события, которые напрямую повлияли и на российскую словесность. Пока в Российской империи господствовало «мрачное семилетие» (1848-1855 гг.), в мире зарубежной литературы возникли замечательные образчики литературного стиля, который критики назовут «прогрессивным романтизмом». Вслед за теми же Дж. Байроном, П. Шелли, А. Мицкевичем появились Ш. Леконт де Лиль, Ж. Санд, В. Гюго и др.

Поэтому неудивительно, что ослабление цензуры уже в первые годы правления Александра II привело к проникновению в Россию произведений ранее малоизвестных здесь авторов, например, Стендаля. Его книги вносили в сознание читателей, в том числе и юных, не только культ сильных страстей, но и боевой революционный дух, вспомним его замечательную новеллу «Ванина Ванини», которая позднее вошла в «Итальянские хроники». В ней автор воспроизводит эпизод из жизни карбонариев. Никуда не исчезли с литературного горизонта и произведения периода немецкого «бури и натиска» И. Гете и Ф. Шиллера, всегда популярные и читаемые в России.

Конечно, начинающие читатели 1850-х гг. не сразу обратились к творчеству вышеупомянутых писателей, но и на рынке развлекательной мировой литературы произошла настоящая революция. Примерно в это время в литературе возникают новые направления и жанры, напрямую повлиявшие на всю систему именно детского и юношеского чтения. Например, в начале 1840-х гг. благодаря Э. По появляется детективный рассказ³. Освоение Дикого Запада порождает романы фронта. Классиком этого жанра стал Дж.Ф. Купер. Наибольшую известность ему принес «индейский цикл» — серия романов о Кожаном чулке, охотнике и следопыте Натти Бумпо («Пионер», «Последний из могикан», «Прерия», «Следопыт» и «Зверобой»).

Тема борьбы индейцев против колонизаторов, яркие образы положительных героев, и особенно Натти Бумпо и Чингачгук, привлекали особое внимание к книгам Купера как читающей публики, так и передовой критики. На эту мощную харизму положительного героя обратил внимание такой столь проницательный и почитаемый образованным российским обществом критик, как В.Г. Белинский, отмечавший, что «много лиц, исполненных оригинальности и интереса, создала могучая кисть великого Купера... Но ни одно лицо во множестве созданных им лиц не возбуждает столько удивления и участия в читателе, как колоссальный образ того великого в своей естественной простоте существа, которого Купер сделал героем четырех романов своих» [3, с. 513].

В.Г. Белинский также отмечал, что романы Ф. Купера «совершенно самобытны и, кроме высокого художественного достоинства, не имеют ничего общего с романами Вальтера Скотта, хотя, впрочем, и были их результатом в смысле исторической последовательности развития новейшей литературы» [4, с. 41]. И, конечно, книги, где действовал Натти Бумпо, в образе которого воплощались наиболее привлекательные для юношества черты

2 Наиболее популярными были: «Друг юношества» (изд. М.И. Невзоров) и «Друг детей» (изд. Н.И. Ильин). Но эти журналы публиковали, в основном, переводы и научные статьи.

3 В 1841 г. вышел в свет рассказ «Убийство на улице Морг». Э. По опубликовал и ряд научно-фантастических произведений, например, «История Артура Гордона Пима» (1838 г.), «Нисхождение в Мальмстрем» (1841 г.).

характера — смелость, мужество, верность в дружбе, благородство и честность, стали любимым чтением детей многих стран, в том числе и России, например, в юношеские годы романами Ф. Купера, зачитывался будущий «пророк отрицания» и кумир передовой молодежи Д.И. Писарев [29, с. 13].

На этот своеобразный «литературный поворот» и его влияние на читающее российское юношество исследователи российского освободительного движения практически не обращают внимания, и, как кажется, напрасно. В это время мировой книжный рынок массовой остросюжетной литературы вообще переживал невиданный бум. Именно к 1850-м гг. появляется плеяда талантливых авторов, пишущих приключенческие романы для юношества. Во второй половине 1840-х гг. в этом стиле начали творить француз Г. Ферри и англичанин Майн Рид, автор бессмертного «Всадника без головы» и других остросюжетных романов. К ним же можно добавить и Г. Эмара — одного из родоначальников жанра вестерна.

Произведения этих авторов вслед за историко-приключенческими романами В. Скотта и Ф. Купера попадают и в Россию. Всех этих писателей объединял культ мощного положительного героя. Кроме того, эти книги, пленявшие юных читателей захватывающим сюжетом, были лишены какого-либо религиозного морализаторства, свободны от традиционных оков духовно-нравственной назидательности, характерных для детских книг из более ранних эпох.

Дополняли эту палитру произведения другого французского писателя П. де Террайля (1829–1871). Он фактически стал родоначальником жанра роман-фельетон (или романа в выпусках, романа с продолжением). Особую популярность в России обрели приключения Рокамболя, посвященные разбойнику, главарю шайки мошенников. Однако, попав на каторгу, он раскаялся в своих преступлениях и решил искупить вину, помогая несчастным людям, пострадавшим от подлости и несправедливости сильных мира сего.

Что касается российских писателей, особо привлекательными для подростков становились романтические герои Н.А. Некрасова, М.Ю. Лермонтова, о которых большинство читателей узнало из знаменитой тогда хрестоматии А. Филонова [13, с. 42; 42, с. 27], и, естественно, «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя. Конечно, и в первой трети XIX в. в России, в различных слоях общества, имели хождение лубочные книги с авантюрным содержанием и переводные готические или, иначе, «черные романы». Эти романы «тайн и ужасов», зачастую весьма низкого литературного качества, в начале XIX в. волной захлестнули книжный рынок Европы [46, с. 5], а благодаря дешевым переводам попадали и на прилавки отечественных книжных лавок. Мальчишки того времени эти книги, конечно, тоже читали [7, с. 205; 46, с. 80]. Их влекли тайны и преступления, происходившие в готических романах на фоне средневековых замков. Это была своеобразная дань уходящей эпохе дворянского романтизма.

Но книги литераторов «новой волны», пленившие поколение юных читателей на рубеже 1850–1860-х гг., оказались иными. Они явили новый тип положительного героя: не представителя древнего аристократического рода, окутанного тайной, а человека обычного, но зачастую действующего в непростых, а то и прямо экстремальных обстоятельствах, на новых, еще неосвоенных землях. При этом героя положительного, самого созидającego свою судьбу и проникнутого неким социальным активизмом. Такой герой оказался более понятным для читателей из недворянских сословий (дети мещан, разночинцев, священнослужителей), а выходцы из этих сословий весьма массово в дальнейшем будут представлены в народническом движении.

Фактически эти книги заместили для начинающих жить подростков, причем обоих полов, старый мир литературы с его авантюрными и «готическими романами», писателями-сентименталистами, назидательно-педагогическими сочинениями и литераторами риторической школы. При этом можно согласиться с тезисом ряда исследователей о том, что уже в конце 1850-х гг. «сентиментализм во всех его видах был молодому поколению чужд... Мечтательность, томление, религиозное затишье души, всякая пассивность и колебание

в решении вопросов жизни и духа — казались молодым людям смешными пережитками или просто грехом перед собой и ближними. Литература, связанная с именем Жуковского, для людей новой формации не существовала» [12, с. 45].

И, конечно, юные читатели буквально глотали вновь появлявшиеся книги, путешествуя вместе с их героями по неведомым землям, совершая подвиги, защищая слабых и с оружием в руках борясь за правое дело. В подростковом мире на эмоциональном уровне происходило своеобразное смешение реального и книжного миров, и, как это часто бывает, в мире детства вымышленная реальность и поступки книжных героев проецировались на настоящую жизнь.

При этом особенностью российских семей было то, что старшее поколение, воспитанное в убеждении, что все разрешенное цензурой полезно молодежи, практически никак не вмешивалось в литературные запросы своих детей. В сохранившихся воспоминаниях революционеров-народников (там, где поднимается тема детства) очень часто можно обнаружить немало указаний на подобное отношение взрослых к детскому чтению [21, с. 41; 43, с. 40; 42, с. 27; 15, с. 223; 25, л. 36, 37об]. Вполне возможно, это являлось особенностью российских воспитательных подходов того времени, хотя, например, в европейских трактатах о воспитании еще конца XVII в. специально оговаривался выбор книг для чтения детей и содержалась особая рекомендация — «исключить романы, настоящий яд для души» [2, с. 390].

Поэтому в головах юных читателей частенько царил настоящий хаос из причудливого смешения различных героических типов и их деяний, но мотив самопожертвования, борьбы за справедливость всегда являлся доминирующим. Свои сумбурные впечатления от прочитанного в кишиневской гимназии так сформулировал сын обедневшего дворянина В.Ф. Костюрин: «В голове теснились сплошь лишь фантастические или героические образы, обрывки из Майн Рида, из учебников — Луция Сцевола, Брута и вообще древних римлян с их презрением к жизни и жаждой подвигов и славы; они перекликались с картинами российской истории — бунт Стеньки Разина, сцены в Астрахани, сцена казни Стеньки, «Капитанская дочка», Костюшко, Гарибальди... казались героями одного типа и, как смутный сон, стояли сцены последних дней крепостного права, случаи кулачной расправы с безответными крестьянами и детские клятвы ненависти мучителям народа» [25, с. 37 об].

Примерно так же бессистемно, но с уклоном на героическое читал, а затем по поводу прочитанного рефлексировал и сын отставного фельдфебеля, зрителя каменноугольных шахт, М.Ф. Фроленко, родившийся в Ставрополе-Кавказском. Еще будучи учеником уездного училища [41, с. 266–267], он познакомился с рассказами Н.В. Гоголя и полным изданием «Робинзона»⁴, прочитанным с захватывающим интересом [42, с. 27]. Перейдя в гимназию, несмотря на трудности в доставании книг, Фроленко добыл в гимназической библиотеке что-то о Гарибальди и его подвигах, а также читал, что удавалось достать — это несколько книг журнала «Библиотека для чтения», Смайльс, путешествия к Северному полюсу (видимо, имеется в виду «Путешествие и приключения капитана Гаттераса» Ж. Верна) [41, с. 268].

А в старших классах гимназии у него появилась возможность читать переводные романы, которые, правда, скоро набили оскомину и выбор был сделан в пользу отечественных авторов, из которых в доме у Фроленко были басни Крылова, Лермонтов — «Мцыри» и «Кавказский пленник», а главное — хрестоматия Филонова, в которой он особенно зачитывался «Тарасом Бульбой... Читая и перечитывая их много раз, то увлекался Кавказом, мечтал о разных похождениях, борьбе с барсами, то весь уходил в борьбу Малороссии с Польшей» [41, с. 268].

В целом подбор авторов у подростков оставался неизменным. Об увлечении книгами отечественных писателей и поэтов романтического направления уже говорилось выше, а бок о бок с ними шли писатели, представлявшие различные направления историко-

4 В России существовала версия книги Д. Дефо «Приключения Робинзона Крузо» переделанная немецким писателем Кемпе таким образом, чтобы адаптировать ее к детскому восприятию.

приключенческого жанра, их книгами, также как и сочинениями о путешествиях, зачитывалось в среде образованных сословий большинство российских детей, родившихся на переломе двух царствований.

Об увлечении выходца из старинной дворянской семьи П.С. Поливанова, как и других российских мальчишек той эпохи, майн-ридовской Америкой с ее благородными индейцами и их воинскими подвигами вспоминал его товарищ и биограф И.И. Майнов [17, с. 8].

А вот как свои предгимназические годы и время, проводимое за книгами и вызванными их чтением играми, описывал Н.А. Морозов, чье социальное положение, вполне сопоставимо с положением Поливанова: «Большинство видных представителей русской литературы: Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Кольцова, Гоголя и затем Некрасова, всегда производившего на меня вместе с Лермонтовым особенно сильное впечатление, и часть иностранных, главным образом английских писателей в русских переводах, я знал еще до гимназии, так как их произведения имелись в нашей библиотеке. Никакого выбора чтения отец для меня не делал, и я брал всякую книгу, заглавие которой казалось для меня интересным. Майн Рид, Эмар, Купер и особенно Габриель Ферри своим романом «Лесной бродяга» сильно развили романтическую сторону моей натуры и наполнили воображение всевозможными приключениями, так что впоследствии, по поступлению в гимназию, я тоже, как и многие мальчики моего времени, не избежал «сбора к индейцам» и одно время специально и детально изучал с этой целью географию Северной Америки» [21, с. 41–42].

Причем это поветрие охватывало российских детей из разных социальных групп. О своем и своих друзей увлечении в детские годы книгами Майн Рида, Г. Эмара и Ф. Купера свидетельствовал живший тогда в глухой Вятской губернии в семье мелкого чиновника Н.А. Чарушин. Он же отмечал, что это «давало нам повод устраивать и соответствующие воинственные игры» [43, с. 37]. Об интересе своем и брата к книгам о путешествиях Дж. Кука и Д. Ливингстона вспоминал рожденный в Малороссии, в Житомире, сын уездного судьи В.Г. Короленко [15, с. 223], указывавший, что «книг было не очень много и больше все товар по тому времени ходкий: Дюма, Евгений Сю, Купер, тайны разных дворов и, кажется, уже тогда знаменитый Рокамболь» [15, с. 223]. Выходец из Новороссийска, родившийся в семье военного врача, выслужившего дворянство, Л.А. Тихомиров также «глотал Густава Эмара, Дюма и т.п.» и под их влиянием вместе с товарищами «упражнялся в разных забавах» [36, с. 186].

Схожий круг чтения наблюдался и у петербуржца, представителя духовного сословия И.И. Попова, который особенно «увлекался Майн Ридом, Жюль Верном, Купером и Эмаром» [30, с. 24]. Эти же книги и служили темой для игр: «Мы строили шалаши и, разделившись на партии индейцев и европейцев, принявши клички “Красный кедр”, “Буйный вихрь” и др. воплощали в наших играх героев Г. Эмара и Майн Рида» [30, с. 24]. Теми же «Майн Ридом, Купером и т.п. сочинениями» зачитывался в Киеве сын богатого еврейского торговца Л.Г. Дейч [9, с. 9].

Конечно, эти произведения читали не только будущие революционеры. Об увлечении великовозрастных гимназистов в Новгороде романами Дюма и Понсон де Террайля о Рокамболе вспоминал П.Ф. Якубович [49, с. 124]. Их современник выходец их семьи духовного звания С.Д. Яхонтов, в будущем преподаватель средних учебных заведений, историк и архивист, человек весьма консервативных убеждений, вспоминал, что в ученические годы «охота читать была смертная... читали контрабандой, читали дозволенное, читали запрещенное» [50, с. 175]. С.Д. Яхонтов «очень любил Майн Рида, Купера, Шпильгагена» [50, с. 175].

Подобные литературные веяния охватили не только мальчиков, жаждавших подвигов и приключений, такая литература пользовалась популярностью и среди девочек. Вот что писала о книгах своего детства участница освободительного движения в России «в третьем поколении», выросшая в семье с богатыми культурными традициями О.К. Буланова-

Трубникова: «Дома я и две мои старшие подружки увлекались повестями Купера, Майн Рида, Густава Эмара и Вальтера Скотта и разыгрывали эпопеи из жизни краснокожих и средневековых рыцарей» [6, с. 138].

Подобное же увлечение пережила и С.Л. Перовская. Ее брат Василий Львович вспоминал, что летом 1863 г. (тогда Софье шел 10 год, а Василий только что закончил четвертый класс гимназии, ему было 13 лет), гостя у семьи Окуневых в имении, расположенном в Псковской губернии, зачитывались романами Майн Рида, а «в следующую зиму перечитали с Соней все остальные его романы» [27, с. 28] и затем предавались играм на их тему, причем весьма небезопасным, — «вечерами, когда отца не было дома, мы порой забирались в темный угловой коридор, ведущий в канцелярию и разыгрывали сцены охоты за индейцами; раз как-то даже развели костер из щепок на полу и чуть было не сожгли пол и угол двери, но успели спохватиться вовремя и загладить следы» [27, с. 28].

Конечно, невиданный всплеск популярности историко-приключенческого романа в среде российского юношества вполне понятен. Кроме интересной сюжетной фабулы, эта литература открывала им новые неведомые ранее страны, народы — целый новый мир, но все же главное — рисовала образ настоящего героя, человека действия, «борца без страха и упрека», словом, объекта для подражания.

Такая литература, конечно, сама по себе не формировала какой-то особенный тип личности. Но у наиболее развитых, эмоциональных, остро чувствовавших чужую боль подростков она порождала новые вопросы, навеянные уже реальной жизнью. Недаром один из пионеров изучения подросткового поведения, американский психолог Грэнвилл Стенли Холл отмечал, что подростки являются наиболее эмоционально нестабильными из всех людей. Юности сопутствует естественный импульс возбуждения: это время, когда во главе угла всего становится эмоциональность. А далее многое зависело от той среды, в которой воспитывался и рос человек. От его окружения, ментальных качеств, от того насколько в нем развиты чувства эмпатии и сострадания к ближнему.

Натуры, тонко чувствовавшие, обостренно воспринимавшие чужую боль и несправедливость окружающего мира, под влиянием, с одной стороны, прочитанных книг, а с другой — внешних проявлений жизни, начинали задумываться над более серьезными социальными темами. Вот как описывал свое впечатление от подобной литературы будущий революционер-«чайковец» Н. Чарушин: «Черты благородства и рыцарства, встречаемые в описаниях действующих лиц, всегда особенно импонировали мне, а вместе с тем даже и в этом чтении понемногу открывался для меня другой, неведомый мне мир» [43, с. 40].

И этот яркий книжный далекий мир наслаивался на увиденную вокруг несправедливость и неустроенность бытия, что порождало желание действовать, пытаться как-то воздействовать на действительность, искать ответы на наиболее наболевшие вопросы русской жизни. Ответы на мучившие их социальные вопросы юноши и девушки, родившиеся на излете 1840-х — в середине 1850-х гг., прежде всего пытались найти во французских социальных и английских бытовых романах сороковых годов. Так дорогой от легкого приключенческого чтения к увлечению остросоциальными романами В. Гюго быстро прошел П. Поливанов. Причем «созданные Гюго образы Симурдена, Вильяна, Жильята и других его героев возбуждали в страстном мальчике восторг и поддерживали в нем его прирожденное влечение ко всему исключительному, беззаветно отважному» [17, с. 8].

Вполне можно согласиться с мнением исследователей о том, что эти жанры «были в России давно любимым чтением... но в начале 1860-х гг. сама трактовка фабулы этих произведений в головах молодых читателей меняется на основе увиденного вокруг и полученной информации о жизни людей обездоленных и обиженных, простонародья и трудящегося класса. И получалось, что поиски ответов на вопросы, только обозначенные в социальных западных романах, продолжались молодежью в знакомстве с научными сочинениями,

в которых «крестьянский и рабочий вопросы разрабатывались всесторонне как вопросы философские, исторические, политические, экономические и психологические» [12, с. 41], и все это экстраполировалось на российскую действительность.

Тот же Н. Чарушин очень точно это подметил: «Постепенно же развившаяся любознательность неизбежно толкала меня дальше и расширяла круг моих интересов. От Майн Рида и Купера я переходил к Диккенсу, особенно трогавшему меня любовным изображением героев, Теккерею и Сервантесу, а затем и к русским авторам» [43, с. 40]. А П. Поливанов в дальнейшем от увлечения романами В. Гюго перешел к «не менее жадному поглощению произведений французских историков и публицистов, особенно Мишле и Луи Блана, Поля Луи Курье и Рошфора... Все симпатии Поливанова с ранних лет обратились в сторону французов, итальянцев и поляков, как наций героических по преимуществу, наций, в ряде поколений выдвигавших таких борцов, как Мадзини и Орсини, Костюшко и Канарский» [17, с. 8].

Да и сама жизнь, и происходящие в мире события демонстрировали молодым людям примеры для подражания. Время конца 1850-х — начала 1860-х гг. являлось временем оживления политических процессов в мире. Это и отмена крепостного права в России, и движение за отмену рабства в США. В российской демократической печати писали о движении аболиционистов, в ней же по мере возможности публиковали их произведения. Журнал «Современник» еще в годы цензурных уставов эпохи Николая I опубликовал в 1853 г. рассказ «Дядя Том» (№ 9. С. 30–50). А в 1857 г., пользуясь цензурными послаблениями начал публиковать роман Г. Бичер-Стоу «Дред». Роман печатали под названием «Жизнь южных штатов Америки». На слуху было имя Джона Брауна, он первый попытался «поднять меч» против рабовладельцев и был казнен за это [45, с. 241–247].

В Европе вновь, после подавления революций 1848–1849 гг., наблюдался всплеск национально-освободительного движения. Это в первую очередь было связано с событиями в Италии, с именем Дж. Гарибальди. Особенную популярность Дж. Гарибальди принес знаменитый поход «тысячи краснорубашечников» (май 1860 г.), сделавший его имя в России всенародно известным, в том числе и благодаря тому, что практически во всех изданиях, невзирая на их политическую окраску, существовали разделы международной хроники, где Италии уделялось первостепенное внимание. Причем о Дж. Гарибальди писали все отечественные журналы как благонамеренные, так и демократические. Естественно, что молодежь с огромным интересом поглощала материалы о положении дел в Италии.

Вообще фигура Дж. Гарибальди в России тогда была очень популярной, и, конечно, воздействие обаяния его личности на молодое поколение нельзя недооценивать. Особенно внимательно к действиям Дж. Гарибальди присматривались демократические публицисты. В период за 1859–1861 гг. журнал «Современник» опубликовал целый цикл статей Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова об «итальянских делах» [22, с. 194–200; 32]. Очерк об итальянском герое поместил в журнале «Русское слово» (№ 8, 1860) Г.Е. Благовосветлов, отмечавший в самом начале, что «с его именем соединяется воспоминание о замечательных событиях нашего века; его меч более тридцати лет неизменно служит свободе отечества... Его простое и честное слово внушает безграничное доверие массам; его отвага одушевляет примером воина и гражданина» [5, с. 83]. О Дж. Гарибальди тогда говорили во всех слоях общества.

Конечно, читающее русское юношество, взрослевшее в эпоху перемен под влиянием литературы, воспевавшей благородных борцов и героев, тоже жаждало непосредственного действия. И, естественно, что такой реально живущий и действующий герой, как «опоясанный мечом» Дж. Гарибальди, являлся для него весьма ярким и показательным примером, как должно служить Отечеству. А ведь кроме Италии, в 1860-х гг. в Ирландии активно действовали фении, и ирландская проблематика также занимала немалое место в русской печати [19].

Таким образом, перед частью читающего, думающего и восприимчивого к чужой боли юношества открывались новые социальные вопросы, ответы на которые оно хотело найти в уже более серьезной литературе. Поэтому постепенно переходило от чтения легкого, но с культом сильного положительного героя, будившего желание ему подражать, к чтению уже более серьезному, заставлявшему размышлять и глубоко задумываться над прочитанным в поисках ответов на вопросы современного мира, то есть к литературе взрослой, способствовавшей формированию неких нравственных оценок и идеалов. А вот к этому оказывались восприимчивы отнюдь не все читатели героико-приключенческой прозы.

А далее путь для передовой молодежи прокладывала уже демократическая литературная критика. Публицисты из лагеря «Современника» и «Русского слова» еще в начале 1860-х гг. требовали от писателя изображения существенных сторон действительности и широких обобщений. Со всей силой своего публицистического таланта они обрушивались на противников иной точки зрения. Статьи литераторов и критиков этого направления, проникнутые идеями создания подлинно народной литературы, поиска идеала положительного героя, молодые люди читали в захлеб. Молодежь жаждала, чтобы на смену Рудиным и Лаврецким, сходившим с литературной сцены, пришли новые персонажи — не пассивные акторы, а действенные участники будущих глобальных событий.

В статье «Когда же придет настоящий день?», написанной незадолго до отмены крепостного права, Н. Добролюбов откровенно указал, что герой дворянской литературы не способен в новых условиях быть человеком-борцом, так как «сам кровно связан с тем, что должно восстать» [10, с. 229]. К тому же публицисты-демократы первыми открыто заявили, что таким положительным героем вполне может стать не только мужчина, но и представительница слабого пола. Пример тому — разбор Н. Добролюбовым образа Ольги в романе «Обломов» [10, с. 33, 35] и образа Елены в «Накануне» [10, с. 219]. И эти произведения ожидаемо завоевали дополнительный успех у молодых читателей и особенно читательниц.

Идеи публицистов «Современника» в еще более агрессивной форме развивал на страницах «Русского слова» Д. Писарев. Его выступления в печати, несмотря на их очевидную диалектическую упрощенность и даже некоторую вульгаризацию, снискали ему невиданную популярность в молодежной среде. И неудивительно! Именно молодежь, увлекающаяся, склонная к излишней социальной экзальтации, оказалась самой восприимчивой к яростным писаревским эскападам против старой культуры, за отстаивание социальной функции литературы [28] и т.п.

Сформулированный публицистами-демократами запрос на нового литературного героя, отражавшего устремления молодого поколения, активно разделяли и передовые читатели. Молодежи хотелось увидеть на страницах книг героя, соответствовавшего ее вновь провозглашенным идеалам. Героя, который на практике реализовал бы философские теории и общественные программы, выдвинутые различного рода прогрессивными мыслителями. Однако неготовность русской классической литературы «правильно» отреагировать на этот поколенческий запрос заставляла передовую молодежь искать и новых литературных кумиров.

Публицисты-шестидесятники, в конце концов, сами попытались изобразить в литературе тип действительного «нового человека». Его абрис очень схематично очертил в своем романе «Что делать?» Н. Чернышевский в образе таинственного и брутального Рахметова, причем в построении книги автор, зная о популярности жанра приключенческого романа в России, использовал завязку в таком стиле. На такое построение фабулы романа обратил внимание, например, американский историк А. Улам. Он отмечал: «Подростку она (книга. — О.М.) покажется приключенческим романом, полным тайн. В то время этот жанр был чрезвычайно популярен в России, и несмотря на то, что в романе нет индейцев, а действие происходит не в Африке, а в России 50-х годов XIX века, есть в этой книге элементы при-

ключенческого жанра. Застрелился или нет Лопухов? У подростка, пытающегося установить подлинную личность Бьюмонта, временами учащается пульс в счастливом ожидании возможной отгадки» [39, с. 67].

В результате, невзирая на очевидные литературные недостатки произведения, и роман, и фигура Рахметова стали культовыми в среде передовой молодежи, а сам автор с его жертвеннической судьбой — объектом настоящего поклонения у поколения 70-х гг. Именно герой Н. Чернышевского, а не герои из романов Д.Л. Морозовца («Знамена времени») и И.В. Омулевского («Шаг за шагом»), оказавшихся менее удачными, стал кумиром поколения.

Очень точно охарактеризовала феномен Рахметова, фигура которого явилась ответом на запрос молодежи на нового литературного героя, народница А.И. Корнилова-Мороз: «И Тургенев, и Гончаров пытались изобразить этот новый тип в своих романах. Гончаров в «Обрыве» дал портрет с живого лица, но вовсе не типичного представителя класса; поэтому Марк Волохов только карикатура на нигилизм. Тургенев был слишком тонкий художник и слишком уважал новый тип, чтобы быть способным на карикатуру, но и его Базаров не удовлетворял нас. Мы в то время нашли его слишком грубым, например, в отношении к старикам-родителям, а в особенности мы думали, что он слишком пренебрегал своим обязанностями как гражданин. Молодежь не могла быть удовлетворена исключительно отрицательным ко всему отношением тургеневского героя. Нигилизм, с его декларацией прав личности и отрицанием лицемерия, был только переходным моментом к появлению «новых людей», не менее ценивших индивидуальную свободу, но живших вместе с тем для великого дела. В нигилистах Чернышевского, выведенных в несравненно менее художественном романе «Что делать?», мы уже увидели лучшие портреты самих себя» [31, с. 90].

Однако если в романе Н. Чернышевского тип особенного человека чертами Рахметова только слегка обрисован, то иностранная литература, пришедшая тогда в Россию, уже изображала подобные типы людей в действии. Речь пойдет о героях романов Ф. Шпильгагена⁵. Во второй половине 1860-х — начале 1870-х гг. в журнале «Дело» появились переводы практически всех романов этого автора. На передовую молодежь они произвели сильнейшее впечатление, особенно роман «Один в поле не воин» (1867 г.) и его главный герой Лео Гутман.

Чем же так впечатлил молодых российских читателей главный герой этого романа, прототипом которого послужил лидер немецких рабочих Ф. Лассаль [38, с. 52]? Лео, сын бедного сельского учителя, с детства проявлял недюжинные способности, благодаря барону Тугенхайму получил образование и под влиянием учителя-демократа Конрада Туски, открывшего ему глаза на страдания народа, приобщился к политическому движению в стране, поставил цель — посвятить жизнь борьбе за освобождение бедных и угнетенных.

Он пережил различные жизненные пертурбации, в том числе и эмиграцию после неудачной революции, и появляется в столице уже с дипломом доктора медицины, окруженный ореолом таинственности. Выступая в роли публициста и общественного деятеля, Лео стремится к осуществлению в государстве справедливых социальных реформ, ради чего идет на массу ухищрений и даже добивается расположения короля. Он движется к цели, руководимый твердым убеждением, что «судьбами народов управляет власть и сила отдельных личностей». Однако повествование заканчивается крахом планов Лео и его гибелью на дуэли. Именно этот литературный персонаж, активно действующий и готовый на все во имя достижения идеи социальной справедливости, и вызвал тогда восторг у читающей молодежи.

5 Первый роман Ф. Шпильгагена на русском языке «Загадочные натуры» опубликовал издаваемый Ф.М. Достоевским журнал «Эпоха» в 1864 г. (в номерах 8–12) под названием «Из мрака к свету».

Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что Лео Гутман, как и герои «Что делать?», олицетворял своими поступками и иную этику, резко расширявшую рамки ранее допустимого в традиционном обществе. Это, например, отношения между мужчиной и женщиной, вопросы брака, отношение к религии, но главное — это раздвижение границ дозволенного в плане достижения нового социального идеала.

Фактически в России именно в этом романе Ф. Шпильгагена в литературной форме впервые был озвучен принцип: цель оправдывает средства, его сформулировал учитель Лео Гутмана Туски: «Кто служит идее, тот должен быть готов на самые тяжкие жертвы, тому предстоит жертвовать даже теми чувствами, которые слывут благородными. Не мы виноваты, что принуждены сражаться подобным оружием» [47, с. 51]. Но реальным выразителем этого этического принципа на практике выступал сам Лео. «Когда взрывают подкопом стены вражеской крепости, непременно при этом какой-нибудь дурак взлетит на воздух» [47, с. 121], — вот строй мыслей позднего Лео.

Однако для нового поколения, впитавшего в себя философию материализма, веру в научный прогресс, атеизм и вытекавшую из всего этого убежденность в ретроградности поколения отцов, это уже не являлось моральным тормозом, скорее наоборот. Молодежь именно к старшему поколению применяла размышления Лео: «Тупоумные, трусливые людишки, ни один из вас не понимает положения дел. Ни один. У всех на уме дрянные соображения то о своем положении, то о милых родственниках. И с такими-то людьми приходится делать историю» [47, с. 96]. Для молодежи, пропитанной идеями «отрицательного» направления в литературе, этот роман пришелся как раз вовремя. Неудивительно, что большое внимание ему уделила именно демократическая критика (Н.С. Курочкин, П.Н. Ткачев, М.И. Цебрикова и Г.Е. Благосветлов).

Специалисты по творчеству Ф. Шпильгагена отмечают, что «его романы становились одним из аргументов демократической критики в борьбе за утверждение жанра открыто тенденциозного, публицистического романа, за создание образа “нового человека” в русской литературе, того самого типа положительного героя, к созданию которого призывал М.Е. Салтыков-Щедрин в своей статье “Напрасные опасения” (1868 г.)» [44, с. 131]. И с этим трудно не согласиться. Думается, в рассматриваемый период времени именно герой романа Ф. Шпильгагена «Один в поле не воин» Лео Гутман и Рахметов из «Что делать?» стали для молодых читателей прообразами «новых людей» — людей не слова, а дела и образцами для подражания у поколения 1870-х.

Очень образно этот феномен отметил В. Короленко: «И так же, как прежде, по русским захолустьям бродили Чайльд-Гарольды, Амалат-беки и Печорины, — теперь стали десятками появляться Лео и Рахметовы Чернышевского. Были даже “Лео на рахметовской подкладке”» [14, с. 269].

Причем в рядах поколения 1870-х тоже произошел разрыв и во многом он был вызван как раз полным принятием или непринятием тех литературных установок, которые тогда конкурировали за его умы. На это обстоятельство обращал внимание все тот же В. Короленко. Он отмечал, что «туманные образы Амалат-беков, Чайльд-Гарольдов, Печориных и Демонов, в сущности, очень безвредны» и молодые люди, им поклонявшиеся, «непосредственно с таинственно-мрачных высот поступали на службу», а вот «судьба русских Лео и Рахметовых была иная» [14, с. 270]. К оценке их будущего вполне применимы стихотворные строки Н.А. Некрасова:

«Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь» [23, с. 575].

Именно этой дорогой суждено было пройти многим представителям поколения 1870-х гг.

Как видим, новые литературные веяния и кумиры не просто затронули, а серьезнейшим образом переформатировали представления передовой молодежи о социальных идеалах, способах их достижения и формах служения обществу. Можно согласиться с мнением ряда исследователей, отмечавших, что ими же «был сформирован образ поколения шестидесятников, ставший основой для конструирования последующих поколений в истории русской интеллигенции» [33, с. 46] и который с готовностью примерили на себя и «семидесятники».

Таким образом, система чтения, сложившаяся под влиянием демократической критики, еще более увеличила духовный разрыв между «отцами и детьми». Передовая литература фактически заменила молодежи опыт общения с представителями старшего возраста, которые, по ее мнению, не могли «правильно» отреагировать на ее интеллектуальные запросы. Молодость в силу психофизиологических черт всегда более ангажирована на некритическое восприятие новых идей, зачастую отрицающих и попирающих заветы отцов. А в пореформенной России, очнувшейся от интеллектуальной спячки, это чувствовалось особенно отчетливо. Разрыв в восприятии современных веяний отечественной литературы, оценка того, что является прогрессом для общества, навсегда раскололи мир «отцов и детей» на две антагонистические части, породив трагический конфликт поколений.

Ярко иллюстрируют такое положение дел в русском обществе воспоминания С.В. Ковалевской. «Можно сказать, что этот промежуток времени, от начала 60-х до начала 70-х годов, все интеллигентные слои русского общества были заняты только одним вопросом: семейным разладом между старыми и молодыми, — вспоминала она. — О какой дворянской семье ни спросишь в то время, о всякой услышишь одно и то же: родители поссорились с детьми. И не из-за каких-нибудь вещественных, материальных причин возникали ссоры, а единственно из-за вопросов чисто теоретических, абстрактного характера. “Не сошлись убеждениями!” — вот только и всего, но этого “только” вполне достаточно, чтобы заставить детей побросать родителей, а родителей — отречься от детей» [13, с. 88].

«Старшее поколение, даже интеллигентное, но уже осевшее, успокоившееся, не могло удовлетворять многих из нас, намечавших себе более широкие жизненные перспективы», — вспоминал «чайковец» Н. Чарушин [43, с. 91]. Таким образом, учителями и главными «пастырями» молодого поколения стали публицисты-демократы и навязываемые ими литературные герои с пропагандируемыми ими моделями поведения.

Другим литературным фактором, существенно повлиявшим на судьбы поколения 70-х гг., стало массовое проникновение в пореформенный период в Россию переводной иностранной литературы. Эпоха 1860-х гг. — это период активного наступления капитализма в стране. Новые экономические явления утверждались во всех сферах жизни Российской империи, до этого долго пребывавшей в стадии стагнации, — от сельского хозяйства и железнодорожного строительства до литературного творчества и книгоиздательства.

Наступило время невиданной ранее коммерциализации издательского дела, что при явном ослаблении цензурных ограничений породило настоящий бум на открытие новых литературных и общественно-политических журналов. Если в последние 10 лет правления Николая I был разрешен выход в свет всего 16 изданий (большой частью специальных: детских, медицинских, мод и т.д.), то в первые 10 лет правления Александра II появилось 156 новых журналов [18, с. 8]. Естественно, среди них резко возросла конкуренция за читателя, а это, в свою очередь, заставляло издателей активно бороться не только за наиболее популярных российских авторов, но и уделять большое внимание рынку иностранной литературы и постановке ее перевода на русский язык практически на «промышленную» основу.

Переводной иностранный роман стал неотъемлемой частью подавляющего большинства «толстых» литературных журналов. Причем при их публикации издатели пытались соблюсти сразу несколько условий: в первую очередь, приемлемое литературное качество, а кроме того, определенная социальная заостренность романа. В результате многие «социальные

языку» западного общества оказались в том или ином виде представлены на страницах журналов и после прочтения активно проецировались на российскую действительность.

В этом ряду стоит выделить появление в России первого тома социально-исторического романа Э. Эркмана и А. Шатриана «История одного крестьянина». В 1868 г. он вышел во Франции. Его главный герой — столетний крестьянин — рассказывает о событиях революции 1789–1793 гг., свидетелем и участником которой ему довелось стать. Тогда же этот роман в сокращенном виде напечатал журнал «Дело» и он быстро обрел огромную популярность в России именно в кругах радикальной молодежи.

Более того, в дальнейшем эта книга привлекла внимание народников-пропагандистов и ее решили использовать для пропаганды в народе. Из пухлого, 900-страничного романа «чайковцы» сделали компактную пропагандистскую брошюру. В таком виде книжку и издали осенью 1873 г. В качестве авторов переделки называли имена Д.А. Клеменца, П.В. Засодимского и Л.А. Тихомирова [11, с. 73–74].

Конец 1860-х — начало 1870-х гг. пополнил число переводных романов с социальным подтекстом, изображавших «новых людей» еще несколькими знаковыми для молодежи произведениями, по популярности не многим уступавшими романам Ф. Шпильгагена. Это роман Дж. Эллиотт (Эллиотт Джордж — это псевдоним. Под ним скрывалась английская писательница Мэри Анн Эванс (1819–1880). — О.М.) «Феликс Холт, радикал» (переведен на русский язык в 1867 г.). Кроме того, в 1871 и 1872 гг. в России был издан двумя книгами немецкий роман «Эмма», принадлежавший перу И. Швейцера. Первая книга «Эммы», заканчивавшаяся изображением народной революции и приходом к власти либералов, обрела в России большую популярность именно в радикальных кругах [37, с. 88].

Более того, все вышеназванные произведения входили в так называемые программы систематического чтения для учащейся молодежи, разработанные в революционных кружках специально для нее и включавшие разделы по разным отраслям знания, в том числе и по беллетристике. Непосредственный участник народнического движения 1870-х гг. Н.И. Сергеев характеризовал такую программу: «Введением к этому чтению было — изучение Некрасова и Чернышевского», а затем уже «полагалось прежде всего прочесть известные тенденциозные романы: Шпильгагена «Один в поле не воин», «Между молотом и наковальней», Джорджа Эллиота «Радикал» (имеется ввиду «Феликс Холт, радикал» — О.М.), Эркмана и Шатриана «История французского крестьянина», «Эмму» Швейцера. Из русских литераторов прежде всего «Знамение времени» Мордовцева» [34, с. 42]. Как видим, среди перечисленных литературных произведений наличествуют как европейские, так и российские сочинения.

ВЫВОДЫ. Из всего вышесказанного можно заключить, что новые веяния в мировой литературе конца 1840–1860-х гг. самым неожиданным образом повлияли на общественно-политическую ситуацию в Российской империи в начале 1870-х гг. Благодаря усилиям отечественных литературных критиков-демократов они обрели невиданную популярность среди учащейся молодежи, а главные герои этих произведений с их «новым» этическим кодексом стали объектом подражания для представителей передовой части молодежного социума. Как отмечали непосредственные очевидцы той эпохи, для передовой части молодого поколения «не знать Некрасова, не говорить языком его стихотворений — было страшным грехом, а не жить по идеалам Чернышевского, не подражать его героям — считалось у нас отсталостью» [34, с. 42].

Таким образом, погружение молодежи в мир остросоциального литературного романа служило обрядом своеобразной идейной инициации. Следование такой системе чтения стало в среде передовой молодежи начала 1870-х гг. своеобразным маркером на принадлежность «свой — чужой». И по сути, являлось для начинающих радикалов первым шагом на пути к той «мировоззренческой ломке», которая в дальнейшем будет совершаться

через сочетание чтения социальных романов с изучением трудов западных материалистов-естествоиспытателей и социологов. Завершится она созданием первых народнических кружков, пропагандирующих и развивающих идеи революционных пророков того времени — П.Л. Лаврова и М.А. Бакунина. И благодаря знакомству с их теориями главной целью для передовой части поколения 1870-х гг. станет служение идее народного освобождения через осуществление социальной революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Пг.: Колос, 1924. 459 с.
2. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1996. 416 с.
3. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. в 13-ти т. Т.V. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 863 с.
4. Белинский В.Г. Собр. соч. в 3-х т. Т.II. М.: ОГИЗ Гослитиздат, 1948. 932 с.
5. Благосветлов Г.Е. Гарибальди (очерк). // Шестидесятники. М.: «Советская Россия», 1984. С. 83–93.
6. Буланова-Трубникова О.К. Три поколения. М.—Л.: Госиздат, 1928. 214 с.
7. Воспоминания Бестужевых. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 891 с.
8. Выготский Л.С. Проблема возраста // Собр. соч. в 6 т. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. С. 244–268.
9. Дейч Л.Г. За полвека. М.—Л.: Госиздат, 1926. 279 с..
10. Добролюбов Н.А. Полн. собр. соч. в 6-ти т. Т.II. М.—Л.: ГХИЛ, 1935. 768 с.
11. Захарина В.Ф. Голос революционной России. (Литература революционного подполья 70-х годов. «Издания для народа»). М: Мысль, 1971. 238 с.
12. Кириллова Е.А. Очерки радикализма в России XIX века. Философско-исторические концепции 40–60 годов. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1991. 204 с.
13. Ковалевская С.В. Воспоминания детства; Нигилистка. М.: «Советская Россия», 1989. 304 с.
14. Короленко В.Г. История моего современника. Т. 1–2. М.: Художественная литература, 1976. 552 с.
15. Короленко В.Г. История моего современника. Т. 3–4. М.: Художественная литература, 1976. 400 с.
16. Круглый стол «народничество / неонародничество XIX–XX веков: сущность, проблема нереализованности потенциала и актуальность их интеллектуального наследия сегодня // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14., № 1. Ч. 2. С. 438–452.
17. Майнов И.И. Петр Сергеевич Поливанов (Биографический очерк) // Поливанов П.С., Майнов И.И. Алексеевский равелин. М.: Юрайт, 2019. 187 с.
18. Макушин Л.М. Цензурный режим и журналистика: от «чугунного устава» 1826 г. до закона о печати 1865 г.: в 2-х книгах. Кн.II. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. 228 с.
19. Милевский О.А. Ирландский фактор в русском освободительном движении 1860–1880-х гг.: к постановке проблемы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (25). С. 70–89.
20. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: Радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1991. 208 с.
21. Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т.1. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 407 с.
22. Н.Г. Чернышевский в общественной мысли народов зарубежных стран. М.: Наука, 1981. 284 с.
23. Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо // Некрасов Н.А. Избр. произв. в 2-х т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1966. С. 295–581.
24. Никитина Е.Е. Развитие детской литературы и периодики второй половины XVII–первой половины XIX вв. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2014. № 4 (19). С. 93–100.
25. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 282. Оп. 1. Ед.хр. 335.

26. Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? «Круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 1. С. 3–18.
27. Перовский В.Л. Воспоминания о сестре (Софье Перовской). М.— Л.: Госиздат, 1927. 116 с.
28. Писарев Д.И. Исторические эскизы. Избранные статьи. М.: Изд-во Правда, 1989. 608 с.
29. Писарев Д.И. Надо мечтать! М.: «Советская Россия», 1987. 432 с.
30. Попов И.И. Минувшее и пережитое. Из воспоминаний. М.: Academia, 1933. 215 с.
31. Революционеры 1870-х гг. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л.: Лениздат, 1989. 439 с.
32. Романика А.С. Национально-освободительное движение в Италии в общественно-политической публицистике Н.Г. Чернышевского // Актуальные проблемы изучения и преподавания всеобщей истории в школе и вузе. Рязань, 2016. С. 263–266.
33. Сабурова Т., Эклаф Б. Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов. М.: Литературное обозрение, 2016. 448 с.
34. Сергеев Н.И. Из жизни людей семидесятых годов // Из истории «Земли и воли» и «Народной воли». Споры о тактике. Сб. док. / Отв.ред В.Н. Гинев. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 38–102.
35. Тихомиров Л.А. Памяти Ю.Н. Говорухи-Отрока // Русское обозрение. 1896. № 9. С. 341–360.
36. Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. 720 с.
37. Травушкин Н.С. Зарубежная беллетристика в русском революционном обиходе // Из истории русской и зарубежной литературы. Саратов: Изд-во СГПИ, 1968. С. 79–98.
38. Травушкин Н.С. Как читали в России роман Шпильгагена «Один в поле не воин» // Русская литература и освободительное движение. Ученые записки КГПИ. Вып. LXIV. Сб. 1. 1968. С. 51–71.
39. Улам А. Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 510 с.
40. Фигнер В.Н. Запечатленный труд. // Фигнер В.Н. Полн. собр. соч. в 7 т. Т. 1. М.: Изд-во Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. 400 с.
41. Фроленко М.Ф. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. Репринтное издание. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 263–271.
42. Фроленко М.Ф. Записки семидесятника. М.: Изд-во Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1927. 340 с.
43. Чарушин Н.А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. М.: Мысль, 1973. 408 с.
44. Чернышева Л.А. Фридрих Шпильгаген: поздние романы, теоретические искания, литературная судьба. Дисс. канд. ист. наук. Воронеж, 2001. 179 с.
45. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 16-ти т. Т. 6. М.: Гослитиздат, 1949. С. 241–247.
46. Чтение в дореволюционной России / Ред. А.И. Рейтблата. М.: Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина, 1995. 170 с.
47. Шпильгаген Ф. Один в поле не воин. б.г. 442 с.
48. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии, 1971, № 4. С. 6–20.
49. Якубович П.Ф. Повести о детстве и юности. М.: «Советская Россия», 1989. 272 с.
50. Яхонтов С.Д. Воспоминания. 1853–1917 гг. В 2-х т. Т. 1. М.— Рязань: АИРО-XXI, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова 2017. 928 с.

REFERENCES

1. Aptekman O.V. *Obshchestvo «Zemlya i volya» 70-h gg. po lichnym vospominaniyam* [The society «Land and Liberty» of the 70s on personal memories]. Pg.: Kolos, 1924. 459 s.
2. Ar'es F. *Rebenok i semejnaya zhizn' pri Starom poryadke* [The Child and Family Life under the Old Order]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1996. 416 s. (In Russian).

3. Belinskij V.G. *Poln. sobr. soch.* [Full composition of writings]: in 13 vol. Vol. 5. M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. 863 s. (In Russian).
4. Belinskij V.G. *Sobr. soch.* [Collected Works]: in 3 vol. Vol. 2l. M.: OGIZ Goslitizdat, 1948/ 932 s. (In Russian).
5. Blagosvetlov G.E. *Garibal'di (oчерk)* [Garibaldi (outline)] // *Shestidesyatniki [Sixties]*. M.: «Sovetskaya Rossiya», 1984. S. 83–93. (In Russian).
6. Bulanova-Trubnikova O.K. *Tri pokoleniya* [Three generations]. M.— L.: Gosizdat, 1928/ 214 s. (In Russian).
7. *Vospominaniya Bestuzhevyyh* [Memoirs of the Bestuzhevs]. M.— L.: Izd-vo AN SSSR, 1951. 891 s. (In Russian).
8. Vygotskij L.S. *Problema vozrasta* [Age problem] // *Collected Works* in 6 vol. Vol. 4. Child psychology. M.: Pedagogika, 1984. S. 244–268. (In Russian).
9. Deich L.G. *Za polveka* [For half a century], M.— L.: Gosizdat, 1926. 279 s. (In Russian).
10. Dobrolyubov N.A. *Poln. sobr. Soch* [Full composition of writings]: in 6 vol. Vol. 2. M-L.: GHIL, 1935. 768 s. (In Russian).
11. Zaharina V.F. *Golos revolyucionnoj Rossii. (Literatura revolyucionnogo podpol'ya 70-h godov.)* [The voice of revolutionary Russia: literature of the revolutionary underground movement of the 1870 s], M: Mysl', 1971. 238 s. (In Russian).
12. Kirillova E.A. *Oчерki radikalizma v Rossii XIX veka. Filosofsko-istoricheskie koncepcii 40–60 godov* [Essays on radicalism in Russia in the 19th century. Philosophical and historical concepts of the 40s-60 s]. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo un-ta, 1991. 204 s. (In Russian).
13. Kovalevskaya S.V. *Vospominaniya detstva; Nigilistka* [Childhood memories. Nihilist]. M.: «Sovetskaya Rossiya», 1989, 304 p. (In Russian).
14. Korolenko V.G. *Istoriya moego sovremennika* [History of my contemporary]. Vol.1–2. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1976. 552 s. (In Russian).
15. Korolenko V.G. *Istoriya moego sovremennika* [History of my contemporary]. Vol.3–4. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1976. 400 s. (In Russian).
16. *Kruglyj stol «narodnichestvo / neonarodnichestvo XIX–XX vekov: sushchnost', problema nerealizovannosti potentsiala i aktual'nost' ih intellektual'nogo naslediya segodnya* [Round table “populism / neo-populism of the 19th-20 th centuries: the essence, the problem of unrealized potential and the relevance of their intellectual heritage today // *Idei i idealy*, 2022, Vol.14., N 1, P. 2. S. 438–452. (In Russian).
17. Majnov I.I. *Petr Sergeevich Polivanov (Biograficheskij oчерk)* [Petr Sergeevich Polivanov (Biographical sketch)] // Polivanov P.S., Majnov I.I. *Alekseevskij ravelin*. M.: Yurajt, 2019. 187 s. (In Russian).
18. Makushin L.M. *Cenzurnyj rezhim i zhurnalistika: ot «chugunnogo ustava» 1826 g. do zakona o pečati 1865 g.* [Censorship and journalism: from the «cast iron charter» of 1826 to the press law of 1865 s]: in 2 vol. Vol. 2. Ekaterinburg: Izd— vo Ural'skogo un-ta, 2009. 228 s. (In Russian).
19. Milevsky O.A. *Irlandskij faktor v russkom osvoboditel'nom dvizhenii 1860–1880-h gg.: k postanovke problemy* [The Irish Factor in the Russian Liberation Movement of the 1860s-1880s: Toward a Problem Statement] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2013. N 4 (25). S. 70–89. (In Russian).
20. Mogil'ner M. *Mifologiya «podpol'nogo cheloveka»: Radikal'ny jmikrokosm v Rossiinachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza* [The Mythology of the «Underground Man»: A Radical Microcosm in Russia at the Beginning of the 20th Century as a Subject of Semiotic Analysis]. M.: Novoeliteraturnoe obozrenie, 1991. 208 s. (In Russian).
21. Morozov N.A. *Povesti moej zhizni* [Lead my life]. Vol.1. M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. 407 s. (In Russian).
22. N.G. *Chernyshevskij v obshchestvennoj mysli narodov zarubezhnyh stran* [N.G. Chernyshevsky in the social thought of the peoples of foreign countries]. M.: Nauka, 1981. 284 s. (In Russian).

23. Nekrasov N.A. *Komu na Rusizhit' horosho* [Who lives well in Russia] / Nekrasov N.A. Selected works in 2 vol. Vol. 2, M.: Hudozhestvennaya literatura, 1966. S. 295–581. (In Russian).
24. Nikitina E.E. *Razvitie detskoj literatury i periodiki vtoroj poloviny XVII–pervoj poloviny XIX vv.* [The development of children's literature and periodicals in the second half of the 17th–first half of the 19th centuries] // *Otechestvennaya i Zarubezhnaya Pedagogika*, 2014, N 4 (19). S. 93–100. (In Russian).
25. *Otdel pis'mennyh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (OPI GIM)* [State Historical Museum (Department of written sources)]. Fond. 282. Op. 1. Ed.hr. 335. (In Russian).
26. *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: sovremennyy vzglyad ili priverzhennost' traditsiyam? «Kruglyj stol»* [Liberation movement in Russia: a modern look or adherence to traditions? "Round table"] // *Otechestvennaya istoriya*, 1999, N 1. S. 3–18. (In Russian).
27. Perovskij V.L. *Vospominaniya o sestre (Sof'e Perovskoj)* [Memories of a sister (Sofya Perovskaya)]. M.—L.: Gosizdat, 1927. 116 s. (In Russian).
28. Pisarev D.I. *Istoricheskie eskizy. Izbrannye stat'i* [Historical sketches. Featured Articles]. M.: Izd-vo Pravda, 1989. 608 s. (In Russian).
29. Pisarev D.I. *Nado mechtat'!* [Gotta dream!]. M.: «Sovetskaya Rossiya», 1987. 432 s. (In Russian).
30. Popov I.I. *Minuvshee i perezhitoe. Iz vospominanij* [Past and experienced. From memories]. M.: Asa-demia, 1933. 215 s. (In Russian).
31. *Revolucionery 1870-h gg. Vospominani yauchastnikov narodnicheskogo dvizheniya v Peterburge* [Revolutionaries of the 1870s Memoirs of participants in the populist movement in St. Petersburg]. L.: Lenizdat, 1989. 439 s. (In Russian).
32. Romanika A.S. *Nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Italii v obshchestvenno-politicheskoy publicis-tike N.G. Chemyshhevskogo* [The national liberation movement in Italy in the social and political jour-nalism of N.G. Chemyshhevsky] // *Aktual'nye problemy izucheniya i prepodavaniya vseobshchej istorii v shkole i vuze*. Ryazan', 2016. S.263–266. (In Russian).
33. Saburova T., Eklaif B. *Druzhba, sem'ya, revolyuciya: Nikolaj CHARUSHIN i pokolenie narodnikov 1870-h godov* [Friendship, Family, Revolution: Nikolai Charushin and the Populist Generation of the 1870s]. M.: Literaturnoe obozrenie, 2016. 448 s. (In Russian).
34. Sergeev N.I. *Iz zhizni lyudej semidesyatykh godov, Iz istorii «Zemli i voli» i «Narodnoj voli». Spory o taktike. Sb. dok.* [From the history of «Land and Freedom» and «Narodnaya Volya». Disputes about tactics. Sat. doc.]. M.; Spb.: Al'yans-Arheo, 2012. S.38–102. (In Russian).
35. Tihomirov L.A. *Pamyati YU.N. Govoruhi-Otroka* [In memory of Y.N. Govoruhi-Otroka] // *Russkoe oboz-renie*, 1896, № 9. S. 341–360. (In Russian).
36. Tihomirov L.A. *Teni proshlogo* [Shadows of the past]. M.: Izd-vo zhurnal «Moskva», 2000. 720 s. (In Russian).
37. Travushkin N.S. *Zarubezhnaya belletristika v russkom revolyucionnom obihode* [Foreign fiction in Rus-sian revolutionary everyday life] // *Iz istorii russkoj i zarubezhnoj literatury*, Saratov: Izd-vo SGPI, 1968. S. 79–98. (In Russian).
38. Travushkin N.S. *Kak chitali v Rossii roman SHpil'gagena «Odin v pole ne vojn»* [How people in Russia read Shpil'hagen's novel «One man is not a warrior»] // *Russkaya literatura i osvoboditel'noe dvizhenie*, Uchenye zapiski KGPI, Vyp. LXIV, Sb.1, 1968. S. 51–71. (In Russian).
39. Ulam A. *Bol'sheviki. Prichiny i posledstviya perevorota 1917 goda* [The Bolsheviks. The Intellectual and Political History of the Triumph of Communism in Russia]. M.: ZAO Centrpoligraf, 2004. 510 s. (In Rus-sian).
40. Figner V.N. *Zapechatlennyy trud* [Imprinted Labor] // Figner V.N. Full composition of writings in 7 vol. Vol.1. M.: Izd-vo Vsesoyuznogo Obshchestva politkatorzhanissyl'no-poselencev, 1932. 400 s. (In Rus-sian).
41. Frolenko M.F. *Autobiography, Deyateli SSSR i revolyucionnogo dvizheniya Rossii: Enciklopedicheski jslovar' Granat* [Figures of the USSR and the revolutionary movement of Russia: Encyclopedic Diction-ary Gamet], M.: Sovetskaya enciklopediya, 1989. S. 263–271. (In Russian).

42. Frolenko M.F. *Zapiski semidesyatnika* [Notes of the Seventies]. M.: Izd-vo Vsesoyuznogo Obshchestva politkatorzhanissyl'no-poselencev, 1927. 340 s. (In Russian).
43. Charushin N.A. *O dalekom proshlom. Iz vospominanij o revolyucionnom dvizhenii 70-h godov XIX veka* [About the distant past. From the memories of the revolutionary movement of the 70s of the XIX century]. M.: Mysl', 1973. 408 s. (In Russian).
44. Chernysheva L.A. *Fridrix SHpil'gagen: pozdnie romany, teoreticheskie iskaniya, literaturnaya sud'ba* [Friedrich Spielhagen: late novels, theoretical research, literary fate]. Dissertation Ph.D. the story sciences. Voronezh, 2001. 179 s. (In Russian).
45. Chernyshevskij N.G. *Polnoe sobranie sochinenij* [Full composition of writings]: in 16 vol. Vol.6. M.: Goslitizdat, 1949. S. 241–247. (In Russian).
46. *Chtenie v dorevolyucionnoj Rossii* [Reading in pre-revolutionary Russia] / Red. A.I. Rejtblata. M.: Gosb-ka SSSR im. V.I. Lenina, 1995. 170 s. (In Russian).
47. *SHpil'gagen F. Odin v pole ne vojn* [There is safety in numbers]. b.g. 442 s. (In Russian).
48. El'konin D.B. K probleme periodizacii psihicheskogo razvitiya v detskom vozraste [On the problem of periodization of mental development in childhood] // *Voprosy psihologii*, 1971. N 4. S. 6–20. (In Russian).
49. *Yakubovich P.F. Povesti o detstve i yunosti* [Tales of childhood and youth]. M.: «Sovetskaya Rossiya», 1989. 272 s. (In Russian).
50. Yakhontov S.D. *Vospominaniya. 1853–1917 gg.* [Memories. 1853–1917]: in 2 vol. Vol.1. M.—Ryazan': AIRO–XXI, Ryazanskij gosudarstvennyj medicinskij universitet imeni akademika I.P. Pavlova 2017. 928 s. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.023

УДК 94(47).081"18"

ББК 63.3(2)53-3

Г.Н. МОКШИН

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ «РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРАВОСПОСОБНОСТИ МАСС» В ИДЕОЛОГИИ ЛЕВОГО НАРОДНИЧЕСТВА 1870-Х – НАЧАЛА 1880-Х ГГ.

G.N. MOKSHIN

THE EVOLUTION OF THE IDEA OF THE «REVOLUTIONARY CAPACITY OF THE MASSES» IN THE IDEOLOGY OF LEFT-WING POPULISM 1870S – THE EARLY 1880S.

Статья посвящена развитию идеи народа в идеологии революционного народничества 1870-х — начала 1880-х гг. Данная проблема анализируется в контексте становления и развития двух главных народнических концепций революционных преобразований страны: социальной и политической, центральное место в которых занимал вопрос о степени революционности русского народа. На основе анализа трудов М.А. Бакунина, П.Л. Лаврова, П.Н. Ткачева, воспоминаний участников «хождения в народ» и печатных изданий «Земли и воли» и «Народной воли» устанавливаются основные этапы и общее направление эволюции идеи вовлечения народа в революционное движение. В заключении статьи автор приходит к выводу о том, что народническая мысль развивалась по пути более реалистического понимания нужд и чаяний трудящихся масс и их «революционной правоспособности». Однако прямая зависимость между интерпретацией идеи «народа» и отводимого ему места в доктрине революционных преобразований, т.е. идеализм и догматизм мышления народников 1870-х гг., не позволили им стать истинными вождями своего народа.

The article is devoted to the development of the idea of the people in the ideology of revolutionary populism of 1870-early 1880-s. The problem is analyzed in the context of formation and development of the two major populism conceptions of revolutionary transformations of the country: social and political; the central place in them was taken by the question of the degree of revolutionary character of the Russian people. The analysis of works by M.A. Bakunin, P.L. Lavrova, and P.N. Tkachev, memoirs of the participants of the "March to the People", and printed editions of "Land and Will" and "Narodnaya Volya" serve as a basis for identifying the main stages and main directions of the idea of involvement of people in the revolutionary movement. Finally, the author concludes that popular thought has evolved toward a more realistic understanding of the needs and hopes of the working masses, and their «revolutionary power». However, the direct correlation between the interpretation of the idea of "the people" and its place in the doctrine of revolutionary transformation, i.e. the idealism and dogmatism of the thinking of the populists of the 1870s, prevented them from becoming the true leaders of their people.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: левое народничество, революционные народники, народ, идеология, революция

KEY WORDS: left-wing populism, revolutionary populists, people, ideology, revolution

ВВЕДЕНИЕ. В идеологии левого или революционного народничества проблема «народ и революция» занимала одно из центральных мест. Без поддержки масс движение

радикальной интеллигенции было обречено на поражение, что наглядно демонстрирует история русского народничества последней трети XIX в.

Попытки народников поднять народные массы на революцию неоднократно привлекали внимание исследователей [10; 21; 23]. Сторонники классового подхода к истории народничества, господствующего в советской историографии, объясняли неудачи народников тем, что в поисках революционного народа они сделали ставку на вырождающееся крестьянство, а не на действительно революционный класс — пролетариат. Кроме того, по мнению многих историков, в процессе взаимодействия с практикой народническая теория не рассеивала «туманы заблуждения», а наоборот, все более и более идеологизировалась [8, с. 92]. Современные народниковеды не столь категоричны в оценке идейного наследия народников, поскольку на рубеже XIX–XX вв. (когда на смену общинному социализму пришел социализм демократический) их представления о движущих силах революции и путях ее подготовки претерпели существенные изменения [7, с. 155]. Однако предпосылки для этих изменений, видимо, начали формироваться еще в эпоху так называемого «действенного» народничества 1870-х — начала 1880-х гг. Поэтому вклад народников в развитие «правильной» революционной теории, связанной с более реалистичным пониманием «революционной правоспособности» масс (т.е. их места и роли в революционных преобразованиях), нуждается в более подробном изучении.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ — осветить основные этапы эволюции идеи революционной правоспособности масс в идеологии левого народничества 1870-х — начала 1880-х гг.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В данной статье мы рассмотрим интерпретацию проблемы «народ и революция» идеологами левого народничества в контексте становления и эволюции двух главных концепций революционных преобразований: социальной и политической. Сторонники первой из них (М.А. Бакунин, П.Л. Лавров и их последователи, включая землевольцев) считали, что главным в революции является «коренная ломка старых социально-экономических структур, осуществляемая в ходе непосредственной борьбы широких народных масс». Вторые (П.Н. Ткачев и народовольцы) видели в ней преимущественно политическое преобразование, изменение в сфере политической надстройки, которые надлежит осуществить политически организованным меньшинством посредством соответствующих политических и правовых институтов [2, с. 72]. Соответственно этим двум концепциям были сформулированы два главных тактических принципа революционных народников: «для народа и через народ» и «для народа, но без народа», хорошо известных по мемуарной литературе.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ. Теоретическое обоснование готовности русского народа к радикальным общественным преобразованиям дал основоположник народничества А.И. Герцен. Это с его подачи первые поколения народников будут смотреть на мужика как на социалиста по инстинкту, искренне полагая, что у интеллигенции и народа одни и те же идеалы. Однако практической разработкой вопроса о вовлечении народа в революционное движение Герцен, по понятным причинам, не занимался, ограничившись общими рассуждениями о том, что русский мужик находится ближе к социальной революции, чем к политической [5, с. 258].

1860-е гг. — это эпоха так называемого «раннего» или «молодого» народничества, когда среди его сторонников были сильны надежды на то, что народ поднимется на революцию самостоятельно, т.е. по собственному почину, в ответ на «грабительскую» реформу 1861 г., давшую ему «мнимую» свободу (без земли). Но ни в 1861 г., ни в 1863 г. этого не произошло. А попытки интеллигенции вызвать крестьянские волнения путем каких-то отдельных акций (покушение на Александра II Дм. Каракозова и др.) успеха не имели.

История «зрелого» народничества начинается с рубежа 1860/70-х гг. с оформления трех главных течений его левого крыла, возглавляемых М.А. Бакуниным, П.Л. Лавровым

и П.Н. Ткачевым. Не вдаваясь в подробности, отметим, что все они были идеологами общинного крестьянского социализма, все настаивали на необходимости и возможности народной революции как «инсurreкции» крестьянства. Практически все они сходились и в том, что именно революционная разночинская молодежь может и должна разбудить и развить коммунистические инстинкты народа, дать проявиться его революционной природе. Разногласия начинались при осмыслении вопроса как именно это сделать — массовой пропагандой ли социалистических идей, агитацией ли к бунту против власти государства или завоеванием этой власти революционной партией. В основе каждого из предлагаемых способов действия лежала своя особая интерпретация отношения крестьянства к идеалу наилучшего общежития и его революционных потенций.

Родоначальник анархического или бунтарского направления — М.А. Бакунин (в концентрированном виде его взгляды на народ изложены в работе «Прибавление А» к «Государственности и анархии») полагал, что «народное дело состоит единственно в осуществлении народного идеала». Народ наш «не доктринер и не философ», но будущее свое сможет устроить сам, так как «общий» идеал давно уже выработан в его сознании. Более того, главные черты, лежащие в основании этого идеала (убеждение, что вся земля принадлежит народу; что на пользование ею имеет право не лицо, а целая община, мир; самоуправление общины и враждебное отношение ее к государству), по существу своему вполне соответствуют новейшим достижениям социалистической мысли западноевропейских стран [19, с. 45, 48].

Однако русский народ не только социалист по инстинкту, но и революционер по традиции. Особую его революционность Бакунин обосновывал «чрезмерною нищетою, а также рабством примерным», что непрерывно порождает крестьянские бунты против государства. Правда, до сих пор чернорабочий люд не сумел победить своих врагов. Неудачи народных движений объяснялись, по мнению Бакунина, тем, что в самом общественном идеале есть существенные изъяны — патриархальность и вытекающие из нее поглощение лица миром и богопочетание царя, хотя исправление его уже коренится в самих массах. Другой важнейшей причиной называлась «замкнутость общин, уединение и разъединение крестьянских местных миров» [19, с. 43, 46, 49, 53].

Задачу по преодолению этих препятствий Бакунин возлагал на революционное меньшинство («умственный пролетариат»), которое должно «связать лучших крестьян всех деревень... между собою, и там, где оно возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянством», убедить их в том, что «в народе живет несокрушимая сила», которая «могуча только когда она собрана и действует одновременно», связать и организовать «села, волости, области по одному общему плану и с единою целью всенародного освобождения» [19, с. 53–54]. Иначе говоря, Бакунин предлагал революционной интеллигенции взять на себя роль «коллективного Стеньки Разина», которому в свое время это удалось.

Другой идеолог активного народничества — П.Л. Лавров — основоположник подготовительного, пропагандистского направления. Его социальная концепция народной революции (точнее, социально-политическая, учитывала признание им особой роли государства в организации будущего общества) нашла отражение в программе журнала «Вперед!», работах «Знание и революция», «Роль народа и роль интеллигенции» и др.

Обращаясь к революционной молодежи, Лавров призывал ее руководствоваться в деле решения социального вопроса в России не инстинктами масс, как учил Бакунин, а научными знаниями. Во времена Пугачева революционный протест народа против государства еще мог достигнуть успеха, будь он лучше организован и руководим. Но с тех пор, по словам этого теоретика народничества, «...знание и выработанная мысль вооружили государство и капитал средствами, прежде неизвестными, и народу приходится противопоставить вра-

гам не элементарный инстинкт массы, а выработанную силу социалистической мысли...» [12, с. 161].

По Лаврову, до восприятия социалистических идеалов народ к революции не готов, т.к. без них он не осознает необходимости социального переворота. Поэтому призывать к революции сейчас — это «преступление», ибо она неизбежно выльется в стихийный бунт и принесет народу лишь новые жертвы и страдания, в очередной раз сделав его «орудием борющегося за власть меньшинства» [12, с. 349]. «Облагодетельствовать неподготовленную массу нельзя». Для Лаврова — это аксиома. Социальная революция может быть произведена только посредством самого народа. Но для этого массы должны «уяснить свои истинные потребности, средства их удовлетворения и ту силу, которая в них лежит». И помочь им в этом может только обладающая научными знаниями интеллигенция [11, с. 30, 32].

Но будет ли доступна для народа социальная проповедь интеллигенции? Ответ Лаврова таков: русский народ на редкость сметлив, да и сама революционная пропаганда «так проста», что ее смысл, однажды указанный, немедленно станет для него «задачей революционного действия, задачей народного взрыва». Главная трудность лишь в том, чтобы народ поверил пропагандисту из интеллигенции. «Бросьте семя, — призывал Лавров молодежь, — оно созреет», течение исторических событий само укажет «минуту переворота» и готовность к нему народа, и «Придет спасение; придет воздаяние...» [12, с. 330].

Противоположную Бакунину и Лаврову позицию по рассматриваемым вопросам занимал П.Н. Ткачев, чьи взгляды легли в основу заговорщического или «бланкистского» идейно-тактического направления в революционном народничестве. Проблема народа, превращения его из возможного революционера в действительного, получила широкое освещение в программе журнала «Набат», в таких сочинениях Ткачева, как «Задачи революционной пропаганды в России», «Наши иллюзии», «Народ и революция» и т.д.

«Каковы же общественные идеалы нашего народа?» — спрашивал Ткачев. Его общественный идеал — «самоуправляющаяся община, подчинение лица миру, право частного пользования, но отнюдь не частного владения землею, круговая порука, братская солидарность всех членов общины — одним словом, идеал с ярко выраженным коммунистическим оттенком». Однако самое полное и беспрепятственное применение его к жизни «очень мало пододвинет нас к конечной цели социальной революции», т.к. идеалы крестьянства еще не революционны и «не идут далее окаменелых форм его быта». Коммунизм кроется в них лишь «в зерне, в зародыше». Если бы народ смог устроить свою жизнь по собственной воле, то «перед нами явится тот же старый крестьянский мир с его заскорузлыми, окаменевшими устоями, с его неподвижным консерватизмом». Следовательно, «при построении нового мира он не может и не должен играть никакой выдающейся, первенствующей роли». Эта роль принадлежит «исключительно революционному меньшинству» [22, с. 263–265].

Ткачев не отрицал, что народ является необходимым, правда, главным образом, разрушительным фактором предстоящей революции. Но в то же время выступал решительным противником «иллюзий» относительно «революционной правоспособности масс». Угнетенный, эксплуатируемый, лишенный всех человеческих прав народ «всегда должен быть революционером», но «революционером в возможности». Вековые рабство и гнет приучили русский народ «к терпению и бессловесному послушанию, развили в нем рабские инстинкты...». И даже самые возмутительные факты насилия не в состоянии вывести его из «стойческой пассивности», с которою он сросся как «улитка с раковиною». Поэтому, не стихийные инстинкты масс, возбужденные «вселенским» бунтом и не пробуждение их сознания при помощи критической мысли, но лишь уверенность народа в «безнаказанности своего протеста» (как результат антиправительственной деятельности «революционного меньшинства»), способна сделать его реальным революционером. «Отведите штык, вечно торчащий перед его грудью, сломайте кнут, вечно висящий над его спиною; разожмите руки,

крепко сдавившие его горло», одним словом — уничтожьте «консервативное» государство. И только когда народ увидит, что эта грозная власть «поругана, расстроена, дезорганизована, бессильна», тогда ему нечего и некого будет бояться, и его скрытое недовольство и подавленное озлобление «с неудержимой силою вырвется наружу» [22, с. 242–244]. И встанет народ «как один человек, и сметет одним мощным движением своих ближайших экономических и политических врагов и эксплуататоров» [22, с. 442].

Предубеждения своих оппонентов против «политики» и революционного государства Ткачев находил необоснованными. Захватив власть в свои руки, революционеры не станут «уничтожать декретами недвижимую собственность, семью, религию» и навязывать народу готовый идеал коммуны. Они лишь поставят сельскую общину, торговлю и промышленность в такие условия, которые «неизбежно, хотя и постепенно», приведут «к общности имуществ и общности труда», т.е. к практическому осуществлению начал коммунизма [22, с. 280–281].

Таким образом, на одном и том же эмпирическом материале идеологи действенного народничества приходили к различным оценкам и народных идеалов, и общей готовности масс к социалистической революции. «Нет ничего удивительного, конечно, в том, что всякая партия склонна преувеличивать сочувствие народа к ее собственным стремлениям», — замечает по этому поводу Г.В. Плеханов [15, с. 137]. Мы также полагаем, что основная причина разногласий заключалась в различных концепциях революции, отстаиваемых теоретиками народничества. Ведь каждая из них (социальная, социально-политическая и политическая) предполагала определенную оценку цели, характера, хода и собственно движущих сил предстоящей революции.

М.А. Бакунин, П.Л. Лавров и П.Н. Ткачев заложили основы дальнейшей эволюции народнических воззрений на народ. Этот процесс может быть представлен как последовательная проверка на практике разработанных ими доктрин с их последующей корректировкой в соответствии с нуждами революционного движения.

Важнейшую роль в развитии представлений о народе сыграло так называемое «хождение в народ» (в крестьянство), предпринятое радикально настроенной молодежью в 1874–1875 гг.

Накануне знаменитого «хождения» у большинства его будущих участников отсутствовало четкое понятие о массах, которые они собирались завоевать. Народ — таинственный незнакомец, известный главным образом по книгам, слухам да случайным встречам на улице, представлялся им не иначе как дедушка Егор — защитник угнетенных, люто ненавидящий современный общественный строй, желающий общинного владения землей и орудиями труда и т.д. в духе исповедуемых народниками социалистических теорий. Революцию произведут сами массы. Необходимо только помочь пробудиться народному сознанию и уяснить ему то, что «он может быть не совсем ясно понимает в системе гнетущих его условий» [19, с. 100, 137, 165, 356]. Собственно говоря, эта безграничная вера в народ, основанная на идеализации его социально-творческих сил и подтолкнула революционную молодежь к практическим шагам в направлении ею же сотворенного кумира.

Вначале хождения молодые революционеры, вдохновленные идеями М.А. Бакунина, принялись за активную агитацию к бунту против царя, церкви, помещиков и чиновничества, указывая на них как на главных виновников существования высоких податей, рекрутчины и малоземелья. Однако народ не оправдал возложенных на него надежд. Признавая законным протест против своих непосредственных угнетателей, крестьяне и мастеровые в большинстве своем категорически отказывались бунтовать против верховной власти. «Как же можно совсем без царя, кто же управлять-то станет?». Да и вообще идея «активного протеста» оказалась не популярной в массах. А «что поделаешь? У начальства сила, а у нас рознь». «Да! молиться будем, авось Господь и помилует, а самим как можно сопротивляться?» В крайнем случае, ответ был таков: «Вы там сами начните, а мы уж поддержим». Причину нужды и бедствий простой народ видел в собственном пьянстве и распутстве («ах кабы

не вино»), в отступлении от Бога и наказании за грехи, но никак не во внешних условиях жизни [3, с. 12–13; 6, с. 23].

Убедившись в том, что критика царя и церкви только отталкивает крестьянство, а также утратив надежду поднять в ближайшее время широкое народное восстание, молодежь переклонила на пропаганду своих социалистических идеалов. Однако все попытки убедить крестьян в преимуществах «огульного» (коллективного) труда окончились безрезультатно. «А ты запасись-ко сам землей,— говорили мужики пропагандистам,— тогда и увидишь, как хозяйничать на ней всем вместе» [20, с. 171]. Немало трудностей на пути в народ встретил и другой «социалистический» идеал — полного мирского самоуправления. Народники не раз отмечали отсутствие солидарности среди крестьян и тот факт, что все дела в общине решали кулаки и их подручные, часто к невыгоде остальных односельчан [9, с. 22, 168].

Особую тревогу у народников вызвала неудача книжной пропаганды. Как правило, слушатели зевали, поддакивали («а вообще чего не послушать»), но смысл прочитанного для большинства из них оставался непонятным. Раздаваемые для самостоятельного чтения книги, шли на «цигарки» [16, с. 173, 205, 259]. Не удались и попытки воспитания сколько-нибудь значительного числа пропагандистов из народа. Слушать-то слушают, сетовали участники хождения, «...но сами слышанное не распространяют, разговоры остаются разговорами» [19, с. 277–278].

Еще во время хождения молодежь начинала задумываться о причинах неудач социалистической пропаганды. Многие увидели их в невежестве и религиозных предрассудках почти поголовно безграмотного крестьянства. Отмечался также его консерватизм, «бедность внутренней психической жизни» (отсутствие склонности к отвлеченному мышлению). Тяжелый труд, скудное питание, большой рабочий день повлекли за собой притупление всякой умственной энергии масс, что, по признанию народников-пропагандистов, сделало крайне затруднительным какую-либо широкую идейную деятельность в народе [14, с. 35].

Вместе с тем, обращали на себя внимание и другие, более глубокие причины невосприимчивости массового сознания к отвлеченным социалистическим идеалам. Это отсутствие в деревне резких границ между эксплуататорами и эксплуатируемыми, применение многими крестьянами наемного труда при обработке земли, стремление разделить прикупленную «божью землю» в частную собственность («своя-то выгоднее!»), от которой их было труднее отговорить, чем от царя [19, с. 278]. Все эти факты говорили о начале классового расслоения крестьянства под влиянием проникновения в деревню товарно-денежных отношений. «Я убежден,— резюмировал этот процесс Д.М. Рогачев,— что в будущем община уничтожится, и у нас будет пролетариат» [1, с. 78].

Но не все участники хождения пришли к столь пессимистическим для себя выводам. Деревня открыла свои «темные стороны», развенчала многие навеянные революционерами-теоретиками радужные иллюзии. Однако она укрепила веру молодежи в «отрадные» свойства народной души (ненависть к эксплуататорам, стремление к черному переделу, почетность производительного труда, «презрение к торговле», сочувствие деятельности пропагандистов) [19, с. 278]. Революционно-народническая мысль искала свою дорогу методом проб и ошибок. Более глубокое осознание неоднозначных результатов хождения в народ требовало времени и опыта. Пока же народники оставались под обаянием своих старых теорий.

Следующий этап эволюции народнических воззрений на крестьянство связан с деятельностью крупнейшего тайного революционного общества второй половины 1870-х годов «Земля и воля».

Землевольты подробнейшим образом проанализировали результаты недавнего хождения в народ. Причины их незначительности были целиком возложены на собственные просчеты революционеров, главным образом, на незнание народа, торопливость пропаганды, стремление поднять крестьянство во имя совершенно непонятных для него идеалов

западноевропейского социализма, т.е. на внешнюю сторону дела. Вместе с тем, неудачи предшественников дали землевольцам новую веру в успех народного дела, так как доказывали «самостоятельность и устойчивость» крестьянства, наличие у него своих собственных дум и стремлений [18, с. 399]. Новое понимание народа, а по существу, возвращение к революционно-демократическим традициям шестидесятников нашло отражение в программных положениях «Земли и воли».

В основу своей программы землевольцы поставили «действительные» народные идеалы и требования в том виде, «как их создала история и осознает сам народ». «Пришло время,— писал С.М. Кравчинский,— сбросить с социализма его немецкое платье и... одеть в народную сермягу» [18, с. 129]. Жизненность такой тактики сближения с народом обосновывалась тем, что «элементарные основы социализма уже созданы в умах народа», и что если его требования земли и воли «были бы в данное время осуществлены, то это легло бы крепким фундаментом дальнейшего ускоренного хода социального дела в России» [20, с. 27].

В определении стратегии своей деятельности в народе землевольцы не были оригинальны. Воплощение в жизнь формулы «земля и воля» они связывали с ниспровержением основ существующего экономического строя посредством всеобщего народного восстания, главной движущей силой которого, как и у всех «социальщиков», считалось крестьянство. В то же время, землевольцы по-новому взглянули на свои задачи по подготовке революционного переворота. Учитывая уроки неудачного хождения в народ, они отказались от бакунистской идеи немедленного возбуждения всеобщего народного бунта, так как большинство общин еще не дошли до такого нравственного и умственного развития, чтобы принять во всей полноте народнический идеал. В итоге центр тяжести в практической деятельности партии был перенесен «из сферы пропаганды лучших идеалов общественности на создание боевой народно-революционной организации...» [18, с. 254].

Общая установка на народ как субъект предстоящих революционных преобразований получила широкое отражение на страницах землевольческой печати. Здесь народные массы представляли как активные носители революционного протеста (в журнале «Земля и воля» существовала даже специальная рубрика «Протестующие типы народа»), ясно сознающие тяжесть своего положения, настойчиво ищущие выхода из него, исполненные ненависти к своим угнетателям и готовые бороться за свои права. Народу недоставало лишь солидарности и организованности. Поэтому свою основную задачу революционеры видели в объединении разрозненных частей «бунтующего крестьянского мира» с целью скорейшего осуществления революционного переворота [18, с. 406].

Подготовительная работа в народе велась сначала путем поселений в крестьянской среде, затем с помощью подготовки кадров для пропагандистской работы из рабочих, которые, как считали землевольцы, лучше сойдутся с крестьянами, чем интеллигентная молодежь. Но и эти виды «социалистической» деятельности не дали ощутимых результатов.

Неудачи попыток поднять крестьянство на революцию, материалы с поселений, противодействие со стороны правительства и, наконец, революционное нетерпение заставили народников искать новые, более действенные формы борьбы. Часть землевольцев увлеклась идеей политической борьбы с самодержавием, результатом чего стал раскол «Земли и воли» на две самостоятельные организации: «Черный передел» и «Народную волю». Дальнейшая эволюция интересующих нас взглядов связана с последней из них.

Обращение народников к политической деятельности заставило многих из них по-иному взглянуть и на причины неудач предшествующей деятельности в народе, и на сам народ. Если раньше такие стороны русского народа, как консерватизм, инертность, постыдные привычки к рабству, повиновению, пассивному бездействию, политическая неразвитость, отсутствие гражданственности отвергались, либо просто замалчивались, то теперь они становятся одними из главных критериев оценки наличных народных сил [21, с. 203].

Однако не следует забывать, что, с точки зрения народovolьцев, «темные стороны» народной жизни есть «результат экономического гнета и политического бесправия сто-миллионной массы народа», что дело опять-таки не в мужике, а в правительстве, на борьбу с которым и была направлена основная деятельность партии. Иными словами революци-онная интеллигенция сохранила идеализированное представление о характере русского крестьянства, считая его в душе социалистом, приписывая ему общинный дух, артельные привычки, взгляд на землю как общественную собственность и т.д. [4, с. 172].

Еще осенью 1879 года газета «Народная воля» писала о том, что деятельность интелли-генции в народе была «наполнением бездонных бочек Данаид» и пора перестать «биться около народа как рыба об лед» [13, с. 4]. Но расчеты народников освободить народ, опираясь на одних только «интеллигентных» террористов, оказались еще одной горькой иллюзией. Уже в ноябре 1880 г. устами Л.А. Тихомирова (автора статьи о желательной роли народных масс в революции) партия заявила о необходимости «подготовить себе активное содействие масс», т.к. тесная связь с ними это «главное условие успеха». «Главная созидаящая сила революции в народе» и «дело созидания тем прочнее, чем более участвуют в нем массы» [13, с. 93].

На рубеже 1870/80-х гг. на страницах «Народной воли» крестьянство, как и у землеволь-цев, постепенно эволюционирует от «отупелости и забитости» до начала осознания фикции идеи царя и признания своей солидарности с социалистами и от «симптомов» пробуждаю-щегося в нем революционного брожения до состояния «хронической революции» [13, с. 50, 79, 122, 163]. В первую очередь это связано с действительным подъемом крестьянского движения в голодный 1880 год. Но в еще большей степени с желанием народovolьцев увидеть в народе сочувствие и поддержку своей кровавой борьбе с «царизмом». В то же время они были твердо убеждены в том, что «в самом народе нет такой силы, которая взяла бы на себя инициативу движения...». Толчок восстанию сельского населения даст поли-тический переворот в городе (!) [13, с. 107]. И, как мы знаем, все российские революции действительно развивались по такому сценарию.

Итак, социалисты-революционеры (а именно так называли себя сами народovolьцы) не отказались от мысли поднять крестьянство на социальную революцию, по-прежнему видя в нем, а не в рабочих, свою главную силу. Правда, в отличие от своих предшественников, самодеятельность народных масс, их политическое и гражданское сознание они собира-лись развить уже после свержения самодержавия.

Поражение «Народной воли», резкий спад практического революционного движения после событий 1 марта 1881 года, неудача ряда попыток создать новую организацию народ-ников — все это означало, что крестьянский общинный социализм в качестве революционной теории и главного знамени освободительного движения себя исчерпал.

ВЫВОДЫ. Мы рассмотрели основные этапы эволюции революционно-народнических воззрений на народ, связанные с деятельностью главных теоретиков «действенного» народ-ничества, «хождением в народ» середины 1870-х гг., идеологией «Земли и воли» и «Народной воли». Обобщая рассмотренный материал, необходимо отметить, что взгляды революционных народников развивались от полнейшей идеализации народа (как социалиста по инстинкту и революционера по традиции) в сторону более реалистического понимания действитель-ных его нужд и чаяний, а также пределов его возможного соучастия в предполагаемых революционных преобразованиях. Однако избавиться от идеологически заданных ожида-ний и установок в отношении народных масс они не могли. Все-таки «народ», к которому апеллировали народники в своих текстах — это собирательное понятие, а точнее идеальный образ, созданный по канонам их социалистических учений [15]. Проще говоря, познание реального народа ограничивалось рамками старых априорных теорий, представлениями об особом укладе, общинном строе русской жизни.

Оставаясь под влиянием социально-революционной доктрины, основанной на идеологизированных оценках народных масс (идея народа), русские народники 1870-х — начала 1880-х гг. не могли найти действенных путей осуществления желаемых целей, что в конечном итоге и обусловило отказ их последователей от прежних представлений о «революционной правоспособности» народа. Идейные наследники левых народников — эсеры уже не будут доверять «социальным инстинктам» масс, сделав ставку на развитие в стране хозяйственной и политической демократии как самых важных предпосылок для перехода России к социализму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аптекман О.В. Дмитрий Рогачев в его «исповеди к друзьям» и письмах к родным // Былое. 1924. № 26. С. 71–101.
2. Блюм Р.Н. Некоторые методологические вопросы изучения истории революционной мысли // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 599. Тр. по философии. Тарту: ТГУ, 1982. С. 68–92.
3. [Брешко-Брешковская Е. К.] Воспоминания пропагандистки (Одной из осужденных на каторгу) // Община. 1878. № 8–9. С. 9–15.
4. Волк С.С. Народная воля (1879–1882). М.; Л.: Наука, 1966. 491 с.
5. Герцен А.И. О социализме: Избранное. М.: Наука, 1974. 696 с.
6. Дейч Л. Хождение в народ (Из воспоминаний). Пг.: Госиздат, 1920. 40 с.
7. Ерофеев Н.Д. Социалисты-революционеры // История политических партий России: учебник для студентов вузов. М.: Высш. шк., 1994. С. 143–194.
8. Зайцев В.А. Субъективный метод в социологии как форма преодоления противоречия познания и социальной практики // Проблемы философии. Вып. 66. Киев: КГУ, 1985. С. 86–93.
9. Иванчин-Писарев А.И. Хождение в народ. М.; Л.: Молодая гвардия, 1929. 451 с.
10. Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М.: Наука, 1965. 443 с.
11. Лавров П.Л. Вперед! Наша программа // Избранные сочинения на социально-политические темы: в 8 т. Т. II. М.: Издательство политкаторжан, 1934. С. 23–41.
12. Лавров П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы: в 8 т. Т. III. М.: Издательство политкаторжан, 1934. 419 с.
13. Литература партии «Народная воля». М.: Издательство политка-торжан, 1930. 336 с.
14. Лукашевич А.О. В народ (Из воспоминаний семидесятника) // Былое. 1907. № 3. С. 1–44.
15. Мокшин Г.Н. Концепция народа в социально-революционной доктрине русского народничества // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2005. № 1. С. 358–367.
16. Морозов Н.А. Повести моей жизни: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1965. 407 с.
17. Плеханов Г.В. Наши разногласия // Сочинения: в 24 т. Т. 2. М.; Л.: Госиздат, [1925]. С. 91–357.
18. Революционная журналистика семидесятых годов. Paris: [impr. Ch. Noblet], 1905. 515 с.
19. Революционное народничество 70-х годов XIX века: в 2 т. Т. I. М.: Наука, 1964. 472 с.
20. Программа «Земли и воли» // Революционное народничество 70-х годов XIX века: в 2 т. Т. II. М.; Л.: Наука, 1965. С. 27–33.
21. Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х годов. М.: Наука, 1969. 241 с.
22. Ткачев П.Н. Избранные сочинения на социально-политические темы: в 7 т. Т. III. М.: Издательство политкаторжан, 1933. 503 с.
23. Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. Саратов: СГУ, 2002. 372 с.

REFERENCES

1. Aptekman O.V. *Dmitrij Rogachev v ego «ispovedi k druž'jam» i pis'mam k rodnym* [Dmitri Rogachev in his «confessions to friends» and letters to relatives] // The past. 1924. № 26. S. 71–101. (In Russian).

2. Blum R.N. *Nekotorye metodologicheskie voprosy izuchenija istorii revoljucionnoj mysli* [Some methodological issues in studying the history of revolutionary thought] // Scientific Notes of the University of Tartu. Vol. 599. A trilogy of philosophy. Tartu: TSU, 1982. S. 68–92. (In Russian).
3. [Breshko-Breshkovskaya E. K.] *Vospominaniya propagandistki (Odnog iz osuzhdennykh na katorgu)* [Memoirs of a propagandist (One of the convicts to hard labour)] // Community. 1878. № 8–9. S. 9–15 (in Russian). (In Russian).
4. Volk S.S. *Narodnaja volja (1879–1882)* [The People's Will (1879–1882)]. M.; L.: Science, 1966. 491 s. (In Russian).
5. Herzen A.I. *O socializme: Izbrannoe* [On Socialism: Selected Works]. M.: Science, 1974. 696 s. (In Russian).
6. Deitch L. *Hozhdenie v narod (Iz vospominanij)* [Going to the People (From Memoirs)]. Pg.: Gosizdat, 1920. 40 s. (In Russian).
7. Erofeev N.D. *Socialisty-revoljucionery* [Socialist Revolutionaries] // History of Political Parties in Russia: Textbook for Students of Higher Education. M.: Vyssh. shk., 1994. S. 143–194 (In Russian).
8. Zaitsev V.A. *Sub#ektivnyj metod v sociologii kak forma preodolenija protivorechija poznaniya i social'noj praktiki* [Subjective method in sociology as a form of overcoming the contradiction between cognition and social practice] // Problems of philosophy. Vol. 66. Kyiv: KSU, 1985. S. 86–93 (In Russian).
9. Ivanchin-Pisarev A.I. *Hozhdenie v narod* [Going to the People]. M.; L.: Molodaya Gvardiya, 1929. 451 s. (In Russian).
10. Itenberg B.S. *Dvizhenie revoljucionnogo narodnichestva. Narodnicheskie kruzhki i «hozhenie v narod» v 70-h godah XIX v.* [The Movement of Revolutionary Popularity. Narodnicheskie circles and «going to the people» in the 70s of the 19th century]. M.: Science, 1965. 443 s. (In Russian).
11. Lavrov P.L. *Vpered! Nasha programma* [Go for it! Our programme] // Selected essays on socio-political topics: in 8 vol. Vol. II. M.: Politkatorzhan Izdatelstvo, 1934. S. 23–41 (In Russian).
12. Lavrov P.L. *Izbrannye sochinenija na social'no-politicheskie temy*. [Selected Essays on Socio-Political Themes]: v 8 t. T. III. M.: Politkatorzhan Izdatelstvo, 1934. 419 s. (In Russian).
13. *Literatura partii «Narodnaja volja»* [Literature of the People's Will party]. M.: Politkatorzhan Izdatelstvo, 1930. 336 s. (In Russian).
14. Lukashevich A.O. *V narod (Iz vospominanij semidesjatinika)* [To the people (From the memoirs of a seventy-something man)] // The past. 1907. № 3. S. 1–44 (In Russian).
15. Mokshin G.N. *Koncepcija naroda v social'no-revoljucionnoj doktrine russkogo narodnichestva* [The concept of the people in the social-revolutionary doctrine of Russian Narodstvo] // Vestnik VSU. Ser. Humanities, 2005. № 1. S. 358–367 (In Russian).
16. Morozov N.A. *Povesti moej zhizni* [Stories of my life]: v 2 t. T. 1. M.: Science, 1965. 407 s. (In Russian).
17. Plekhanov G.V. *Nashi raznoglasija* [Our differences] // Essays: in 24 vol. Vol. 2. M.; L.: Gosizdat, [1925]. S. 91–357 (In Russian).
18. *Revoljucionnaja zhurnalistika semidesjatykh godov* [Revolutionary journalism in the seventies]. Paris: [impr. Ch. Noblet], 1905. 515 s. (In Russian).
19. *Revoljucionnoe narodnichestvo 70-h godov XIX veka* [Revolutionary nationalism in the 1970s]: v 2 t. T. I. M.: Science, 1964. 472 s. (In Russian).
20. *Programma «Zemli i voli»* [The Earth and Will programme] // Революционное народничество 70-х годов XIX века: in 2 vol. Vol. II. M.; L.: Science, 1965. S. 27–33 (In Russian).
21. Tvardovskaya V.A. *Socialisticheskaja mysl' Rossii na rubezhe 1870–1880-h godov* [Socialist Thought in Russia at the Turn of the Year 1870–1880]. M.: Science, 1969. 241 s. (In Russian).
22. Tkachev P.N. *Izbrannye sochinenija na social'no-politicheskie temy* [Selected essays on socio-political topics]: v 7 t. T. III. M.: Politkatorzhan Izdatelstvo, 1933. 503 s. (In Russian).
23. Troitsky N.A. *Krestonoscy socializma* [The Crusaders of Socialism]. Saratov: SSU, 2002. 372 s. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.024

УДК 94(47).081"18"

ББК 63.3(2)53-3

Т.С. МОРОЗОВ

**ТИПОГРАФСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ЮЖНОРУССКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«НАРОДНОЙ ВОЛИ»: 1885–1887 ГГ.**

T.S. MOROZOV

**TYPOGRAPHIC ACTIVITY
OF THE SOUTH RUSSIAN ORGANIZATION
OF «PEOPLE'S WILL»: 1885–1887**

Данная статья рассматривает подпольную типографскую деятельность Южнорусской организации «Народной воли» под руководством Б.Д. Оржиха за период 1885–1887 гг. Создание подпольных типографий является характерным атрибутом деятельности каждой крупной народовольческой группы. Это соотносится с одним из ключевых положений программы Исполнительного Комитета — деятельностью «пропагандистской и агитационной».

Литература партии «Народной воли» способствовала продвижению этой деятельности, поддерживала моральный дух революционеров, задавала ориентиры, подчеркивала преемственность между всеми народовольческими группами, существовавшими в 1879–1887 гг.

Южнорусская организация следовала основным задачам партии и сложившейся традиции. Организация за время своего существования выпустила ряд знаковых партийных изданий, таких как «Народная воля» № 11–12, «Листок Народной воли» № 3 и прочие материалы, в том числе оригинальные брошюры.

This article examines the underground printing activities of the South Russian organization of «People's Will» by the leadership of B.D. Orzhikh in 1885–1887. The creation of underground printing houses is a characteristic activity attribute of every big group of «People's Will». It correlates with one of the main paragraphs of the Executive Comitee program — propaganda and agitation activities.

The literature of the «People's Will» party contributed to the promotion of this activity, supported the morale of revolutionaries, set guidelines, emphasized the continuity between all the «People's Will» groups that existed in 1879–1887.

The South Russian organization followed the main tasks of the party and the established tradition. During its existence the organization has issued a number of famous party publications, such as «Narodnaya Volya» No. 11–12, «Narodnaya Volya Leaflet» No. 3 and other materials, including original brochures.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Народничество, Таганрогская типография, Новочеркасская типография, пропаганда, Южнорусская организация «Народной воли», Б.Д. Оржих, В.Г. Богораз

KEY WORDS: Narodnichestvo, Taganrog Printing House, Novocherkassk Printing House, propaganda, South Russian Organization of «People's Will», B.D. Orzhikh, V.G. Bogoraz

ВВЕДЕНИЕ. Южнорусская организация «Народной воли» — группа народovolьцев, действовавших с 1885 по 1887 гг. в Таганроге, Новочеркасске, Ростове-на-Дону, Одессе, Харькове и других городах юга России.

Южнорусская организация занималась объединением разрозненных народовольческих групп, морально и материально пострадавших после дегаевщины и провала организации под руководством Г.А. Лопатина. В целях воссоздания партии на всероссийском уровне были налажены связи с революционными группами из центральных областей, организован съезд, создавался фундамент для систематического террора против правительства, открывались подпольные типографии.

Каждое новое и крупное народовольческое объединение стремилось создать собственную типографию [8]. Южнорусская организация не являлась исключением, ею был основан ряд хорошо законспирированных подпольных предприятий, налажился выпуск важнейших партийных изданий. Одним из ключевых достижений южнорусской группы принято считать выпуск основного партийного журнала «Народная воля» за № 11-12, что было воспринято в соответствующих кругах с большим воодушевлением. Это ясно символизировало власти — партия по-прежнему существует и продолжает борьбу за освобождение России от самодержавного строя, несмотря на неудачи последних лет [11, с. 136; 9, с. 136].

В настоящий момент отсутствуют крупные обобщающие труды о деятельности Южнорусской организации «Народной воли». Информация в имеющихся источниках представлена обобщенно и без подробностей или по узким направлениям деятельности. В данном исследовании предпринимается попытка собрать вместе важные источники, которые помогут охарактеризовать подпольную типографскую деятельность южнорусских народовольцев, выделить их достижения в этой сфере и проанализировать причины неудач.

ЦЕЛЬ СТАТЬИ заключается в характеристике типографской деятельности Южнорусской организации как одного из ключевых направлений деятельности партии «Народная воля».

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Деятельность Южнорусской организации рассматривалась в трудах В.Я. Богучарского, М.Н. Лядова, М.С. Балабанова, В.О. Цедербаума-Левицкого, А.Н. Баха, М.Г. Седова, Н.А. Троицкого, А.Н. Катренко, В.Н. Гинева, О.В. Будницкого.

Особую ценность представляет монография А.Н. Катренко «В борьбе за пробуждение народной революции» (1988 г.), которая обусловлена использованием автором архивных документов ЦГАОР СССР, ЦГИА СССР и ЦГИА УССР в освещении борьбы Южнорусской организации и становлении её типографской деятельности. Также автор рассматривает путь организации не только в контексте истории «Народной воли» как таковой, но и как неотъемлемую часть мощного освободительного движения Юга Российской Империи, обладавшего своими уникальными революционными традициями.

Существуют разнообразные материалы, которые были опубликованы участниками Южнорусской организации «Народной воли» и исследователями-очевидцами событий в специализированной периодической печати, выпускавшейся при поддержке издательства Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Среди них: воспоминания Б.Д. Оржиха, А.Н. Шехтер, А.А. Кулакова, М.М. Полякова, З.В. Когана, исследования М.И. Дрея, С. Лившица и других. Примечательны статьи, публиковавшиеся в журналах «Летопись революции», «Красный архив» и «Пути революции». В ежемесячном журнале «Былое» публиковались воспоминания В.Г. Богораза. Воспоминания современников качественно дополняют друг друга, позволяя воссоздать весь путь Южнорусской организации.

Помощь в данном исследовании оказали официальные дореволюционные материалы, такие как Обвинительный акт по делу Оржиха от 3 ноября 1887 г. и Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях по делам о государственных преступлениях. Подобные материалы позволили оценить ситуацию с охранительных позиций и познакомиться с результатами расследований и допросов, где содержались важные

количественные и другие данные, которые южнорусские народовольцы могли не учесть или забыть в своих воспоминаниях спустя много лет.

Все собранные материалы подверглись анализу и сравнивались между собой, благодаря чему оказалось возможным рассмотреть события в наиболее полной и подробной временной последовательности. В свою очередь, это позволило выделить периодизацию подпольной типографской деятельности Южнорусской организации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Идея создания сети подпольных типографий «Народной воли» на юге России принадлежала не только Южнорусской организации. До развертывания её деятельности главной народовольческой силой в стране являлась организация под руководством Германа Лопатина, который в марте 1884 г. возвратился в Россию из-за рубежа с намерением преодолеть последствия дегаевщины и вернуть партию волю к борьбе с царизмом [15, с. 131].

Активность восстановленной партии проявлялась не только в центральных губерниях, но и на юге. Силами лопатинской организации была установлена типография в Ростове-на-Дону, где печатался 10-й номер партийного издания «Народная воля» [5, с. 40-41; 9, с. 64-66].

В конце лета 1884 г. представитель партии Сергей Иванов, находясь в Харькове, познакомился с молодым Борисом Оржихом — будущим лидером Южнорусской организации, который на тот момент только что перешел на нелегальное положение. Иванов был осведомлен о способностях Оржиха и поручил ему «заняться изучением вопроса о постановке в провинции большой типографии» [13, с. 90]. Однако революционеры отказались от скорой установки дополнительной типографии на юге: в октябре 1884 г. был арестован Лопатин, информация, найденная у него при задержании в незашифрованной записной книжке, спровоцировала серию массовых арестов по всей стране [13, с. 143; 11, с. 131].

Сотрудники ростовской типографии во время арестов смогли незаметно свернуть свою деятельность и заблаговременно вывезти все технические средства печати, которые затем хранились до востребованности [1, с. 110; 9, с. 66]. Прошло почти полгода, прежде чем в этих средствах возникла необходимость, и народовольцы вновь вернулись к вопросу о создании крупной подпольной типографии на юге России. В первую очередь решался вопрос о консолидации разобщенных и ослабших революционных групп, понесших тяжелый урон после провала лопатинской организации [15, с. 131].

Первая после ростовской типографии попытка южан наладить нелегальную печать была предпринята весной 1885 г. К этому моменту Б. Оржих смог воодушевить и объединить разбитые группы народовольцев региона. Был поставлен вопрос о расширении деятельности по всем возможным направлениям и восстановлении партии не только на местном, но и на общероссийском уровне [15, с. 132].

В апреле 1885 г. южные народовольцы решили обеспечить ввоз из-за рубежа запрещенной литературы, главным образом — «Вестника «Народной воли». Были выделены средства, назначены исполнители. Между тем, Петр Антонов — народоволец из Харькова — познакомился с рабочим, который предлагал продать за ту же сумму набор шрифтов и материала для маленькой типографии. В ходе обсуждения было решено, что близкий соратник Оржиха и Антонова, Саул Лисянский, найдет в Харькове квартиру подальше от центра, которую можно использовать как опорный пункт и место для размещения типографии. После перевозки закупленного оборудования, Антонов и Лисянский «займутся печатанием небольших брошюр для рабочих» [13, с. 102]. Кроме типографских принадлежностей в квартиру также были помещены бомбы в количестве четырех единиц и прочее оружие [3, с. 71].

Деятельность харьковской типографии так и не удалось развернуть в полной мере: 2 июня 1885 г. по наводке от предателя Елько был арестован Антонов, а следом за ним

и Лисянский, который оказал вооруженное сопротивление при задержании [4, с. 273; 9, с. 66-67].

Захват квартиры в Харькове не вынудил южных народовольцев отказаться от идеи постановки новой типографии в регионе. Ефим Петовский, проживающий в Новочеркасске, имел хорошие связи с сочувствующим революционному делу работником областной типографии войска Донского, который был готов предоставить богатый типографский материал и шрифт — этого могло хватить на открытие большого подпольного предприятия. Чтобы новое дело смогло производительно работать, осталось найти помещение, дополнительные средства и опытного типографщика [13, с. 98-99]. На эту роль подходил Захарий Коган, двоюродный брат Оржиха, имевший подходящие компетенции и желание потрудиться на общее дело, но проживавший в Женеве. Коган получил приглашение и деньги на дорогу, а затем отправился в путь [13, с. 105].

Пока Коган добирался до России, Оржих занялся организацией местных кружков. Примерно в первой половине июля 1885 г. он познакомился в Таганроге с Владимиром Богоразом, относительно недавно освободившимся из-под заключения [7, с. 140]. Богораз произвел предельно положительное впечатление на лидера южных народовольцев благодаря своему интеллекту, кругозору, литературному таланту и активности. Эффект был настолько сильным, что Оржих решил рискнуть, использовать этот талант и при его помощи приступить к выпуску нового номера партийного издания «Народная воля» [15, с. 132].

В июле 1885 г. Коган приехал в Россию. Перебравшись в Новочеркасск с помощью Оржиха, он практически сразу приступил к организации типографии: «начал приводить в порядок кассы, самодельный каток для печатания и уже через несколько дней приступил пока что к набору книжки «Сказка о четырех братьях» [9, с. 109]. Вскоре к нему присоединятся Богораз и Петровский. Расположение типографии было хорошо засекречено, полиция так и не смогла её обнаружить [1, с. 110].

Типография в Таганроге была вторым предприятием, которое организовали южные народовольцы в регионе, и она была основана в июле-августе 1885 г. [4, с. 273; 10, с. 19]. По мнению В. Богораза, постановка следующей типографии на тот момент была преждевременной — Новочеркасская типография отлично справлялась с имеющимися объемами печати. Как он подметил, из приблизительно 500 выпущенных изданий половина обнаруживалась полицией, в среднем четверть уничтожалась, если появлялась угроза их захвата полицией, и только оставшаяся четверть в 100 или 150 экземпляров попадала в руки целевой аудитории. Это считалось приемлемым результатом [1, с. 110-112]. Изначально планировалось расширить Новочеркасску типографию, были выделены средства, но Оржих настаивал на создании еще одной типографии [7, с. 140].

Таганрогское дело в первую очередь нуждалось в кадрах. Оржих уже был лично знаком с Антипом Кулаковым, который там проживал и владел небольшой лавкой. Во время очередной поездки он близко познакомился с Акимом Сигидой, письмоводителем в суде, и Надеждой Малаксиано, городской учительницей. Все трое сознательно включились в революционное дело и были в должной мере мотивированы [1, с. 111, 118; 13, с. 112].

Чтобы свести подозрения к минимуму, было решено сочетать Сигиду и Малаксиано фиктивным браком. Все революционеры, в том числе сами Аким Сигида и Надежда Малаксиано, поддержали предложение [1, с. 112-113; 10, с. 19]. Повенчавшись, они приобрели и устроили в Таганроге помещение, которое начали постепенно оборудовать как подпольную типографию [13, с. 112].

Оржих и Богораз уехали по партийным делам в Харьков и Екатеринослав, в том числе для обсуждения вопроса о выпуске нового номера «Народной воли» [10, с. 19]. Тем временем, Аким Сигида отправился в Ростов-на-Дону. При посредничестве Кулакова, он смог связаться с Антоном Остроумовым, бывшим работником ростовской типографии, у кото-

рого сохранилась часть необходимого оборудования [3, с. 74; 10, с. 6]. Недостающие детали помогли отлить и сделать местные рабочие Дымников и Перегудов [7, с. 142].

Штат продолжал расширяться: на роль квартирантки была принята революционерка Екатерина Тринитатская, на роль горничной — Устинья Федорова, невеста Оржиха [10, с. 20; 13, с. 117; 15, с. 133]. Таким образом, в таганрогской типографии трудилось четыре человека. Начиная с вечера, каждый из них был занят своим делом в цепочке нелегальной печати [1, с. 118; 11, с. 26–27].

Типография была оснащена сравнительно небогато. Богораз, однажды навестив её, подметил: «Станки наши были самые первобытные, почти детские. <...> Наверное, еще у Гутенберга первый печатный станок был все-таки лучше» [1, с. 118]. Однако таганрожцы работали с большим энтузиазмом и регулярно запрашивали новые задания у новочеркасских типографщиков [1, с. 112].

В наличии у них также имелись четыре бомбы, которые Оржих доставил туда в июне 1885 г. [8, с. 177]. Когда к августу типография была укомплектована, А. Сигида настоял, что бомбы должны храниться там же [7, с. 141; 8, с. 177–178]. Здесь воспоминания Оржиха и Кулакова расходятся: Кулаков в специальной статье утверждает, что о наличии бомб знал каждый без исключения участник таганрогской типографии, так как «недопустимо подвергать товарищей по работе тяжкой ответственности без их ведома» [8, с. 178]. В свою очередь, Оржих вспоминает, что о размещении бомб под типографией не знал никто, кроме него и Сигиды [13, с. 130]. Версию Оржиха подтверждает обвинительный акт [10, с. 20].

К началу осени 1885 г. южные народовольцы располагали двумя типографиями. Революционеров преследовала хроническая нехватка средств и на тот момент отсутствие плотного графика работы. Проблемы финансового характера так и не были полностью решены, но основная деятельность была налажена после окончания организационного съезда в Екатеринославе, состоявшегося 15 сентября 1885 г [4, с. 273–274].

Данный съезд можно считать окончательным этапом трансформации разобщенных групп юга в полноценную Южнорусскую организацию «Народной воли». В ходе съезда был организован руководящий центр, оценены перспективы дальнейшей деятельности, изучены и обсуждены проблемы местных революционных кружков, налажился обмен полезными связями, дискутировался вопрос о применении террористической тактики борьбы, а также согласована и налажена подпольная типографская деятельность [15, с. 134–135].

Ключевой вопрос по теме подпольной печати — выпуск следующего номера партийного издания «Народная воля», который изначально должен был стать одиннадцатым по счету. В обсуждении принимали активное участие Борис Оржих, Владимир Богораз, Леон Ясевич, Анастасия Шехтер, Лев Штернберг, Степан Турский, Василий Бражников, Алексей Макаревский и другие [7, с. 140; 15, с. 133–135].

Было определено основное содержание нового выпуска. Обстоятельно обсуждался вопрос о том, на что южнорусским народовольцам следует настроить целевую аудиторию. Самое главное, что должен был понять читатель — победа революции не будет быстрой и легкой [13, с. 124]. Неравнодушное сообщество должно видеть, что борьба не прекратилась, народовольцы не сдались, по-прежнему существует революционное руководство. Партия «Народной воли» и её литература в этих условиях должны способствовать сплочению различных районов страны, воодушевить и мотивировать подполье на решительные меры, в том числе на активный террор, если это потребуется [5, с. 44–46].

Утвердительное отношение к террору подкрепляло не только мнение большинства участников съезда, но и проект брошюры Богораз «Борьба общественных сил в России», который обсуждался во время собрания, был одобрен, а затем выпущен после съезда од-

новременно с «Народной волей» № 11–12. При этом южнорусские народовольцы понимали, что террористический акт имеет смысл не сам по себе, но обязательно в сочетании с другими методами борьбы и освещаться должным образом — в противном случае подобная акция рискует стать обычным злодеянием в глазах обывателя. Террор не должен замещать собой всю прочую активность [7, с. 140–141; 13, с. 124, 15, с. 135].

Партии предстоит трудное дело, участников поджидает много угроз: 16 сентября 1885 г., во время проведения съезда, в Ростове-на-Дону был арестован Антон Остроумов, передавший в таганрогскую типографию недостающее для печати оборудование [14, с. 274]. События, связанные с этим происшествием, в будущем крайне негативно скажутся на подпольной печати и деятельности «Народной воли» в регионе.

Практически сразу после съезда Новочеркасская и Таганрогская типографии приступили к рабочему процессу, тесно кооперируясь между собой и своевременно обмениваясь необходимой информацией. Народовольцами было собрано большое количество материала для нового номера, работа в типографиях велась без остановки и началась в сентябре-октябре 1885 г. [13, с. 126–127, 129; 15, с. 135].

В процессе печати революционеры часто сталкивались с нехваткой бумаги и денежных средств [1, с. 112; 13, с. 94–95, 128, 131]. Несмотря на это, южнорусские народовольцы трудились самоотверженно и продуктивно [1, с. 110–114; 15, с. 135–136].

Вместе с этим происходили и курьезные ситуации. Однажды в новочеркасской типографии чуть не произошел большой пожар из-за выпавшего с печки уголька [13, с. 128]. Тем временем, в таганрогской типографии ближайший выпуск «Народной воли» № 11–12 мог сорваться по причине некачественно переделанного первого листа, в котором буквы располагались «вкривь и вкось, и весь лист был напечатан крайне бледно». Захарий Коган, навестивший Таганрог в это время, помог быстро справиться с проблемой [6, с. 183–184]. От негативного влияния человеческого фактора не было застраховано ни одно подпольное предприятие. Показательна ситуация со случайным раскрытием типографии в Дерпте, связанным со смертью хозяина квартиры во время приступа эпилепсии и последующим обыском помещения полицией [1, с. 110; 9, с. 64].

В ходе работы над новым выпуском народовольцы дополнительно убедились, что он оказался достаточно объемным, чтобы присвоить ему двойную нумерацию — № 11–12 [13, с. 130; 15, с. 135]. Работа над объединенным номером продолжалась вплоть до начала декабря 1885 г. [13, с. 129]. Как утверждает Анастасия Шехтер, «Народная воля» № 11–12 была сброшюрована в общем количестве в 2000 экземпляров [15, с. 136].

Южнорусские народовольцы в своих воспоминаниях отмечают, что, не считая «Народной воли» № 11–12, в Новочеркасске печаталась брошюра Богораза «Борьба общественных сил в России», «Сказка о четырех братьях» и статья Л.А. Тихомирова «Чего нам ждать от революции?» из «Вестника Народной воли» № 2. В Таганроге кроме нового выпуска печатался объемный сборник революционных стихотворений [13, с. 125–126, 131; 15, с. 136]. Новочеркасская типография осталась нераскрытой, поэтому о содержании ее работы мы можем судить только по воспоминаниям очевидцев.

В свою очередь, официальные документы на примере таганрогской типографии показывают, что на самом деле в её стенах было напечатано гораздо больше материалов, чем только «Народная воля» № 11–12 и сборник стихотворений, как это вспоминают Коган и Богораз [10]. На это же обращает внимание А. Кулаков, который в 1920–1930-х гг. проводил собственное исследование [7, 8]. Таким образом, в таганрогской типографии в будущем будут обнаружены жандармами: журнал «Народная Воля» № 11–12, сборник стихотворений «Отголоски революции», стихотворение «Сон в летнюю ночь», брошюры «Сказка о четырех братьях», «Воззвание к русскому обществу» от «имени социалистов-революционеров», а также статья «Чего нам ждать от революции?» [8, с. 181; 10, с. 6–8].

Были обнаружены и другие разнообразные материалы, однако эксперты заключили, что недавно были напечатаны именно те, что перечислены выше [10, с. 7].

Неоднозначное понимание масштабов проделанной работы Новочеркасской и Таганрогской типографиями может быть вызвано, во-первых, большим временным разрывом между обозначенными событиями и выпуском воспоминаний южнорусских народовольцев в 1920–1930-х гг. Во-вторых, А. Кулаков предупреждает будущих историков, что к словам отдельных революционеров следует относиться предельно внимательно. Например, Аким Сигида в своих показаниях на следствии намеренно принижал масштабы деятельности Таганрогской типографии, чтобы ввести жандармов в заблуждение [8, с. 180].

В начале декабря 1885 г. номер был готов, Оржих и Богораз брали с собой небольшие партии журнала и развозили их в различных направлениях сначала в пределах южных губерний, затем номер стал постепенно распространяться по России [13, с. 130–131; 15, с. 136]. На юге это событие было встречено с большим энтузиазмом и произвело «настоящую сенсацию» [5, с. 46; 13, с. 132]. Шехтер вспоминала, что появление нового номера «Народной воли» «радостно приветствовалось всеми сочувствующими и оппозиционными элементами, которые уже не ожидали выхода журнала. Номер явился для них доказательством, что партия опять существует» [15, с. 136]. Оржих был доволен произведенным на публику эффектом: «Номер журнала, да еще такого размера, как был номер 11 и 12, напечатанный в типографии партии «Народная Воля», это была сама партия, живая, воскресшая, явно существующая. Он давал надежды, воскрешал веру в то, что борьба с правительством не угасла, не задавлена, как это представлялось уже всем пессимистам. Он снова открывал перспективы и воодушевлял павших духом» [13, с. 136].

Ко второй половине декабря 1885 г. в Екатеринослав из-за рубежа прибыл С.А. Иванов с целью укрепления сил «Народной воли» в стране. Оржих отправился вместе с ним на север, чтобы распространить «Народную волю» № 11–12 и обеспечить связи с местными революционерами [13, с. 134].

Их путь пролегал через Курск, Орёл, Москву, Санкт-Петербург и Дерпт [5, с. 47]. Поездка длилась с декабря 1885 г. по январь 1886 г. Посетив каждый крупный город по пути следования на север, Иванов и Оржих собирали информацию о положении дел на локальном уровне, налаживали контакты, обменивались доступными сведениями, планировали дальнейшие перспективы партии и распространяли свежую литературу. Местные народовольцы оценили выход очередного номера партийного издания как событие огромной важности, так как ранее большинство революционной публики действительно было убеждено, что партия перестала существовать [13, с. 136–156].

Помимо реализации прочих задач данной поездки, Оржих уделил значительное внимание росту типографской деятельности партии. Он запланировал расширить сеть подпольных типографий, когда в этом появится необходимость. Прибыв в Орёл, он связался с отошедшими от дел Раисой Кранцфельд и Захарием Васильевым, бывшими сотрудниками ростовской типографии. Позднее Оржих договорился с Кранцфельд и Васильевым, что в случае нужды они станут хозяевами типографии в Орле, Туле или другом подходящем для этого городе поближе к Москве [13, с. 136–137, 163]. Во время посещения Дерпта, Оржих навестил супругов Коган-Бернштейн, недавно вернувшихся из ссылки. Одной из тем разговора была возможность открытия новой типографии в Дерпте или Риге [13, с. 148, 151; 15, с. 136].

Лидер южнорусской организации попутно собирал материалы для выпуска «Народной воли» № 13. Он рассчитывал использовать накопленный опыт и набранный во время поездки богатый материал, чтобы как можно скорее напечатать новый выпуск, ничем не уступавший номеру 11–12 [5, с. 47; 13, с. 151, 154, 156].

Поездку на север с позиции расширения типографской деятельности партии можно признать однозначно успешной: «Народная воля» № 11–12 распространена в значитель-

ном объеме, была заложена основа для создания новых подпольных предприятий для печати, собран внушительный материал для «Народной воли» № 13. С точки зрения реализации общих задач, результаты поездки неоднозначные: совершился обмен связями и контактами, придана определенная организованность деятельности местных революционеров, однако прочная центральная группа в Петербурге так и не была создана. Местные объединения во многом продолжали быть предоставлены сами себе [13, с. 154–156]. Также 18 января 1886 г. в столице был арестован Сергей Иванов, который путешествовал вместе с Оржихом [15, с. 274]. Данный арест будет иметь тяжелые последствия для Южнорусской организации в ближайший месяц.

Неудача Южнорусской организации оказалась тесно связана с провалом их типографий. Дальнейшей работе положили конец показания арестованного 16 сентября 1885 г. Антона Остроумова, который решил сотрудничать с властями и выдать своих бывших товарищей [3, с. 74]. В ночь с 22 на 23 января 1886 г. был совершен арест таганрогской типографии вместе с её работниками [3, с. 74–75; 4, с. 274].

Жандармы обнаружили соответствующее оборудование, разные печатные, гектографированные и литографированные издания революционного содержания, разные рукописи, письма, документы, удостоверения, паспорта, выписки из видов на жительство. Там же были задержаны Надежда Сигида и Екатерина Тринитатская [3, с. 74–74, 11, с. 6–9].

Устинья Федорова, работавшая в типографии, притворилась ничего не понимающей служанкой, ненадолго отлучилась и покинула квартиру через окно [11, с. 9]. Несмотря на уговоры товарищей, на следующий день она решила срочно отправиться в Новочеркасск, чтобы предупредить остальных народовольцев [1, с. 114]. На следующий день Федорова была арестована жандармами в вагоне поезда, отправлявшегося в сторону Ростова-на-Дону [11, с. 9].

Задержанные отказывались сотрудничать со следствием. Кроме того, Аким Сигида умышленно преуменьшал деятельность типографии в своих показаниях [8, с. 180; 11, с. 9–10].

За отсутствием прямых доказательств, последний оставшийся на свободе сотрудник типографии, Антип Кулаков, был арестован не сразу. В его жилище было произведено два безрезультатных обыска, и только 30 апреля 1886 г. жандармы смогли его арестовать, и, что характерно, так и не обнаружив никаких улик. Кулаков уточняет, что единственными зацепками, которые были у жандармов, являлись прямые указания предателей Елько и Остроумова, которые знали его лично [7, с. 142–144].

Хранящиеся под типографией разрывные снаряды были обнаружены только в мае 1886 г. [3, с. 75; 10, с. 11–14].

Параллельно с арестом таганрогской типографии в Ростове-на-Дону были задержаны рабочие Перегудов и Дымников, оказавшие помощь в поставке недостающих деталей. [7, с. 143; 15, с. 136]

Богораз был удивлен произошедшим, так как трудно определить, на ком лежит ответственность за раскрытие типографии — все участники соблюдали максимальную осторожность. Фактически это было несчастным стечением обстоятельств, вызванным предательскими показаниями Антона Остроумова [1, с. 119]. В ближайшее время революционерами в целях безопасности была закрыта Новочеркасская типография [3, с. 81; 6, с. 105]. На момент закрытия там работали Коган, Богораз и третий сотрудник, наборщик Антон Пашинский из Одессы [2, с. 150; 13, с. 168]. Они разобрали станок, сломали кассы, закопали в землю большую часть шрифта и покинули Новочеркасск, забрав с собой минимум оборудования, почти готовую брошюру «Борьба общественных сил» и экземпляры «Народной воли» № 11–12 [2, с. 150; 3, с. 81]. Новость об аресте типографии застала Оржиха в Москве, когда он возвращался обратно в Екатеринослав после своей

миссии на севере. Известие потрясло Оржиха, но это не отразилось на его готовности действовать дальше [13, с. 157, 160].

28 января 1886 г. был арестован Ефим Петровский, один из организаторов Новочеркасской типографии. На его причастность к партии на днях указал предатель Остроумов [3, с. 71, 10, с. 2]. В этот же период производились повсеместные аресты и других народовольцев, составлявших ядро Южнорусской организации [3, с. 72; 4, с. 274; 15, с. 137].

К 15 февраля 1886 г. Оржих с повышенной осторожностью добрался до Екатеринослава, где встретился с Анастасией Шехтер и Богоразом, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию [2, с. 151, 13, с. 165]. Было решено немедленно оповестить подполье о случившемся [15, с. 137].

Богораз и Оржих отправились на постоянный двор на некотором удалении от Екатеринослава, где их уже ждал Коган. Ранее сюда была перевезена литература и часть уцелевшего оборудования из Новочеркасской типографии [3, с. 81]. В разных местах были докуплены недостающие технические средства, после чего в подвале постоянного двора приступили к интенсивной работе над завершением брошюры Богоразом, где в качестве предисловия добавлено извещение об аресте Таганрогской типографии [3, с. 81; 15, с. 137].

Народовольцы справились с работой в течение двух дней, а затем приступили к распространению доработанной брошюры, по ходу дела собирая информацию о ситуации в регионе после ареста типографии. [6, с. 105; 13, с. 169–170]. В это же время было запланировано открыть новую типографию в Туле, где предполагалось выпустить «Народную волю» № 13, материал для которой Оржих смог собрать во время поездки [13, с. 170]. Открытие новой типографии и скорейший выпуск следующего номера могли бы частично компенсировать ущерб, нанесенный партии в последний месяц.

От плана по подготовке нового выпуска пришлось отказаться в связи с внезапным арестом Бориса Оржиха в Екатеринославе на квартире Михаила Полякова, у которого он решил переночевать [14]. Арест был произведен в ночь с 22 на 23 февраля 1886 г. [3, с. 77; 4, с. 274]. При Оржихе был обнаружен весь собранный материал для 13-го номера и иные разнообразные документы, в том числе переписка с Львом Тихомировым по вопросам применения террора [3, с. 78; 10, с. 14–18].

Причиной ареста послужили обнаруженные жандармами адреса в незашифрованной записной книжке у задержанного в январе Иванова, благодаря которым они смогли постепенно выйти на местоположение Полякова. [10, с. 14; 14, с. 147–148]. Поимка лидера южнорусской организации оказалась для властей неожиданностью [11, с. 23–24]. Происшествие поставило под угрозу не только типографскую деятельность, но и всю активность партии на юге России.

Захарий Коган, верно оценив ситуацию, вовремя покинул Екатеринослав и избежал ареста. Беспорядок, вызванный заключением под стражу Бориса Оржиха и многих других народовольцев, парализовал всю работу остатков Южнорусской организации. В первую очередь пострадала типографская деятельность, так как не осталось ни одного действующего предприятия, а разнообразный материал, собранный Оржихом, попал в руки жандармов. Примерно через месяц после февральских событий Коган смог встретиться с Богоразом в Крыму, где они обсудили сложившиеся обстоятельства [6, с. 106].

Народовольцы высказались за продолжение борьбы, решено установить новую типографию, где планировалось издать очередной «Листок Народной воли» и постепенно приступить к подготовке «Народной воли» № 13. Вопрос о местоположении новой типографии вызвал трудности: возвращаться на юг было опасно, так как теперь жандармы были осведомлены о высокой революционной активности в регионе и располагали нужной для ареста Когана и Богоразом информацией. Относительно безопасным решением стала идея о перемещении на север, было решено остановиться на Туле. В качестве помощни-

ков были вызваны революционерка Вера Обухова из Твери и Антон Пашинский, ранее работавший в Новочеркасской типографии [4, с. 275; 5, с. 48; 6, с. 107; 9, с. 68].

Южнорусские народовольцы нашли в Туле оптимальную для типографской деятельности квартиру, договорились с хозяевами, быстро приобрели и собрали необходимое оборудование, и к июню 1886 г. предприятие было организовано [4, с. 275; 6, с. 105-108; 9, с. 69]. Коган скрывался под именем Николая Кудриченко, Богораз — как Василий Кудриченко (по легенде — брат), Обухова — как Надежда Минялго (по легенде — жена Николая Кудриченко), четвертым жильцом был некий Антон Минялго [9, с. 69; 12, с. 37]. Личность последнего так и не была установлена жандармами. Известно, что четвертым сотрудником Тульской типографии был Пашинский, поэтому можно предположить, что под именем А. Минялго скрывался именно он [6, с. 108, 109-110; 9, с. 70-71]. Это косвенно подтверждает и Богораз, вспоминая, что Пашинскому действительно каждый раз удавалось спастись [1, с. 100].

Сотрудники Тульской типографии приступили к заданию с опытом, знанием дела и аккуратностью. Как и раньше, для маскировки настоящего местоположения типографии на свежих документах указывался другой город — Санкт-Петербург [9, с. 69]. Первой работой Тульской типографии была объемная брошюра «Варшавский процесс 29-ти», в которой освещался судебный процесс над участниками польской партии «Пролетариат», произошедший в ноябре-декабре 1885 г. [6, с. 109]. К концу сентября 1886 г. было готово от 500 до 1000 экземпляров [6, с. 108-109; 9, с. 69].

Второй крупной работой типографии являлся «Листок Народной воли» № 3, составленный в качестве приложения к «Народной воле» № 11-12 [15, с. 137]. К ноябрю 1886 г. «Листок» был готов, один экземпляр содержал 35 страниц, общий тираж составлял 1000 экземпляров [9, с. 69].

Богораз и Коган лично развозили готовую литературу по мере готовности [5, с. 48]. Во время одной из первых поездок, Пашинский, остававшийся в типографии, смог набрать новое издание «Программы Исполнительного комитета» [5, с. 48; 6, с. 109].

Последней работой типографии была брошюра «Из Сибири». Её составление было завершено в декабре 1886 г. [6, с. 109-110]. Не считая упомянутых материалов, в типографии дополнительно печатались листки «добровольного сбора» [12, с. 38].

В последующие несколько месяцев половина из оставшихся на свободе южнорусских народовольцев была подвержена аресту: 9 декабря 1886 г. был пойман Богораз, что оказалось результатом провокации, совершенной неизвестным предателем в Москве [4, с. 275; 6, с. 110, 15, с. 137]. Как впоследствии выяснилось, провокатором был С.В. Зубатов, в те времена состоявший в московской организации «Народной воли», с которой взаимодействовали расположившиеся в Туле южнорусские народовольцы. Примерно через полтора месяца, 26 января 1887 г., в этой же связи был арестован З. Коган [6, с. 112; 12, с. 35].

Кроме непосредственных сотрудников типографии деталей о её работе никто не знал, прямая переписка с другими народовольцами не велась, в том числе с московскими. Жандармы предполагали, что типография может находиться в Туле, но так и не смогли её обнаружить самостоятельно. По мнению Когана, Тульская типография «могла бы существовать годы и не провалиться». [5, с. 112; 15, с. 35].

Типография была вычислена только когда Пашинский и Обухова по очереди покинули квартиру. К 10 апреля 1887 г. домовладелица отправила заявление в полицию о том, что супруги, проживавшие в данной квартире, бесследно пропали. В ходе обыска были найдены различные технические средства печати, подложные документы и выпущенная здесь нелегальная литература и [9, с. 70; 12, с. 35-36]. Таким образом, предприятие смогло просуществовать еще два месяца и фактически самоликвидировалось. Пашинский спо-

койно вернулся в Одессу и смог избежать тюрьмы, Вера Обухова скрылась за рубежом [1, с. 100; 9, с. 70].

Оржих высоко оценивает результаты деятельности Южнорусской организации в целом и возможные перспективы при ином раскладе событий: «Революционное движение по периферии могло бы расти неимоверно быстро и развиваться в огромные организации, но его губила часто халатность, записные книжки и затем предательство» [13, с. 115]. Соратник Оржиха М. Поляков полностью солидарен с его выводами о причинах провала Южнорусской организации: «Не одни предатели и провокаторы ускорили окончательный разгром народовольческих организаций, <...> но и неконспиративность вождей и руководителей, старых испытанных и отважнейших революционных деятелей: сначала Г.А. Лопатина со своим списком, а за ним С.А. Иванова. Предатели же только расширили рамки разгрома» [14, с. 146–147].

ВЫВОДЫ. Очевидно, что если бы не причины, названные Оржихом и Поляковым, то типографии Южнорусской организации на самом деле смогли бы просуществовать гораздо дольше. Харьковская и Таганрогская типографии были раскрыты в результате предательских показаний, в то время как работа Новочеркасской и Тульской типографий была остановлена самими народовольцами. Трудно однозначно утверждать, является ли незаметность типографий заслугой только лишь южнорусских революционеров, которые, с одной стороны, действительно старались соблюдать осторожность и учились на ошибках. Вместе с тем, полицейские условия на Юге России значительно благоприятствовали народовольцам — сыск в этом регионе приходил в активное действие только по приказу из Санкт-Петербурга.

Не следует исключать из числа негативных факторов недостаточность средств на организацию бесперебойной работы подпольных типографских предприятий. Например, к концу осени 1886 г. из-за отсутствия денег Тульская типография была вынуждена приостановить свою работу, а ранее темпы производства в Новочеркасской и Таганрогской типографиях нередко замедлялась из-за элементарной нехватки бумаги.

Независимо от судьбы организации под руководством Б.Д. Оржиха, созданная и распространенная при её посредничестве литература выполнила основную задачу. Народовольцы уверенно заявили о продолжении своей борьбы, несмотря на тяжелые последствия дегаевщины и лопатинского разгрома. Южнорусская организация смогла продлить жизнь «Народной воли», так как до тех пор, пока существует печатный орган партии, продолжает жить и сама партия. После Южнорусской организации ни одно народовольческое объединение не смогло повторить подобный успех — «Народная воля» № 11–12 запомнилась историей как последний выпуск журнала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богораз В.Г. Повести прошлой жизни / Русское богатство. 1907. № 10. С. 150–164. URL: <https://archive.org/details/russkoe-bogatstvo-1907-no.-10> (дата обращения: 27.03.2022).
2. Богораз В.Г. Повести прошлой жизни / Русское богатство. 1907. № 9. С. 107–131. URL: <https://archive.org/details/russkoe-bogatstvo-1907-no.-9/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 27.03.2022).
3. Дрей М.И. О деле Оржиха, Сигиды и др. // Народная воля перед царским судом. М.: Всесоюзное общество полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. С. 70–83.
4. Календарь «Народной воли» // «Народная воля» в документах и воспоминаниях. М.: Всесоюзное общество полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. С. 260–280. URL: <http://elibr.shpl.ru/nodes/32153> (дата обращения: 27.03.2022).
5. Катренко А.Н. В борьбе за пробуждение народной революции (Из истории революционно-демократического движения на Украине в 80-х — начале 90-х годов XIX в.). Киев: Выща Школа, 1968. 136 с.

6. Коган З.В. Тульская типография партии «Народная Воля» // Народовольцы 80-90х гг. М.: Всесоюзное общество полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1929. С. 105-112.
7. Кулаков А.А. «Народная Воля» на юге в половине 80-х гг. // Народовольцы после 1 марта 1881 г. М.: Всесоюзное общество полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. С. 140-144. URL: <http://elibrary.shpl.ru/nodes/5028> (дата обращения: 27.03.2022).
8. Кулаков А.А. Дополнения к воспоминаниям Б.Д. Оржиха // Народовольцы. Сборник третий. М.: Всесоюзное общество полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. С. 177-182.
9. Лившиц С. Подпольные типографии 60-х, 70-х и 80-х годов // Каторга и ссылка. 1929. № 2. С. 57-74.
10. Обвинительный акт, ...коим предаются суду Особого Присутствия Правительствующего Сената для суждения дел о государственных преступлениях члены тайного сообщества, именующего себя «русской социально-революционной партией»: составлен ноября 3 дня 1887 года в городе Санкт-Петербурге... СПб., 1887. 26 с.
11. Обзоры важнейших дознаний, производившихся в Жандармских Управлениях Империи, по делам о государственных преступлениях, с 1-го Января 1886 г. по 1-е Января 1887 г. / СПб., 1887. Т. 11. 145 с.
12. Обзоры важнейших дознаний, производившихся в Жандармских Управлениях Империи, по делам о государственных преступлениях, с 1-го Января 1887 г. по 1-е Января 1888 г. / СПб., 1888. Т. 12. 59 с.
13. Оржих Б.Д. В рядах «Народной воли» (воспоминания) // Народовольцы. Сборник третий. М.: Всесоюзное общество полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. С. 75-172.
14. Поляков М.М. Разгром Екатеринославской народовольческой группы в 1886 г. / Народовольцы после 1 марта 1881 г. М.: Всесоюзное общество полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. С. 145-150. URL: <http://elibrary.shpl.ru/nodes/5028> (дата обращения: 27.03.2022).
15. Шехтер А.Н. Южно-русская народовольческая организация // Народовольцы после 1 марта 1881 г. М.: Всесоюзное общество полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. С. 131-139. URL: <http://elibrary.shpl.ru/nodes/5028> (дата обращения: 27.03.2022).

REFERENCES

1. Bogoraz V.G. *Povesti proshloy zhizni* [Stories of a past life] / Russkoe bogatstvo. 1907. № 10. S. 150-164. URL: <https://archive.org/details/russkoe-bogatstvo-1907-no-10> (data obrashheniya: 27.03.2022). (In Russian).
2. Bogoraz V.G. *Povesti proshloy zhizni* [Stories of a past life] / Russkoe bogatstvo. 1907. № 9. S. 107-131. URL: <https://archive.org/details/russkoe-bogatstvo-1907-no-9/page/n7/mode/2up> (data obrashheniya: 27.03.2022). (In Russian).
3. Drej M.I. *O dele Orzhiha, Sigidy i dr.* [About the case of Orzhikh, Sigida, etc.] // Narodnaja volja pered carskim sudom. M.: Vsesojuznoe obshhestvo polit. katorzhan i ssyl'no-poselencev, 1931. S. 70-83. (In Russian).
4. *Kalendar' «Narodnoj voli»* [The calendar of the «People's Will»] // «Narodnaja volja» v dokumentah i vospominaniyah. M.: Vsesojuznoe obshhestvo polit. katorzhan i ssyl'no-poselencev, 1930. S. 260-280. URL: <http://elibrary.shpl.ru/nodes/32153> (data obrashheniya: 27.03.2022). (In Russian).
5. Katrenko A.N. *V bor'be za probuzhdenie narodnoj revoliucii (Iz istorii revoliucionno-demokraticeskogo dvizhenija na Ukraine v 80-h — nachale 90-h godov XIX v.)* [In the struggle for the awakening of the People's Revolution (From the history of the revolutionary democratic movement in Ukraine in the 80s — early 90s of the XIX century)] / Kiev: Vyshha Shkola, 1968. 136 s. (In Russian).
6. Kogan Z.V. *Tul'skaja tipografija partii «Narodnaja Volja»* [Tula Printing House of the Narodnaya Volja Party] // Narodovol'cy 80-90h gg. M.: Vsesojuznoe obshhestvo polit. katorzhan i ssyl'no-poselencev, 1929. S. 105-112. (In Russian).
7. Kulakov A.A. *«Narodnaja Volja» na juge v polovine 80-h gg.* [«People's Will» in the south in the half of the 80s.] // Narodovol'cy posle 1 marta 1881 g. M.: Vsesojuznoe obshhestvo polit. katorzhan i ssyl'no-

- poselencev, 1928. S. 140-144. URL: <http://elibrary.shpl.ru/nodes/5028> (data obrashhenija: 27.03.2022). (In Russian).
8. Kulakov A.A. *Dopolnenija k vospominanijam B.D. Orzhiha* [Additions to the memoirs of B.D. Orzhikh] // *Narodovol'cy. Sbornik tretij. M.: Vsesojuznoe obshhestvo polit. katorzhan i ssyl'no-poselencev, 1931. S. 177-182.* (In Russian).
 9. Livshic S. *Podpol'nye tipografii 60-h, 70-h i 80-h godov* [Underground printing houses of the 60s, 70s and 80s] // *Katorga i ssylka. 1929. № 2. S. 57-74.* (In Russian).
 10. *Obvinitel'nyj akt, ...koim predajutsja sudu Osobogo Prisutstvija Pravitel'stvujushhego Senata dlja suzhenija del o gosudarstvennyh prestuplenijah chleny tajnogo soobshhestva, imenujushhego sebja «russkoj social'no-revoljucionnoj partiej»: sostavljen nojabrja 3 dnja 1887 goda v gorode Sankt-Peterburge...* [The indictment, ... which is brought to trial by the Special Presence of the Governing Senate for judging cases of state crimes by members of a secret community calling itself the «Russian Social Revolutionary Party»: compiled on November 3, 1887 in the city of St. Petersburg...]. Spb., 1887. 26 s. (In Russian).
 11. *Obzory vazhnejshih doznaniij, proizvodivshihsja v Zhandarmskih Upravlenijah Impeii, po delam o gosudarstvennyh prestuplenijah, s 1-go Janvarja 1886 g. po 1-e Janvarja 1887 g.* [Reviews of the most important inquiries conducted in the Gendarmerie Departments of the Empire, in cases of state crimes, from January 1, 1886 to January 1, 1887]. Spb., 1887. T.11. 145 s. (In Russian).
 12. *Obzory vazhnejshih doznaniij, proizvodivshihsja v Zhandarmskih Upravlenijah Impeii, po delam o gosudarstvennyh prestuplenijah, s 1-go Janvarja 1887 g. po 1-e Janvarja 1888 g.* [Reviews of the most important inquiries conducted in the Gendarmerie Departments of the Empire, in cases of state crimes, from January 1, 1887 to January 1, 1888]. Spb., 1888. T. 12. 59 s. (In Russian).
 13. Orzhikh B.D. *V rjadah «Narodnoj voli» (vospominanija)* [In the ranks of «People's Will» (memoirs)] // *Narodovol'cy. Sbornik tretij. M.: Vsesojuznoe obshhestvo polit. katorzhan i ssyl'no-poselencev, 1931. S. 75-172.* (In Russian).
 14. Poljakov M.M. *Razgrom Ekaterinoslavskoj narodovol'cheskoj grupy v 1886 g.* [The defeat of the Yekaterinoslav group of «People's Will» in 1886] // *Narodovol'cy posle 1 marta 1881 g. M.: Vsesojuznoe obshhestvo polit. katorzhan i ssyl'no-poselencev, 1928. S. 145-150.* URL: <http://elibrary.shpl.ru/nodes/5028> (data obrashhenija: 27.03.2022). (In Russian).
 15. Shehter A.N. *Juzhno-russkaja narodovol'cheskaja organizacija* [The South Russian group of «People's Will»] // *Narodovol'cy posle 1 marta 1881 g. M.: Vsesojuznoe obshhestvo polit. katorzhan i ssyl'no-poselencev, 1928. S. 131-139.* URL: <http://elibrary.shpl.ru/nodes/5028> (data obrashhenija: 27.03.2022). (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.025

УДК 94(47)07."18"

ББК 63.3(2)522-414.13

С.М. САНЬКОВА,
Н.И. КРИЖАНОВСКИЙ	К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ
НАСТРОЕНИЙ СРЕДИ МОРСКИХ
ОФИЦЕРОВ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ
ПЕРИОД (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ
И ДНЕВНИКАМ ВЫПУСКНИКОВ
КРОНШТАДТСКОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УЧИЛИЩА И.П. ЮВАЧЁВА
И М.О. МЕНЬШИКОВА)
S.M. SANKOVA,
N.I. KRIZHANOVSKY	ON THE QUESTION OF THE PREREQUISITES
FOR THE EMERGENCE
OF REVOLUTIONARY SENTIMENTS
AMONG NAVAL OFFICERS
IN THE POST-REFORM PERIOD
(ACCORDING TO THE MEMOIRS
AND DIARIES OF THE GRADUATES
OF THE KRONSTADT TECHNICAL SCHOOL
I.P. YUVACHOV AND M.O. MENSHIKOV)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-012-00153 «Летопись жизни и творчества М.О. Меньшикова»

Предметом нашего исследования стали личные мотивы вступления на путь революционной деятельности офицеров русской армии и флота пореформенного периода XIX в. как наименее исследованная часть отечественной политической истории, чем и определяется новизна данной работы. Ее целью является выявление взаимообусловленности изменений в системе военно-морского образования в пореформенный период и появления широкого круга морских офицеров, готовых встать на сторону борцов с существующим государственным режимом через социальную рефлексию непосредственных участников анализируемых событий. Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые представлен сравнительный анализ дневников М.О. Меньшикова и мемуаров И.П. Ювачева в контексте истории возникновения Военной организации «Народной воли». В качестве основных методов исследования использовались сравнительно-исторический, биографический и герменевтический анализ. Источником исследования служили опубликованные воспоминания и документы народовольцев, а также их современников. Проведенное исследование позволило сделать выводы о появлении одновременно нового типа революционных организаций и нового типа морских офицеров, желавших объединить свои усилия для борьбы за будущее переустройство государства на более справедливых началах. Значительную роль в формировании революционных настроений морских офицеров играл период обучения в военных заведениях, где им впервые при-

ходилось сталкиваться с ситуациями проявления несправедливости, и где они впервые могли читать и обсуждать революционную агитационную литературу на фоне отсутствия действенной идеологической работы со стороны руководства и преподавателей таких учебных заведений.

Personal motives for entering the path of revolutionary activity of officers of the Russian army and Navy of the post-reform period of the XIX century are the least studied part of the national political history. They became the subject of our research. This determines the novelty of this work. The aim of the work is to identify by analyzing the social reflection of the direct participants of the analyzed events, the interdependence of changes in the system of naval education in the post-reform period and the emergence of a wide range of naval officers who are ready to side with the fighters against the existing state regime. The novelty of the study also lies in the fact that it presents for the first time a comparative analysis of the diaries of M.O. Menshikov and the memoirs of I.P. Yuvachov in the context of the history of the emergence of the Military Organization «Narodnaya Volya». The main research methods were comparative historical, biographical and hermeneutic analysis. The source of the research was the published memoirs and documents of the People's Volunteers and their contemporaries. The conducted research allowed us to draw conclusions about the emergence of a new type of revolutionary organizations and a new type of naval officers at the same time. Both wanted to unite their efforts to fight for the future reconstruction of the state on a more equitable basis. A significant role in the formation of revolutionary sentiments of naval officers was played by the period of training in military institutions. There they had to face situations of injustice for the first time, and where they could read and discuss revolutionary propaganda literature for the first time. The situation was aggravated by the lack of effective ideological work on the part of the management and teachers of such educational institutions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Военная организация «Народной воли», М.О. Меншиков, И.П. Ювачев, Кронштадт, Техническое училище Морского ведомства, революционное движение.

KEY WORDS: Military organization «Narodnaya Volya», M.O. Menshikov, I.P. Yuvachev, Kronstadt, Technical School of the Naval Department, revolutionary movement.

ВВЕДЕНИЕ. На протяжении постсоветского периода истории нашего государства отечественная идеология, а за ней и историческая наука последовательно пересматривала отношение, сформировавшееся в СССР к различным политическим силам и движениям царской России. Первыми таким переоценкам подверглись либерально ориентированные исторические деятели, к которым на волне вдохновения от современных российских либеральных преобразований обращались как к учителям, чьи идеи были проигнорированы обществом, за что и наступила тяжелая расплата в виде революций и последующего советского строя.

По мере разочарования в либеральных реформах, поставивших под вопрос само существование нашего государства, в обществе стал просыпаться интерес к консервативным отечественным идеям и их носителям. Труды консерваторов стали объектом изучения: многие исследователи в них искали ответы на вопросы, как сохранить государство и в каком направлении двигаться. Историческая справедливость требует признать, что наиболее успешными в деле воплощения своих замыслов в жизнь в конце XIX — начале XX века были не либеральные и консервативные, а лево-радикальные революционные силы. И, возможно, настала пора более активного обращения именно к опыту радикализма прошлого, чтобы, как минимум, понять, как можно противостоять радикализму современному.

Данное исследование исходит из необходимости диалектического подхода к изучению истории, проявляющегося, в том числе, и в соотношении субъективного и объективного.

Признавая объективные предпосылки возникновения любых исторических явлений, в частности, исследуемых нами революционных течений, мы полагаем необходимым не упускать из поля зрения и субъективных причин, приводивших отдельные личности в эти течения. Направление исследования личных историй на настоящий момент активно развивается, но стоит отметить, что оно концентрируется преимущественно на биографических и событийных данных. Мы же думаем, что для восстановления диалектической полноты исторической картины немаловажное значение имеет социальная рефлексия исследуемых персоналий, играющая первостепенную роль для воссоздания субъективной составляющей исторической действительности. Именно такой подход поможет выявить мотивы, приводящие людей в лагерь борцов с существующим государственным строем. Этим и определяется актуальность данной работы.

Не имея возможности в отдельной статье рассматривать все этапы революционного движения в России, мы рассмотрим этот вопрос на примере «Народной воли». При этом предмет нашего исследования мы сузили до представителей офицеров флота в данной организации, так как, по нашему мнению, именно их мотивы в большей степени носят не столько субъективный, сколько объективный характер, связанный с изменениями в системе военного образования в пореформенный период.

Тема деятельности представителей «Народной воли» привлекала и продолжает привлекать к себе внимание историков, однако, как убедительно показал в своем историко-биографическом исследовании О.А. Милевский, самым сложным оказывается преодоление политической конъюнктуры конкретно-исторического момента, в котором работают историки, для достижения более объективных оценок данного явления [9]. Непосредственно Военная организация «Народной воли» не может еще похвастать столь пристальным вниманием современных исследователей. Исключением стал ряд исследований Л.Н. Годуновой [2, 3]. Однако, детально рассматривая саму деятельность этой организации, она не ставила своей задачей анализ мотивов, приведших в неё офицеров разных родов войск. Применительно к нашей теме особый интерес представляет работа Э.А. Крыловой [6], базирующаяся в основном на воспоминаниях Э.А. Серебрякова — одного из организаторов морского кружка в Кронштадте, ставшего основой будущей Военной организации народовольцев. Нам представляется данная тема весьма знаковой и перспективной для дальнейшего углубления в исследование как эволюции общественных настроений в офицерской среде, так и революционного движения в целом в условиях капитализации страны.

Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые представлен сравнительный анализ дневников М.О. Меньшикова и мемуаров И.П. Ювачева в контексте истории возникновения Военной организации «Народной воли».

ЦЕЛЬЮ данной работы является выявление взаимообусловленности изменений в системе военно-морского образования в пореформенный период и появления широкого круга морских офицеров, готовых встать на сторону борцов с существующим государственным режимом через социальную рефлексию непосредственных участников анализируемых событий.

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ. В качестве основных методов исследования использовались сравнительно-исторический, биографический и герменевтический анализ. Направление исследования личных историй на настоящий момент активно развивается, однако оно концентрируется преимущественно на биографических и событийных данных. Мы же полагаем, что для восстановления диалектической полноты исторической картины немаловажное значение имеет социальная рефлексия исследуемых персоналий, играющая первостепенную роль для воссоздания субъективной составляющей исторической действительности. Источником исследования служили как опубликованные воспоминания и документы народовольцев, так и их современников. Основной упор делался на анализ записных кни-

жек М.О. Меньшикова, носивших преимущественно характер дневника, и воспоминаний И.П. Ювачева, опубликованных им уже в советское время. При этом нами учитывались обстоятельства публикации мемуаров И.П. Ювачева, поэтому они и рассматривались в сопоставлении с записями его однокурсника, бывшего также очевидцем описываемых Ювачевым событий. Выбор этих двух источников во многом был определен возможностью сравнить два разных описания одного и того же периода обучения в Морском кронштадтском техническом училище.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Один из членов Военной организации партии «Народной воли» подполковник М.Ю. Ашенбреннер, рассуждая о роли армии в государстве, отмечал, что при неизбежном столкновении различных партий внутри страны вооруженные силы традиционно принято рассматривать как нейтральные. Но по его собственному мнению, заявления о беспартийности военных не более чем чистое лицемерие, так как армия, будучи неотъемлемой частью общества, при внутренней общественной конфронтации никак не может оставаться нейтральной. Замечание Ашенбреннера не только помогает проследить трансформацию настроений в армии, но и выводит нас на проблему взаимосвязи этой трансформации с изменением социального состава офицерства. Так, если в начале XIX в. русское офицерство играло ведущую роль в попытке изменения политического строя в стране, не обременяя себя поиском союзников, то уже в 40–60 гг. народники, ожидавшие стихийного крестьянского восстания, не видели места военных в своей борьбе. Офицер, решивший связать свою судьбу с движением народников, расставался со службой.

Партия «Народная воля» исходила из необходимости демократического политического переворота как пролога к социальному перевороту, без чего считала немыслимым проведение в жизнь социалистических идей [10, с. 176]. Поэтому даже в программных документах партии отмечалось огромное значение армии при предстоящем политическом перевороте [10, с. 196]. В них отмечалось, что в союзе с армией можно сместить правительство даже без поддержки народа, в то время как преданная правительству армия способна подавить любое народное выступление [10, с. 11].

Однако широкая агитация среди практически безграмотной солдатской массы была затруднена настолько, что не оставляла небольшой партии надежды на успех. Поэтому особое внимание народовольцев было обращено к офицерам, людям высокообразованным, свободным в общении и, следовательно, более доступным для революционной агитации, а в силу занимаемых должностей, способным управлять солдатской массой в решающий момент восстания. И это внимание не ограничивалось только программными заявлениями. Так в 1879 г., получив сведения о возникшем в Кронштадте так называемом морском кружке, состоящем из морских офицеров и офицеров гарнизона, на встречу с ними отправились члены исполнительного комитета партии А.И. Желябов и И.И. Колодкевич. В результате встречи уже через год возник Центральный военный кружок, фактически выполняющий роль Военного Революционного центра, имеющего свой детально разработанный устав и подчинявшийся Исполнительному комитету партии [10, с. 176]. Члены Военной организации должны были соблюдать конспирацию, потому что их участие предполагалось только в решающий момент захвата власти. Желая участвовать в террористических актах должны были выйти из Военной организации.

Если заинтересованность народовольцев в приобщении армейских и флотских офицеров к созданию подконтрольной «Народной воле» военной организации понятна и была продиктована планами насильственной смены власти, то мотивы, побудившие офицеров сделать свой выбор в пользу этой организации, были не столь просты и однозначны. Тем более, что народовольцы, по свидетельству упоминавшегося нами Ашенбреннера, «не скрывали всей трудности предстоящего дела, не соблазнили надеждой на быстрый успех» [1, с. 70]. Однако эти мотивы были достаточно значимы, если они заставляли разных людей риско-

вать не просто занимаемым положением, но и потерей свободы и даже жизни, как показал «процесс четырнадцати» в 1884 г.

Мотивы, приводившие офицеров в революцию, часто были недостаточно осознанны и ими самими, что хорошо показано в позднейших воспоминаниях офицеров-народовольцев. В большинстве мемуаров таким решающим толчком, по их мнению, становился случайный эпизод, спонтанно изменивший их жизнь, а не осознанное решение. Анализируя мемуарную литературу народовольцев, в частности воспоминания М. Дрея «Мстители или мечтатели», Исаков [4, с. 50] выделял «кающихся дворян» — людей, которые рассматривали свою деятельность как своего рода исполнение исторического долга перед простым народом для успокоения «больной совести» — и «протестующих разночинцев», рассматривавших свою борьбу как месть за унижительное социальное положение. Но подавляющее большинство, по мнению Дрея, составляли «не мстители, а мечтатели», которыми двигал молодой задор, мечты о счастье и справедливости для всех и жажда подвига. Однако мы полагаем, что только одним юношеским максимализмом, вступавшим в конфликт с реальной действительностью, нельзя объяснить массовое участие офицеров в революционном движении конца 70-х — начала 80-х гг. XIX в. Описанные выше мотивы вкпе с переживаниями несовершенства государственной системы, не способной обеспечить всеобщее счастье и справедливость, свойственны молодежи любого времени, но Военная организация «Народной воли» и по степени вовлеченности офицеров различных родов войск, и по географическому охвату своих отделений в стране, и по степени организованности была уникальным явлением, не имевшим предшественников в прошлом и последователей позднее.

Уже упоминавшийся нами народоволец Э.А. Серебряков, вспоминая офицеров, составивших основу морского кружка в Кронштадте, отдельно отмечал «двух штурманских офицеров Карбановича и Прокофьева» [10, с. 185], как бы отделяя их от остальных офицеров флота. Однако народоволец В.И. Чуйко (участник «процесса четырнадцати»), вспоминая о пребывании в Петропавловской крепости, писал, что соседнюю камеру занимал «моряк Прокофьев» [11, с. 189]. Также сейчас непривычно читать, что по обвинительному акту предавались суду лейтенант флота барон А.П. Штромберг и мичман флота морских штурманов И.П. Ювачев. Между тем реалии того времени действительно разделяли флотских офицеров на две категории, и эта разница была не только и не столько в полученных специальностях.

Традиционно офицер флота ассоциировался с умением управлять парусным кораблем, и, несмотря на трудности флотской службы, в морской корпус, имевший статус высшего учебного заведения, принимались дети с высоким социальным статусом родителей. В условиях преобладания именно парусного флота училища, готовившие не менее необходимые флоту военные специальности штурманов, механиков, артиллеристов и кораблестроителей, не пользовались особым вниманием Морского ведомства, и, следовательно, статус их был гораздо ниже. Кроме того, путаницу вносили и чисто бюрократические моменты, к примеру, Штурманское училище, хотя и готовило офицеров флота, подчинялось Географическому департаменту. Офицер, окончивший морской корпус, чувствовал себя более уверенно на корабле, свысока поглядывая на коллег с техническим образованием. Поэтому директор Штурманского училища А.И. Зеленой сетовал, что, несмотря на прекрасную подготовку, выпускники училища редко выслуживались дальше чина 8 класса, так как не имели связей в высших кругах, способных сделать им соответствующую протекцию [5, с. 84].

Положение изменилось после Крымской компании, когда сугубо технические проблемы, связанные с перевооружением флота и подготовкой новых специалистов, совпали с эпохой социальных реформ. Процесс реформации флота наиболее полно и детально изложен в монографии А.П. Шевырева [16]. Реформы образовательной системы на флоте позволили значительно усложнить экзамены для поступающих, затруднив поступление для неподготовленных, и расширить возможности для поступления представителям других сословий.

Однако, несмотря на старания реформаторов, сохранялся довольно высокий дворянский ценз для поступающих. Поступление в реформированное Морское училище (с 1867 г.) разрешалось детям потомственных дворян, штаб- и обер-офицеров, гражданских чиновников соответствующих классов и детям почетных граждан.

Образовательная реформа коснулась и подготовки технических специалистов флота. А в 1872 г. путем слияния Кронштадтского Штурманско-артиллерийского училища и Инженерного училища было образовано Техническое училище Морского ведомства. Так как оно имело статус среднего учебного заведения, доступ в него был открыт всем сословиям, и единственным испытанием к поступлению был экзамен, требовавший от желавшего получить образование очень серьезной подготовки. Это во многом отличало курсантов Технического училища от курсантов Морского, так как первые рассматривали будущую службу в первую очередь как выпавшую возможность подняться по социальной лестнице.

Показательно, если мы вернемся к «процессу четырнадцати», что среди осужденных мы видим двух морских офицеров: лейтенанта А.П. Штромберга и мичмана И.П. Ювачева. Барон Штронберг вошел в Военную организацию из «кающихся дворян»: будучи офицером флота, он столкнулся с неприглядной жизнью страны вдали от столицы. Серебряков вспоминал: «...возвратился из сибирской флотилии мой старый товарищ Александр Павлович барон Штронберг. Прекрасный и милый товарищ, общий наш любимец, но всегда стоявший далеко от политики, благодаря своему воспитанию и баронским традициям (он был из Прибалтийского края). И вот, к удивлению, наш барон, как мы его шутили называли, оказался не таким, каким уехал. Он уехал на Дальний Восток — бароном, возвратился — чистым народником и почти революционером». Впрочем, и сам Серебряков, сын действительного статского советника, имевший влиятельную родню, встал на революционный путь ещё будучи курсантом Морского училища «совершенно неожиданно для самого себя» [13, с. 169], получив от товарища по роте вместо Майн Рида книгу Лассаля. Это книжное влияние отметил позднее и знавший Серебрякова в эмиграции Л. Тихомиров: «Это был настоящий морской офицер. Нигилистического в нем, в сущности, ничего не было, кроме общего "передового" мирозерцания, которое, однако, не успело еще разрушить в нем даже понятия о святости присяги» [14, с. 570].

Учащиеся Технического училища Морского ведомства в подавляющем большинстве не принадлежали к привилегированному сословию. Жизнь простого народа была им хорошо известна с детства. Казалось бы, возникшая возможность выйти из социальных низов должна была удерживать именно эту категорию воспитанников от желания приобщиться к революционной деятельности с риском потерять добытую с таким упорством перспективу подняться по социальной лестнице. Осужденный вместе с А.П. Штронбергом, И.П. Ювачев был на шесть лет моложе Серебрякова. Выросший в многодетной семье полотера в Аничковом дворце, по окончании уездного епархиального училища Ювачев собирался устроиться лесничим, но родные уговорили его поступить в недавно образовавшееся Техническое училище Морского ведомства в Кронштадте с перспективой стать офицером флота. Ювачев выбрал поступление на штурманское отделение, и не только успешно сдал вступительные экзамены, требовавшие хорошего знания математики, но и проявил себя как один из лучших учеников.

Несмотря на то, что Техническое училище имело статус среднего учебного заведения, уровень обучения, особенно в точных науках, в нем был очень высок, не уступая Морскому училищу. Перед тем как возглавить Техническое училище, его начальник А.И. Зеленой долгое время преподавал математику в Морском корпусе. В своих новых воспитанниках он видел будущих технических профессионалов, и точные науки были в безусловном приоритете в ущерб гуманитарным. Будучи книголюбом, но опасаясь, что современная литература отвлекает воспитанников от учебы, он не выписывал в библиотеку училища

ни новых журналов, ни газет. Доходило до того, что в разгар Русско-Турецкой войны будущие военные моряки по крупицам узнавали сведения о военных действиях. Однокурсник Ювачева Михаил Меньшиков сам вычерчивал карту боевых действий, чтобы иметь наглядную картину происходящего.

Такое жесткое лишение воспитанников информации имело обратный результат. Если доступ к легальным печатным источникам был затруднен, ему на смену приходила литература нелегальная. В своих воспоминаниях Ювачев приводил пример воспитанника Дубровина, застигнутого капитаном Замбрицким за чтением запрещенной литературы. Дубровин был заметной фигурой в училище, благодаря высокому росту и спортивному телосложению, и его образ никак не вязался с запрещенными книгами. Виновный немедленно был доставлен к начальнику училища генералу А.И. Зеленому, которого воспитанники «знали как чрезвычайно доброго и доверчивого человека» [17, с. 72]. Не желая огласки, начальник училища не дал делу хода, однако наказание ожидало Дубровина впереди. «Ему дали окончить курс учения по механическому отделу, но в офицеры не выпустили» [17, с. 72]. (Интересно, что похожий случай произошел и с Серебряковым в Морском училище, но прошел для него и его товарищей без последствий). Благодаря хлопотам матери Дубровин был переведен из Технического училища Морского ведомства в Технический институт.

Вспоминая о нелегальной литературе в Техническом училище, Ювачев отмечал: «Охотников до чтения ее в моем классе было более десяти человек: Меньшиков, Ликандер, Яковлев, Степанов, Калинин, Щелкунов, Варгин и др.» [17, с. 72]. М.О. Меньшиков не случайно возглавил этот список. Для сына спившегося мелкого служащего из Псковской глубинки поступление в Техническое училище открывало путь к офицерским погонам и путешествиям по миру. Меньшиков не получал помощи от родных, более того, даже от своих скромных денег, положенных воспитаннику, отсылал большую часть на содержание братьев и отца. Именно Меньшиков, по признанию Ювачева, познакомил его с нелегальной литературой: «Мой однокурсник Меньшиков, давал мне небольшие брошюры: — “Сказка о четырех братьях”, “Хитрая механика” и др. Потом на смену их появились более серьезные книги и журналы. Я ходил от них как зачарованный» [17, с. 71]. Показательно, что именно эти книги вспоминают многие народовольцы, как образцы первого знакомства с нелегальной литературой. Ювачев отмечал: «Из моих товарищей особо выделялся тогда М.О. Меньшиков. Это он главным образом распространял среди воспитанников нелегальную литературу» [17, с. 73].

Насколько справедлива отведенная Меньшикову Ювачевым роль, судить трудно, так как в своих дневниковых записях Меньшиков не упоминает подобных фактов. (Впрочем, как человек осторожный, он мог либо не вести подобных записей, либо, судя по состоянию его записных тетрадей, позднее удалил их). В своих записных книжках Меньшиков, в свою очередь, не без доли иронии перечислял характерные особенности Ювачева: «Натура горячая. Учиться любит. Не гонится за баллами. В товариществе хорош. Любит восторгаться. Сильное влияние женского воспитания» [8, с. 75].

Эту юношескую горячность позднее в воспоминаниях подчеркивал и сам Ювачев: «Мы готовы были, и на Балканах защищать сербов и болгар от турок, готовы и в “народ идти”, по примеру 193-х, за процессом которых мы следили с большим вниманием более трех месяцев. Казалось, все мы искали тогда подвига, все жаждали проявить особое героismo» [17, с. 75]. Эти стремления хорошо иллюстрируют «не мстителя, а мечтателя» по упомянутому выше определению М.И. Дрея. Однако распространитель нелегальной литературы Меньшиков, несмотря на юный возраст, был более сдержанным человеком. Потерявший ещё на первом курсе мать, он чувствовал себя обязанным заботиться в меру сил об оставшихся братьях, старался быть расчетливым в деньгах и осторожным в действиях, поэтому нелегальную литературу он предложил Ювачеву только на второй год знакомства. Чтение

запрещённых книг наложилось на ряд инцидентов в жизни воспитанников, отмеченных в воспоминаниях Ювачева и дневниковых записях Меньшикова.

Так в дневниках Меньшикова мы встречаем примечательную историю. Один из воспитанников третьего штурманского класса Михайловский получил несколько замечаний от дежурного офицера В.З. Кажуриного, и был выдворен им из класса. В качестве наказания он был поставлен у дверей до прихода начальника училища. Курсанты же посчитали, что такая мера наказания, несмотря на всю её безболезненность для Михайловского, не предусмотрена правилами училища, а, следовательно, несправедлива и унижает его достоинство. После возвращения Михайловского в класс, воспитанник Быстроумов заявил Кажуриному, что тот не смеет ставить провинившегося у дверей. Дежурный офицер поинтересовался, хочет ли Быстроумов еще что-то сказать, и получив отрицательный ответ отвел воспитанника к инспектору классов И.Н. Тыртову. Генерал-майор Тыртов, чье отношение к воспитанникам никогда не выходило из рамок служебных обязанностей, узнав обстоятельства дела, немедленно отправил Быстроумова в карцер, а Кажуринов, вернувшись в класс, пообещал, что Михайловский будет уже к вечеру отчислен из училища. Приказ об отчислении Быстроумова был готов в течение часа, и его увезли со споротыми погонами. Начальник училища Зеленой выразил воспитанникам своё недовольство, обвинив их в подстрекательстве, и заявил: «Я чрезвычайно вами недоволен всеми. Если бы у вас был смысл в голове, вы бы не допустили дурака Быстроумова сделать такую глупость!». Так как виновных в подстрекательстве найти было невозможно, все воспитанники третьего класса штурманского отделения были оставлены без отпуска. Не забыли и главного виновника происшедшего, Михайловского, который безропотно принял пусть и не регламентированное правилами училища наказание, и которому был просто сбавлен один балл за поведение. [8, с. 55] Так воспитанникам училища был продемонстрирован приоритет приказа над установленным правилом, и невозможность его безнаказанного обсуждения.

Схожий пример, произошедший во время учебного плаванья, привел в своих воспоминаниях и Ювачев. Летнее плаванье на учебном корвете «Воевода» по Балтике всегда воспринималось воспитанниками с восторгом. Оно давало возможность покинуть на время стены старого Итальянского дворца, в котором находилось Техническое училище, смену деятельности, и причастность непосредственно к своей будущей морской службе. Немаловажным фактором было и улучшенное, по сравнению с училищем, питание. Отношение командования корабля к воспитанникам отличалось некоторой снисходительностью, позволяя отдохнуть от строгой повседневной дисциплины училища. В конце учебного плаванья, старший офицер Алексано, распекая с мостика за какие-то проступки воспитанников старшей роты, пригрозил им карцером. Один из воспитанников, Денисов, тихонько усомнился стоящим рядом товарищам в правомочности старшего помощника осуществить к ним подобную угрозу. Денисов отличался могучим басом, и даже высказанное тихонько замечание не осталось без внимания стоящим в стороне лейтенантом Барановым. Баранов немедленно донес о словах воспитанника старшему помощнику, тот вызвал караул, и Денисов оказался в карцере [17, с. 71]. На Ювачева эта немедленная расправа за вполне правомерное замечание произвела сильное впечатление, что сразу подорвало доверие молодого человека к судовому начальству. Эти два случая были первыми, но далеко не единственными, с которыми столкнулись юные воспитанники.

Именно чувство несправедливости, невозможности отстаивания вполне законных прав вызывала у курсантов естественный протест. Воспитанные в духе реформ, ожидавшие изменения страны законными средствами и получившие благодаря этим реформам шанс изменить свое будущее, эти молодые люди крайне болезненно воспринимали любое, даже мелкое, потворство нарушению установленного порядка. Как ни парадоксально, будущие офицеры флота выступали не против устоявшегося порядка, а против его нарушения людьми,

по долгу службы обязанными его охранять, тормозящими, по их мнению, общественный прогресс. Сама революция воспринималась не как социальная смена классов, а как административная смена лиц на самом высоком уровне.

В этой связи показательна реакция Ювачева и Меньшикова на выстрел Веры Засулич, прозвучавший за три недели до их выпуска из Технического училища. Ювачев разыскивал фотопортрет Засулич, мечтая поместить его на стене, вместо иконы [17, с. 75]. Меньшиков был более осторожен во внешних проявлениях, но в своих записных книжках он оставил запись любопытного слуха, о якобы состоявшейся встрече Засулич с Александром II. Слушавшееся он называл «знамением времени». Засулич Меньшиков рассматривал не как террористку, а как выразителя протестных чувств общества. Выстрел, по его мнению, был оправдан лишь как громкий повод привлечь к себе внимание, открыть глаза царю на творящиеся злоупотребления. Особенно наивно звучат слова, якобы сказанные Александром II после разговора с революционеркой: в записи Меньшикова: «Боже! Воскликнул государь: вся Европа об этом знает, только я один ничего не знал». «Дай, Боже, чтобы дело Веры Засулич служило поворотом к общественному прогрессу», — завершал Меньшиков свои размышления. [8, с. 71]

Трудно судить, насколько были наивны взгляды воспитанников Технического училища Морского ведомства на революционную деятельность, но знакомство с ней началось уже в его учебных стенах. Позднее, в 1918 г. в своих дневниках Меньшиков отмечал: «От многих, вероятно, шла в нашем училище революционная зараза, которою я был захвачен одно время до страсти. Не уйди я в Средиземное море на 1 ½ года, — возможно, что свихнулся бы в революционное подполье. Или нет? Пожалуй, нет, ибо если бы да, то и после было достаточно поводов и случаев, и даже предложений» [12, с. 25]. Насколько искренен был Меньшиков в этих словах, судить трудно, учитывая, что именно он, по словам Ювачева, и был главным образом распространителем нелегальной литературы в училище. Необходимо еще вспомнить, что в 1881 г., сразу после убийства Александра II, на квартире Меньшикова прошел обыск, а сам он был арестован. Несмотря на то, что Меньшиков был отпущен за недостатком улик, сам факт его задержания, в связи с покушением, говорит об определенной репутации молодого офицера у полиции. Важно, что по его признанию училище покидали люди уже готовые к революционной борьбе или сочувствующие ей.

Одним из самых ярких примеров этого процесса стало громкое дело подпоручика Дубровина (случай с чтением нелегальной литературы которым мы описали выше), пытавшегося организовать среди сослуживцев в Старой Русе революционный кружок. При обыске Дубровин оказал вооруженное сопротивление, и 13 апреля 1879 г. военно-окружным судом был приговорен к смертной казни. На запрос судебного следователя администрация Технического училища была вынуждена признать, что несмотря на хорошую учебу и поведение, будучи воспитанником Дубровин был однажды замечен за чтением запрещенной книги, которая была у него изъята и немедленно уничтожена. «Этот юный богатырь был безжалостно повешен в Петропавловской крепости 20 апреля 1879 г.», — вспоминал Ювачев [17, с. 72].

Сам Ювачев как один из лучших выпускников по окончании училища был направлен на Черноморский флот, где ещё продолжались боевые действия с турками. Однако уже 1879 г. не слишком скрывавший свои взгляды молодой прапорщик был направлен в Николаев помощником начальника метеорологической станции, где, согласно «Обзору важнейших познаний, производившихся в Жандармских Управлениях Империи...» [1, с. 185]. был одним из главных организаторов военно-морского революционного кружка. Как замечал член «Военной организации» подполковник Ашенбреннер «На юге кружки возникли самостоятельно и не были связаны с центральной группой до конца 1881 года» [1, с. 81]. Он же отмечал, что по сравнению с другими, морской кружок на момент их встречи был просто «огромный», включавший более 30 человек. Осторожного Ашенбреннера удивлял

не только рост кружка, но и характер его работы. Вера Фигнер писала: «Ашенбреннер находил, что оживленная агитация, начинавшаяся среди них, даже переступала границы благоразумия» [15, с. 276].

Влившись в «Военную организацию», Ювачев в первую очередь обратился к бывшим однокурсникам. Так, он писал: «П.Ф. Яковлев, чрезвычайно скромный, тихий, небольшого роста кадетик, всегда выступающий на левом фланге, он первый горячо откликнулся на мой призыв вступить в военную организацию “Народной Воли”» [17, с. 74]. Однако даже несколько лет после учебы, проведенных в плаваниях, вне тесного общения однокурсников, влияли на настроения многих. Ювачев вспоминал, в частности, об одном из них: «И.И. Ильин, увлекавшийся Спенсером, подавал сперва большие надежды на принятие участия в революционном движении. Когда он плавал на границе с Турцией, я просил его письмом организовать доставку огнестрельного оружия из-за границы. Но он весь отдался морскому делу, пока не вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта» [17, с. 74]. 1 января 1883 г. состоялась встреча Ювачева, приехавшего в Петербург поступать в Академию, с Меньшиковым. Ювачев не вспоминал об этой встрече, Меньшиков же в своих дневниковых записях упоминает о чисто метафизических темах разговора. Неизвестно, поднималась ли бывшими однокурсниками тема «Военной организации», но после событий 1881 г. Меньшиков старался держаться подальше от политики. К этому времени он уже начал успешно печататься, цикл его очерков «По портам Европы» пользовался большим успехом у читателей, и Меньшиков всерьез задумывался об уходе с военной службы. В большой степени Меньшикову, как и некоторым другим однокурсникам, удалось воспользоваться предоставленным шансом и благодаря упорной учебе вырваться из бедности и забвения. Выход в море после училища стал своеобразным выходом в новый мир, и вместе с ним, они расставались с юношеским радикализмом, переставали быть «революционерами-мечтателями», по определению М.И. Дрея. В дневниковых записях Меньшикова 1883 г. мы встречаем красноречивую запись: «И данный порядок вещей для меня вовсе не так плох, чтобы я стал добиваться лучшего, рискуя потерять все... Не хочется мне драться против “существующего строя”, так как он для меня лично достаточно хорош, и по правде, уж если бы сваливать на кого свои личные несчастья, то пришлось бы сваливать их на самого себя: сам-то я похуже буду этого “строю”» [8, с. 123].

В творчестве М.О. Меньшикова можно наблюдать постепенное «поправление» позиции публициста, а с 1902–1903 годов и резкую критику революционных идей. Однако в октябре 1905 г. ярый противник революции неожиданно и совсем ненадолго становится ее идейным сторонником. Так, в статье «Привет свободе», написанной 22 октября 1905 года, то есть через пять дней после выхода царского манифеста, кратко упомянув о том, что Россия находится в состоянии «глубокой смуты», Меньшиков приветствовал «торжественные дни, первые дни свободы», прославлял наступившие перемены, называя их «величавым событием 17 октября», «радостные дни», говорил об освобождении страны от многовекового внутреннего плена [7, с. 487–488]. О противоречивости позиции публициста свидетельствует и то, что в тексте в разряд революционных героев-предшественников и подвижников наступившей свободы попадают такие трудно соединимые по идеалам «персонажи», как «пророки, апостолы, мученики», митрополит Филипп, Андрей Курбский и протопоп Аввакум, А.Н. Радищев и Н.И. Новиков, М.В. Ломоносов, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, а также А.И. Герцен, В.Г. Белинский, Грановский, Н.А. Некрасов, Н.Г. Чернышевский. Интересно, что публицист не помещает статью в поддержку революции в октябрьской книжке «Писем к ближним», а печатает в ноябрьской.

Приятие Меньшиковым революции можно наблюдать и в статьях марта 1917 г., когда он приветствовал отречение государя от престола. Таким образом, усвоенные русским пу-

блицистом в период обучения в Кронштадтском училище вольнолюбивые идеи подспудно жили в его сознании, а в периоды наибольшего эмоционального революционного общественного подъема консервативное начало отступало на второй план, уступая место этим идеям.

ВЫВОДЫ. Офицерская среда дореформенной России была жестко сословным профессиональным сообществом. Даже случайные люди, попадавшие туда из других сословий, становились частью этого сообщества, практически теряя связь с той средой, из которой они вышли. Поэтому, когда такое офицерство, подобно декабристам, организовывало революционное движение, это было сословное движение дворян, не воспринимавших себя на уровне ощущений частью остального народа.

Либеральные реформы 60–70-х гг. XIX в. открыли доступ в профессиональные военные учебные заведения представителям других сословий. В то же время в армии и особенно на флоте потребовались новые специальности, больше связанные с техникой, чем с традиционной военной деятельностью. В результате появился новый тип офицера, который, осознавая себя военным профессионалом, не порывал связи с той средой, из которой он вышел. И такие офицеры в соответствии с впитанным ими духом реформ активно искали свое место в общественной жизни страны.

Создание Военной организации «Народной воли» — яркий пример того, что революционеры стали рассматривать офицерский корпус армии и флота не социальными противниками, но потенциальными союзниками в будущем переустройстве России. В свою очередь представители офицерского корпуса получили возможность почувствовать свою значимость как военных профессионалов для борьбы за будущее переустройство государства на более справедливых началах. Таким образом, перед новым офицерством уже не стоял выбор: либо революция, либо военная карьера, так как революционные организации нового типа требовали от них совмещения и того, и другого. Начало формирования вышеописанных тенденций наглядно прослеживается в период учебы в военных учебных заведениях, так как это было время формирования личности, когда особенно болезненно воспринимались ситуации несправедливого отношения к сверстникам, ощущения несовершенства общественного строя, проявлявшиеся, в частности, в неприглядных сторонах военной службы, которая зачастую идеализировалась до поступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашенбреннер М.Ю. Военная организация Народной воли и другие воспоминания (1860–1904). / Ред. Н.С. Тютчева. М.: Общество политкаторжан и ссыльно-переселенцев, 1924. 200 с.
2. Годунова Л.Н. Архивные источники о военной организации партии «Народная воля» // Советские архивы. 1971. № 1. С. 77–87.
3. Годунова Л.Н. Военная организация народовольцев // Вопросы истории. 1973. № 9. С. 120–128.
4. Исаков В.А. Народовольчество и власть: причины готовности к борьбе и модели постреволюционной власти // Вестник РУДН. Серия «История России». 2004. № 3. С. 47–56.
5. Исторический очерк Штурманского училища. 1798–1871 / Сост. А.И. Зеленым. Кронштадт: Типография «Кронштадтского вестника», 1872. 179 с.
6. Крылова Э.А. Общественно-политические взгляды воспитанников Морского училища в 1860–1870-х гг. // Ключевские чтения-2020. Народ и власть. М.: Спутник+, 2021. С. 247–250.
7. Меньшиков М.О. Привет свободе // Меньшиков М.О. Письма к близким. Год IV-ый. Ноябрь 1905. СПб.: Типография газеты «Россия», 1906. С. 487–491.
8. М.О. Меньшиков: этапы жизни и особенности творчества: монография / Н.И. Крижановский, С.М. Санькова, Е.В. АLEXИНА [и др.]. М.: Знание-М, 2021. 420 с.
9. Милевский О.А. «Бомбисты» — разрушители или «тираноборцы»: «Народная воля» в оценках постсоветской историографии // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 3–1 (54). С. 141–160.

10. «Народная воля» в документах и воспоминаниях / Под ред. А. И. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко, И. И. Попова, Н. И. Ракитникова, В. В. Леоновича-Ангарского. М.: Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. 288 с.
11. Народолюбцы / Сост. участниками народолюбческого движения / Под ред. А. В. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко и др. М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. 327 с.
12. Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Выпуск IV. М. О. Меньшиков. Материалы к биографии. М.: Студия «ТРИТЭ»; «Российский Архив», 1993. 271 с.
13. Серебряков Э. А. Революционеры во флоте (очерк первый) // Былое. 1907. № 2 (14). С. 168–189.
14. Тихомиров Л. А. Тени прошлого. М.: Москва, 2000. 712 с.
15. Фигнер В. Н. Запечатленный труд: Воспоминания. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1964. Т. 1. 439 с.
16. Шевырев А. П. Русский флот после крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М.: Изд-во МГУ, 1990. 183 с.
17. Ювачев И. П. Из воспоминаний старого моряка // Морской сборник. 1927. № 10. С. 71–90.

REFERENCES

1. Ashenberg M. YU. *Voennaya organizatsiya Narodnoy voli i drugie vospominaniya (1860–1904)* [Military organization of the People's Will and other memoirs (1860–1904)] / Red. N. S. Tyutcheva. M.: Obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-pereselencev, 1924. 200 s. (In Russian).
2. Godunova L. N. *Arhivnye istochniki o voennoy organizatsii partii «Narodnaya volya»* [Archival sources about the military organization of the Narodnaya Volya Party] // Sovetskie arhivy. 1971. № 1. S. 77–87. (In Russian).
3. Godunova L. N. *Voennaya organizatsiya narodovol'tsev* [Military organization of the People's Volunteers] // Voprosy istorii. 1973. № 9. S. 120–128. (In Russian).
4. Isakov V. A. *Narodovol'tchestvo i vlast': prichiny gotovnosti k bor'be i modeli postrevolyucionnoy vlasti* [Narodovolstvo and power: reasons for readiness for struggle and models of post-revolutionary power] // Vestnik RUDN. Seriya «Istoriya Rossii». 2004. № 3. S. 47–56. (In Russian).
5. *Istoricheskij ocherk Shturmanskogo uchilishcha. 1798–1871* [Historical sketch of the Navigator School. 1798–1871] / Sost. A. I. Zelenym. Kronshtadt: Tipografiya «Kronshtadtskogo vestnika», 1872. 179 s. (In Russian).
6. Krylova E. A. *Obshchestvenno-politicheskie vzglyady vospitannikov Morskogo uchilishcha v 1860–1870-h gg.* [Socio-political views of the pupils of the Naval School in the 1860s and 1870s.] // Klyuchevskie chteniya-2020. Narod i vlast'. M.: Sputnik+. S. 247–250. (In Russian).
7. Men'shikov M. O. *Privet svobode* [Hello to freedom] // Men'shikov M. O. Pis'ma k blizhnim. God IV-yj. Noyabr' 1905. S-Pb.: Tipografiya gazety «Rossiya», 1906. S. 487–491. (In Russian).
8. M. O. Men'shikov: *etapy zhizni i osobennosti tvorchestva: monografiya* [M. O. Menshikov: stages of life and features of creativity: monograph] / N. I. Krizhanovskij, S. M. San'kova, E. V. Alekhina [i dr.]. M.: Znanie-M, 2021. 420 s. (In Russian).
9. Milevskij O. A. «Bombisty» — razrushiteli ili «tiranoborcy»: «Narodnaya volya» v ocenkah postsovet-skoj istoriografii [«Bombers» — destroyers or «tyrannoclasts»: «Narodnaya Volya» in the assessments of post-Soviet historiography] // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universite-ta. 2018. № 3–1 (54). S. 141–160. (In Russian).
10. «Narodnaya volya» v dokumentah i vospominaniyah [«Narodnaya Volya» in documents and memoirs] / Pod red. A. I. YAKimovoj-Dikovskoj, M. F. Frolenko, I. I. Popova, N. I. Rakitnikova, V. V. Leonovicha-Angarskogo. M.: Vsesoyuznoe obshchestvo politicheskikh katorzhan i ssyl'no-poselencev, 1930. 288 s. (In Russian).
11. *Narodovol'tsy / Sost. uchastnikami narodovol'tcheskogo dvizheniya* [Narodovoltsy / Compiled by the participants of the narodovolc movement] / Pod red. A. V. YAKimovoj-Dikovskoj, M. F. Frolenko i dr. M.: Izd-vo Vsesoyuznogo o-va politkatorzhan i ssyl'no-poselencev, 1931. 327 s. (In Russian).

12. *Rossijskij arhiv (Istoriya Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII-XX vv.). Vypusk IV. M.O. Men'shikov. Materialy k biografii* [The Russian Archive (The History of the Fatherland in certificates and documents of the XVIII-XX centuries). Issue IV. M.O. Menshikov. Materials for the biography]. M.: Studiya «TRITE»; «Rossijskij Arhiv», 1993. 271 s. (In Russian).
13. Serebryakov E.A. *Revolucionery vo flote (ocherk pervyj)* [Revolutionaries in the Navy (first essay)] // *Byloe*. 1907. № 2 (14). S.168-189.
14. Tihomirov L.A. *Teni proshlogo* [Shadows of the past]. M.: Moskva, 2000. 712 s. (In Russian).
15. Figner V.N. *Zapechatlennyj trud: Vospominaniya. V 2 t. T. 1.* [Imprinted work: Memories. In 2 t.t. 1.]. M.: Mysl', 1964. T. 1. 439 s. (In Russian).
16. Shevyrev A. P. *Russkij flot posle krymskoj vojny: liberal'naya byurokratiya i morskije reform* [The Russian Navy after the Crimean War: Liberal Bureaucracy and Naval Reforms]. M.: Izd-vo MGU, 1990. 183 s. (In Russian).
17. YUvachev I. P. *Iz vospominanij starogo moryaka* [From the memoirs of an old sailor] // *Morskoj sbornik*. 1927. № 10. S. 71-90. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.026

УДК 94(47).08''18''Нечаев С. Г.

ББК 63.3(2)522-414, 8Нечаев С. Г.

Ю.Г. СТЕПАНОВ

КАЗУС С.Г. НЕЧАЕВА
(КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ)

YU.G. STEPANOV

THE CASE OF S.G. NECHAEV
(BIOGRAPHY COMMENTARY)

Личность С.Г. Нечаева более ста лет привлекает внимание исследователей. За эти годы оценки его деятельности неоднократно изменялись. В статье дана попытка объективно рассмотреть личность С.Г. Нечаева и главные итоги его деятельности.

The personality of S.G. Nechaev has attracted the attention of researchers for more than a hundred years. Over the years assessments of its activities have changed several times. The article attempts to objectively consider the personality of S.G. Nechaev and the main results of his activities.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общество, пропаганда, революционная деятельность, студенчество, политическая эмиграция, террор, суд, самодержавие, авантюризм, убийство, полиция.

KEY WORDS: society, propaganda, revolutionary activity, students, political emigration, terror, court, autocracy, adventurism, murder, police.

ВВЕДЕНИЕ. В коллекции документов Саратовской ученой комиссии (СУАК) имеется скромное, на шестнадцать листов, дело № 2080: «Материалы для биографии рев<олюцио>нера-народника Нечаева С.Г. <1883>» [7]. Это оттиск одноименной публикации из первого номера «Вестника "Народной воли"», изданного в Цюрихе. Чудом сохранившийся в фондах Государственного архива Саратовской области (ГАСО) раритет содержит отрывочные записки «арестанта № 5» в изложении редактора «Вестника», члена ИК «Народной воли» Л.А. Тихомирова.

Если верна установленная архивистами дата, то копия «Материалов» достигла волжских берегов с фантастической для того времени скоростью. Первый номер «Вестника "Народной воли"» увидел свет в ноябре 1883 г. [22, с. 157], а уже через месяц-полтора копия «Материалов», минуя все кордоны, оказалась в Саратове. Впрочем, сам по себе этот любопытный факт — лишнее свидетельство того, что русская полиция не могла перекрыть все каналы поставки в Россию нелегальной литературы. А то, что откровения секретного узника Петропавловской крепости в итоге попали в столицу Поволжья и кем-то заботливо сохранялись для потомства, удивления как раз не вызывает.

Саратовское Поволжье издавна считалось обителью крамолы. Мятёжное народническое движение, развернувшееся в 1870-х гг., только подтвердило этот диагноз. Неудача стихийного «хождения в народ» не обескуражила саратовских народников. В 1880 г. в «столице Поволжья (как именовали Саратов его старожилы) был создан кружок партии «Народная воля». Его организаторы — М.П. Троицкий, Н.Н. Катин-Ярцев, В.И. Кунтушев, Ф.А. Борисов — были заметными участниками освободительного движения той эпохи. В их «послужном списке» значатся, например, планы освобождения Н.Г. Чернышевского. Все они еще со студенческих времен не единожды встречались с Нечаевым, были знакомы и с активистами его «Народной расправы», а Катин-Ярцев, по его словам, одно время был «горячим сторонником Нечаева и Бакунина» [8, с. 339].

Именно Катин-Ярцев, единственный, кому посчастливилось избежать длительного заключения, вероятно, и передал откровения узника Петропавловской крепости одному из местных хранителей старины.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. С 1918 г. (после установления советской власти и организации архива) «Материалы к биографии ...» находились в открытом доступе без каких-либо ограничений. Судя по истории дела и формулярному списку, до 1988 г. биографией С.Г. Нечаева заинтересовался один читатель, а в последние 30 с лишним лет еще девять человек просматривали дело № 2080. Получается, что за столетие личность «беса» привлекла внимание не более десятка исследователей. Негусто, учитывая, что Саратов университетский город с глубокими и давними традициями изучения освободительного движения в России.

ЦЕЛЬ данной статьи — обращение к личности этого яркого и противоречивого человека, чья революционная биография до сих пор покрыта ореолом таинственности и мистификаций.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЯ. Казус Нечаева — удивительный феномен в культурно-политической истории России. Почти день в день (21 ноября 1882 г.) через тринадцать лет после гибели студента И.И. Иванова, сгинул и организатор его убийства, скандально известный С.Г. Нечаев, главный, по убеждению иных почитателей таланта Ф.М. Достоевского, «бес» русской истории [17, с. 57].

Той же ночью прах «арестанта № 5» был тайно захоронен на одном из петербургских кладбищ. Казалось бы, круг замкнулся, «демон» русской революции канул в небытие и самого имя его будет проклято и забыто. Но нет, по странному капризу истории «слово и дело» «абрека», как в сердцах назвал убийцу студента Иванова М.А. Бакунин, занозой сидит в нашей исторической памяти.

На протяжении более чем столетия интерес к личности главы «Народной расправы» то исчезал, то возрождался вновь, а суждения о нем и его авантюрах пульсировали в диапазоне от хвалы до хулы. В конечном итоге, автор «Катехизиса революционера» удостоился монументального жизнеописания, изданного дважды (!) всего за семь лет и последний раз в серии ЖЗЛ. Думается, что даже сам Нечаев с его непомерным тщеславием и мечтать не мог о такой посмертной славе. Этот парадокс имеет логичное и простое объяснение: в нашей историографии и общественном сознании прочно укоренились мифы, не имеющие отношения к реальности. В 1989 г. Историк Ю.А. Бер, апологет вождя «Народной расправы», призывал современников придерживаться фактов, оценивая Нечаева [5, с. 146]. Требование резонное и справедливое. И задача этой статьи не казнить или миловать, а лишь уточнить некоторые важные факты биографии Сергея Нечаева.

Флер таинственности, имидж революционера и мыслителя, недостаток сведений и небрежение фактами породили в нашей литературе разноречивые оценки жизненного пути, характера, образованности, способностей С.Г. Нечаева. А.Г. Гамбаров увидел в жизни и судьбе Нечаева трагедию «гения», не понятого и непринятого народниками, не сумевшими понять и оценить масштаб его личности [6, с. 143]. Авторы вводной статьи к публикации в «Литературном наследстве» уверяли, что Нечаев обладал недюжинными литературными способностями и образованием: публиковался в европейских изданиях, издавал «Колокол», «Общину», листки «Народной расправы» и прочее, прочее, прочее. [21, с. 428].

Поддерживал версию о дарованиях автора «Катехизиса революционера» и В.Я. Гросул. «Нечаев писал по-русски и по-французски, имел определенные познания в латыни <...>, был вполне способен к литературной работе, что подтверждается и его личными письмами и такими изданиями, как «Народная расправа» и «Община», отмечал исследователь [9, с. 352].

Отмечу, что все приведенные здесь суждения носят абстрактный характер. Ни один из авторов не привел хотя бы одну цитату из творческого наследия Нечаева. Не потому ли, что в его писаниях ничего достойного внимания попросту и нет?

Горькую повесть о даровитом, но бедном юноше, преодолевшем тяготы жизни, козни недоброжелателей, добившемся признания и успехов неустанным трудом и талантом, о русском патриоте и социалисте-революционере первым поведал «городу и миру» никто иной как сам Сергей Нечаев. В начале апреля 1869 г. он прибыл в Женеву, по его словам, «невинным, добрым, честным мальчиком» [23, с. 399], и явился к Н.П. Огареву, которому и рассказал о себе, своих трудах на благо отечества, не забыв «скромно» упомянуть и о выдуманном побеге из Петропавловской крепости. Наивный Николай Платонович был впечатлен, даже очарован героической фигурой «народолюбца».

Он родился в бедной доле, / Он учился в бедной школе, / Но в живом труде науки, / Юных лет он вынес муки. Так пафосно начинается стихотворение Н.П. Огарева «Студент», посвященное «молодому другу Нечаеву». Оно «было отпечатано отдельным листком» и быстро распространилось в России [23, 399]. И так, из смеси фактов и вымысла, начала складываться причудливая мозаика «биографии» С.Г. Нечаева.

Если же перейти от поэтизации «лорда» (одна из кличек Нечаева) к фактам, то утверждение о его образованности и дарованиях вызывает большие сомнения.

Детство будущего главы «Народной расправы» было действительно нелегким, хотя семья все же находила средства нанимать ему «хороших наставников» [4, с. 134–156]. В письмах юного Нечаева своему наставнику Ф.Д. Нефедову видно намерение Сергея Геннадиевича учиться и много читать. Он интересуется книгами, просит их присылать, но уточнить круг чтения и уровень начального образования Нечаева затруднительно. В сохранившихся документах он крайне редко касается тем, которые живо интересовали молодое поколение той эпохи: экономика, социология, естествознание, литература, искусство.

В 1866 г., перебравшись в Петербург, Нечаев сдал экзамены на звание народного учителя и устроился в Сергиевском приходском училище. А с 1868 г. он становится завсегдатаем студенческих кружков, однако полного гимназического курса он так и не одолел.

Сохранилось множество свидетельств о кругозоре и дарованиях Нечаева. Так, например, Варлаам Черкезов, соратник лидера «Народной расправы», осужденный по делу «нечаевцев», писал в 1870 г. своему другу И.Н. Лихутину: «Нечаев в моих глазах человек не с особенно ясным и широким развитием, человек, не могущий не только дать направление, — куда ему! — но даже быть представителем какой бы то ни было серьезной и последовательной политической агитации» [19, с. 149–150]. Еще один «нечаевец», народник-писатель З. Ралли так характеризовал теоретический уровень и взгляды автора «Катехизиса революционера». «Нечаев, — писал он историку революционного движения Б.И. Николаевскому, воображавший Робеспьера таким, как узнал его из нескольких прочитанных книг <...>, не был социалистом, не знал ни Маркса, ни интернационального рабочего движения, был очень мало начитан и даже Парижскую коммуны плохо понимал <...>» [20, с. 223]. Очевидно, Нечаев воображал себя мессией, призванным нести свет в блеклую и никчемную либеральную мысль русской политической эмиграции. Писал он много. Правда, как осторожно заметил В.Я. Гросул, не ясно авторство С.Г. Нечаева в приписанных ему в работах [9, с. 35].

Тем не менее, он выпустил два номера «Общины» (второй номер был уничтожен самим Нечаевым) и после смерти Герцена шесть номеров «Колокола», которые писал едва ли не в одиночку. Правда, по свидетельству С.И. Серебренникова, нечаевский орган печати ограничивался клеветой и угрозами политической диаспоре, не более того [23, с. 399]. Иных достоинств в детище Нечаева обнаружено не было. Творчество же своего бывшего единомышленника в «Колоколе» М.А. Бакунин заклеил как стилистически безобразное, идейно бессодержательное и «дикое». Сам же Нечаев свое отношение к штудиям «демократов-баричей» (имелись в виду Герцен и Тургенев) в области общественно-политической мысли ясно и четко указал в первом же номере «Общины»: «Кто учится революционному делу по книгам, будет всегда революционным бездельником» [9, с. 352].

Нечаев, человек амбициозный, но ограниченный и неразборчивый в средствах, вызывал в кругах эмигрантской диаспоры резкое неприятие. Его призыв к резне отторгался и либеральной, и революционной оппозицией, а других аргументов в пользу «погрома» у сочинителя «Катехизиса» не было. Курьезом следует считать мелькнувшее в воспоминаниях одного из очевидцев утверждение, что Нечаев, агитируя студентов, цитировал Канта. Не знаю, что важного для революционной борьбы мог почерпнуть «абрек» у кенигсбергского мудреца, но точно не категорический императив.

Думается, Нечаев, человек вовсе не глупый, чувствовал огромный дискомфорт в общении с людьми действительно глубокими, что, при его огромном тщеславии и самомнении, переносил с болезненной озлобленностью. Отсюда его демонстративное презрение к «баричам» (в эту категорию автор «Катехизиса революционера» включал и оппонентов, и соратников). Ф.М. Достоевский гениально точно увидел и понял в мировоззрении Нечаева главное, то, что почему-то проглядели несколько поколений историков: «У Нечаева только несколько мыслей, на которых он выезжает. Места, времени, национальности, разнообразия он не принимает в расчет. Кто не согласен с ними, тот у него подкуплен» [10, с. 106].

Что касается бумаг, оставшихся после смерти Нечаева, то все они по распоряжению Александра II были уничтожены. Единственным читателем этого «литературного наследия» был безымянный агент III Отделения. Он оставил интересную и удивительно точную характеристику арестанта № 5. Отметив «недужность натуры» С.Г. Нечаева, он справедливо указывал на его пороки самоучки, причудливую смесь сумасбродства, неприязни к образованному сословию, законности и праву [28, с. 176 177].

Итак, очевидно, что в области революционной мысли ничего достойного внимания потомков Нечаев создать не смог. Ставить его в один ряд с Лавровым, Ткачевым или Бакуниным, называть «русским Бланки» столь же «логично», как и считать Разина с Пугачевыми родоначальниками и теоретиками анархизма.

Влажнейшим свидетельством революционного творчества Сергея Нечаева считается «Программа революционных действий», созданная им, вероятно, в соавторстве с П.Н. Ткачевым. Этот план восстания, «ноты, по которым должна быть разыграна революция» [16, с. 145], провозглашал неминуемое истребление дворянства и ниспровержение самодержавия [15, с. 356]. Автор «Программы» уверял, что уже зимой 1870 года Россию ждет новая пугачевщина, и потому необходима партия, которая возглавит и доведет до логического конца всероссийское восстание. Студенчество Нечаев видел как главный орган рекрутирования революционеров. К весне 1870 г., по мнению главы «Народной расправы», восстание масс будет организовано и возглавлено им самим, конечно [11, с. 82 85].

Стремясь к реализации своей «Программы», Нечаев осенью 1868 — весной 1869 гг. тщетно призывал студентов к крупной политической акции [1, с. 67 68]. Учащаяся молодежь отвергла его призывы к немедленной и беспощадной революционной борьбе, а лидеры студенческого движения и вовсе открыто критиковали нечаевский авантюризм, предпочитая мирную агитацию, прямой конфронтации с властями [1, с. 60].

Как видим, «лидер студенчества», несмотря на все усилия и громадную энергию, остался ни с чем и отбыл «не солоно хлебавши». Радикальные предложения были отвергнуты большинством мятежного студенчества и в первопрестольной, и в Северной Пальмире, более того, неумность и нахрапистость «абрека», как вспоминал О.В. Аптекман, ускорили объединение противников Нечаева в кружке чайковцев» [1, с. 68]. К слову, отношения Нечаева и Аптекмана на этом не завершились, получив неожиданное развитие.

Узнав о провале своей организации, следствии и арестах поделщиков, «пламенный революционер» с помощью Н.Н. Александровской в декабре 1869 г. спешно покинул отечество [19, с. 12].

Мстительный и неразборчивый в средствах глава «Народной расправы» передал через В.В. Александровскую «посылку» для М.А. Натансона и приказал ей вернуться в Россию. Полиция в это время энергично разыскивала организатора убийства И.И. Иванова, и Нечаев прекрасно понимал, что сначала арестуют его подопечную, а затем доберутся и до Натансона. Действительно, уже на границе «агент» был взят с поличным с прокламациями, всученными ей Нечаевым. Этот акт мести политическому противнику вполне в духе «абрека», сдавшего властям лично неприятного ему «строптивца» Натансона руками Александровской, помогавшей Нечаеву бежать за границу. М.А. Натансон, как и рассчитывал Нечаев, был арестован и два месяца провел под стражей [1, с. 68].

К слову, на следствии В.В. Александровская прокляла Нечаева и безуспешно навязывала полиции свою помощь в его поиске. Однако личность и услуги этой экстравагантной дамы русскую полицию нисколько не заинтересовали, и пришлось жертве нечаевского коварства отбыть весь положенный срок на поселении в Сибири. Не имеет документального подтверждения и версия о влиянии С.Г. Нечаева на славянскую эмиграцию. Г. Бакалов не приводит никаких доказательств влияния «абрека» на болгарскую эмиграцию, предположив, что революционер, поэт и национальный герой Болгарии «сделался революционером в духе знаменитого «Катехизиса» [2, с. 37]. Биограф Х. Ботева, несмотря на титанические усилия, никаких, даже самых слабых следов влияния Нечаева на болгарского революционера так и не обнаружил, кроме того, что автор «Катехизиса» буквально «очаровал» своего болгарского друга [2, с. 17].

Возможность «очарования» — явно не самое убедительное доказательство революционного воздействия. Не менее умозрительны и аргументы В.Я. Гросула, скрупулезно исследовавшего русско-балканские революционные связи. Касаясь возможных контактов Нечаева с балканскими и польскими революционерами, историк из-за недостатка фактов вынужден постоянно оперировать понятиями: «можно предположить», «вероятно», «весьма возможно» и пр. [9, с. 409-414]. Если же избегать сослагательного наклонения, то из исследования Гросула следует лишь то, что некоторые революционеры не порвали отношений с Нечаевым, узнав о его роли в убийстве И.И. Иванова.

Зато факты неопровержимо свидетельствуют о другом: там, где Нечаев, там аресты, преследования, полицейщина.

В 1869 г. провал «Народной расправы» стал следствием полного пренебрежения самого Нечаева к элементарным правилам конспирации. Хвастливые уверения сочинителя «Катехизиса» о неуловимости хорошо организованной и разветвленной партии оказались блефом. Полиция без особых усилий добыла все необходимые для ареста нечаевцев улики, включая программные документы и списки участников кружка.

И после этого происшествия деятельность «абрека» стала причиной ареста, или, во всяком случае, задержания десятков людей. С.Л. Викторov аргументированно предположил, что именно Сергей Геннадиевич сдал полиции сначала петербургских студентов [12, с. 241-245], а затем и соратников по революционной борьбе на юге России [13, с. 56-75]. Эта версия весьма убедительна еще и потому, что, как в начале 1930-х годов указывал Б.П. Козьмин, Нечаев рассматривал учащуюся молодежь как пушечное мясо революции, полагая, что аресты, ссылки, каторга единственное средство выработки подлинно революционной массы [14, с. 180-181].

Прибавим к жертвам «нечаевщины» еще и Флореско (Медлина), задержанного с врученной ему Нечаевым литературой, солдат Петропавловской крепости, отправленных в ссылку и на каторгу, не забудем и о роли Нечаева в арестах Александровской и Аптекмана. В совокупности получается около 300 человек. Это и есть участники «нечаевского движения», о которых порой говорится в литературе? Если так, то С.Г. Нечаев, мягко говоря, очень своеобразный революционер.

Гораздо лучше ему удавались акции чисто уголовного характера, и речь не только о расправе над несчастным студентом Ивановым.

В Швейцарии Нечаев «занялся делом», организовав «банду воров и разбойников», чтобы «составить революционный капитал», свидетельствовал М.А. Бакунин [21, с. 440]. И это вовсе не выдумка «отца русского анархизма», раздраженного «шалостями» Нечаева. Методы «абрека» испытал на себе революционный публицист и поэт Н.П. Огарев. Друг и единомышленник А.И. Герцена был единственным, кто от начала и до конца всеми силами помогал Нечаеву, несмотря на его репутацию шантажиста и вымогателя. «Молодой друг» оригинально отблагодарил своего покровителя: Нечаев агитировал пасынка Огарева вступить в шайку, созданную, чтобы грабить русских туристов, разумеется, в интересах революции. Шок Н.П. Огарева, узнавшего об этом, был таков, что соратник Герцена до конца жизни потерял всякий интерес к идеям освободительного движения.

В «Материалах для биографии» арест и депортация Нечаева из Швейцарии в Россию характеризуются как произвол, насилие, бесправие [7, л. 1-1об].

Нормами права российские власти действительно пренебрегали, хотя бы потому, что по закону Нечаева следовало отправить на каторгу, а не мариновать в казематах Петропавловской крепости. И вместе с тем, версию «арестанта № 5» о тайном сговоре и злодействах международной реакции следует существенно скорректировать.

Вопреки уверениям Сергея Нечаева, он не имел швейцарского гражданства и сам категорически отказался от услуг адвокатов, что зафиксировано в документах [17, с. 37] и подтверждается работами историков [26, с. 245].

Более интересно и важно выяснить, почему же все-таки швейцарские власти, уступив давлению, депортировали эмигранта Нечаева на историческую родину. В «Материалах» утверждалась, что экстрадиция Нечаева сопровождалась грубейшими нарушениями процессуальных норм и международного права [7, л. 1-1об.].

В реальности, еще 26 апреля 1870 г. швейцарские власти через Огарева информировали Нечаева, что органам правосудия республики представлены убедительные доказательства участия Нечаева в уголовном преступлении и началось следствие (оно длилось два месяца). Разумеется, не могло быть и речи о предоставлении политического убежища лицу, подозреваемому в убийстве [21, с. 414].

Классическим примером европейской трактовки права экстрадиции стала Италия, «переживавшая медовый месяц своего объединения». Русскому правительству так и не удалось вынудить итальянцев к выдаче политических преступников. Правительство итальянского королевства нашло требования России о выдаче лиц, обвиненных в уголовных преступлениях, «несогласным с итальянским законодательством» [3, с. 134]. Попросту говоря, итальянцы отказывались выдавать русским властям даже цареубийцу, поскольку это преступление политическое, а не уголовное. Самодержавию пришлось проглотить это унижение ради поимки страшного и неуловимого С.Г. Нечаева» [3, с. 135].

По завершении «нечаевского дела» Швейцария приняла закон, исключавший экстрадицию политэмигрантов в Россию [24, с. 45]. Всего же за десять лет (с 1867 по 1877 гг.) царское правительство, несмотря на титанические усилия дипломатов, заключило конвенции о выдаче эмигрантов как уголовных преступников лишь с восемью странами, как отмечал Я.Д. Баум [3, с. 138].

Между тем, российской политической полиции был хорошо известно, что автор «Катехизиса» не был ни крупным идеологом, ни серьезным политиком, презирался и третировался в эмигрантских кругах. Хорошо осведомленный по роду службы шеф жандармов П.А. Шувалов прямо указывал, что личность Нечаева, «едва ли заслуживает внимания» [18].

Поистине сатанинских масштабов личность и деяния главаря «Народной расправы» обрели в воспаленном воображении русской бюрократии и лично государя императора,

требовавшего немедленной поимки «злодея». Затраты только на телеграфные и почтовые переговоры о розыске государственного преступника составили астрономическую по тем временам сумму в 18 тыс. рублей! [5, С. 141].

Активное содействие в розыске «беса» агентам полиции оказал никто иной как сам канцлер Германии Отто фон Бисмарк. Безуспешная и долгая охота за «государственным преступником» достигла такого градуса умоисступления, что за убийцу Иванова принимали то всемирно известного этнографа и лингвиста Альфонса Пинара, то мирного русского студента С.И. Серебрянникова. [3, с. 137].

Бесперывное двухлетнее давление самодержавия на правительство Швейцарии принесло результат: в январе 1872 г. президент Швейцарии В. Вельти дал добро на арест и экстрадицию Нечаева [17, с. 35-36].

Нечаев, как верно и точно подметил Я.Д. Баум, «с большими способностями создавал впечатление, что его «Комитет народной расправы» является внушительной, чуть ли не могучей революционной организацией с весьма «страшной» программой» [3, с. 135-136].

Создавать впечатление то немногое, что хорошо удавалось автору «Катехизиса революционера», тогда как необходимые для профессионально-го революционера способности конспиратора были совершенно ничтожными. Свидетельством тому не только провал «Народной расправы», но и его собственный арест. Параноидальная подозрительность Нечаева и хвастливые заявления о намерении вывести «шпионство» каленым железом несколько не помешали ему довериться первому встречному провокатору. О неизбежном аресте Нечаева многократно предупреждали М.А. Бакунин, Н.П. Огарев, Наталья Герцен. Но тщетно. «Абрек» считал, что ему врут, потому что бояться и намеренно пытаются выставить из Швейцарии. По воспоминаниям М.А. Бакунина, Нечаев говорил: «Это бакунинцы гонят меня из Цюриха» и хвастался тем, что у него «в бернском федеральном совете есть свои люди, друзья». Они-то, конечно, «предупредили бы» его в случае опасности [21, с. 444].

Нечаев блефовал, никаких связей и знакомств в правительстве Швейцарии у него не было. Зато он был хорошо знаком с поляком А. Стемповским, которому полностью доверял. Он и выдал его русской сыскной полиции.

ВЫВОДЫ. В заключении вернемся к «Материалам к биографии» С.Г. Нечаева, опубликованным Л.А. Тихомировым. Если коротко, то почти все там сказанное — плод фантазии «арестанта № 5». Психология и тип личности автора «Катехизиса» нередко встречаются в истории России, богатой самозванцами. Психотип, свойственный подобной личности, часто смешивает вымысел и реальность. Нечаев легко вжился в роль «революционного фанатика», тогда как на самом деле в основе его активности лежало «неистовство безумного сомнения» [29, с. 98].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аптекман О.В. «Земля и Воля». Монография. Петроград: Колос, 1924. 459 с.
2. Бакалов Г. Христо Ботев и Сергей Нечаев // Летописи Марксизма. 1929. № IX-X. С. 3-37.
3. Баум Я.Д. Борьба царского правительства против права убежища // Каторга и ссылка. 1928. № 5. С. 112-138.
4. Бельчиков Н.Ф. С.Г. Нечаев в с. Иванове в [18]60-е годы: I Письма Нечаева к Ф.Д. Нефедову. II Воспоминания Ф.Г. Постниковой о Нечаеве // Каторга и ссылка. 1925. № 1 (14). С. 134-156.
5. Бер Ю.А. Страницы биографии революционера (С.Г. Нечаев) // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 138-146.
6. Гамбаров А. Г В спорах о Нечаеве. К вопросу об исторической реабилитации Нечаева. Монография. М.: Л.: Московский рабочий, 1926. 147 с.
7. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 407. Оп. 2. Д. 2080.

8. Грачев А. «Прикосновенный к делу...» // Глубинка. Литературно-художественно-публицистический альманах. Омск, 1998. № 3 4. С. 334-342.
9. Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859-1874). Кишинев: Шиница, 1973. 539 с.
10. Достоевский Ф.М. Бесы. Полн. Собр. Соч. в 30. Т. 11. М.: Наука, 1974. 416 с.
11. Историко-революционная хрестоматия. Сб. документов в 2 т. Т. 1. М.: Новая Москва, 1923. 477 с.
12. Кириллов В.Л. Об обстоятельствах исчезновения С.Г. Нечаева из Петербурга в начале 1869 г. и подписном листе студенческой сходки на Фурштатской улице // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени [сб. материалов]. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 241-245.
13. Кириллов В.Л. Елизаветградское дело 1869 года: к вопросу о терроризме и радикализме в русском революционном движении конца 1860-х годов // Россия XXI. 2017. № 2. С. 56-75.
14. Козьмин Б.П. С.Г. Нечаев и его противники в 1868-1869 гг. // Революционное движение 1860-х гг.: [сб. ст.] М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. С. 164-198.
15. Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России: сб. статей. М.: АН СССР, 1961. 767 с.
16. Козьмин Б.П. П.Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов: Монография. М.: Новый мир, 1922. 208 с.
17. Кункль А.А. Нечаев: Монография М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. 57 с.
18. Лурье Ф.М. Созидатель разрушения: Документальное повествование о С.Г. Нечаеве. Режим доступа: монография <https://www.litmir.me/br/?b=120682&p=1> (дата обращения: 02.11.2021).
19. Нечаев и нечаевцы: [сб. док.] М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. 221 с.
20. Николаевский Б. Памяти последнего «якобинца»-семидесятника (Гаспар-Михаил Турский) // Каторга и ссылка. 1926. № 2 (23). С. 211-227.
21. Огарев, Бакунин и Н.А. Герцен — дочь в «нечаевской» истории (1870 г.): материалы // Литературное наследство. М., 1985. Т. 96. 456 с.
22. Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова: моно-графия. М.: Academia, 2011. 558 с.
23. Серебрянников С.И. Из записки. // Н.П. Огарев в воспоминаниях со-временников: [сб. воспоминаний]: М.: Художественная литература, 1989. С. 397-399.
24. Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774-1906): [сб. документов] / Сост. В.Н. Александренко. Варшава, Тип. Варшавского учебного округа. 595 с.
25. Стеклов Ю. Михаил Александрович Бакунин: Монография. В 3. Т. 3. М.: Коммунистическая академия, 1927. 550 с.
26. Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы: 1866-1904 гг.: монография. Тула: Автограф, 2000. 454 с.
27. Тучкова-Огарева Н.А. Воспоминания. Л.: Academia, 1929. 544 с.
28. Щеголев П.Е. Алексеевский равелин: Монография. В 2 т. Т. 2. Л.: Книга, 1990. 379 с.
29. Щербакова Е.И. «Отщепенцы». Социально-психологические истоки русского терроризма // Свободная мысль. 1998. № 1. С. 88-100.

REFERENCES

1. Aptekman O.V. «*Zemlya i Volya*» [«Earth and Freedom»]: Mono-grafiya. Petrograd: Kolos, 1924. 459 s. (In Russian).
2. Bakalov G. *Khristo Botev i Sergey Nechayev* [Hristo Botev and Sergei Nechaev] // Letopisi Marksizma. 1929. № IX X. S. 3-37. (In Russian).

3. Baum Y.D. *Baum YA.D. Bor'ba tsarskogo pravitel'stva protiv prava ubezhishcha* [The struggle of the tsarist government against the right of asylum] // *Katorga i ssylka*. 1928. № 5. S. 112-138. (In Russian).
4. Belchikov N.F. S.G. *Nechayev v s. Ivanove v [18]60-ye gody: I Pis'ma Nechayeva k F.D. Nefedovu. II Vospominaniya F.G. Postnikovoy o Nechayeve* [S.G. Nechaev in the village Ivanov in [18] 60s: I Letters from Nechaev to F.D. Nefedov. II Memoirs of F.G. Postnikova about Nechaev] // *Katorga i ssylka*. 1925. № 1 (14). S. 134-156. (In Russian).
5. Ber Yu.A. *Stranitsy biografii revolyutsionera (S.G. Nechayev)* [Pages of the biography of a revolutionary (S.G. Nechaev)] // *Voprosy istorii*. 1989. № 4. S. 138-146. (In Russian).
6. Gambarov A.G. *V sporakh o Nechayeve. K voprosu ob istoricheskoy reabilitatsii Nechayeva* [In disputes about Nechaev. On the question of the historical rehabilitation of Nechaev]. Monografiya. M.: L.: Moskovskiy rabochiy, 1926. 147 s. (In Russian).
7. *Gosudarstvennii archive Saratovskoi oblasti. (ГАСО)* [State Archive of the Saratov Region] (GASO). F.407. Op. 2. D. 2080. (In Russian).
8. Grachev A. «*Prikosnovennyy k delu...*» [«Touched to the case ...»] // *Glubinka. Literaturno-khudozhestvenno-publitsisticheskii al'manakh*. Omsk. 1998, № 3 4. S. 334-342. (In Russian).
9. Grosul V.Ya. *Rossiyskiye revolyutsionery v Yugo-Vostochnoy Yevrope (1859 1874)* [Russian revolutionaries in South-Eastern Europe (1859 1874)]. Monografiya. Kishinev: Shinita, 1973. 539 s. (In Russian).
10. Dostoevsky F.M. *Besy*. [Demons]. Poln. Sobr. Soch. v 30 t. T. 11. M.: Nauka, 1974. 416 s. (In Russian).
11. *Istoriko-revolyutsionnaya khrestomatiya*. [Historical and revolutionary reader]. Sb. dokumentov v 2 t. T. 1. M.: Novaya Moskva, 1923. 477 s. (In Russian).
12. Kirillov V.L. *Ob obstoyatel'stvakh ischeznoveniya S.G. Nechayeva iz Peterburga v nachale 1869 g. i podpisnom liste studencheskoy skhodki na Furshtatskoy ulitse* [On the circumstances of the disappearance of S.G. Nechaev from St. Petersburg at the beginning of 1869 and the signature list of a student gathering on Furshtatskaya Street] / *Istoricheskiye dokumenty i aktual'nyye problemy arkheografii, istochnikovedeniya, rossiyskoy i vseobshchey istorii no-vogo i noveyshego vremeni*. Sb. materialov. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2016. S. 241-245. (In Russian).
13. Kirillov V.L. *Yelizavetgradskoye delo 1869 goda: k voprosu o terrorizme i radikalizme v russkom revolyutsionnom dvizhenii kontsa 1860-kh godov* [Elizavetgrad case of 1869: on the issue of terrorism and radicalism in the Russian revolutionary movement of the late 1860 s] // *Rossiya XXI*. 2017. № 2. S. 56 75. (In Russian).
14. Koz'min B.P. S.G. *Nechayev i yego protivniki v 1868-1869 gg.* [S.G. Nechaev and his opponents in 1868-1869] // *Revolutsionnoye dvizheniye 1860-kh gg: [sb. st.] M.: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politka-torzhan i ssyl'noposelentsev*, 1932. S. 164-198. (In Russian).
15. Kozmin B.P. *Iz istorii revolyutsionnoy mysli v Rossii: sb. Statey* [From the history of revolutionary thought in Russia: Sat. articles]. M.: AN SSSR, 1961. 767 s. (In Russian).
16. Kozmin B.P. P.N. *Tkachev i revolyutsionnoye dvizheniye 1860-kh godov* [P.N. Tkachev and the revolutionary movement of the 1860-s.]: Monografiya. M.: Novyy mir, 1922. 208 s. (In Russian).
17. Kunkl A.A. *Nechayev* [Nechaev]. M.: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev, 1929. 57 s. (In Russian).
18. Lurie F.M. *Sozidatel' razrusheniya: Dokumental'noye povestvovaniye o S. G. Nechayeve* [Creator of Destruction: A Documentary Narrative about S. G. Nechaev]. [Electronic resource]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=120682&p=1> (data obrashcheniya: 02.11.2021). (In Russian).
19. *Nechayev i nechayevtsy: [sb. dok.]* [Nechaev and Nechaevtsy: [Sat. doc.]. M.: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo, 1931. 221 s. (In Russian).
20. Nikolayevsky B. *Pamyati poslednego «yakobintsa»-semidesyatnika (Gaspar-Mikhail Turskiy)* [In memory of the last «Jacobin» of the seventies (Gaspar-Mikhail Tursky)] // *Katorga i ssylka*. 1926. № 2 (23). S. 211-227. (In Russian).

21. Ogarev, Bakunin i N.A. Gertsen — doch' v «nechayevskoy» istorii (1870 g.) [Ogarev, Bakunin and N.A. Herzen-Daughter in the «Nechaev» History (1870)]: materialy // Literaturnoye nasledstvo. M., 1985. T. 96. 456 s. (In Russian).
22. Repnikov A.V., Milevsky O.A. *Dve zhizni L'va Tikhomirova* [Two lives of Lev Tikhomirov]: monografiya. M.: Academia, 2011. 558 s. (In Russian).
23. Serebrennikov S.I. *Iz zapiski* [From the note] // N.P. Ogarev v vospominaniyakh sovremen-nikov: [sb. vospominaniy]. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1989. S. 397-399. (In Russian).
24. *Sobraniye vazhneyshikh traktatov i konventsiy, zaklyuchennykh Rossiyei s ino-strannymi derzhavami (1774-1906)* [Collection of the most im-portant treatises and conventions concluded by Russia with foreign powers (1774-1906)]. Sat. documents / [sb. dokumentov] / Sost. V.N. Aleksandrenko. Varshava, Tip. Varshavskogo uchebnogo okruga. 595 s. (In Russian).
25. Steklov Y. *Mikhail Aleksandrovich Bakunin* [Mikhail Alexandrovich Bakunin]: Monografiya. V 3. T. 3. M.: Kommunisticheskaya akademiya, 1927. 550 s. (In Russian).
26. Troitsky N.A. *Advokatura v Rossii i politicheskiye protsessy: 1866-1904 gg.* [Advocacy in Russia and political processes: 1866-1904]: Monografiya. Tula: Avtograf, 2000. 454 s. (In Russian).
27. Tuchkova-Ogareva N.A. *Vospominaniya* [Memories]. L.: Academia, 1929. 544 s. (In Russian).
28. Shchegolev P.E. *Alekseyevskiy ravelin* [Aleksseevsky ravelin]: Monografiya. V 2 t. T. 2. L.: Kniga, 1990. 379 s. (In Russian).
29. Shcherbakova E.I. «Otshchepency». *Social'no-psihologicheskie istoki russkogo terrorizma* [«Rene-gades». Socio-psychological origins of Russian terror-ism] // Svobodnaya mysl. 1998. № 1. S. 88-100. (In Russian).

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 1900- Х ГГ.: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

STUDENTS AND STUDENTS IN THE REVOLUTIONARY MOVEMENT OF THE 1900S.: REGIONAL ASPECT

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.027

УДК 94(470.44).081"19"

ББК 63.3(2)534-414

Н.В. АЛЕНИЧЕВА

ОТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОМАНТИКИ
ДО ДЕМОРАЛИЗАЦИИ: НАСТРОЕНИЯ
САРАТОВСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА
В ПЕРЕЛОМНУЮ ЭПОХУ (1914-1917 ГГ.)

N.V. ALENICHEVA

FROM REVOLUTIONARY ROMANTICISM
TO DEMORALIZATION: THE MOOD OF
SARATOV STUDENTS IN A CRITICAL ERA
(1914-1917)

В статье рассматриваются политические взгляды и настроения саратовских студентов в годы Первой мировой войны и февральских событий 1917 г. Автор отводит важную роль студенческим массам в общественно-политической жизни города. В рамках социальной истории анализируется смена патриотического подъема, антиправительственными действиями, а позже ростом аполитичных настроений в студенческой среде г. Саратова.

The article examines the political views and moods of Saratov students during the First World War and the February events of 1917. The author assigns an important role to the student masses in the socio-political life of the city. Within the framework of social history the author analyzes the change of patriotic increase, anti-government actions, and later the growth of apolitical sentiments among the students of Saratov.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: студенчество, молодежь, Первая мировая война, революция, Саратовский университет, Саратовская губерния

KEY WORDS: students, youth, world War I, revolution, Saratov University, Saratov province

ВВЕДЕНИЕ. «Саратовская губерния с давних пор служила местом высылки преступных элементов, вследствие чего население воспитывалось в антиправительственном духе, поэтому крайне легко реагирует на те, или иные проявления политической и общественной жизни» [11, Л. 10], — так начинался отчет о настроениях в Саратовской губернии для Директора Департамента полиции в июне 1915 г. Отдельное внимание автор этого доклада уделял молодежи: «они (молодежь. — Н.А.) просто развращенные люди, не признающие никаких авторитетов» [11, Л. 10 об.], причем особую роль среди этих «развращенных» играли студенты.

ЦЕЛЬ СТАТЬИ — анализ политических взглядов и настроений саратовских студентов в годы Первой мировой войны и февральских событий 1917 г.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В советской историографии активно изучалась роль студенчества в революционных событиях 1917 г., в большей степени рас-

сма­три­вал­ся во­прос вли­я­ния бо­ль­ше­вист­ских ор­га­ни­за­ций на уча­щих­ся выс­ших учеб­ных за­ве­де­ний. Ис­то­рия са­ра­тов­ско­го уни­вер­си­те­та и сту­ден­че­ства ста­ло об­ъек­том круп­ней­ше­го ис­сле­до­ва­ния ис­то­ри­ка В.А. Со­ло­мо­но­ва, ко­то­рый уде­лил в сво­ей ра­бо­те вни­ма­ние сту­ден­че­ской сре­де в пе­ре­лом­ную эпо­ху на­ча­ла XX в. [13].

В со­вре­мен­ной рос­сий­ской ис­то­ри­о­гра­фии уче­ные срав­ни­тель­но не­дав­но ста­ли об­ра­щать­ся к теме сту­ден­че­ства с точ­ки зре­ния со­ци­аль­ной ис­то­рии и рас­сма­три­вать вли­я­ние на­стро­е­ний сту­ден­тов на об­ще­ствен­но-по­ли­ти­че­ские со­бы­тия на­ча­ла про­ш­ло­го сто­ле­тия. Как пра­ви­ло, че­рез эту при­зму изу­ча­ет­ся по­ве­де­ние сту­ден­тов г. Пе­тро­гра­да, ре­ги­о­наль­но­му же, в час­тно­сти, са­ра­тов­ско­му сту­ден­че­ству на дан­ный мо­мент не уде­ля­ет­ся вни­ма­ния ис­сле­до­ва­те­лей.

При рас­смот­ре­нии взгля­дов и на­стро­е­ний сту­ден­че­ства Рос­сии на­ча­ла XX в. сто­ит учи­ты­вать воз­рас­тные и пси­хо­ло­гиче­ские осо­бен­но­сти этой груп­пы на­се­ле­ния. Мо­ло­де­жь, в том чис­ле и сту­ден­ты, вос­при­и­ма­ли про­ис­хо­дя­щие по­ли­ти­че­ские со­бы­тия бо­лее ро­ман­ти­зи­ро­ван­но, в ос­но­ве это­го вос­при­я­тия ча­ще ле­жал не соб­ствен­ный жиз­нен­ный опыт, а идеи и зна­ния, по­лу­чен­ные из ли­те­ра­ту­ры.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Ин­те­рес­ные вы­во­ды в сво­ей ра­бо­те при­во­ди­ла Сью­зан Мо­рис­си, ко­то­рая ут­вер­жда­ла, что раз­ные по­ли­ти­че­ские взгля­ды сту­ден­че­ства за­ви­се­ли от их воз­рас­та. То е­сть рас­кол про­ис­хо­дил ме­жду пред­ста­ви­те­ля­ми сту­ден­тов стар­ших и млад­ших курсов. Пер­вые бы­ли но­си­те­ля­ми тра­ди­ций Пер­вой рус­ской ре­во­лю­ции, а по­след­ние — бо­лее под­вер­жен­ные па­три­отиче­ской про­па­ган­де [8, с. 291].

Хотя, ко­неч­но, сре­ди сту­ден­тов лю­бо­го воз­рас­та бы­ли пред­ста­ви­те­ли раз­ных по­ли­ти­че­ских взгля­дов и на­стро­е­ний. За­час­тую не столь­ко био­ло­гиче­ская незре­лость, сколь­ко пси­хо­ло­гиче­ская под­тал­ки­ва­ла мо­ло­де­жь к пра­во­му или ле­во­му ра­ди­ка­лиз­му [1, с. 611]. По­это­му сту­ден­ты ста­но­ви­лись од­ни­ми из глав­ных уча­ст­ни­ков со­ци­аль­но-по­ли­ти­че­ской ис­то­рии.

Сле­ду­ет от­ме­тить, что вна­ча­ле XX в. чис­лен­ность сту­ден­тов и их уча­стие в об­ще­ствен­но-по­ли­ти­че­ской жиз­ни за­мет­но воз­рос­ло. В этот пе­ри­од по­яв­ля­лись но­вые выс­шие учеб­ные за­ве­де­ния раз­лич­но­го про­фи­ля. На рост сту­ден­че­ства по­вли­я­ла так­же ме­ра Пер­вой рос­сий­ской ре­во­лю­ции — вре­мен­ное за­кры­тие учеб­ных за­ве­де­ний, что при­ве­ло к «за­тя­ги­ва­нию» обу­че­ния, в­сле­д­ствие че­го мно­гие сту­ден­ты не вы­пу­сти­лись в по­ло­жен­ный срок. С из­ме­не­нием сро­ков обу­че­ния из­ме­ни­лся и сред­ний воз­ра­ст сту­ден­тов. С кон­ца XIX в до 1917 г. чис­лен­ность сту­ден­че­ства в Рос­сий­ской им­пе­рии воз­рас­та­ла: в 1897/98 учеб­ном го­ду в им­пе­рии бы­ло око­ло 32000 сту­ден­тов, в 1913/14—121000, в 1917 — уже око­ло 135000 [6, с. 178].

Сту­ден­че­ство пред­ста­вля­ло со­бой мно­го­чис­лен­ную и ор­га­ни­зо­ван­ную груп­пу, с мар­ги­наль­ным ук­ло­ном, уча­ст­вую­щую в со­ци­аль­но-по­ли­ти­че­ских со­бы­ти­ях, осо­бен­но в круп­ней­ших го­ро­дах Рос­сии, где про­слой­ка сту­ден­тов бы­ла бо­лее мно­го­чис­лен­ная.

Еще с 1905–1907 гг. в учеб­ных за­ве­де­ниях на­ме­тил­ся рас­кол на по­ли­ти­зи­ро­ван­ное и де­по­ли­ти­зи­ро­ван­ное сту­ден­че­ство. С 1908 г. да­же ста­ли ор­га­ни­зо­вы­вать­ся со­ю­зы, вы­сту­па­вшие за нев­ме­ша­тель­ство сту­ден­тов в по­ли­ти­че­скую жиз­нь стра­ны, но за­час­тую они при­об­ре­та­ли пра­вый мо­нар­хиче­ский ук­лон.

Под вли­я­нием по­ли­ти­че­ских пар­тий мо­ло­де­жное дви­же­ние, в том чис­ле сту­ден­че­ское, ак­тив­но раз­ви­ва­лось и са­мо­ор­га­ни­зо­вы­ва­лось. В уезд­ных го­ро­дах увле­че­ние уча­щи­ми­ся ан­ти­пра­ви­тель­ствен­ны­ми иде­ями не но­си­ло все­об­щий ха­рак­тер. Так, в г. Пе­тро­вске в 1915 г. у вос­пи­тан­ни­ков ре­аль­но­го учи­ли­ща Г. Гу­ре­ви­ча и А. Кра­ше­нин­ни­ко­ва бы­ла об­на­ру­же­на ли­те­ра­ту­ра с ан­ти­пра­ви­тель­ствен­ны­ми и ан­ти­ре­ли­ги­оз­ны­ми иде­ями: жур­нал «Го­лос мо­ло­де­жи», «Очер­ки со­ци­а­лиз­ма» Ж. Жо­ре­са, ли­те­ра­ту­ра Ф. Эн­гель­са и Р. Иеринга. Гу­ре­вич и Кра­ше­нин­ни­ков бы­ли от­чис­ле­ны из учи­ли­ща, а по­зже вы­яс­ни­лось, что рас­про­стра­ни­те­ля­ми оп­по­зи­цион­ной ли­те­ра­ту­ры в г. Пе­тро­вске бы­ли бы­в­шие учени­ки мест­но­го ре­аль­но­го учи­ли­ща, за­ни­ма­ю­щие­ся вер­бов­кой уча­щих­ся го­ро­да, ко­то­рых вс­ко­ре по­сле этих со­бы­тий за­де­р­жа­ли [12, Л. 12].

Если в уездных городах распространение антиправительственных идей носило локальный характер, то в университетском центре — г. Саратове — студенчество более массово примыкало к различным политическим движениям. Особенное оживление в студенческом оппозиционном движении вызвала эвакуация в город студентов из Киева в 1915 г. Так, в Саратов прибыл Киевский университет в составе юридического, физико-математического и историко-филологического факультетов, с общей численностью студентов — более 2500 человек. Переведены были в Саратов Высшие женские курсы, педагогический институт, вместе с которыми в город прибыло свыше 6000 студентов и сотрудников [7, с. 107].

Студенты Киевского коммерческого института обращали внимание своим оппозиционным направлением, стремлением к кружковой деятельности «под видом материальной помощи» [12, Л. 87].

Через месяц после эвакуации Киевского коммерческого института в Саратов в его аудиториях студентами-украинцами — эсерами разбрасывались прокламации с призывом организовывать кружки «в пользу политического Красного креста» [5, Л. 292].

Такие организации студентов играли важную роль в соорганизованности и сплоченности студентов, примечательно, что правление таких организаций являлось преимущественно левого направления политических взглядов.

Часть студентов Киевского коммерческого института были участниками просветительского общества «Маяк», в котором впоследствии начнется революционная работа.

В институте была организована хозяйственная комиссия, в которую стало вливаться все левое студенчество. В целях его объединения, группа студентов Коммерческого института во главе со студентом Каменевым решила издавать легальную еженедельную газету «Студенческая жизнь», с этой целью из средств комиссии было отчислено — 500 рублей, но издать удалось всего лишь один выпуск газеты [13, с. 36].

Комиссия возникла стихийно, при эвакуации из Киева с целью сбора средств для нуждающихся. Ее возглавили энергичные студенты: Каменев, Правдухин, Самохин, Медянский и Каркашвили. Позже в Саратове появится общество помощи студентам под названием «Устав скорой помощи нуждающимся учащимся в высших учебных заведениях гор. Киева, эвакуированных в г. Саратов».

«Дурное влияние» на студентов Киевского коммерческого института имели экстраординарный профессор кафедры прикладной экономики П.Л. Кованько и профессор Л.Н. Яснопольский, последний являлся депутатом Государственной думы I созыва, членом конституционно-демократической фракции и украинской парламентской группы. За подписание «Выборгского воззвания» от 1906 года был осуждён и отбывал трёхмесячное заключение в Конотопской тюрьме, а после стал профессором Киевского коммерческого института.

Но было бы неверным утверждать, что все учащиеся придерживались исключительно оппозиционных взглядов. В институте возникла распря между левыми студентами и студентами-академистами. Академистами обозначали ту прослойку студентов учреждения, которые не придерживались кардинальных левых взглядов и поддерживали Директора Киевского коммерческого института М.В. Довнар-Запольского, стоявшего в оппозиции Хозяйственной комиссии.

Митрофан Викторович, первый ректор института, в юношеские годы увлекался идеями Т. Шевченко, А. Герцена и даже был отчислен из 1-й Киевской гимназии за чтение «книг преступного содержания» [14, с. 93]. Будучи директором Киевского коммерческого института, он не был сторонником организации обществ левонаправленного студенчества и их деятельности.

М.В. Довнар-Запольский, зная, что во главе хозяйственной комиссии находятся политически неблагонадежные лица, препятствовал их деятельности. Так, ректор потребовал

освободить занятую комиссией канцелярию в здании института. Студенты оставили канцелярию, однако решили сорвать лекцию Довнар-Запольского и устроили ему «кошачий концерт» [11, Л. 87], перебивали и мешали профессору читать лекцию.

Молодость и энергичность студентов с разной политической позицией приводила их к банальному хулиганству: дракам, битью витрин магазинов и т.д. Своего рода «перфоманс» студенты Киевского коммерческого института устроили во время похорон депутата Государственной думы II созыва, социал-демократа В.Б. Ломтатидзе, который отбывал наказание в Саратовской тюрьме и скончался от туберкулеза в ноябре 1915 г. Студенты на похоронах вели себя возбужденно, вследствие чего началась перебранка между академиками и левыми, во время которой сильные физические увечья получил глава хозяйственной комиссии Каменев.

В числе эвакуированных из Киева в Саратов студентов прибыла группа украинских социал-революционеров. Члены этой группы подготовили воззвание на малороссийском и польском языках, говорящее об общности интересов передовой польской и украинской молодежи, желающей видеть их народы свободными и независимыми. В воззвании рекомендуется поддерживать всеми силами украинское движение в его борьбе с российским правительством во всех формах и выражается протест против русификаторской политики правительства в Восточной Галиции [11, Л. 89].

Интересную речь произнес редактор Саратовской газеты «Волга» в Нижнем Новгороде на Съезде членов русского народа в 1915 году, по его заявлению, «русская школа, лишенная должного надзора революционизируется» и ярким примером того является Саратовский университет, где профессоры отказываются бороться с нарастающим студенческим революционным движением [11, Л. 138].

Относительно спокойнее в это время, по сравнению с эвакуированным в Саратов Киевским коммерческим институтом, дела обстояли в Императорском Николаевском университете, где на протяжении 1914–1915 гг. недоразумения происходили преимущественно на почве учебного процесса. Большая часть студентов Саратовского университета в начале Первой мировой войны были настроены патриотично, на проходящих собраниях студенчества обсуждались вопросы о благотворительных сборах в пользу жертв войны. В феврале 1915 г. листовки с призывами к студентам университета провести забастовку в знак протеста против действий правительства не нашли поддержки среди учащихся [9, с. 10–12].

Однако случались различные инциденты. Так, в здании Саратовского университета, где занимались студенты Киевского университета, имелась специальная комната для совещания студентов, которая была неизвестна администрации. На стене этой комнаты висело воззвание — «плакат», написанный на малороссийском и польском языках, и напечатанный на машинке. Воззвание призывало бороться против войны, разорившей всю Польшу и добирающейся до Украины [4, Л. 90 об.].

Еще один любопытный случай произошел в октябре 1915 г. в Александро-Невском кафедральном соборе. Студент Саратовского университета Григорий Сергиевский вечером 10 числа явился на всенощное бдение в собор в пьяном виде, достал папиросу и раскурил ее в присутствии молящихся. Вскоре студент, демонстрирующий протест против существующего порядка вещей, был отчислен из университета [3, Л. 221 об. 224].

Протесты в студенческой среде против войны и действий правительства носили скорее локальный характер, а университет в целом продолжал работу, направленную, в том числе, на нужды войны. С начала Первой мировой войны в студенческой массе наблюдался подъем патриотических настроений. Но уже в сентябре 1914 г., после отмены отсрочек от призыва в армию для студентов, в разных городах России произошли беспорядки с участием студентов. Однако часть студенчества с энтузиазмом и пониманием отнеслась к отмене отсрочек и продолжала участвовать в патриотических манифестациях.

Патриотический подъем в студенческой среде можно трактовать по-разному. Дело в том, что студенты, выражая готовность выполнить долг перед Родиной, могли быть при этом преисполненными оппозиционными настроениями и расценивать начало войны как первый шаг к революционным изменениям [8, с. 301].

Среди студенчества также можно и выделить группу, которая отнеслась к Первой мировой войне равнодушно, без особых впечатлений.

Руководство организованного в группы левого студенчества и либерально настроенная интеллигенция города (как местная саратовская, так и эвакуированная киевская) имели взаимную заинтересованность в деятельности друг друга. В декабре 1915 г. состоялось организационное собрание общества «Скорой помощи», на котором был избран президиум общества в составе: Председателя — профессора кафедры классической филологии Киевских Высших женских курсов А.И. Сонни, Товарищей Председателя присяжного поверенного Н.Н. Мясоедова, который позже станет председателем общества «Маяк», профессора И.В. Лучицкого, М.Е. Розенблюма и Л.В. Коркашвили.

В 1916 г. в г. Саратове произошло несколько студенческих волнений при участии студентов-киевлян и саратовцев. К этому же времени патриотический подъем студенчества пошел на спад, напротив, стал усиливаться политический протест в студенческой среде. Такие настроения в столице были связаны, в том числе, с роспусками думы, арестом депутатов, гонениями на студентов-евреев. В провинции же сказались связь студентов с рабочими организациями и ухудшение условий жизни населения.

Студенчество стало активнее примыкать к различным политическим партиям, распространять прокламации и предпринимать попытки устройства митингов и демонстраций. Однако это не позволяет сделать вывод, что в данный период революционные идеи массово поддерживало все саратовское студенчество.

В студенческой среде существовали не самые многочисленные (по сравнению с общей численностью учащихся) политические группы, созданные на базе положений эсеровских и социал-демократических взглядов. Более того, нельзя утверждать, что эти группы имели влияние на большую часть студенчества, скорее, наоборот, не отмечалось массовых мероприятий антиправительственной направленности, а попытки активизации деятельности таких групп, зачастую оканчивались арестами зачинщиков. Влияние политических партий ощущалось, но активизации их работы произойдет только после событий февраля 1917 г.

Перед февральскими событиями 1917 г. в крупнейших университетских городах страны активную работу осуществляли эсеры и социал-демократы. В Саратове, как и в некоторых других городах, социалисты объединились в «Коллектив демократического студенчества высших учебных заведений г. Саратова» [15, с. 105], который становился инициатором забастовок студентов [2, Л.1].

Согласно сообщениям начальников губернских жандармских управлений, в некоторых городах студенты руководили нелегальными рабочими собраниями и вели агитацию среди рабочих [1, с. 617-619].

Студенты, наравне с запасными солдатами в городе, стали частыми участниками беспорядков, к примеру, в г. Царицыне толпа женщин, получивших отказ от выдачи пособий, принялась избивать полицейских, к этой толпе присоединились солдаты и студенты, в итоге для подавления беспорядка были вызваны войска [2, Л. 1121].

Разворачивающиеся в стране политические события породили в высших учебных заведениях России феномен вооруженных отрядов студентов. В Саратове милиция, сформированная из числа студентов, активно участвовала в освобождении политзаключенных, которых кормили бесплатными обедами в студенческой столовой [13, с. 44].

В марте 1917 г. в Саратове была создана единая социал-демократическая студенческая организация [13, с. 47], большими симпатиями в студенческой среде пользовались кадеты.

ВЫВОДЫ. После Февраля 1917 г. студенчество стало трансформироваться в разваливавшуюся социальную группу, студенты переставали учиться, и в студенческой среде разразился кризис. После прихода к власти большевиков студенчество как носитель революционных традиций перестает существовать, а кризис, затронувший все сферы жизни, привел вузы к периоду разрухи и нищеты.

Численность студентов сократилась, многие бывшие студенты были мобилизованы на фронт. Бытовые трудности вынудили многих оставшихся студентов бросить учебу. Романтизм революционных изменений сменился деморализацией и кризисом студенческой молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов В.Б. «Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции 1914–1918». М., НЛО. 2020. 992 с.
2. Выписки из писем разных лиц // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Ед. хр. 992.
3. Дело о приеме студентов и вольнослушателей в университет, об исключении студентов из университета за неуплату за обучение, о призыве их в действующую армию и др. // ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Ед. хр. 566.
4. Дело о производстве дознания деятельности партии социалистов-революционеров в Саратовской губернии // ГАСО. Ф. 53. Оп. 8. Ед. хр. 9.
5. Дело об антиправительственных выступлениях, стачках и забастовках рабочих предприятий г. Саратова // ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 9633.
6. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX — начала XX века. Социально-историческая судьба. Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.
7. Малинин Г.А. Киевский университет в Саратове // Поволжский край: межвуз. науч. сб. Вып. 7. Вопросы социально-экономической и политической истории / отв. ред. С.А. Соколов. Саратов. 1984. С. 47–59.
8. Морисси С. Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб. 1999. С. 208–302.
9. Мраморнов А.И. Саратовский императорский университет в годы Первой мировой войны (1914–1917 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. «История. Международные отношения». 2009. Т. 9. Вып. 1. С. 8–12.
10. О студенческих организациях и беспорядках. Разная переписка // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 244. Ед. хр. 59 ч. 1 л. А.
11. Обзор деятельности революционных организаций в Саратовской губернии // ГАСО. Ф. 53. Оп. 8. Ед. хр. 21.
12. Сведения об участии в революционном движении учащейся молодежи в г. Петровске // ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 9629.
13. Соломонов В.А. Революционное студенческое движение в Саратове 1910–1917 годов / Под ред. В.В. Всемирова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. 63 с.
14. Чернобаев А.А. Историки России XX века: Биобиблиографический словарь. Т. 1 / Под ред. В.А. Динеса. Саратов: Саратов. гос. соц.-экон. ун-т, 2005. 216 с.
15. Шалагинова Л.М. Студенческое движение накануне и в дни Февральской революции // Вопросы истории КПСС. 1967. № 2. С. 102–106.

REFERENCES

1. Aksenov V.B. «*Sluhi, obrazy, emocii. Massovyie nastroyeniya rossiyan v gody vojny i revolyucii 1914–1918*» [Rumors, images, emotions. Mass sentiments of Russians during the years of war and revolution (1914–1918)]: M., New literary review. 2020. 992 s. (In Russian).

2. *Vypiski iz pisem raznyh lic* [Extracts from letters of different persons] // GA RF. F. 102. Op. 265. Ed. hr. 992. (In Russian).
3. *Delo o prieme studentov i vol'noslushatelej v universitet, ob isklyuchenii studentov iz universiteta za neuplatu za obuchenie, o prizyve ih v deystvuyushchuyu armiyu i dr.* [The case of admission of students and volunteers to the university, on the exclusion of students from the university for non-payment for training, on their conscription into the army, etc.] // GASO. F. 393. Op. 1. Ed. hr. 566. (In Russian).
4. *Delo o proizvodstve doznaniya deyatel'nosti partii socialistov-revolucionerov v Saratovskoj gubernii* [The case of the investigation of the activities of the party of socialist revolutionaries in the Saratov province] // GASO. F. 53. Op. 8. Ed. hr. 9. (In Russian).
5. *Delo ob antipravitel'stvennyh vystupleniyah, stachkah i zabastovkah rabochih predpriyatij g. Saratova* [The case of anti-government protests, strikes and strikes of workers' enterprises in Saratov] // GASO. F. 1. Op. 1. Ed. hr. 9633. (In Russian).
6. Ivanov A.E. *Studenchestvo Rossii konca XIX — nachala XX veka. Social'no-istoricheskaya sud'ba* [Russian students of the late XIX — early XX century. Socio-historical fate]: Russian Academy of Sciences. In-t Russian History. M.: ROSSPEN, 1999. 414 s. (In Russian).
7. Malinin G.A. *Kievskij universitet v Saratove* [Kiev University in Saratov] // Volga Region: mezhvuz. Scientific Collection Issue 7. Questions of socio-economic and political history / ed. by S.A. Sokolov. Saratov. 1984. Ss. 47–59. (In Russian).
8. Morissi S. *Mezhdru patriotizmom i radikalizmom: petrogradskie studenty v gody Pervoj mirovoj vojny* [Between patriotism and radicalism: Petrograd students during the First World War]: // Russia and the First World War (materials of the International Scientific Colloquium). St. Petersburg, 1999. Ss. 208–302. (In Russian).
9. Mramornov A.I. *Saratovskij imperatorskij universitet v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1917 gody)* [Saratov Imperial University during the First World War (1914–1917)] // Izvestiya Saratov University. New series. Ser. «History. International relations». 2009. Vol. 9. Issue 1. Ss. 8–12. (In Russian).
10. *O studencheskih organizaciyah i besporyadkah. Raznaya perepiska* [About student organizations and riots. Different correspondence] // GA RF. F. 102. Op. 244. Ed. hr. 59 ch. 1 l. A. (In Russian).
11. *Obzor deyatel'nosti revolyucionnyh organizacij v Saratovskoj gubernii* [Review of the activities of revolutionary organizations in the Saratov province] // GASO. F. 53. Op. 8. Ed. hr. 21. (In Russian).
12. *Svedeniya ob uchastii v revolyucionnom dvizhenii uchashchejsya molodezhi v g. Petrovske* [Information about participation in the revolutionary movement of students in Petrovsk] // GASO. F. 1. Op. 1. Ed. hr. 9629. (In Russian).
13. Solomonov V.A. *Revolucionnoe studencheskoe dvizhenie v Saratove 1910–1917 godov* [Revolutionary student movement in Saratov 1910–1917] / Edited by V.V. Vsemirov. Saratov: Sarat Publishing House. un-ta, 1991. 63 c. (In Russian).
14. Chernobaev A.A. *Istoriki Rossii XX veka: Biobibliograficheskij slovar'* [Historians of Russia of the XX century: Biobibliographical dictionary]: Vol. 1 / Edited by V.A. Dines. Saratov: Sarat. gos. sots.-ekon. un-t, 2005. 216 s. (In Russian).
15. Shalaginova L.M. *Studencheskoe dvizhenie nakanune i v dni Fevral'skoj revolyucii* [Student movement on the eve and in the days of the February Revolution] // Questions of the history of the CPSU. 1967. No. 2. Ss. 102–106. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2022.75.42.001

УДК 94(470.44).09 "1905"

ББК 63.3(28-8Сар)531-422

Ю.В. ВАРФОЛОМЕЕВ,
Л.Н. ШУМИЛОВА**ПОГРОМНЫЕ «ИЛЮМИНАЦИИ»:
ОСОБЕННОСТИ И ХАРАКТЕР
КРЕСТЬЯНСКИХ БЕСПОРЯДКОВ
В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1905
ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНЫХ
ПРОЦЕССОВ)**YU.V. VARFOLOMEEV,
L.N. SHUMILOVA**POGROM «ILLUMINATIONS»:
FEATURES AND NATURE OF PEASANT
RIOTS IN THE SARATOV PROVINCE
IN 1905 (BASED ON THE MATERIALS
OF THE TRIALS)**

В статье предпринято исследование причин, характера и особенностей крестьянских беспорядков в период Первой русской революции. В качестве примера для изучения этой проблемы авторами выбрана Саратовская губерния, ставшая в 1905 г. наиболее «горячим», с точки зрения количества и масштабов крестьянских волнений, регионом в Европейской части России. Анализируя научную литературу, источники личного происхождения и материалы судебных процессов по делам о погромах, авторы выявляют характерные особенности и внутреннюю природу крестьянского бунта. В статье сделаны выводы о причинах, особенностях и характере крестьянских погромов частновладельческих усадеб в Саратовской губернии в 1905 г.

The article attempts to study the causes, nature and features of peasant unrest during the First Russian Revolution. As an example for studying this problem, the authors chose the Saratov province, which in 1905 became the most "hot" region in the European part of Russia in terms of the number and scale of peasant unrest. Analyzing scientific literature, sources of personal origin and materials of trials in cases of pogroms, the authors identify the characteristic features and the inner nature of the peasant revolt. The article draws conclusions about the causes, features and nature of peasant pogroms private estates in the Saratov province in 1905.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: крестьянские беспорядки, погром, поджог, скопище (толпа), судебный процесс

KEY WORDS: peasant riots, pogrom, arson, crowd, trial

ВВЕДЕНИЕ. 1905 год в Российской империи прошел под знаком революционных выступлений, одной из наиболее массовых и ожесточенных форм которых стали крестьянские беспорядки. Под непосредственным влиянием революционных событий, военных неудач, экономических трудностей и ряда неурожайных лет активизировались аграрные выступления в Среднем Поволжье, и, в частности, в Саратовской губернии. Актуальность предпринятого исследования обусловлена остротой социальных конфликтов в переломные периоды истории, а также потребностью изучения рискованных факторов общественно-политической жизни страны.

ЦЕЛЬЮ статьи стало исследование скрытых пружин механизма крестьянского бунта, факторов, влияющих на формирование скопища, а также мотивы и роль подстрекатель-

ства в организации и проведении погрома частновладельческих усадеб в период Первой русской революции.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В ходе проведенного исследования задействован значительный корпус документов и архивных материалов, включая источники личного происхождения и официального делопроизводства. В качестве основного источника использованы архивные документы судебного процесса по делу о крестьянских погромах 1905 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Еще в 1904 г. саратовский губернатор П.А. Столыпин, прикладывая огромные усилия по усмирению стихии крестьянских волнений, докладывал императору Николаю II: «Я в 1903 г. старался пресекать вначале со всею возможной быстротою и неуклонною строгостью захват и потравы землевладельческих угодий, порубки и особенно поджоги, которыми сельчане рассчитывали терроризировать помещиков...» [6, с. 71.] По официальным данным, в 1903 г. только в одном Балашовском уезде было совершено 75 поджогов на аграрной почве. «О них были возбуждены своевременно судебные дела, — докладывал императору губернатор, — но почти половина из них прекращена за необнаружением виновных» [Там же]. Вместе с тем, антивоенные настроения, обострившиеся неудачами на фронте, послужили дополнительным импульсом к «аграрным» выступлениям крестьян. Разраставшиеся повсеместно крестьянские беспорядки вынудили губернатора Столыпина почти все лето 1905 года провести в разъездах по деревням. Но безуспешно — стихия крестьянского недовольства, подогреваемого радикальными партиями, неумолимо захлестнула Поволжье.

Люди, приезжавшие в то беспокойное время в Саратов по железной дороге, говорили, что весь путь с обеих сторон ночью как факелами освещался заревом пожаров горящих помещичьих усадеб. Очевидно, что эти багряные сполохи крестьянских беспорядков были настолько впечатляющими и запоминающимися, что даже спустя год после этих событий член Государственной думы кадет М.Я. Герценштейн, пикируясь в ходе очередного думского заседания с Главноуправляющим землеустройством и земледелием А.С. Стишинским, а также с товарищем министра внутренних дел В.И. Гурко, едко и метко назвал эти огненные противоправные эксцессы «иллюминациями». «Вы хотите, чтобы зарево охватило целый ряд губерний, — вопрошающе грозно восклицал он. — Мало вам разве опыта майских иллюминаций прошлого года, когда в Саратовской губернии чуть ли не в один день погибло 150 усадеб?!» [2, с. 524]. Его экспрессивный риторический вопрос был явно избыточен — ни власти, ни законопослушные подданные страны естественно не хотели продолжения огненной драмы и разбушевавшейся гражданской смуты. Между тем, слово «иллюминации» «болезненно прокатилось по всей России, — с сожалением констатировал В.В. Шульгин, — многие прекрасно поняли: то, что для одних тяжкая трагедия <...>, то другим (то есть «освободителям») доставляет явную или плохо скрываемую радость» [9, с. 234]. Несомненно, ироничный и хлесткий эпитет, по отзывам современников, очень точно отражал трагизм ситуации в стране. Однако это крылатое выражение Герценштейна и его антиправительственная политическая позиция стоили ему жизни — «он был убит кем-то из-за угла. Кем — не удалось установить, но в причине, толкнувшей убийцу на месть, не приходится сомневаться», — отмечал монархист В.В. Шульгин [Там же].

По данным исследований, базирующихся на архивных документах — официальных статистических сведениях, в 1905 году в Саратовской губернии было сожжено, разграблено или частично разрушено около 300 поместий, что составило 31,3% от общего числа пострадавших поместий в Европейской части России [10, с. 31]. Другими словами, на Саратовщине было уничтожено в 6 раз больше помещичьих усадеб, чем в любой другой губернии Российской империи. По самым скромным подсчетам, местным землевладельцам был нанесен ущерб в 9,5 млн руб. [Там же]. Среди разгромленных помещичьих усадеб оказались имения князей Воронцовых-Дашковых, князей Салтыковых, А.Г. Романовского герцога

Лейхтенбергского, министра юстиции М.Г. Акимова, князей Щербатовых, родственников губернатора П.А. Столыпина а также известных деятелей земско-либерального движения (впоследствии членов Государственной Думы) кн. Н.Н. Львова и С.А. Унковского.

Крестьяне, собравшись толпой и подстрекаемые местными вожаками, жгли и громили помещичьи усадьбы, растаскивали домашнее имущество и захватывали продовольствие. Однако оценки этих выступлений были диаметрально противоположны. Так, например, лидер большевиков В.И. Ленин приветствовал этот, как он назвал, «размах политического творчества крестьянства» [5, с. 232]. В то время как современник этих событий, видный кадет и публицист В.П. Обнинский совсем по-иному, очень образно и точно определил суть происходившего: «Крестьяне разоряли вековые помещичьи гнезда с тою же ненужной жестокостью, с какою дети их разоряли весной птичьи» [7, с. 133]. Происходило почти повальное разграбление землевладельческих экономий крестьянами. Современник тех событий известный саратовский общественный деятель и юрист И.Я. Славин с нескрываемым огорчением констатировал: «Мирный сеятель и хранитель», вдруг, как по мановению злого волшебника, превратился в отчаянного и жестокого грабителя» [8, с. 308]. Причем громили и жгли бездумно и беспощадно. Так, в Зубриловке во время погрома на конном заводе кн. А.А. Голицына-Прозоровского крестьяне перерезывали жилы на ногах и вспарывали животы породистым лошадям. При разгроме винокурного завода Иконникова крестьяне, «выпустив из чанов и котлов спирт-сырец, припадали к потокам его, струившимся по грязной, унавоженной земле, и жадно пили спирт, смешанный с разными нечистотами. Некоторые из них, не отводя рта, без перерыва глотали это хмельное пойло, до тех пор, пока сами не приходили в бесчувственное и бессознательное состояние» [Там же], — сообщал Славин подробности крестьянского «революционного» выступления, опираясь на материалы предварительного следствия. Также из материалов судебного процесса он приводил сведения о том, что из нескольких десятков мужчин, женщин и даже детей, жадно поглощавших хмельную жижу, в итоге 13 человек погибло от отравления [Там же].

Как свидетельствовали современники «во многих случаях проявлялся дикий бессмысленный инстинкт разрушения, происходило беспощадное, бесцельное уничтожение имущества и предметов. Домашние библиотеки, архивы, рукописи, дневники и пр., собиравшиеся десятками лет целым рядом поколений, сжигались или разрывались в мелкие кусочки и пускались по ветру» [Там же], — вспоминал И.Я. Славин. Уничтожение крестьянами материальных объектов и свидетельств исторической памяти привело к невосполнимым, катастрофическим последствиям для научной деятельности и культурной жизни не только саратовского края и страны в целом. В предисловии к юбилейному изданию 1912 г. «Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г.» правитель дел Саратовской ученой архивной комиссии Н.Ф. Хованский с горечью констатировал: «К сожалению, в злосчастный 1905 год в Саратовской губернии погибли многие ценные документы, записки, воспоминания участников войны 1812 г.» [Там же].

Вот как выглядит хроника судебных разбирательств «погромных» дел, прошедших через уголовный департамент Саратовского окружного суда в конце 1905 года. Всего за один месяц было рассмотрено 8 дел о крестьянских беспорядках. Так, 25 октября 1905 г. перед Саратовским окружным судом предстали крестьяне деревни Николаевка Балашовского уезда Д.В. Кузнецов, М.Е. Ушаков и др. (всего 50 чел.), обвинявшихся в разгроме хутора землевладельца Дьякова. Через четыре дня — очередной процесс, на это раз, по делу крестьян сел Большая Ольшанка и Раковка Аткарского уезда К.И. Курякове, Я.С. Чеснокове и др., обвинявшихся в разгроме хутора землевладельца Нарышкина. В последующие два дня — еще два судебных процесса, рассматривавших дела крестьян села Романовка Балашовского уезда Н.П. Колесникова, Е.А. Толмачева и др., обвинявшихся в разгроме

казенных винных лавок, мельницы Волконского, и о группе крестьян сел Сокура и Оркино Саратовского уезда, разгромивших хутора помещицы С.Е. Бенкендорф-Гинденбург. Очередной «аграрный» процесс состоялся 6 ноября 1905 г. Было рассмотрено дело о крестьянах Малиновской волости Сердобского уезда П.В. Боронине, П.А. Ершове и др., обвинявшихся в разгроме имений землевладельцев Бок, Сусанова и др., а 14 ноября прошел процесс по аналогичному делу 28 крестьян из Вязового Врага и Юматовки Аткарского уезда, также обвинявшихся в разгроме имения землевладельца [3, л. 3].

Накал антипомещичьих выступлений достигал такого уровня, что они подчас превращались в открытые вооруженные столкновения крестьян с помещиками и властями. Об этом свидетельствует судебный процесс, начавшийся 16 ноября 1905 г., по делу жителей сел Голицыно, Ириновки и Тепловки Саратовского уезда А.В. Курко, У.Ф. Мясниковой и др. в количестве 125 человек, обвинявшихся в вооруженном восстании. Последним «аграрным» процессом уходящего 1905 года, состоявшимся 23 ноября, стал суд над крестьянами с. Крутца Сердобского уезда Е.П. Брыкове, Е.В. Толстенева и др., привлеченных к суду в разгроме казенной винной лавки [3, л. 4об].

Одним из типичных судебных процессов этого периода, наглядно иллюстрирующим характер и особенности крестьянских погромов в Саратовской губернии, может служить судебное разбирательство по, так называемому, «аграрному» делу И.Р. Гречкина, В.П. Передреева и др., обвинявшихся в разгроме и поджоге хуторов помещицы С.Е. Бенкендорф-Гинденбург в октябре 1905 г. Всего в этом погроме участвовало более 60 человек, но перед судом по итогам предварительного следствия предстало только 14 крестьян сел Сокура и Оркина. Начиная с 22 октября 1905 г. в течение трех дней в экономии баронессы Софьи Егоровны фон Бенкендорф-Гинденбург при селе Сокура крестьянами этого села были разграблены и сожжены хутора: Еленинский, Михайловский, Софьинский и Владимирский [3, л. 5]. С достоверной точностью определить сумму убытков и причиненного вреда от погрома в ходе следствия так и не удалось.

Разграбление подверглось все, что попало тогда «под руку» разбушевавшейся толпе крестьян: «шкура, юбка, брюки, подушки, куртка, железная кровать, лошадь, сапоги, графин, зонт, подпруга, чемодан, детская кровать, туфли, розовая кофта, матрац, зеркало, шубы, сундук, одеяло шерстяное...» [3, л. 25], — значит в материалах дела. Покончив с грабежом, крестьяне, как всегда в таких случаях, устроили победную «иллюминацию» — предали огню ненавистную барскую усадьбу. Как свидетельствуют материалы дела, в результате поджогов было «истреблено огнем в первой усадьбе, где проживал управляющий этой экономии Ф.Ф. Ровен, два каменных дома, крытые железом, кучерская изба, крытая тесом, конюшня деревянная, крытая тесом амбар деревянный, крытый тесом, баня деревянная, обложенная кирпичом, ледник каменный, сарай, флигель, кошары ...» [3, л. 27].

В ходе судебного разбирательства, наряду с установлением вины обвиняемых стоял вопрос и о возмещении материального ущерба, причиненного крестьянами при разгроме усадьбы — возврата похищенных вещей, вывезенного грабителями зерна, сена и т.п. Однако трудность возмещения убытков была вызвана тем, что стоимость собственного имущества у крестьян-погромщиков оценивалась весьма скромно. Так, например, волостное управление удостоверяло: «крестьяне с. Сокура А.Я. Андрюшин и П.Д. Кузьмин и крестьянин д. Афонасьевки А.А. Нефедов имеют: дома с надворными постройками стоящие 614 руб. <...> крестьяне с. Сокура А.И. Соколов и Г.Е. Иванченко имеют дома с надворными постройками стоящие 640 руб.» [3, л. 28об]. Эти обстоятельства суду, безусловно, приходилось учитывать при вынесении приговора и назначении компенсации за нанесенный материальный ущерб.

Еще одним характерным судебным процессом, иллюстрирующим все перипетии природы крестьянского бунта, может служить рассмотрение дела на заседании Саратовской

Судебной палаты 28 августа 1906 года по обвинению крестьян К. Сусликова и других в количестве 106 человек в разгроме имений потомственного почетного гражданина Ивана Шмидта, мещанина Степана Белоногова, дворян — Крымских, Николая Воскобойникова, Александра Минха, Наталии Минх, Надежды Пашканг при селе Колено Аткарского уезда [3, л. 2]. В ходе следствия было установлено, что 29 и 30 октября 1905 г. в селе Колене Аткарского уезда крестьянами были частью разграблены, частью сожжены усадьбы местных землевладельцев — Крымских, Н. Воскобойникова, А.Н. Минха, Н. Минх, Н. Пашканг, И. Шмидта и С. Белоногова. Погром начался с усадьбы Воскобойникова. 29 октября 1905 г., в обеденное время, толпа крестьян явилась в эту усадьбу и, ворвавшись в дом, частью расхитила, частью уничтожила все находившееся в доме имущество. По словам Воскобойникова ему был причинен ущерб на сумму 2274 р. 50 коп. Однако усадебные хозяйственные постройки в ходе разграбления остались не тронутыми. Свидетели этого происшествия — И. Давыдов, В. Жандармов, В. Куварденкова, Н. Шеняев, А. Субботина, Я. Линева, И. Клещева, Е. Попова, Е. Курылева на суде подтвердили, что в этом разбойном скопище принимали участие 40 человек, указав всех их фамилии [3, л. 2об].

Но на этом толпа громил не успокоилась. После погрома дома Воскобойникова возбужденная толпа крестьян направилась к усадьбе Шмидта, которая в этот же день была разграблена и сожжена, причем были расхищены большие запасы зернового хлеба. Крестьянин А. Зайцев, управляющий имением Шмидта, заявил на суде, что убытки его доверителя составляют около 150 000 руб. Со слов свидетелей В. Жандармова, Ф. Земскова и Т. Ожогина были установлены личности всех погромщиков и грабителей усадьбы Шмидта. Свидетели также сообщили и подробности совершенного преступления. В ходе погрома крестьянин В. Соколов поджег помещение людской. Затем он же вместе с Д. Борисовым, К. Сусликовым и Н. Концуровым поджег конюшню, где находились породистые заводские лошади, а крестьяне Д. Воробьев, братья Лямины и Панькины подожгли дом Шмидта, предварительно облив пол в комнатах керосином. Закончились крестьянские беспорядки 29 октября 1905 г. разгромом усадьбы мещанина С. Белоногова. В эту усадьбу громилы явились уже под вечер, Белоногов со своей женой успел укрыться у соседей. Буйствовавшая толпа расхитила мебель и другое имущество. На гумне Белоногова были сожжены корма, а также разграблены амбары, в которых хранилось значительное количество разного зернового хлеба, который погромщики развозили по своим домам в течение двух дней [3, л. 13].

С утра 30 октября 1905 г. крестьянские беспорядки вспыхнули с новой силой. В первую очередь налет был совершен на усадьбу дворянина Минха, где сначала был разгромлен и сожжен дом хозяина — известного российского историка, краеведа, этнографа, археолога, члена Императорского Русского географического общества Александра Николаевича Минха. Одной из особенностей этого погрома явилось то, что циничные и бессовестные крестьяне-громилы напали на дом участника Крымской войны, выдающегося ученого, который будучи мировым посредником при разделе земли всегда отстаивал интересы крестьян, из-за чего нередко вступал в острые конфликты даже со своими родственниками [4]. Вторая особенность заключается в том, что в одной половине этого дома помещалась казенное учреждение — канцелярия и квартира земского начальника 8 участка Аткарского уезда Александра Иванова, а в другой половине проживал арендатор Минха — крестьянин(!) Андрей Горелов.

Печальная хроника этого погрома такова. 30 октября в девять часов утра на дом Минха напала большая группа крестьян, среди которых были даже женщины и дети. Письмоводитель земского начальника И.Я. Лапшин сообщил суду важные подробности произошедшего. Очень скоро толпа погромщиков выросла до 100 человек, и в этот момент к ней присоединились Артемьев и Кассандров. Выломав дверь, громилы ворвались в дом,

где все стали ломать и разбивать кольями и камнями. Взрослые ломали и выбрасывали имущество, а женщины и дети подбирали все что им приглянулось и уносили домой. Свидетель обратил внимание суда на то, что все делопроизводство и книги земского начальника погибли, сохранился только архив до 1904 г., т.к. находился в волостном правлении, еще часть бумаг была найдена на гумне [3, л. 88.]. В итоге буйствовавшая толпа уничтожила и расхитила все, находившееся в доме имущество, а также дела и бумаги канцелярии Земского начальника. Финальным аккордом погрома, как это уже стало вандальной традицией, был поджог дом Минха. С этой целью погромщики, как выяснилось, всегда носили с собой бутылки с керосином. В результате погрома этой усадьбы действиями толпы был причинен значительный ущерб: Минху — около 5000 руб., Иванову — около 8000 руб. и Горелову — около 1400 руб. [3, л. 88об] Свидетельскими показаниями А. Горелова, Ф. Садовникова, И. Лапшина и Д. Торопова были установлены личности всех участников скопища, учинивших погром. Таковых в итоге оказалось 37 человек. Пострадавший от преступных действий представителей своего же сословия крестьянин Горелов в точности рассказал кто и каким образом совершил поджог дома Минха. Им оказался местный крестьянин Дмитрий Пруцков, который сложил в столовой Земского начальника кучу бумаг и зажег их. Этот же «революционный» пироман два раза поджигал сарай на усадьбе Минха, но это строение, как ни странно, уцелело [3, л. 89.]. Свидетель Лапшин также уточнил, что крестьяне объясняли свои особо неприязненные действия по отношению именно к этой усадьбе тем, что «не столько хотели отомстить земскому начальнику, сколько Минху за то, что их отцов и дедов пороли» [Там же]. Кроме того, в пьяной толпе звучали призывы разгромить еще волостное правление, винную лавку и даже церковь [3, л. 89об], но до этого дело не дошло.

Вскоре после разгрома дома ветерана войны и ученого крестьянами была разгромлена и сожжена усадьба дворянки Н. Пашканг, убытки которой от этого погрома составили около 8000 руб. По показанию свидетелей Н. Люкшина и К. Жигилева, в скопище, которое разгромило усадьбу Пашканг, участвовали 19 человек. (3, л. 84об.) Однако, как выяснилось, это были самые активные участники бесчинств, в то время как, по свидетельству приказчика имения Пашканг, к дому подошла толпа человек в 150, которые начали все громить, переломали всю мебель и расхитили все имущество. Свидетель уточнял, что у грабителей было несколько ломов, которыми разбивали шкафы и другие предметы. Разломали двери, окна, печи. Сожгли дом. Было в их числе много женщин. Впереди толпы шли мальчишки, которые били окна камнями и помогали тащить имущество. Главным руководителем разгрома и поджога, по мнению свидетеля, был Дмитрий Котенков, однако в 10 саженях от дома стояли студенты Кассандров и Артемьев и подстрекали толпу, приказывая все жечь. Подожжены были дом и 2 амбара, но от них пламя перекинулось и на другие постройки. Свидетели также назвали и имена поджигателей дома и хозяйственных построек в усадьбе Пашканг. Ими оказались Д. Котенков, П. Сусликов, Д. Воробьев, а также братья Денис и Степан Борисовы. В ходе судебного следствия удалось также установить и личность еще одного подстрекателя — Назара Панькина, который подзадоривал толпу совершить поджог построек Пашканг и для этой цели приказывал бросать в амбары зажженную паклю. Свидетель сообщил еще одну важную деталь погрома. По его словам, грабители находились в состоянии сильного алкогольного опьянения, и кричали, что они «отказались от жен и детей, пошли все грабить и жечь, т.к им теперь все равно, что будет» [3, л. 84об]. Такое странное поведение, очевидно, чем-то объяснялось. После погрома сами участники говорили, что им словно что-то подлили в вино, в результате чего они «стали ошеломленными и шли на все» [3, л. 92об]

Покончив с усадьбой Пашканг, толпа переметнулась в имение наследников дворян Крымских, которое также беспощадно разгромили и сожгли дотла [3, л. 85]. В результате

погрома владельцам усадьбы Крымских, по заявлению одной из наследниц — Екатерины Грюнер, был нанесен материальный ущерб в сумме 15000 руб. По словам свидетеля обвинения — приказчика Крымских К.М. Жигилева, в разгроме усадьбы принимали участие более 20 человек, среди которых особенно усердствовали уже знакомые «революционные» персонажи — братья Панькины, Д. Воробьев, братья Лямины, П. Сусликов, В. Соколов, братья Борисовы и Д. Котенков.

Свидетель К. Жигилев рассказал на суде, что когда громилы подошли к усадьбе Крымских, то Кассандров и Артемьев жестами подали сигнал толпе, и та ринулась на разгром усадьбы. По свидетельству Жигилева, он на коленях умолял громил пощадить усадьбу Крымских, говоря, что владельцы люди бедные, но Степан Карасев, в ответ на эти слова схватил пожилого человека за грудь и начал его трясти, а Илья Жигилев, угрожая свидетелю ножом сказал: «Вот тебе, старый черт!». На просьбы К. Жигилева оставить в целости хотя бы кухню, где он жил со своей престарелой женой, Карасев откровенно и нагло ответил старику: «Мы подписались все жечь!» [3, л. 86]. Последняя фраза погромщика явно указывала на заказной, подстрекательский характер их действий. Именно этот вопрос, в числе многих других, и предстояло выяснить в ходе судебного разбирательства. Приказчик Жигилев на суде высказал также недоумение по поводу разгрома усадьбы Крымских, сославшись на то, что у них всего 20 десятин и всю землю они сдавали в аренду крестьянам по весьма приемлемой цене — 6 рублей за десятину. Никаких имущественных конфликтов с крестьянами у владельцев усадьбы не было, и приказчик не понимал, за что разгромили Крымских. Правда, здесь же он высказал, как оказалось, весьма верное предположение. По его словам, цель у них была одна — разгромить усадьбы помещиков, а затем завладеть их землей.

Идеология, цели и настрой крестьян-погромщиков отчетливо видны на примере разгрома имения помещика Роговского в Валковском уезде Харьковской губернии в 1902 г. Тогда крестьяне так объясняли свои действия, обращаясь к жертве своих притязаний: «Мы сами нашли свое право; ты сегодня хозяин своего дома, а завтра мы им будем распоряжаться, через неделю разделимся твоей землей, которая будет наша, а не твоя, тебя прогоним, оставим тебе только сад с землей» [1, с. 54]. Логика и мотивация крестьянского погрома примитивна и прямолинейна. Беспощадно уничтожая огнем дом и хозяйственные постройки владельца усадьбы, погромщики наивно полагали, что хозяин после этого никогда не сможет вернуться в свое «дворянское гнездо», а они — крестьяне, таким образом, «разделимся твоей землей». Действительно, бывали случаи, когда погорелец-помещик не возвращался в свою усадьбу на пепелище, как это произошло, например, в случае с А.Н. Минхом [4], однако право собственности на землю за владельцами по закону, конечно, сохранялось, а крестьяне-погромщики привлекались за свои преступные действия к уголовной ответственности и вынуждены были возмещать материальный ущерб пострадавшим.

Последней в этот роковой день — 30 октября 1905 г. была разгромлена и частично сожжена усадьба Наталии Минх. Как следует из материалов следствия, в огне были уничтожены: дом, кузница, баня, ледник и сарай. В результате владельце был нанесен материальный ущерб на сумму 9000 руб. По словам арендатора мельницы в усадьбе Минх крестьянина Николая Макаркина и мельника Ильи Москова, наибольшим буйством в толпе громил выделялись уже известные по предыдущим погромам И. Жигилев, Д. Воробьев и Д. Борисов [3, л. 87]. Свидетель Макаркин сообщил в суде очень важные подробности, проясняющие механизм организации беспорядков. По его словам, когда он попросил погромщиков пощадить арендуемую им у Наталии Минх мельницу, то громилы велели ему обратиться с этой просьбой к Кассандрову, как к главному руководителю этой акции, пояснив: «воля его, если пожелает, не будем жечь» [Там же].

В ходе следствия и судебного разбирательства выяснились весьма важные для понимания механизма погромов обстоятельства. Как стало известно, в большинстве эпизодов во время погрома усадеб в толпе громил неизменно присутствовали сын местного священника, студент Юрьевского университета Петр Кассандров, а также сын одного из местных торговцев, ученик московского строительного училища Владимир Артемьев [3, л. 82]. Судя по всему, Кассандров и Артемьев, не принимая личного участия ни в каких насильственных противоправных действиях, в то же время, явно руководили действиями буйствовавшей толпы. Этот вывод был сделан на основании многочисленных свидетельских показаний. Так, например, по словам свидетеля Люкшина при разгроме усадьбы Пашканг, Кассандров и Артемьев отдавали приказания жечь хозяйственные постройки и, в этих целях, указывали погромщикам бросать в амбары зажженную паклю. Свидетель также сообщил о том, что при разгроме дома А.Н. Минха, несколько громил, подойдя к Кассандрову и Артемьеву, о чем-то с ними посоветовались, а вскоре после этого в доме начался пожар [3, л. 89].

Свидетель Павел Семеновский, показал, что после происшедших в селе Колене 29–30 октября погромов, крестьяне, обсуждая с ним вопрос об участии в этих событиях Кассандрова, резюмировали: «если бы не этот черт, ничего бы не было» [3, л. 90]. Однако на суде и Артемьев, и Кассандров утверждали, что они не только не подстрекали крестьян к погромам, но, напротив, старались удержать их от насильственных действий, в особенности по отношению к лавкам торгующих в селе Колене купцов. Между тем другие обвиняемые о действиях Артемьева и Кассандрова показывали иное. Так, по словам Алексея Володи-на утром 30 октября 1905 г. перед началом погромов Кассандров убеждал его: «Что ты не принимаешь участия в грабежах, разве ты не знаешь, что мы вчера постановили?» [Там же]. Еще один подсудимый Григорий Морозов показал, что 29 октября на сходке крестьян в доме Осипа Крякова, на которой присутствовали также Артемьев и Кассандров, последний обратился к собравшимся с такой речью: «Зачем теряете дорогое время? Идите-ка господ разграбляйте имения, берите хлеб, а только не трогайте купцов и торговых людей, так как они тоже наживают горбом деньги. Если сейчас не будете грабить, то не получите земли. Я иду вперед, идите за мной!» [Там же]. Выступивший затем Артемьев также призывал крестьян к погромам: Павел Сусликов объяснил, что Кассандров и Артемьев «смутили» их, крестьян, идти громить помещиков, но при этом подстрекали убеждали их не трогать купцов, так как последние, будто бы, дали крестьянам села Колена много денег [Там же]. Наконец, по словам еще одного обвиняемого Рыхловского, Кассандров на сходке у Крякова говорил, что крестьяне могут добиться земли только путем грабежа помещиков, однако купцов не следует грабить, т.к. последние своим трудом наживали капитал [Там же].

Свидетель Иван Махров также сообщил, что накануне погромов на сходке 20 октября 1905 г. пьяные крестьяне задали Петру Кассандрову: «а что будет тем, кто жег помещиков?». На что тот ответил, ссылаясь в качестве примера на наказания харьковским и полтавским крестьянам, которым они подверглись по приговору суда за разгромы экономий в 1902 г. [3, л. 40] Практика показывала, что в большинстве случаев обвиняемые за участие в крестьянских беспорядках в Харьковской и Полтавской губерниях, как правило, приговаривались судом к отправке в арестантские роты сроком на 1 год [1, л. 56].

В своих свидетельских показаниях купец Василий Балаев сообщил, что накануне погромов он и другие местные купцы обсуждали, как сохранить лавки, дома свои от разгрома бунтовщиков. На тот момент уже всем было известно о предстоящем бунте в с. Колена. Некоторые предлагали послать за казаками, но понимали, что время уже упущено. В конце концов решили убеждать бунтующих успокоиться и не бунтовать. Особенно просили Петра Кассандрова и Вл. Артемьева уговорить бунтовщиков не жечь монополию, и не громить лавки и дома. При этом они говорили, что желательно бы, чтобы вина было выпить бунтовщиками как можно меньше, для чего надо бы как будто нечаянно бить посуду с ви-

ном. [3, л. 40]. Примерно через час, как показал в ходе судебного следствия купец Павел Артемьев, Петр Кассандров и Влад Артемьев пришли к нему и сообщили, что они уговорили крестьян и лавки трогать не будут, также, как и все село Колено. Очевидно, просьба купцов возымела действие на предводителей крестьян. Свидетель Федор Махров утверждал, что видел, как Петр Кассандров останавливал пьяных бунтовщиков, всячески убеждая их не жечь дом купца Балаева и не громить монополию, чего ему и удалось достичь. Купец Артемьев также заявил на суде: «Я вполне уверен, что лавки, монополия и Колено сгорели бы если бы не уговаривали толпу Петр Кассандров, псаломщик Жуков и мой сын Вл. Артемьев» [3, л. 40], ссылаясь на то, что к нему в лавку за эти дни несколько раз вламывались пьяные погромщики требуя денег на полведра водки, а также ткани примерно на 500 рублей каждому бунтовщику [Там же].

Прекратить массовые беспорядки в с. Колено и погромы усадеб удалось только вечером 30 октября 1905 г. с прибытием отряда из полусотни казаков под командованием А.В. Борщевского [3, л. 76.]. При этом следует отметить, что местные крестьяне, не поддерживавшие противоправные действия смутьянов, узнав о прибытии казаков, попытались самостоятельно справиться с бунтовщиками. Драка завязалась около чайной Горелова. В результате потасовки очень серьезно пострадало несколько погромщиков. Некоторых из них — Дениса Борисова, Федора Киреева и др. — даже отправили в больницу. В этот день было арестовано 17 человек, участвовавших в погромах. На другой день в волость доставили еще 23 правонарушителя, причем, некоторые пришли сами, боясь самосуда со стороны односельчан. Все 40 задержанных признались, что участвовали в буйствовавшей толпе, но назвать свои конкретные действия затруднялись, ссылаясь на то, что были пьяны. Тем временем, одни из главных зачинщиков беспорядков «пламенные революционеры» П.Г. Кассандров и В.П. Артемьев трусливо спрятались на колокольне, вокруг которой собрались огромная толпа — примерно 500 человек. Возбужденные сельчане, шокированные драматическими событиями последних дней, обвиняли их в «агитации и предводительствовании» в ходе погромов. Борщевский приказал арестовать Кассандрова и Артемьева, а также подозреваемых в подстрекательстве к беспорядкам учителей земской школы И.П. Наказаченко и А. Кисиянского [3, л. 76.].

Предварительное следствие по делу о крестьянских погромах в с. Колено Саратовской губернии в октябре 1905 г. длилось несколько месяцев и 22 июля 1906 г. Товарищ Прокурор Саратовского окружного суда Федусенко представил суду обвинительный акт. В списке подлежащих вызову в судебное заседание значились фамилии 106 обвиняемых и 22 свидетелей. При производстве предварительного следствия было установлено, что в расхищении зерна из экономии Шмидт и из амбаров Белоногова принимали участие 53 крестьянина. 37 человек признали себя виновными в том, что во время погрома развозили хлеб из экономии Шмидта. 10 человек признали себя виновными в том, что во время погрома развозили хлеб из амбаров Белоногова. В то же время несколько обвиняемых — К. Сусликов, П. Сусликов, Т. Лямин, П. Лямин, Н. Давыдов, А. Панькин, Н. Панькин виновными себя в приписываемых им преступным деяниям не признали [Л.3]. Однако они, помимо этого, обвинялись еще и в том, во время разгрома усадьбы Шмидта подожгли постройки, т.е. в деянии, предусмотренном 1609 ст. Улож. о Наказ. Как следовало из материалов обвинительного акта большинство участников погрома обвинялись в том, что 29 и 30 октября 1905 г. в селе Колене Аткарского уезда Саратовской губернии «приняли участие в публичном скопище, учинившего соединенными силами расхищение и уничтожение имущества» землевладельцев дворян Крымских, Н. Воскобойникова, А.Н. Минха, Н. Минх, Н. Пашканг, И. Шмидта и С. Белоногова «вследствие побуждения, проистекших из экономических отношений», т.е. в деянии, предусмотренном 1 ч. 269 ст. Улож. о Наказ. [3, л. 6].

Наряду с этим прокурором было предъявлено обвинение организаторам и подстрекателям погромов. Так, Назар Панькин обвинялся в том, что руководил действиями скопища,

разгромившего усадьбу Пашканг, т.е. в деянии, предусмотренном 2 ч. 269 ст. Улож. о Наказ. Купеческий сын В.П. Артемьев и сын священника П.Г. Кассандров, обвинялись в том, что «руководили действиями публичного скопища крестьян, учинившего соединенными силами расхищение и уничтожение имущества местных землевладельцев», т.е. в деянии, также предусмотренном 2 ч. 269 ст. Улож. о Наказ. [3, л. 8].

В то же время, несмотря на привлечение к суду участников погромов, стихия массовых беспорядков в Саратовском Поволжье не пошла на убыль. Как раз наоборот: в выступлениях подобного рода явно прослеживается рецидив. Так, например, имение баронессы Бенкендорфф-Гинденбург, как и некоторые другие усадьбы, еще раз подверглось нападению крестьян в 1906 г. Саратовскому окружному суду в 1906–1907 гг. пришлось рассмотреть еще сотни дел по данному виду преступлений.

ВЫВОДЫ. Проведенный анализ особенностей и характера крестьянских погромов в Саратовской губернии в 1905 г. по материалам судебных процессов позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, характерной особенностью крестьянских выступлений в Саратовской губернии в этот период являлся их широкий размах (31,3% от общего числа аграрных погромов в Европейской части России), большое количество участников беспорядков в каждом отдельном эпизоде (от нескольких десятков до сотен крестьян), а также разнообразный по возрасту и гендерному признаку состав участников погромов.

Во-вторых, крестьянские погромы имели ярко выраженный аграрный характер, так как основной и главной целью бунтовщиков был захват частновладельческих земель.

В-третьих, в ходе следствия и судебного разбирательства был выявлен подстрекательский характер организации погромов, наличие в каждом отдельном случае вожakov и провокаторов. Решения о разгроме частновладельческих усадеб принимались на крестьянских сходках, на которых и определялись вожак предстоящей преступной акции. Подстрекателями и организаторами погромов, как правило, были представители радикальных партий — эсеров и социал-демократов.

В-четвертых, погромы, сопровождавшиеся популярными лозунгами о справедливом распределении земли и равенстве, носили, на самом деле, псевдореволюционный, ярко выраженный общеуголовный характер.

В-пятых, характерным признаком рассмотренных крестьянских погромов является высокая степень агрессии, беспощадность и бессмысленная жестокость. Во время погромов крестьяне, как правило, находились в состоянии сильного алкогольного опьянения, и с обреченной отчаянностью «пошли все грабить и жечь, т.к. им теперь все равно, что будет» [3, л. 84 об].

В-шестых, в ряде случаев, при разгроме частновладельческих усадеб, проявлялись признаки мести, объясняемые погромщиками застарелыми обидами на предков владельцев имения «за то, что их отцов и дедов пороли» [3, л. 88.].

В-седьмых, крестьянские беспорядки 1905 г., несмотря на противодействие со стороны правоохранительных органов и привлечение к суду участников погромов, имели рецидивный характер и продолжались в течение последующих лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варфоломеев Ю.В. «Серебряный век» русской адвокатуры: монография: в 4 ч. / Ю.В. Варфоломеев; Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2015. Ч. 2: «Молодая адвокатура» на политических процессах в России (конец XIX — начало XX века). 2015. 413 с.
2. Государственная дума. Стенографические отчеты / Гос. дума. 1906 г. Сессия 1-я. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1906. 316 с.

3. Государственный архив Саратовской области (далее — ГАСО). Ф. 409. Оп. 2. Д. 203.
4. История Татищевского района Саратовской области. Режим доступа: URL: <http://tatiskray.ru/minx/> (дата обращения: 11.04.2022)
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма— ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. Москва: Госполитиздат, 1958–1965. Т. 12, 1960. 515 с.
6. Мишин Г.А. Из прошлого Саратовской губернии / Геннадий Мишин. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 2002. 190 с.
7. Обнинский В.П. Последний самодержец. Очерк жизни царствования императора России Николая II. М.: Республика, 1992. 288 с.
8. Славин И.Я. «Минувшее — пережитое. Воспоминания» Саратов: КнигоГрад, 2013. 404 с.
9. Шульгин В.В. Что нам в них не нравится...: Об антисемитизме в России. 2-е изд., репр. Москва: Из глубин, 1992. 330 с.
10. Mixer T.R. Peasant collective Action in Saratov Province 1902–1906 /Politics and Society in Provincial Russia: Saratov 1590–1917 / edited by Rex A. Wade and Scott J. Seregny, Columbus. 1989. 468 p.

REFERENCES

1. Varfolomeev Yu.V. «Serebryany`j vek» *russskoj advokatury`* [The "Silver Age" of Russian advocacy]: monografiya: v 4 ch. / Yu. V. Varfolomeev; Saratovskij gos. un-t im. N.G. Cherny`shevskogo. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2015. Ch. 2: «Molodaya advokatura» na politicheskix processax v Rossii (konecz XIX — nachalo XX veka). 2015. 413 s. (In Russian).
2. Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskie otchety` [The State Duma. Verbatim reports] / Gos. дума. 1906 g. Sessiya 1-ya. Sankt-Peterburg: Gos. tip., 1906. 316 s. (In Russian)
3. Gosudarstvenny`j arxiv Saratovskoj oblasti (dalee — GASO) [The State Archive of the Saratov region (hereinafter — GASO)]. F. 409. Op. 2. D. 203. (In Russian).
4. Istoriya Tatishhevskogo rajona Saratovskoj oblasti [Istory of the Tatishchevsky district of the Saratov region]. URL: <http://tatiskray.ru/minx/> (data obrashheniya: 11.04.2022) (In Russian).
5. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij* [The Complete Works] / In-t marksizma— leninizma pri CzK KPSS. 5-e izd. Moskva: Gospolitizdat, 1958–1965. T. 12, 1960. 515 s. (In Russian).
6. Mishin G.A. *Iz proshlogo Saratovskoj gubernii* [From the past of Saratov province] / Gennadij Mishin. Saratov: Privolzh. kn. izd-vo, 2002. 190 s. (In Russian).
7. Obninskij V.P. *Poslednij samoderzhecz. Oчерk zhizni czarstvovaniya imperatora Rossii Nikolaya II.* [The last autocrat. An essay on the life of the reign of Emperor Nicholas II of Russia.] М.: Respublika, 1992. 288 s. (In Russian).
8. Slavin I. Ya. «Minuvshee — perezhitoe. Vospominaniya» [«The past is experienced. Memories»] Saratov: KnigoGrad, 2013. 404 s. (In Russian).
9. Shul`gin V.V. *Chto nam v nix ne nraivitsya...: Ob antisemitizme v Rossii.* [What we don't like about them...: About anti-Semitism in Russia]. 2-e izd., repr. Moskva: Iz glubin, 1992. 330 s. (In Russian).
10. Mixer T.R. *Peasant collective Action in Saratov Province 1902–1906 /Politics and Society in Provincial Russia: Saratov 1590–1917* / edited by Rex A. Wade and Scott J. Seregny, Columbus. 1989. 468 p. (In English).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.028

УДК 94(571.1).081"19"

ББК 63.3(253)531-442

О.В. ИЩЕНКО

**К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ БАРНАУЛЬСКОЙ
ГРУППЫ УЧАЩИХСЯ (1908 Г.)**

O.V. ISHCENKO

**ON THE QUESTION OF THE POLITICAL
AFFILIATION OF THE BARNAUL GROUP
OF PUPILS (1908)**

Статья посвящена изучению деятельности Барнаульской группы учащихся как типичной нелегальной ученической организации Сибири начала XX в. и определению ее политической принадлежности с точки зрения официальных властей и самих участников событий. Основой для проведения исследования стали официальные документы правоохранительных органов и администрации учебного округа, источники личного происхождения (воспоминания участников событий), материалы, исходящие от самих учащихся, публикации в периодической печати. Рассмотрение деятельности Барнаульской группы учащихся осуществлялось в рамках системного подхода с применением проблемно-хронологического метода. В результате исследования был сделан вывод о том, что БГУ стремилась объединить широкие слои учащихся независимо от их политической принадлежности, не причисляя себя при этом ни к одной из революционных партий, но испытывая на себе влияние их идей.

The article is devoted to the study of the activities of the Barnaul group of pupils as a typical illegal pupils organization in Siberia of the early XX century and the determination of its political affiliation from the point of view of the official authorities and the participants of the events themselves. The basis for the study were the official documents of law enforcement agencies and the administration of the school district, sources of personal origin (memories of participants in the events), materials coming from the pupils themselves, publications in the periodical press. Consideration of the activities of the Barnaul group of pupils was carried out within the framework of a systematic approach using the problem-chronological method. As a result of the study, it was concluded that BGU sought to unite broad strata of pupils regardless of their political affiliation, while not identifying itself with any of the revolutionary parties, but experiencing the influence of their ideas.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: воспитанники учебных заведений, Сибирь, Барнаульская группа учащихся, ученическое движение, политические партии, правоохранительные органы, источники.

KEY WORDS: pupils of educational institutions, Siberia, Barnaul group of pupils, pupil's movement, political parties, law enforcement agencies, historical sources.

ВВЕДЕНИЕ. Вопросы участия молодежи в общественно-политической жизни Сибири в начале XX в. давно привлекают к себе внимание исследователей. В сочинениях советского и постсоветского периодов утвердилось мнение о том, что на фоне резкого сокращения числа забастовок рабочих и волнений крестьян края после завершения революции 1905–1907 гг. именно кружковая деятельность воспитанников средних и низших учебных заведений стала показателем сохранения общественно-политической активности масс. Во многих

городах региона кружки учащихся в период реакции являлись основным объектом деятельности организаций социалистических партий и источником пополнения их рядов. Однако практически все подобные организации были немногочисленными и имели небольшой срок существования, поскольку их деятельность довольно быстро пресекалась правоохранительными органами в силу фактического запрета любых форм самоорганизации учащихся [4, с. 103]. Конспиративный характер деятельности кружков ограничивал появление сведений о них в открытых источниках. На этом фоне значительный общественный резонанс получило ставшее широко известным в Сибири после публикаций в периодической печати дело т.н. «Барнаульской группы учащихся» (БГУ), находившейся, по мнению исследователей, под влиянием партии социалистов-революционеров, за что часть членов группы была арестована и понесла наказание [4, с. 107; 20, с. 91].

Вместе с тем анализ научной литературы показывает, что до сих пор остается не вполне понятной деятельность Барнаульской группы учащихся, была ли она действительно связана с нелегальными партийными организациями и за что на самом деле были наказаны учащиеся.

В этой связи **ЦЕЛЬЮ** настоящего исследования является выявление реальных характеристик деятельности Барнаульской группы учащихся как типичной нелегальной ученической организации Сибири начала XX в. и анализ определения ее политической принадлежности с точки зрения правоохранительных органов, учебной администрации и самих участников событий.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Достижение поставленной цели представляется возможным только при сопоставлении сведений, извлеченных из различных источников: документов правоохранительных органов, распоряжений попечителя Западно-Сибирского учебного округа, протоколов заседаний педагогических советов учебных заведений, материалов, исходящих от самих учащихся (программных документов организации, листовок и пр.), воспоминаний участников событий, публикаций в периодической печати.

Методологической основой исследования стал системный подход, предполагающий рассмотрение деятельности Барнаульской группы учащихся в контексте общественно-политического движения Сибири послереволюционного периода. Применение проблемно-хронологического метода позволило расположить в хронологическом порядке имеющийся объем информации о деятельности группы, определив тем самым динамику взглядов на оценку ее политической принадлежности со стороны общественности, учебного начальства и правоохранительных органов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Учащаяся молодежь России начала XX в. была существенно ограничена в политических правах, включая право на свободу слова и свободу собраний. Фактический запрет на создание любых объединений воспитанников средних и низших учебных заведений приводил к тому, что стремление молодежи к самоорганизации выливалось в создание нелегальных групп, которые подлежали немедленной ликвидации, а их участники, как минимум, исключению из учебных заведений [4, с. 103]. Однако наличие общих проблем и стремление к отстаиванию своих прав способствовало активной кружковой деятельности учащихся Сибири и в период революции 1905–1907 гг., и в послереволюционный период. Нередко эти кружки создавались сторонниками идей социалистических партий или испытывали на себе их влияние [11, с. 48].

Одним из городов края, где даже в период послереволюционной реакции оставались довольно сильными позиции эсеров и социал-демократов, был г. Барнаул. Согласно сохранившимся воспоминаниям участников событий, именно представителями этих партий был создан целый ряд ученических кружков [2; 5; 6], поэтому возникновение здесь довольно крупной объединенной организации учащихся не было случайностью.

Первые сведения о наличии в Барнауле многочисленного кружка учащейся молодежи появились в феврале 1908 г., когда помощник начальника Томского губернского жандарм-

ского управления в Барнауле сообщил руководству местных учебных заведений, что среди учащихся обнаружено «преступное сообщество “Барнаульский товарищеский кружок”», который «ставит своей целью устройство ученических собраний для чтения рефератов, организацию особенной библиотеки и издание ученического журнала». При этом, по мнению сотрудника управления, во всех направлениях работы кружка «обнаружилась его революционная окраска», близкая к социал-демократам [8, л. 49].

Полученная информация была настолько неожиданной, что немедленно нашла свое отражение на страницах сибирской печати. При этом известная томская газета «Сибирская жизнь», описывая проведенное 17 февраля 1908 г. общее собрание родителей в женской гимназии М.Ф. Будкевич по вопросу о деятельности в ученической среде «Барнаульского товарищеского кружка», утверждала, что ни родительский комитет, ни совет гимназии ничего не знали о его существовании [18].

В журнале «Сибирские вопросы» был назван конкретный источник появившейся информации — местный жандармский штаб-офицер Сосиенков, который вызвал к себе начальниц обеих женских гимназий Барнаула и сделал им замечание по поводу слабого надзора за учащимися, поскольку гимназистки, возможно, входят в обнаруженное в городе тайное общество «Барнаульский товарищеский кружок». В это же время в городе был пущен слух, будто бы в Барнауле существует состоящее из реалистов и гимназисток безнравственное общество «Огарки» или «Лови момент». На собрании родителей в частной женской гимназии Будкевич 17 февраля 1908 г. им было сказано, что «г. жандармский подполковник желает, чтобы родители постарались разузнать у своих детей о «товарищеском кружке» и тем спасти их, а то они попадут в руки закона и там погибнут» [19, с. 32–34].

Таким образом, первые сведения о наличии среди учащихся Барнаула некоего тайного общества были озвучены устно и не имели никакого документального подтверждения, однако попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев уже 27 февраля 1908 г. с чувством «глубокого негодования и величайшего изумления» писал директору Барнаульского реального училища: «Что может быть ужаснее и отвратительнее в жизни учебного заведения, как возникновение среди учащихся разных подпольных кружков, преследующих преступные и безнравственные цели!» Для всех членов кружка попечитель требовал «высшей меры наказания», но поскольку эти члены еще не были выявлены, руководство учебных заведений обязывалось немедленно составить списки тех учеников, которые могли бы входить в преступное сообщество [8, л. 50–51].

В ответ на запрос попечителя педагогический совет Барнаульского реального училища в начале марта 1908 г. предоставил запрашиваемый список, а педсовет Барнаульской женской гимназии М.Ф. Будкевич предпочел дать характеристику всех учениц старших классов, не выделяя из них возможных участниц кружка [8, л. 52–53].

Однако даже в апреле 1908 г., по сообщению директора Барнаульского реального училища, никто из учащихся «по делу о преступном сообществе» не вызывался, а из частного разговора с товарищем прокурора было выяснено, что к ответственности будет привлечен только бывший ученик 8 класса реального училища Григорий Хасин. Принадлежность других учащихся к кружку дознанием установлена не была [8, л. 55]. Анализ протоколов заседаний педагогических советов показывает, что вопрос о деятельности «Барнаульской группы учащихся» на заседаниях в женской гимназии и реальном училище в 1908 г. не обсуждался [12; 14; 15].

Следовательно, до сих пор оставалось непонятным — существует ли на деле ставший широко известным Барнаульский кружок учащихся? Сложившаяся ситуация требовала дополнительного разбирательства. Попечитель Л.И. Лаврентьев запросил сведения у директора Барнаульского реального училища Антонова, и тот сообщил, что еще 26 января 1908 г. к нему явился жандармский полковник Сосиенков с просьбой отпустить учащихся на бал-маскарад, устроенный в пользу благотворительного общества, где он был одним из распорядителей.

Директор категорически отказался, ссылаясь на инструкции. Тогда Сосионков сказал «с оттенком угрозы», что если директор так точно исполняет приказы, то и он будет делать то же самое [8, л. 85–86].

2 февраля 1908 г. был проведен обыск у учеников Хасина, Шульгина и Рыбникова. По слухам, документы, найденные у Хасина, свидетельствовали о его принадлежности к преступной организации, в которую входили воспитанники реального училища, казенной и частной женских гимназий. Еще у одного ученика был найден личный дневник с записями неприличного содержания. Больше никаких документов найдено не было, но по городу поползли слухи о существующей организации, грядущих обысках и арестах. Именно после этого 9 февраля 1908 г. Сосионков собрал у себя начальство учебных заведений, сообщив им о «безнравственности» учащихся, но конкретных фактов об организации не привел [8, л. 85–86].

Руководство учебных заведений категорически отвергало сведения о нравственной распущенности воспитанников [8, л. 92–93]. Тем не менее, в июне 1909 г. попечитель Л.И. Лаврентьев докладывал томскому губернатору об образовании в Барнауле кружка учащихся, преследующего не только революционные, но и «огарковые» цели [8, л. 94]. Однако исследователями этого вопроса доказано, что подобные общества в ученической среде фактически никогда не существовали [1, с. 105].

Таким образом, до лета 1908 г. в Сибири распространялись преимущественно слухи о БГУ, но не было фактов, подтверждающих ее существование.

В июле 1908 г. в Барнауле были проведены массовые обыски и аресты в связи с ликвидацией правоохранительными органами организаций нелегальных политических партий. Первый удар был нанесен преимущественно по группе социалистов-революционеров. 22 июля 1908 г. были проведены обыски у 24 человек, среди которых были учащиеся Д. Богословская, П. Цельковская, А. Кочетова, А. и М. Лапины, О. Титова и др. [9, л. 173]. При этом у бывшей ученицы Барнаульской женской гимназии Е. Владимировой было обнаружено большое количество нелегальных изданий, в том числе эсеровские листовки «К рабочим» и «К трудовому крестьянству», газета «Сибирские партийные известия», а также протоколы заседаний Барнаульской группы учащихся, 5 номеров литографированного «Журнала учащихся», переписка и фотография Барнаульского кружка учащихся. У гимназисток П. Цельковской и М. Лапиной был найден журнал учащихся, переписка и общая фотография, причем М. Лапина на допросе созналась в принадлежности к БГУ [8, л. 98].

Таким образом, именно в ходе обысков были обнаружены документы, указывающие на существование с начала 1908 г. среди учащихся средних учебных заведений Барнаула организованной группы в составе около 30 человек. На основании анализа программы кружка и издаваемого им «Журнала учащихся» правоохранительными органами был сделан вывод о том, что БГУ «перешла на революционный путь, примкнув к партии социалистов-революционеров и целью своей деятельности имеет насильственное низвержение существующего в государстве общественного строя» [8, л. 98].

Изъятые при обысках и сохранившиеся в архивах материалы БГУ дают возможность выявить основные направления реальной и планировавшейся деятельности членов кружка. Так, в передовой статье издаваемого группой гектографированного «Журнала учащихся» указывалось, что в школе вновь проходят волнения, которые не являются результатом «агитации злонамеренных лиц», но отражают «расстройство страны под руководством самодержавного правительства». Учащимся предлагалось организовываться, объединяться в союз и согласовывать свое движение с выступлениями рабочих и студентов. В числе опубликованных в журнале материалов были стихи, призывавшие к свободе, а также стихотворение памяти умершего в марте 1908 г. анархиста-террориста Гершуни. Кроме того, в журнале была размещена биография известного барнаульского общественного деятеля В.И. Штильке и сведения об исключении из реального училища целого ряда учащихся [8, л. 100–102; 9, с. 173–175].

Протоколы общих собраний БГУ свидетельствуют о том, что собрания проводились ежемесячно или даже по несколько раз в месяц в присутствии 23–27 человек. На собраниях поднимались вопросы о приеме новых членов, о библиотеке организации и кассе взаимопомощи. Развернувшаяся дискуссия по поводу отнесения этих структур только к БГУ или создание их «для широких слоев учащихся» привела к тому, что вопрос о библиотеке решался путем опроса большинства учащихся старших классов Барнаульской казенной женской гимназии и реального училища. В результате решено было создать кассу взаимопомощи при БГУ как организаторе, но библиотека к группе не присоединилась [16, л. 5–8, 12–14]. Проведение опроса свидетельствует о том, что воспитанники старших классов средних учебных заведений Барнаула прямо или косвенно были осведомлены о деятельности БГУ. О стремлении группы усилить свое влияние на всех учащихся говорит решение передать имевшиеся в распоряжении кружка денежные средства нуждающимся гимназисткам для внесения платы за обучение, поскольку «главная цель кружка — помогать товарищам..., и этот поступок сыграет громадную агитационную роль среди учащихся в пользу организации» [16, л. 2–4].

Одним из наиболее обсуждаемых на общих собраниях кружковцев был вопрос об основных положениях программы БГУ, представленный в протоколах заседаний следующими вариантами формулировок:

1. «БГУ ставит своей целью проведение в жизнь, и главным образом в среду учащихся, идеалов революционной борьбы и идеалов истинно человеческой жизни. В достижении вышеуказанной цели БГУ стремится объединить революционных учащихся как на почве интересов чисто ученических, так на почве научных и общественных».
2. «БГУ — беспартийная революционная организация, которая может объединить всех, кто сочувствует начинаниям группы. Проведение своих идей в широкую среду учащихся осуществляется через организацию кружков саморазвития, рефератов, распространения литературы».
3. «БГУ оказывает сочувствие и содействие всем организациям и начинаниям общественной жизни, ведущим борьбу за изменение общественных условий в интересах обездоленных классов общества и за обновление жизни учащейся молодежи, как в смысле физического оздоровления, так и в смысле духовного возрождения» [16, л. 23–25].

Очевидно, что при определении целей деятельности кружка часть его членов настаивала на сохранении беспартийного характера организации, часть стремилась усилить в нем революционную составляющую, но отнесение кружка к какой-либо революционной партии не присутствует ни в одном из вариантов формулировки. В большей степени этот подход соответствовал идеям социалистов-революционеров, советовавшим молодежи «не спешить с формальной пропиской по различным фракционным департаментам», чем социал-демократов, призывавших учащихся «побystрее определиться с политической позицией и сплотиться под социал-демократическими знаменами» [17, с. 52], хотя никаких сведений о рассмотрении партийных программ протоколы собраний не содержат.

По поводу членства в группе большинством голосов было принято решение считать таковым всякого, «принимающего программу и устав ея» [16, л. 16]. Проведение своих идей в широкие слои учащихся группа планировала осуществлять путем издания журнала, организацию кружков саморазвития, чтение рефератов, распространение соответствующей литературы, учреждая для этого различные объединенные центры: кассы взаимопомощи, библиотеки и пр. [8, л. 100–102].

О том, что БГУ удалось приступить к реальной деятельности, свидетельствует отчет о работе кассы взаимопомощи, целью которой было «удовлетворение нуждающихся в материальном отношении членов ея (главным образом учащихся)». Бюро кассы должно было заниматься сбором членских взносов, устройством спектаклей, концертов, сборов, пожертвований, поиском работы для учащихся, выдачей пособий и т.д. [16, л. 25].

Стремление группы не замыкаться в рамках решения сугубо ученических дел проявилось при обсуждении вопроса о забастовке 1 мая. Понимая невозможность открытого выступления, члены группы решили содействовать проведению забастовки путем выпуска прокламации к учащимся и «устройства выступления», для чего предлагалось «справиться относительно обструкции в высших сферах». Большинство участников поддержало предложение присоединиться к массовке рабочих, мотивируя это тем, что «отделяться от рабочих не следует. Много есть общих интересов в этот день» [16, л. 20].

Одним из самых важных документов, повлиявших на определение политической принадлежности кружка, стала обнаруженная при обысках листовка за подписью «Девять», выпущенная в мае 1908 г. Судя по тексту, листовка была написана учащимися реального училища после исключения из него ряда учащихся. Критикуя царящие в стране деспотизм и произвол, авторы листовки обращали внимание общественности на то, что «лучшие силы выброшены за борт школы», причем «чтобы усыпить и обмануть общественное мнение, настоящая причина этих выбрасываний, т.е. способность этих учащихся критически мыслить, протестовать, прикрывается такими предлогами, как пропуск уроков и пр.» «Мы не можем дольше смирно, безропотно, как рабы терпеть этот произвол, мы не можем равнодушно смотреть, как выбрасываются за борт школы один за другим лучшие силы... Мы не можем, не в силах дольше терпеть — мы вступаем в борьбу с этим произволом, и тот путь, на который мы вступаем — один из крайних путей... Но у нас нет иного выхода — массовая борьба благодаря царящей реакции невозможна, и у нас остался путь борьбы единичных личностей, путь борьбы из-за угла. Мы чувствуем, что выбранный нами путь может оттолкнуть от нас многих, ... и вот поэтому мы и обращаемся к вам, разъясняя причину такого образа наших действий. Мы просим, граждане, лишь об одном: прислушайтесь к нам хорошенько и поймите, что мы не в силах дальше равнодушно смотреть, как произвол дерзко и властно заползает вглубь и вширь нашей жизни, ... а число жертв все растет и растет... Мы не можем допустить беспрепятственно разрастаться этому произволу и швыряем ему под ноги первый камень, — и вы поймите, что у нас нет возможности удержать замахнувшуюся руку!» — заключали авторы текста [7, л. 2]. Прозвучавший в листовке фактический призыв к террору позволил правоохранительным органам сделать вывод о близости членов группы к ПСР.

При этом остается невыясненным вопрос — была ли данная листовка написана членами БГУ или какой-либо другой группой учащихся. Можно только предположить, что авторами документа были именно барнаульские реалисты, поскольку в конце 1907 г. в Барнаульском реальном училище действительно происходили волнения на почве недовольства учащихся преподавателем тригонометрии Г.Н. Антоновым, в результате чего по решению педагогического совета занятия были временно прекращены. Однако после вмешательства попечителя, потребовавшего возобновить занятия и немедленно удалить всех «не желающих учиться и подчиняться установленным порядкам», ряд учеников вынуждены были покинуть учебное заведение. Незадолго до этого из училища были отчислены арестованные по обвинению в совершении государственного преступления учащиеся Н. Бодунов и В. Кузьмин [13, л. 27-29].

В результате проведенного расследования начальником Томского губернского жандармского управления был сделан вывод о том, что главными деятелями БГУ были Екатерина Владимирова, Мария Лапина, Прасковья Цельковская, Анна Кочетова, Ольга Титова, Григорий Хасин и еще ряд учащихся. Из них наиболее активными и способными пойти «на крайние меры» были названы П. Цельковская, О. Титова и А. Кочетова [9, л. 173-175], которые после проведенного у них обыска в июле 1908 г. были заключены в Барнаульский тюремный замок [10, л. 15]. Вследствие ареста Кочетова и Титова были исключены из числа учащихся женской гимназии, а П. Цельковская к этому времени уже не являлась ученицей гимназии, т.к. была отчислена в июне 1908 г. за невзнос платы за обучение [12, л. 16]. Относительно других учащихся, включенных в список членов группы, следует отметить, что Г. Хасин был

исключен из Барнаульского реального училища в связи с заключением под стражу в январе 1908 г., а гимназистки Е. Владимировой и М. Лапина были исключены по этой же причине еще в начале 1907 г. [14, л. 3; 8, л. 140].

Основными обвиняемыми по делу о БГУ стали Екатерина Владимировна, Параскева (Прасковья) Целыковская и Мария Лапина [3, л. 7], хотя, как было указано выше, Владимировой и Лапина были арестованы еще до появления сведений о БГУ. Согласно материалам следственного дела о Е.З. Владимировой, П.П. Целыковской и М.Н. Лапиной, «осужденных за принадлежность к БГУ среди населения», Е. Владимировой давать показания отказалась, а для предания ее суду «по обвинению в принадлежности к сообществу, поставившего своей целью ниспровержение существующего строя, следственным путем данных не добыто» [3, л. 2, 6]. Однако Е. Владимировой и П. Целыковской все же были признаны виновными в том, что «летом 1908 г. в Барнауле вступили в преступное сообщество, именуемое БГУ, которое поставило своей целью ниспровержение существующего в России общественного строя» [3, л. 11–12]. Основными материалами, на которых строилось обвинение, стали найденные у Е. Владимировой документы БГУ с выделением из них цитат о революционном характере деятельности группы. Против Целыковской свидетельствовало обнаружение у нее 31 экземпляра литографированного воззвания «девятого», где косвенно говорилось о терроре [3, л. 11–12]. Е. Владимировой и П. Целыковской были приговорены к заключению в крепость на 8 месяцев. Кроме них наказание по делу БГУ понесли О. Титова и А. Кочетова, высланные под гласный надзор в Каинский уезд Томской губернии на 2 года. М. Лапина была признана невиновной и по суду оправдана [3, л. 7]. В дальнейшем срок наказания Владимировой был сокращен до 2 месяцев, а Целыковской по состоянию здоровья было разрешено проживание у отца в с. Анисимовском Барнаульского уезде и «ввиду ее крайне болезненного состояния» возбуждено ходатайство об освобождении от наложенного взыскания [9, л. 99].

Материалы следственных дел могут быть существенно дополнены воспоминаниями участников событий, сохранившимися в Государственном архиве Алтайского края (фонд Истпарта). Так, согласно мемуарам члена Барнаульской социал-демократической организации М.С. Старостиной-Макковеевой, после проведенных в Барнауле в июле 1908 г. обысков и арестов социал-демократов, автор оказалась в тюрьме вместе с О. Титовой, Е. Владимировой, М. Лапиной, П. Целыковской, Д. Богословской, Е. Исаевой и другими девушками [2, л. 5]. О партийной принадлежности арестованных автор не сообщает, хотя, возможно, среди них могли быть и участницы партийных организаций, и члены БГУ.

Указанная в воспоминаниях гимназистка Дарья Богословская не фигурирует в документах в числе активистов Барнаульской группы учащихся, но, согласно воспоминаниям ее брата Е. Богословского, Даша, «организовав вокруг себя политический кружок барышень», занималась сбором денег по подписным листам в пользу социал-демократического комитета, за что вместе со своими подругами О. Манаховой (Манаковой), Ю. Стафеевской, Е. Владимировой, М. Старостиной и др. была в 1908 г. арестована, судима и приговорена к 2 годам ссылки [5, л. 43]. В воспоминаниях же Н. Балашова указано, что Екатерина Владимировна вместе с В. Середкиным, З. Овсянкиной, П. Русиной, П. Глазковой и др. входила в созданный в Барнауле в 1906 г. томским студентом С. Носковым эсеровский кружок учащейся молодежи [6, л. 75]. Т.е., по мнению автора, Е. Владимировой имела отношение не к организации социал-демократов, а к группе социалистов-революционеров. Согласно его же сведениям, в числе арестованных в июле 1908 г. в Барнауле подпольных работников были П. Целыковская, О. Титова, А. Кочетова, М. Лапина, Е. Владимировой и др. [6, л. 77–78]. Таким образом, в мемуарной литературе вероятные участники Барнаульской группы учащихся фигурируют одновременно и в числе арестованных социал-демократов, и в числе эсеров.

«В конце 1908 г. в Барнауле, Бийске, Новониколаевске и вообще в Алтайском крае были окончательно разгромлены, благодаря провокации, все подпольные организации.

22 июля 1908 г. погибла неокрепшая еще эсеровская организация в Барнауле, а в начале сентября 1908 г. была окончательно разгромлена и сильная первая большевистская социал-демократическая организация Алтайского края», — заключает Н. Балашов [6, л. 78], что подтверждается и данными исследований.

После 1909 г. сведения о Барнаульской группе учащихся в документах не встречаются, вероятнее всего ее работа была полностью прекращена. Анализ имеющихся источников дает возможность предположить, что группа действовала или пыталась действовать как общеученическая организация преимущественно беспартийного характера, но все подобные кружки учащихся в начале XX в. неизбежно становились объектом внимания революционных партий. Значительная часть учащихся включалась в работу социал-демократических и эсеровских организаций, принося их идеи в ученические объединения. Поэтому вряд ли возможно разделить участников БГУ на стоящих вне политики и разделявших идеи социалистических партий. Не делали этого и правоохранительные органы, ликвидируя все нелегальные организации одновременно.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие **ВЫВОДЫ**.

В условиях спада революционного движения дело т.н. «Барнаульской группы учащихся» получило широкий общественный резонанс. Однако первоначальная оценка ее как объединения «огарковой» направленности не имела под собой никакого основания и была обусловлена, скорее, слухами о широком распространении в стране молодежных обществ безнравственного характера.

Первые реальные данные о существовании БГУ были получены только при массовых обысках в Барнауле, проводимых в ходе ликвидации организаций социалистических партий. Основной причиной ареста ряда учащихся стало их возможное участие в партийной деятельности, а не принадлежность к ученическому кружку. Анализ полученных материалов позволил правоохранительным органам сделать вывод о близости группы к ПСР.

Однако исследование разных групп источников дает возможность утверждать, что Барнаульская группа учащихся была типичным кружком воспитанников учебных заведений, нелегальность которого была определена запретом создания легальных объединений в среде учащейся молодежи. Члены БГУ, разделяя общие идеалы освободительного движения, стремились объединить широкие слои учащихся независимо от их политической принадлежности, не причисляя себя при этом ни к одной из революционных партий, но испытывая на себе влияние их идей.

Ликвидация БГУ, как и других подобных групп, не могла уничтожить стремление учащейся молодежи к самоорганизации, но негибкость правительственной политики в этом вопросе только усиливала конфликт между властью и формирующимся гражданским обществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ватник Н.С. «Огарки»: мифы и реалии гимназической среды 1907–1908 годов // Российская история. 2010. № 6. С. 97–105.
2. Воспоминания о революционной работе социал-демократических кружков М.С. Старостиной-Макковеевой (1900–1908 гг.) // Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-1061. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 1–7.
3. Дело о Е.З. Владимировой, П.П. Цельковской и М.Н. Лапиной, осужденных за принадлежность к БГУ среди населения (20 сентября 1908–22 июня 1909 гг.) // ГАРФ. Ф. 124. Оп. 46. Ед. хр. 901. Л. 1–15.
4. Ищенко О.В. Кружковая деятельность учащейся молодежи Сибири в начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История. Политология». 2008. № 4/3 (60). С. 103–110.

5. К истории революционного движения в Алтайском крае в эпоху революции 1905 г. // ГААК. Ф. П-1061. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 1-100.
6. К истории революционного движения в Алтайском крае в эпоху революции 1905 г. // ГААК. Ф. П-1061. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 1-104.
7. Листовка «девяти» к учащимся о режиме в средней школе (май 1908 г.) // Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 5. Оп. 4. Ед. хр. 144. Л. 1-2.
8. О беспорядках в учебных заведениях Барнаула (1905 г.) // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 126. Оп. 2. Ед. хр. 1940. Л. 1-145.
9. Об арестах и исключениях воспитанников средних учебных заведений // РГИА. Ф. 733. Оп. 167. Ед. хр. 495. Л. 1-180.
10. Отношения попечителя округа об аресте и увольнении учащихся из учебных заведений за принадлежность к революционным кружкам (1903-1913 гг.) // ГААК. Ф. 36. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 1-61.
11. Перебейнос А.Е., Пташко Т.Г. Участие учащейся молодежи Урала в общественной, культурной и политической жизни во второй половине XIX — начале XX веков // Новый исторический вестник. 2018. № 3 (57). С. 42-58.
12. Протоколы заседаний Барнаульской женской гимназии (март — июнь 1908 г.) // ГААК. Ф. 36. Оп. 2. Ед. хр. 28. Л. 1-40.
13. Протоколы заседаний педагогического совета Барнаульского реального училища (1907 г.) // ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 1-84.
14. Протоколы заседаний педагогического совета Барнаульского реального училища (1908 г.) // ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 1-48.
15. Протоколы заседаний педагогического совета Барнаульского реального училища (1908 г.) // ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 1-100.
16. Протоколы заседаний, проект программы, устав кассы взаимопомощи и воззвания подпольных кружков учащейся молодежи г. Барнаула в 1905 г. // ГААК. Ф. П-1061. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 1-27.
17. Рушанин В.Я. Учащаяся молодежь России начала XX века: политическая культура, партийные пристрастия и настроения // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 2 (30). С. 49-55.
18. Сибирская жизнь. 1908. 9 марта.
19. Сибирские письма // Сибирские вопросы. 1908. № 10. С. 32-34.
20. Шамахов Ф.Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907-1917 гг.) Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1966. 196 с.

REFERENCES

1. Vatnik N.S. «Ogarki»: mify i realii gimnazicheskoy sredy 1907-1908 godov [«Ogarki»: myths and realities of the gymnasium environment of 1907-1908] // Rossijskaya istoriya. 2010. № 6. S. 97-105. (In Russian).
2. Vospominaniya o revolyucionnoj rabote social-demokraticeskikh kruzhkov M.S. Starostinoj-Makkoveevoj (1900-1908 gg.) [Memoirs of the revolutionary work of the Social-democratic circles of M.S. Starostina-Makkoveeva (1900-1908)] // Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraya (ГААК). Ф. П-1061. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 1-7. (In Russian).
3. Delo o E.Z. Vladimirovoj, P.P. Celykovskoj i M.N. Lapinoj, osuzhdennyh za prinalozhnost' k BGU sredi naseleniya (20 sentyabrya 1908-22 iyunya 1909 gg.) [The case of E.Z. Vladimirova, P.P. Tselykovskaya and M.N. Lapina, convicted of belonging to the BGU among the population (September 20, 1908 — June 22, 1909)] // GARF. Ф. 124. Оп. 46. Ед. хр. 901. Л. 1-15. (In Russian).
4. Ishchenko O.V. Kruzhkovaya deyatel'nost' uchashchejsya molodezhi Sibiri v nachale XX v. [Circle activity of Siberian pupils of the early XX century] // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya. Politologiya». 2008. № 4/3 (60). S. 103-110. (In Russian).

5. *K istorii revolyucionnogo dvizheniya v Altajskom krae v epohu revolyucii 1905 g.* [On the History of the Revolutionary Movement in the Altai Territory in the Era of the 1905 Revolution] // GAAK. F. P-1061. Op. 1. Ed. hr. 75. L. 1–100. (In Russian).
6. *K istorii revolyucionnogo dvizheniya v Altajskom krae v epohu revolyucii 1905 g.* [On the History of the Revolutionary Movement in the Altai Territory in the Era of the 1905 Revolution] // GAAK. F. P-1061. Op. 1. Ed. hr. 76. L. 1–104. (In Russian).
7. *Listovka «devyati» k uchashchimsya o rezhime v srednej shkole (maj 1908 g.)* [Leaflet of the “nine” to pupils about the regime in secondary school (May 1908)] // Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti (GANO). F. 5. Op. 4. Ed. hr. 144. L. 1–2. (In Russian).
8. *O besporjadkah v uchebnyh zavedeniyah Barnaula (1905 g.)* [About the riots in the educational institutions of Barnaul (1905)] // Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti (GATO). F. 126. Op. 2. Ed. hr. 1940. L. 1–145. (In Russian).
9. *Ob arestah i isklyucheniyah vospitannikov srednih uchebnyh zavedeniy* [About arrests and expulsions of pupils of secondary educational institutions] // RGIA. F. 733. Op. 167. Ed. hr. 495. L. 1–180. (In Russian).
10. *Otnosheniya popechitelya okruga ob areste i uvol'nenii uchashchihsya iz uchebnyh zavedenij za prinyadlezhnost' k revolyucionnym kruzhkam (1903–1913 gg.)* [Relations of the trustee of the district on the arrest and dismissal of pupils from educational institutions for belonging to revolutionary circles (1903–1913)] // GAAK. F. 36. Op. 2. Ed. hr. 47. L. 1–61. (In Russian).
11. Perebejnos A.E., Ptashko T.G. *Uchastie uchashchejsya molodezhi Urala v obshchestvennoj, kul'turnoj i politicheskoj zhizni vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vekov* [Participation of Ural pupils in social, cultural and political life in the second half of the XIX — early XX centuries] // *Novyj istoricheskij vestnik*. 2018. № 3 (57). S. 42–58. (In Russian).
12. *Protokoly zasedanij Barnaul'skoj zhenskoj gimnazii (mart — iyun' 1908 g.)* [Minutes of the meetings of the Barnaul Women's Gymnasium (March — June 1908)] // GAAK. F. 36. Op. 2. Ed. hr. 28. L. 1–40. (In Russian).
13. *Protokoly zasedanij pedagogicheskogo soveta Barnaul'skogo real'nogo uchilishcha (1907 g.)* [Minutes of the meetings of the Pedagogical Council of the Barnaul Real School (1907)] // GAAK. F. 43. Op. 1. Ed. hr. 105. L. 1–84. (In Russian).
14. *Protokoly zasedanij pedagogicheskogo soveta Barnaul'skogo real'nogo uchilishcha (1908 g.)* [Minutes of the meetings of the Pedagogical Council of the Barnaul Real School (1908)] // GAAK. F. 43. Op. 1. Ed. hr. 106. L. 1–48. (In Russian).
15. *Protokoly zasedanij pedagogicheskogo soveta Barnaul'skogo real'nogo uchilishcha (1908 g.)* [Minutes of the meetings of the Pedagogical Council of the Barnaul Real School (1908)] // GAAK. F. 43. Op. 1. Ed. hr. 108. L. 1–100. (In Russian).
16. *Protokoly zasedanij, proekt programmy, ustav kassy vzaimopomoshchi i vozzvaniya podpol'nyh kruzhkov uchashchejsya molodezhi g. Barnaula v 1905 g.* [Minutes of meetings, draft program, charter of the mutual assistance fund and appeals of underground circles of pupils of Barnaul in 1905] // GAAK. F. P-1061. Op. 1. Ed. hr. 58. L. 1–27. (In Russian).
17. Rushanin V.YA. *Uchashchayasya molodezh' Rossii nachala XX veka: politicheskaya kul'tura, partijnye pristrastiya i nastroyeniya* [Russian pupils of the early XX century: political culture, Party preferences and moods] // *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv*. 2012. № 2 (30). S. 49–55. (In Russian).
18. *Sibirskaya zhizn'. 1908. 9 marta.* (In Russian).
19. *Sibirskie pis'ma // Sibirskie voprosy. 1908. № 10. S. 32–34.* (In Russian).
20. SHamahov F.F.SHKola *Zapadnoj Sibiri mezdu dvumya burzhuazno-demokraticeskimi revolyuciyami (1907–1917 gg.)* [The School of Western Siberia between two Bourgeois-democratic Revolutions (1907–1917)] Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1966. 196 s. (In Russian).

ИСТОРИОГРАФИЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

HISTORIOGRAPHY OF THE LIBERATION MOVEMENT OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.029

УДК 94.(470).07"18"

ББК 63.3(2)521-425

В.А. ЕРМАКОВ,
С.В. ЛЁВИН,
Д.А. ПЛУЖНИКОВ

ВОПРОСЫ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО
ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ XIX В.
В ПЕРЕПИСКЕ И.В. ПОРОХА
И Н.А. ТРОИЦКОГО С Н.М. ДРУЖИНИНЫМ

V.A. ERMAKOV,
S.V. LYOVIN,
D.A. PLUZHNIKOV

QUESTIONS OF THE LIBERATION
MOVEMENT IN RUSSIA OF THE XIX CENTURY.
IN THE CORRESPONDENCE
OF I.V. POROKH AND N.A. TROITSKY
WITH N.M. DRUZHININ

История освободительного движения в России XIX в. постоянно находилась в центре внимания советских историков. Весомый вклад в его изучение внесли саратовские учёные — И.В. Порох и Н.А. Троицкий. Их научные труды хорошо известны не только специалистам, но и всем интересующимся историей. В статье предпринята попытка рассмотреть взгляды этих маститых историков на освободительное движение, опираясь на их переписку с одним из корифеев советской исторической науки, академиком Н.М. Дружининым. Они советовались с ним по некоторым аспектам своих исследований, делились планами, задачами, обращались за содействием в издании своих работ. Авторы приходят к выводу, что И.В. Порох и Н.А. Троицкий ценили советы и замечания Н.М. Дружинина, а он, в свою очередь, высоко отзывался об их исследованиях. Анализ писем позволяет говорить не только о деловых, но и дружеских отношениях, сложившихся между учёными.

The history of the liberation movement in Russia in the XIX century was constantly in the focus of attention of the Soviet historians. The Saratov scientists I.V. Porokh and N.A. Troitsky made a significant contribution to its study. Their scientific works are well known not only to specialists, but also to everyone interested in history. The article attempts to examine the views of these venerable historians on the liberation movement, based on their correspondence with one of the luminaries of Soviet historical science, academician N.M. Druzhinin. They consulted with him on some aspects of their research, shared plans, tasks, and asked for assistance in publishing their works. The authors conclude that I.V. Porokh and N.A. Troitsky appreciated N.M. Druzhinin's advice and comments, and he, in turn, spoke highly of their research. The analysis of the letters allows us to talk not only about business, but also about friendly relations between scientists.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский, архив, историки, научные труды, политические процессы, народническое движение, переписка.

KEY WORDS: A.I. Herzen and N.G. Chernyshevsky, archive, historians, scientific works, political processes, populist movement, correspondence.

ВВЕДЕНИЕ. Серьёзное исследование освободительного движения в России XIX в. невозможно без использования трудов саратовских учёных И.В. Пороха и Н.А. Троицкого. Оба — признанные специалисты по данной теме. Их печатные работы, в которых рассмотрены вопросы данной тематики, широко известны и хорошо изучены, а вот их эпистолярное наследие, по которому можно проследить складывание авторских концепций освободительного движения, его этапов, рабочие моменты и т.п., ещё не введены в научный оборот. Восполнить этот пробел поможет переписка И.В. Пороха и Н.А. Троицкого с Н.М. Дружининым, отложившаяся в личном фонде академика в архиве Российской Академии наук и в особом фонде музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского. Данные источники личного происхождения позволяют представить не только исследовательские замыслы, но и методологический инструментарий историков, а также свидетельствуют о доверительных, дружеских отношениях, сложившихся между учёными.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В основе исследования лежат принципы историзма и объективности. Так как архивные документы вводятся в научный оборот впервые, то это предопределило обращение к методу контент-анализа, в качестве приоритетного, что позволяет глубоко и содержательно изучить заявленную тему. При обобщении материала применялся также системный метод, который позволил изучить предмет исследования глубоко и содержательно.

ЦЕЛЬ СТАТЬИ: проанализировать указанное эпистолярное наследие саратовских учёных, выявить их концептуальные положения о периодизации, особенностях русского освободительного движения XIX в., его видных деятелей, высказанные ими в переписке с Н.М. Дружининым.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИИ. Переписка неравноценна по объёму; если переписка с Н.А. Троицким насчитывает 48 писем и поздравительных открыток, то корреспонденция И.В. Пороха — 195 единиц. Первое письмо И.В. Пороха датировано 1953 г., а Н.А. Троицкого — 1971 г.

Контакты Н.А. Троицкого с Н.М. Дружининым начались с отправки академику книги «"Народная Воля" перед царским судом, 1880–1891» и ответа на отрицательную рецензию историка А.Ф. Смирнова на неё. А.Ф. Смирнов — давний оппонент Н.А. Троицкого. Именно он выступал с докладом от группы М.В. Нечкиной на всесоюзной дискуссии по истории народничества, состоявшейся в Институте истории АН СССР в марте 1966 г. [3] Альтернативную точку зрения от группы, руководителем которой являлся Б.С. Итенберг, представил Н.А. Троицкий [4]. Вот как он описывает суть дискуссии в своих воспоминаниях: «Предмет дискуссии две группы трактовали с противоположных позиций. Группа Нечкиной держалась такой схемы: 1850–1860-е годы — это время революционной демократии (отнюдь не народничества!) во главе с А.И. Герценом и Н.Г. Чернышевским, время поступательного развития освободительных идей от утопического к научному социализму, а с начала 70-х годов наступила эпоха народничества, обозначавшего собой идейный спад и тупик; лишь к середине 90-х годов русские марксисты сумели преодолеть тупиковое народничество и возродить перспективные традиции революционной демократии. Наша группа рассуждала иначе: весь разночинский этап освободительного движения (примерно 1861–1895 гг.) был народническим; Герцен и Чернышевский — основоположники и, наряду с П.Л. Лавровым и М.А. Бакуниним, классики народничества; движение развивалось поступательно, несмотря на отдельные зигзаги, в революционно-демократическом направлении, но под знаменем народнических идей, из которых одни были отброшены, а другие — о социальном равенстве, гражданских свободах, народовласти — восприняты русскими социал-демократами,

марксистами» [5, с. 102]. Следует заметить, Н.А. Троицкий в своих работах придерживался высказанной в докладе периодизации.

Н.М. Дружинин высоко оценил научный труд своего саратовского коллеги. «Благодарю Вас, — писал он в письме от 22 ноября 1971 г., — за Вашу книгу «"Народная Воля" перед царским судом», в которой Вы собрали и проанализировали большой материал о политических процессах 1880–1891 гг. Эта тема до сих пор не была монографически исследована и значительно дополняет прежние аспекты изучения народолюбивской борьбы и правительственной политики. Очень ценны и приложения, которые Вы делаете к книге. Несомненно, Ваша работа привлечёт к себе большое внимание не только у нас, но и в зарубежных странах» [2].

Исследовательский замысел Н.А. Троицкого обозначен в его письме от 31 марта 1974 г. «Главная задача и главный итог моей работы, — подчёркивал он, — заключаются в том, чтобы показать политические процессы в России как арену, своего рода второй фронт революционной борьбы, который до последнего времени специально не исследовался и, если не считать примеров отдельных процессов, представляет собой в целом почти совершенную *terra incognita*» [2]. Эту же мысль он повторил в своей монографии «"Народная воля" перед царским судом (1880–1894)», вышедшую вторым изданием в 1983 г.: «Значение судебных процессов "Народной воли" 1880–1894 гг. прежде всего в том и состоит, что судившиеся на них революционеры превращали почти каждый процесс в арену борьбы с царизмом, а скамью подсудимых — в революционную трибуну» [6, с. 349].

Возможно, Н.М. Дружинин пытался склонить Н.А. Троицкого приступить к разработке темы политических процессов над социал-демократами, поскольку эта проблематика ему была близка, и он рассчитывал на её основательное изучение со стороны саратовских историков, признавая тем самым, весомый вклад, который они внесли в изучение русского освободительного движения. Отвечая на просьбу Н.А. Троицкого помочь с изданием книги о политических процессах 1866–1900 гг., в издательстве «Мысль» он, в частности, спрашивал: «1) включены ли в содержание Вашей работы политические процессы социал-демократов, 2) каковы (вкратце) научно-политические выводы, к которым Вы приходите в результате своего исследования. Другими словами, нашёл ли в Вашей рукописи отражение ясно наметившийся перелом от второго разночинского этапа революционного движения к третьему этапу — массовой борьбы, или Вы ограничиваетесь рамками революционно-демократического движения?» [2]. Н.А. Троицкий планировал это сделать. В письме от 31 марта 1974 г. он писал: «Судебных процессов над с[оциал]-демократами в России до конца XIX в. действительно не было. Но все вообще процессы я связываю с общим ходом революционной борьбы, со всеми его поворотами, — поэтому в плане характеристики социальных, идейных, организационных, тактических основ движения, переход от народничества к марксизму, от разночинского этапа к пролетарскому у меня рассматривается с должным вниманием. Я строго придерживаюсь ленинской периодизации освободительного движения в России, и намерен, вслед за процессами разночинцев, исследовать так же, поэтапно, все другие политические процессы от декабристов до большевиков включительно, чтобы, в конце концов, подготовить обобщающий труд под таким углом зрения: «Три поколения русских революционеров перед царским судом» [2]. Эту же точку зрения учёный повторил во введении своей монографии «Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866–1895 гг.»: «Процессы рассматриваются, с одной стороны, как орудие карательной политики царизма, с другой, и это главное, как особый фронт революционной борьбы в связи с общим ходом освободительного от разночинского к пролетарскому этапу» [8, с. 5]. Н.А. Троицкий обращался к Н.М. Дружинину с просьбой написать для будущей книги краткое предисловие, но получил отказ. «Вы просите, чтобы через полтора года, когда Ваша работа будет готова, я прочёл рукопись и написал к ней предисловие. К сожалению, в силу своего возраста и состояния

здоровья, я не могу взять на себя никаких обязательств не только за полтора года, но и даже за полгода. По совету врачей я должен ограничивать свою работу собственными плановыми заданиями и выполнением поручений Президиума Академии», — сообщал Н.М. Дружинин в письме, датированном 17 июня 1974 г. [2]. В этом же письме он рекомендовал обратиться с этой просьбой к Б.С. Итенбергу. Осуществить задуманное Н.А. Троицкому помешал 175-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. К предстоящему юбилею от издательства «Мысль» саратовский учёный получил предложение написать обобщающую монографию общим объёмом в 20 печатных листов.

И.В. Порох в своих письмах затрагивал более широкий круг исследовательских проблем, связанных с русским освободительным движением, чем Н.А. Троицкий, но в центре его внимания неизменно оставались вопросы «революционной демократии 1830-х-1850-х гг.», общественно-политические взгляды, труды и деятельность А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Мордвинова. Н.М. Дружинин положительно оценил книгу саратовского учёного «Герцен и Чернышевский», вышедшую в свет в 1963 г., но сделал ряд замечаний, которые носят, по его мнению, частный характер. «Очень рад, если мои замечания принесут некоторую пользу при втором издании Вашей книги», — отмечал Н.М. Дружинин в письме от 3 декабря 1963 г. [1, л. 14]. И.В. Порох учёл их в своих последующих работах.

Например, он уделил пристальное внимание концепции «общинного социализма» А.И. Герцена и его взглядам на крестьянское землевладение и землепользование. Н.М. Дружинин подверг критике трактовку автором книги этого вопроса: «Наибольшие сомнения возбуждает Ваша трактовка “русского социализма” Герцена» [1, л. 9; 3, с. 73-75]. Видимо, этим объясняется внимательное изучение И.В. Порохом статей Н.М. Дружинина по аграрной тематике. В письме академику от 20 октября 1972 г. он, в частности, писал: «Ценность Вашего исследования о помещичьем хозяйстве далеко не исчерпывается богатейшим фактическим материалом, содержащимся в нём. С моей точки зрения, она определяется мастерским анализом новых данных и итоговыми выводами, сделанными на их основании» [1, л. 104]. Думается, сделанные Н.М. Дружининым замечания можно считать полноценной рецензией книги саратовского историка. В последующих письмах академик также высказывал замечания по некоторым статьям своего саратовского коллеги. И.В. Порох очень дорожил этими замечаниями. «Для меня это очень важно», — признавался он в письме от 5 мая 1969 г. [1, л. 88].

Впрочем, И.В. Порох уделял в своих письмах внимание и концептуальным вопросам темы. Так, в письме от 30 мая 1970 г. он сообщал, что, работая над рецензией на коллективную монографию «В.И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начало XX вв.», не согласен с тем, что «авторы подменяют общественно-политическую мысль — освободительным движением» [1, л.101]. В этом же письме И.В. Порох просил Н.М. Дружинина написать ему, как он относится «к попытке ввести в научный оборот понятие “либеральный демократ”», и кто подпадает под данное определение. «Персонально таковыми» И.В. Порох считал П.В. Павлова, К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, И.С. Тургенева, А.М. Унковского [1, л.101]. Сам учёный планировал заняться изучением их общественно-политических взглядов [1, л. 125]. Данные вопросы И.В. Порох поднимал в рамках работы над своей докторской диссертацией «А.И. Герцен в русском освободительном движении 50-х годов XIX века», которая продвигалась медленно, о чём автор время от времени сообщал Н.М. Дружинину. Академик, в свою очередь, подбадривал своего саратовского коллегу, желая ему скорее выйти на защиту.

Занимаясь изучением публицистического и мемуарного наследия А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского, И.В. Порох не оставлял в стороне и близкую ему декабристскую тематику. Им подготовлены к изданию мемуары Н.В. Басаргина, А.В. Поджо, И.Д. Якушкина.

Если переписка Н.А. Троицкого с Н.М. Дружининым носит деловой характер, то И.В. Порох в своих письмах сообщал и о своей учебной нагрузке, и об успехах своих детей, и о погоде.

Значительное место в переписке занимают поздравительные открытки. Нельзя не заметить, с какой заботой и душевной теплотой академик относился к здоровью своего саратовского коллеги. Едва ли не в каждом письме он просит И.В. Пороха не перегружать себя работой, регулярно и полноценно отдыхать. Это свидетельство дружеских, доверительных отношений, сложившихся между двумя учёными.

ВЫВОДЫ. Вопросы истории освободительного движения всегда занимали одно из ведущих мест в советской историографии. Одним из центров его изучения являлся исторический факультет Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, на котором работали И.В. Порох и Н.А. Троицкий. Их переписка с Н.М. Дружининым позволяет определить магистральные направления их исследований освободительного движения в России XIX в. Н.А. Троицкий первым в отечественной исторической науке основательно изучил политические процессы, которые устраивало самодержавие над революционерами. Он убедительно показал, что обвиняемые использовали зал судебных заседаний как трибуну, с которой клеймили царизм.

И.В. Порох, благодаря замечаниям Н.М. Дружинина, уделил самое пристальное внимание концепции «общинного социализма» А.И. Герцена и организации издания «Колокола». Ряд направлений, разработанных И.В. Порохом, не утратили своей актуальности и по сей день, например: «обличительство» как фактор политического давления со стороны общества на власть, обоснование существования программы «мирной революции сверху» А.И. Герцена, гуманистическая основа его мировоззрения и др. Можно с полным основанием утверждать, что плодотворное общение не только положительно сказалось на научных исследованиях саратовских историков, но и обогатило концептуальные положения этих маститых учёных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Российской Академии наук. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 662.
2. Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского (г. Саратов). Основной фонд. № 11055. Без нумерации листов.
3. Порох И.В. Герцен и Чернышевский. Саратов: Книжное издательство, 1963. 212 с.
4. Смирнов А.Ф. К вопросу о периодизации движения революционных разночинцев. М.: б.и., 1966. 41 с.
5. Троицкий Н.А. К вопросу о периодизации разночинского этапа в русском освободительном движении. М.: б.и., 87 с.
6. Троицкий Н.А. Книга о любви. (Записки историка). Саратов: ОАО «Приволжское книжное издательство», 2006. 304 с.
7. Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1983. 423 с.
8. Троицкий Н.А. Царизм перед судом прогрессивной общественности: 1866–1895 гг. М.: Мысль, 1979. 350 с.

REFERENCES

1. *Arxiv Rossijskoj Akademii nauk* [The Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 1604. In. 4. D. 662. (In Russian).
2. *Muzej-usad'ba N.G. Cherny'shevskogo (g. Saratov). Osnovnoj fond. № 11055. Bez numeracii listov* [Museum-estate of N.G. Chernyshevsky (Saratov). A special fund. № 11055. Without numbering of sheets]. (In Russian).
3. *Porox I.V. Gercen i Cherny'shevskij* [Herzen and Chernyshevsky]. Saratov: Knizhnoe izdatel'stvo, 1963. 212 s. (In Russian).

4. Smirnov A.F. *K voprosu o periodizacii dvizheniya revolyucionny`x raznochincev* [On the question of the periodization of the movement of revolutionary raznochintsev]. M.: b.i., 1966. 41 s. (In Russian).
5. Troickij N.A. *K voprosu o periodizacii raznochinskogo e`tapa v russkom osvoboditel`nom dvizhenii* [On the question of the periodization of the Raznochinsky stage in the Russian liberation movement]. M.: b.i., 1966. 87 s. (In Russian).
6. Troickij N.A. *Kniga o lyubvi. (Zapiskiistorika)* [A book about love. (Notes of the historian)]. Saratov: OAO «Privolzhskoe knizhnoe izdatel`stvo», 2006. 304 s. (In Russian).
7. Troickij N.A. *«Narodnaya volya» pered czarskim sudom (1880–1894)* [«NarodnayaVolya» before the tsarist court (1880–1894)]. 2-e izd., ispr. idop. Saratov: Izdatel`stvo Saratovskogo universiteta, 1983. 423 s. (In Russian).
8. Troickij N.A. *Czarizm pered sudom progressivnoj obshchestvennosti: 1866–1895 gg.* [Tsarism before the court of the progressive public: 1866–1895], M.: Mysl`, 1979. 350 s. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.030

УДК 94(470).072"18"

ББК 63.3(2)531-4

**З.В. СТЕПАНЕНКОВА ОЦЕНКА ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В.В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКОГО В СОВЕТСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

**Z.V. STEPANENKOVA GENERAL CHARACTERIZATION
V.V. BERV-FLEROVSKY'S
SOCIAL-POLITICAL ACTIVITY IN SOVIET
HISTORIOGRAPHY**

Статья направлена на рассмотрение советской историографии, посвященной анализу общественно-политической деятельности В.В. Берви-Флеровского. Автор попытался рассмотреть, как на протяжении советского периода истории изменялся сложившийся в научной литературе образ общественного деятеля второй половины XIX в. В.В. Берви-Флеровского. Он приходит к выводу о разностороннем и детальном исследовании деятельности и воззрений В.В. Берви-Флеровского советскими историками, выделяя при этом тенденцию к преувеличению революционности В.В. Берви, приближению его мировоззрения к марксистским идеалам. Также автор отмечает, что в ряде случаев на оценку историками степени близости В.В. Берви-Флеровского к революционному народничеству влияла общая идеологическая оценка народнического движения, характерная для того или иного периода советской истории.

In the article discussed soviet historiography addressed analysis V.V. Bervi-Flerovsky's social-political activity. The author tried to analysis changes image of public person of second half XIX century V.V. Bervi-Flerovskiy, which exist in soviet historiography. Author comes to the conclusion about the versatile and detailed study of the activities and views of V.V. Bervi-Fleurovsky by soviet historians, while highlighting the tendency to exaggerate the revolutionary V.V. Bervi, the approach of his worldview to Marxist ideals. The author also notes that in some cases, the assessment by historians of the degree of proximity of V.V. Bervi-Fleurovsky to revolutionary populism influenced by the general ideological assessment of the populist movement, characteristic of a particular period of Soviet history.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: В.В. Берви-Флеровский, общественно-политическая деятельность, советская историография.

KEY WORDS: V.V. Bervi-Flerovskiy, social-political activity, soviet historiography

ВВЕДЕНИЕ. Постоянно меняющаяся социально-политическая ситуация в нашей стране повлекла за собой серьезные изменения в общественном сознании. За последние 30 лет общественное мнение прошло серьезный путь от повального увлечения либеральными взглядами до идеи осознания потребности общества в сохранении социальной стабильности. При этом вопрос о необходимости преобразований и способе их осуществления поляризует общество, вызывает острые дискуссии среди сторонников и противников перемен и все чаще заставляет обращаться к опыту прошлого, прежде всего к опыту российского революционного движения. В этом случае исторические события зачастую оцениваются вопреки принципу историзма с позиций сегодняшней ситуации. Неслучайным

представляется регулярное обращение современных деятелей культуры к исторической проблематике. При этом образы революционеров, создаваемые ими, нередко с разной степенью осознанности отражают всю палитру политических предпочтений авторов. Отчасти эта проблема характерна (хотя, конечно, в меньшей степени) и для историков-профессионалов.

Несмотря на стремление исследователей дать максимально объективную оценку историческому событию или личности, сыгравшей в нем определенную роль, избежать определенной толики субъективизма вряд ли возможно. Связано это с тем, что «личность персонажа, вписанного в свое время, неразрывно соединенного с ним громадным количеством самых разных связей, пытается понять и описать человек, столь же тесно встроенный в совсем другую эпоху и, следовательно, отвечающий требованиям совсем иного, «своего» времени». Автор в этом случае «выражает самого себя через того героя, которому посвящено его исследование, а через себя — и особенности, и требования, и сущность своего времени» [18]. Кроме того, на историка определенное влияние оказывают характерная для его времени действия парадигма исследования. В советский период истории к ней добавлялись и довольно жесткие идеологические установки.

В этом плане представляется любопытным рассмотреть, как менялся создаваемый в профессиональной исторической литературе советского периода образ одного из общественных деятелей второй половины XIX в. В.В. Берви-Флеровского.

ЦЕЛЬЮ публикации является обзор оценок общественно-политической деятельности В.В. Берви-Флеровского в отечественной историографии советского периода.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Историографические работы, посвященные оценке деятельности и воззрений В.В. Берви-Флеровского в отечественной литературе, не публиковались, за исключением одной из работ автора, посвященной современным публикациям о В.В. Берви [21]. Можно говорить лишь о кратких обзорах, включенных в авторефераты диссертаций. В качестве источниковой базы в нашем случае выступают многочисленные работы советских исследователей о В.В. Берви-Флеровском — социологе, философе, публицисте середины-второй половины XIX в, заслуженно считавшемся «властителем дум» тогдашней молодежи.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Общественно-политические воззрения В.В. Берви-Флеровского достаточно подробно рассматривались в отечественной историографии. Все публикации, посвященные этой проблематике, можно подразделить по хронологическому признаку на три большие группы — относящиеся к дореволюционному, советскому и постсоветскому периодам истории. Поскольку взгляды и деятельность В.В. Берви-Флеровского традиционно рассматривались советскими историками в неразрывной связи с народническим движением, логично выделить в рамках советского периода те же подгруппы, которые обычно выделяют применительно к народнической историографии: 1917—с. 1930-х гг., вторая половина 30-х—с. 50-х годов XX в., вторая половина 1950-х—н. 1990-х гг.

Работы дореволюционного периода по большей части представляют собой отзывы и рецензии на публикации В.В. Берви-Флеровского. Начало XX в. ознаменовалось появлением в прессе ряда статей, авторы которых принадлежали к разным полюсам общественного движения. Понятно, что говорить в это время о целенаправленном и системном изучении жизни и творчества ученого вряд ли возможно, хотя стоит отметить, что в публикациях этого времени можно найти информацию как о личности В.В. Берви-Флеровского, так и о восприятии его творчества представителями либеральных и консервативных кругов.

Переход власти в руки большевиков вызвал к жизни подъем исследовательского интереса к истории революционного движения в России. Характерной чертой этого времени стало появление значительного количества воспоминаний представителей

народничества¹, в которых обычно в качестве одной из книг, определявших настроение молодежи тех лет, упоминается «Положение рабочего класса» В.В. Берви-Флеровского. Особое место среди мемуаров занимает вышедшая в свет в 1925 г. работа О.В. Аптекмана «В.В. Берви-Флеровский по материалам б. III Отделения и Д.Г.П.» — первая по-настоящему серьезная биография ученого. Хорошо знакомый с В.В. Берви автор сумел не только на конкретных архивных источниках проследить его жизненный путь, но и воссоздать по-настоящему живой образ своего старшего товарища. Останавливается О.В. Аптекман и на мировоззрении В.В. Берви-Флеровского, определяя его взгляды как утопические [2].

В это время наметился определенный интерес к личности В.В. Берви-Флеровского. Так, в 1920-н. 1930-х годов появились статьи секретаря днепропетровского истпрофа Г. Новополина, благодаря которому были переданы в институт Маркса и Энгельса рукописи В.В. Берви-Флеровского.

В 1929 г. были переизданы воспоминания В.В. Берви, ранее опубликованные в 1897 в Лондоне под названием «Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III». Стоит отметить, что в результате редакторской правки они не только приобрели новое название «Записки революционера-мечтателя» [3], но и были значительно сокращены и упрощены для восприятия. Статья М. Клевенского, выступавшая в качестве предисловия к «Запискам», содержала также оценку воззрений В.В. Берви как идеалистических и утопических [9].

В 1932 г. в сборнике «Литературное наследство» была опубликована работа Флеровского «Литературные либералы» со вступительной статьей Л.Б. Каменева. Высоко оценивая собранные Флеровским материалы о положении крестьян в пореформенной России, он, одновременно, резко критиковал его теоретические построения, характеризуя их как «произведение величайшего идейного путаника, наивнейшую помесь прудонизма и остатков фурьеризма со славянофильством» [8, с. 55–60].

Определенный интерес представляет собой и статья Л.М. Добровольского «Запрещенные и уничтоженные книги В.В. Берви-Флеровского (1933 г.)». На основе архивных материалов автор подробно рассматривает цензурное преследование, которому подвергались работы В.В. Берви [4].

В целом, в историографии рассматриваемого этапа довольно ясно прослеживается попытка сохранить творческое наследие В.В. Берви-Флеровского. Историки вслед за К. Марксом высоко оценивали его «Положение рабочего класса в России», подчеркивая значение сделанной автором работы и его искреннее сочувствие к трудящемуся народу. Специальных исследований, направленных на анализ воззрений В.В. Берви не предпринималось, хотя в начале 30-х годов наметилась тенденция к их негативной оценке.

Период второй половины 30-х — середины 1950-х гг. характеризуется почти полным отказом от работ по народнической проблематике. Народники в это время оцениваются как реакционеры и «злейшие враги марксизма». Как уже отмечалось в литературе, поводом к такому резкому повороту послужила фраза И.В. Сталина, высказанная им вскоре после убийства С.М. Кирова: «Если мы на народных вольцах будем воспитывать наших людей, то воспитаем террористов» [23, с. 15–16]. Исследований, посвященных В.В. Берви-Флеровскому, в это время также практически не проводилось. Можно упомянуть лишь несколько статей, появившихся в связи с переизданием «Положения рабочего класса в России». Характерно, что в них отсутствуют какие-либо упоминания о связях В.В. Берви-Флеровского с народнической молодежью, акцент при этом делается на нереалистичном, утопическом характере его воззрений. Так, О. Абрамович в статье, посвященной анализу экономических взглядов В.В. Берви-Флеровского, отмечал, что Флеровский «не создал стройной системы эконо-

1 Образ В.В. Берви-Флеровского, воссоздаваемый народническими мемуаристами, анализировался автором ранее [22].

мических взглядов», подчеркивал значительное влияние на него идей Прудона. В целом он оценивал В.В. Берви-Флеровского как «мечтателя», не понимавшего исторических закономерностей развития общества [1].

Только к концу рассматриваемого этапа (в 1952 г.) вышла первая монография, посвященная анализу экономических представлений В.В. Берви-Флеровского — работа Г.М. Подорова [16]. Коротко изложив биографию В.В. Берви, автор подробно останавливается на взглядах исследователя на экономическое развитие России после реформы 1861 г., причины ее отставания от стран Западной Европы, роль общинного землевладения и т.п., анализируя их с позиций марксистской методологии.

При этом Г.М. Подоров сосредотачивает свое внимание на критике В.В. Берви-Флеровским отдельных явлений российской действительности, в меньшей степени рассматривая его социально-политические проекты в их конструктивной части. Связано это с тем, что именно критическую составляющую работ В.В. Берви-Флеровского, направленную на «разоблачение антинародного характера всего существующего общественного строя» [16, с.57] он считал «наиболее сильной и прогрессивной». Интересной представляется и его оценка места В.В. Берви-Флеровского в революционном движении. С одной стороны, он признает, что идеи ученого оказали значительное влияние на народническую молодежь, отмечает определенное сходство его взглядов с народническим мировоззрением, с другой — подчеркивает, что В.В. Берви непосредственно не входил ни в один из кружков, поскольку не мог однозначно ответить на вопрос о необходимости революционной борьбы.

Критикуя взгляды В.В. Берви-Флеровского на развитие человеческой истории, на пути достижения идеального общества, Г.М. Подоров, тем не менее, подчеркивает, что ученый непримиримо критиковал крепостнический строй, выступал в защиту интересов трудящихся и, в конечном итоге, своими работами ускорил «подготовку условий для распространения марксизма в России». В целом, для этого этапа историографии характерна, с одной стороны, попытка исследователей «защитить» Берви-Флеровского, отделив его от «террористов-народников», с другой — определенная «мода» на постоянное подчеркивание «утопизма» его взглядов, идеализма, непонимание основных принципов развития общества и т.п.

Вторая половина 50-х гг. XX в. стала началом нового этапа в изучении народничества, связанного с его своеобразной реабилитацией. Исследователи вновь обращаются к проблемам революционного движения 1870–80-х гг., признавая его прогрессивный характер. Более активно рассматривается в литературе и деятельность В.В. Берви-Флеровского. Определенным стимулом, повлиявшим на рост интереса к личности ученого, стала публикация двухтомного собрания его сочинений, подготовленных к изданию Г.М. Подоровым.

В упомянутый двухтомник были включены «Положение рабочего класса в России», последняя книга третьей части «Азбуки социальных наук» и целый ряд статей, не публиковавшихся после революции. Кроме них в сборник вошла вступительная статья Г.М. Подорова, содержащая анализ экономических воззрений В.В. Берви-Флеровского. Отметив их общее сходство с народнической идеологией, Г.М. Подоров особо подчеркнул невозможность отнесения В.В. Берви к лагерю либеральных народников. Отличия, по его мнению, сводились к его отказу в 1880–1890-е гг. от защиты кулачества, верности идеалам утопического социализма и непрекращающейся борьбе с царским самодержавием в защиту интересов народа [15]. С этого момента вновь наметилась тенденция к подчеркиванию связи В.В. Берви-Флеровского с революционным народничеством, отмечается значительное влияние на формирование революционного сознания народников «Положения рабочего класса в России» В.В. Берви-Флеровского [19, с.168–173 и др.]. В это время появляются публикации, содержащие более детальное, основанное на источниках описание отдельных этапов биографии В.В. Берви-Флеровского [14], включая пребывание в ссылках [10, с. 7–10 и др.], подробно рассматриваются его философские воззрения [11, 20 и др.] (А.И. Мудров

высоко оценил критику В.В. Берви-Флеровским идеалистической философии Э. Гартмана; Т.С. Рязанцевым рассматривалась материалистически-гиллозоистическая позиция В.В. Берви-Флеровского по ряду философских вопросов; П.С. Шкуринов отмечал, что работы В.В. Берви-Флеровского вместе с трудами В.О. Ключевского, А.П. Шапова, М.М. Ковалевского подготовили общественную мысль России к восприятию материалистического понимания истории и т.д.) и конкретно-исторические взгляды В.В. Берви-Флеровского [5]. Кроме того, отечественными литературоведами было проанализировано отображение идей В.В. Берви-Флеровского в творчестве ряда русских писателей XIX века [7 и др.]. Отметим, что в целом, в это время акцент зачастую делается на революционность В.В. Берви-Флеровского. Так, Т.С. Рязанцев отмечал, что несмотря на распространенное представление о В.В. Берви-Флеровском как о противнике революционных преобразований, все его действия были направлены на приближение революции; П.А. Ляхов определял В.В. Берви-Флеровского как «просветителя-демократа, утопического социалиста, представителя кругов революционных народников»; М.Д. Рабинович подчеркивал высокую оценку «Положения рабочего класса в России» К. Марксом и т.п.).

В ряде работ предпринимается попытка компаративистского осмысления места В.В. Берви-Флеровского в ряду идеологов народничества. Так, И.К. Пантин в своей монографии отметил, что В.В. Берви-Флеровский сумел обнаружить «точку приложения социализма к конкретным проблемам пореформенной России», и наряду с М.А. Бакуниным, П.Л. Лавровым и П.Н. Ткачевым стоял у истоков революционного народничества [12, с. 196-197, 214]. В более поздней коллективной монографии 1986 г., одним из соавторов которой он являлся, приводится оценка В.В. Берви-Флеровского как одного из идеологов действенного народничества. Авторы вновь подчеркивают, что одной из главных заслуг мыслителя является формулировка им социализма «как политического и нравственного принципа, как формулы непосредственного действия» [13, с. С. 229].

В 1990 г. вышла работа В.П. Заблоцкого, который посвятил свое исследование выяснению роли В.В. Берви-Флеровского в российском освободительном движении. Анализируя его деятельность и воззрения на широком круге источников, исследователь рассматривает В.В. Берви-Флеровского как идеолога революционного народничества, с именем которого в немалой степени связывается «становление этических оснований революционно-народнического движения». В.П. Заблоцкий подчеркивает, что взгляды В.В. Берви-Флеровского по всем основным параметрам (признание капитализма упадком, регрессом; обоснование возможности самобытного развития России, внимание к общине и т.п.) близки воззрениям прочих идейных лидеров этого течения [6, с. 17].

Довольно показательным является диссертационное исследование П.С. Прибутько, в котором рассмотрены философские аспекты вопросов революции, войны и мира в мировоззрении В.В. Берви-Флеровского [17]. По нашему мнению, автор несколько переоценивает революционность взглядов В.В. Берви-Флеровского, полагая, что идея революции была «стержнем общетеоретических и исторических построений идеолога революционного народничества», что последний «пытался практически решить задачу революционного освобождения трудового народа». Определенные сомнения вызывает и тезис автора о взгляде В.В. Берви-Флеровского на историю человеческого общества как на «историю борьбы классов». Такое концептуальное осмысление представлений В.В. Берви-Флеровского, на наш взгляд, отражает попытку советских историков повысить значимость его работ, поднять своего героя до уровня марксизма.

Подчеркну, что преуменьшать результаты исследований этого периода или же огульно обвинять авторов в предвзятости и отсутствии объективности вряд ли уместно. Результаты их обращения к фигуре В.В. Берви-Флеровского впечатляют: было осуществлено переиздание работ Флеровского, появилось более детальное, основанное на источниках описание отдель-

ных этапов его биографии; началась работа над осмыслением места В.В. Берви-Флеровского в ряду идеологов народничества; были более подробно рассмотрены философские воззрения В.В. Берви-Флеровского; специальному исследованию подверглись конкретно-исторические взгляды В.В. Берви-Флеровского; были обозначены, хотя и фрагментарно, проблемы трансляции и восприятия его идей, формирования особой коммуникативной сети для их распространения. Однако интерпретация взглядов В.В. Берви-Флеровского не могла осуществляться с отличных от марксизма позиций, утвердившаяся методология исследования также накладывала отпечаток на их результаты.

ВЫВОДЫ. В целом, при рассмотрении историографии работ советского периода, посвященных В.В. Берви-Флеровскому, во-первых, хорошо заметна тенденция к преувеличению революционности В.В. Берви, к приближению его мировоззрения к марксистским идеалам, прежде всего в области философии. Ценностные ориентации марксизма, характерные для историографического почерка советских авторов, повлияли, в целом, и на интерпретацию исследователями общественно-политических и философских взглядов ученого. Во-вторых, при отнесении В.В. Берви-Флеровского к тому или иному лагерю общественно-политического движения не менее четко прослеживается влияние на исследователей общих идеологических оценок народнического движения, нередко определявших принадлежность/непринадлежность В.В. Берви к революционному народничеству.

Для литературы, относящейся к постсоветскому периоду, как уже отмечалось, характерно обращение к отдельным аспектам воззрений В.В. Берви-Флеровского при некотором снижении интереса к его участию в революционном движении и биографическим материалам. Вновь наметилась переоценка степени революционности взглядов В.В. Берви-Флеровского, которого современные исследователи все чаще соотносят с представителями либерально-демократического лагеря [21]. Кроме того, в этот период появляются посвященные В.В. Берви работы междисциплинарного характера, что во многом определяется изменением социокультурного контекста развития общественных наук. Речь идет, во-первых, об усилившемся интересе к проблемам гражданского общества, развитию межкультурного диалога и, во-вторых, об интеграции гуманитарных наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамович О. Экономические взгляды В.В. Берви-Флеровского // Проблемы экономики. 1937. № 1. С. 127-142.
2. Аптекман О.В. В.В. Берви-Флеровский (по материалам б. III Отделения и Д.Г.П.) Л.: Колос, 1925. 191 с.
3. Берви-Флеровский В. Записки революционера-мечтателя. М.-Л.: Молодая гвардия, 1929.— 231 с.
4. Добровольский Л.М. Запрещенные и уничтоженные книги В.В. Берви-Флеровского // Литературное наследство. 1933. № 7-8. С. 163-180.
5. Дружинин Н.М. Исторические взгляды В.В. Берви-Флеровского // Проблемы истории общественного движения и историографии. Сб.: К 70-летию акад. Милицы Васильевны Нечкиной. М.: Наука, 1971. С. 312-329.
6. Заблоцкий В.П. В.В. Берви-Флеровский в российском освободительном движении: Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Днепропетровск, 1990. 18 с.
7. Зиновьева М.Д. Роман В.В. Берви-Флеровского «На жизнь и смерть» // Русская литература. 1967. № 3. С. 174-183.
8. Каменев Л.Б. Маркс о Флеровском // Литературное наследство. 1931. № 2. С. 55-60.
9. Клевенский М. Предисловие // Записки революционера-мечтателя. М.-Л.: Молодая гвардия, 1929. С. 3-8.
10. Михайлов Б.Г. Предвестники бури. Очерки о революционных народниках-вологжанках. Архангельск: Северо-западное книжное изд-во, 1977. 119 с.

11. Мудров А.И. Философские и общественно-политические взгляды В.В. Берви-Флеровского. Автореф. дисс. ...канд. философ. наук. М., 1958. 14 с.
12. Пантин И.К. Социалистическая мысль в России: переход от утопий к науке. М.: Политиздат, 1973. 362 с.
13. Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России: 1783–1883 гг. М.: Мысль, 1986. 343 с.
14. Плакида М.М. Бесстрашный труженик. Сталино: Кн. изд-во Сталино-Донбасс, 1960. 393 с.
15. Подоров Г.М. Жизнь и творчество В.В. Берви-Флеровского // Берви-Флеровский В.В. Избранные экономические произведения в двух томах. М.: Изд-во социально-экономич. лит-ры, 1958. С. 5–30.
16. Подоров Г.М. Экономические воззрения В.В. Берви-Флеровского. М.: Госполитиздат, 1952. 236 с.
17. Прибутко П.С. Философские вопросы революции, войны и мира в мировоззрении В.В. Берви-Флеровского. Автореф. дисс. ...канд. философ. наук. Киев, 1983. 20 с.
18. Репина Л.П. История исторического знания: пособие для вузов / А.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2006. 288 с. URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva/repina9.htm> (дата обращения 15.02. 2022).
19. Реуэль А.Л. Русская экономическая мысль 60–70-х годов XIX века и марксизм. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 423 с.
20. Рязанцев Т.С. Философские взгляды В.В. Флеровского // Ученые записки Коми гос. пед. ин-та. Сыктывкар, 1960. Т. 10. С. 83–121.
21. Степаненкова З.В. Взгляды и деятельность В.В. Берви-Флеровского в отечественной историографии постсоветского периода // Народники в истории России: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3 / редкол.: Г.Н. Мокшин (отв. ред.) и др. Воронеж: Истоки, 2019. С. 26–38.
22. Степаненкова З.В. Репрезентации образа В.В. Берви-Флеровского в контексте самоидентификационных представлений народников // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. Сургут, 2018. № 3 (54). Ч. 1. С. 161–171.
23. Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2002. 372 с.

REFERENCES

1. Abramovich O. *Ekonomicheskie vzglyady V.V. Bervi-Flerovskogo* [Economic's views of V.V. Bervi-Flerovskiy] // *Problemy ekonomiki*. 1937. № 1. S. 127–142. (In Russian).
2. Aptekman O.V. *V.V. Bervi-Flerovskij (po materialam b. III Otdeleniya i D.G.P.)* [V.V. Bervi-Flerovsky (based on the materials of the b. III Department and D. G. P.)] L.: Kolos, 1925. 191 s. (In Russian).
3. Bervi-Flerovskij V. *Zapiski revolyucionera-mechtatelya* [Notes of a revolutionary dreamer] M.-L.: Molodaya gvardiya, 1929. 231 s. (In Russian)
4. Dobrovol'skij L. M. *Zapreshchennye i unichtozhennye knigi V.V. Bervi-Flerovskogo* [Banned and destroyed books by V.V. Bervi-Flerovsky] // *Literaturnoe nasledstvo*. 1933. № 7–8. S. 163–180. (In Russian).
5. Druzhinin N.M. *Istoricheskie vzglyady V.V. Bervi-Flerovskogo* [Historical views of V.V. Bervi-Flerovsky] // *Problemy istorii obshchestvennogo dvizheniya i istoriografii*. Sb.: K 70-letiyu akad. Milicy Vasil'evny Nechkinoj. M.: Nauka, 1971. S. 312–329. (In Russian).
6. Zablockij V.P. *V.V. Bervi-Flerovskij v rossijskom osvoboditel'nom dvizhenii* [Bervi-Flerovsky in the Russian Liberation Movement]: Avtoref. diss. ...kand. ist. nauk. Dnepropetrovsk, 1990. 18 s. (In Russian).
7. Zinov'eva M. D. *Roman V.V. Bervi-Flerovskogo «Na zhizn' i smert'»* [V.V. Bervi-Flerovsky's novel «On Life and Death»] // *Russkaya literatura*. 1967. № 3. S. 174–183. (In Russian).
8. Kamenev L.B. *Marks o Flerovskom* [Marx on Flerovsky] // *Literaturnoe nasledstvo*. 1931. № 2. S. 55–60. (in Russian).
9. Kleven'skij M. *Predislovie* [Preface] // *Zapiski revolyucionera-mechtatelya*. M.-L.: Molodaya gvardiya, 1929. S. 3–8. (In Russian).

10. Mihajlov B.G. *Predvestniki buri. Ocherki o revolyucionnyh narodnikah-vologzhanah* [Harbingers of the storm. Essays on the revolutionary Narodniks-Vologda residents]. Arhangel'sk: Severo-zapadnoe knizhnoe izd-vo, 1977. 119 s. (In Russian).
11. Mudrov A.I. *Filosofskie i obshchestvenno-politicheskie vzglyady V.V. Bervi-Flerovskogo* [Philosophical and socio-political views of V.V. Bervi-Flerovsky]: Avtoref. diss. ...kand. filosof. nauk. M., 1958. 14 s. (In Russian).
12. Pantin I.K. *Socialisticheskaya mysl' v Rossii: perekhod ot utopij k nauke* [Socialist Thought in Russia: the Transition from Utopias to Science]. M.: Politizdat, 1973. 362 s. (In Russian).
13. Pantin I.K., Plimak E.G., Horos V.G. *Revolucionnaya tradiciya v Rossii: 1783–1883 gg.* [The Revolutionary Tradition in Russia: 1783–1883.]. M.: Mysl', 1986. 343 s. (In Russian).
14. Plakida M.M. *Besstrashnyj truzhenik* [Fearless worker]. Stalino: Kn. izd-vo Stalino-Donbass, 1960. 393 s. (In Russian)
15. Podorov G.M. *ZHizn' i tvorchestvo V.V. Bervi-Flerovskogo* [The life and work of V.V. Bervi-Flerovsky] // Bervi-Flerovskij V.V. *Izbrannye ekonomicheskie proizvedeniya v dvuh tomah.* M.: Izd-vo social'no-ekonomich. lit-ry, 1958. S. 5–30. (In Russian).
16. Podorov G.M. *Ekonomicheskie vozzreniya V.V. Bervi-Flerovskogo* [Economic views of V.V. Bervi-Flerovsky]. M.: Gospolitizdat, 1952. 236 s. (In Russian).
17. Pribut'ko P.S. *Filosofskie voprosy revolyucii, vojny i mira v mirovozzrenii V.V. Bervi-Flerovskogo* [Философские вопросы революции, войны и мира в мировоззрении В.В. Берви-Флеровского]: Avtoref. diss. ...kand. filosof. nauk. Kiev, 1983. 20 s. (In Russian).
18. Repina L.P. *Istoriya istoricheskogo znaniya: posobie dlya vuzov* [The History of historical Knowledge: a guide for universities] / A.P. Repina, V.V. Zvereva, M.YU. Paramonova. M.: Drofa, 2006. 288 s. URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva/repina9.htm> (data obrashcheniya 15.02. 2022). (In Russian).
19. Reuel' A. L. *Russkaya ekonomicheskaya mysl' 60–70-h godov XIX veka i marksizm* [Russian Economic Thought of the 60–70s of the XIX century and Marxism] M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1956. 423 s. (In Russian).
20. Ryazancev T.S. *Filosofskie vzglyady V.V. Flerovskogo* [Philosophical views of V.V. Flerovsky] // Uchenye zapiski Komi gos. ped. in-ta. Syktyvkar, 1960. T.10. S. 83–121. (In Russian).
21. Stepanenkova Z.V. *Vzglyady i deyatel'nost' V.V. Bervi-Flerovskogo v otechestvennoj istoriografii postsovetskogo perioda* [Views and activities of V.V. Bervi-Flerovsky in the Russian historiography of the post-Soviet period] // Narodniki v istorii Rossii: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 3 / redkol.: G.N. Mokshin (otv. red.) i dr. Voronezh: Istoki, 2019. S. 26–38. (In Russian).
22. Stepanenkova Z.V. *Reprezentacii obraza V.V. Bervi-Flerovskogo v kontekste samoidentifikacionnyh predstavlenij narodnikov* [Representations of the image of V.V. Bervi-Flerovsky in the context of self-identification representations of Narodniks] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Surgut, 2018. № 3 (54). CH.1. S.161–171. (In Russian).
23. Troickij N.A. *Krestonoscy socializma* [Crusaders of Socialism]. Saratov: Sarat. gos. un-t, 2002. 372 s. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.031

ББК 63.3(2)531–4,8Ткачев П. Н.

УДК 94(470).07"18" Ткачев П. Н.

А.Н. ХУДОЛЕЕВ

**РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ
П.Н. ТКАЧЁВА В ДИСКУРСЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
2020 И 2021 ГГ.**

A.N. KHUDOLEEV

**THE REVOLUTIONARY THEORY
OF P.N. TKACHOV IN DISCOURSE OF
RUSSIAN HISTORIOGRAPHY 2020 AND 2021**

Постсоветская историография русского революционного народничества заслуживает права называться отдельным исследовательским направлением. Это касается изучения как теории, так и практики. Осмысление революционной теории П.Н. Ткачёва имеет богатую историографическую традицию, непрерывающуюся и настоящее время. Цель работы — проанализировать оценки революционной теории П.Н. Ткачёва в постсоветской историографии 2020 и 2021 гг. Данный этап в изучении теоретического наследия основоположника русского бланкизма не рассматривался ещё в научно-исторической литературе. Для раскрытия темы использованы статьи в различных научных отечественных периодических изданиях, собраниях сочинений и материалы сборника документов. В ходе исследования проблемы выяснилось, что рассмотрение социально-политических взглядов П.Н. Ткачёва в указанный период, преимущественно, проходило в направлении проблемы «Ткачёв и большевизм». Гораздо реже исследователи обращались к вопросам «Ткачёв и терроризм», «Ткачёв и анархизм». В статье также анализируются объективность и аргументированность позиций авторов, репрезентативность предлагаемой ими источниковой базы, обозначаются ошибочные суждения относительно определённых этапов жизни и деятельности П.Н. Ткачёва. В итоге, делается вывод о констатирующем характере подходов исследователей в 2020 и 2021 гг. к оценке революционной теории П.Н. Ткачёва. В качестве позитивного момента отмечается заметное снижение количества работ, утверждающих, что учение Ткачёва сыграло ключевую роль в генезисе основ русского терроризма.

The post-Soviet historiography of Russian revolutionary populism deserves the right to be called a separate research area. This applies to the study of both theory and practice. The comprehension of the revolutionary theory of P.N. Tkachov has a rich historiographical tradition that continues to the present. The purpose of the work is to analyze the views on the revolutionary theory of P.N. Tkachov in the post-Soviet historiography of 2020 and 2021. This period in the studies of the legacy of the Russian Blanquism founder has not been covered yet in the scientific and historical literature. Articles in various Russian scientific periodicals, collected works and materials of the collection of documents were used to disclose the topic. In the course of the study of the problem, it turned out that the consideration of P.N. Tkachov's socio-political views during this period mainly took place in the direction of the problem «Tkachov and Bolshevism». Much less often researchers turned to the questions «Tkachov and terrorism», «Tkachov and anarchism». The article also analyzes objectivity and argumentativeness of the authors' positions, representativeness of the sources they propose, and points out some errors of judgment about certain stages of P.N. Tkachov's life and work. As a result, the conclusion is made about

the ascertaining nature of the approaches of researchers in 2020 and 2021 to the assessment of the revolutionary theory of P.N. Tkachov. As a positive point, there is a noticeable decrease in the number of works claiming that Tkachov's teaching played a key role in the genesis of the foundations of Russian terrorism.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: П.Н. Ткачёв, русское народничество, революционная теория, постсоветская историография.

KEY WORDS: P.N. Tkachev, Russian narodnichestvo, revolutionary theory, post-soviet historiography.

ВВЕДЕНИЕ. Постсоветскую историографию русского революционного движения второй половины XIX — начала XX в. можно выделить в отдельное направление изучения освободительного движения в России. Особое место в нём занимает история радикального народничества — теория и практика этого интересного феномена. В сфере нашего интереса находится осмысление социально-политических взглядов П.Н. Ткачёва в отечественной постсоветской историографии. Мы уже обращались к результатам изучения революционной теории Ткачёва в 2012–2019 гг. [20, 21]. Анализировали сильные и слабые стороны различных подходов и оценок, выделяли ключевые темы и проблемы. Последние два года дали новую пищу для размышлений и некоторых выводов.

ЦЕЛЬ — проанализировать оценки революционной теории П.Н. Ткачёва в постсоветской историографии 2020 и 2021 гг.

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Для раскрытия темы использованы статьи в различных научных отечественных периодических изданиях, собраниях сочинений и материалы сборника документов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Рассмотрение оценок революционной теории П.Н. Ткачёва в российской историографии 2020 и 2021 гг. начнём с интересной статьи А.В. Матюхина [11]. Ключевой посыл автора состоит в фиксации созвучности и схожести ряда теоретических положений Ткачёва с учением большевизма. Доказательная база строится А.В. Матюхиным, главным образом, на брошюре Ткачёва «Задачи революционной пропаганды в России» и ряда работ мыслителя, вошедших в третий том «Избранных сочинений на социально-политические темы», изданных в начале 1930-х гг. Б.П. Козьминым. Поддерживаем и солидаризируемся с выводами А.В. Матюхина об очевидной тождественности между ткачевизмом и большевизмом, кроме, пожалуй, гипотезы о возможном, в случае долгой жизни, сближении Ткачёва с партией большевиков. Известно, что Петра Никитича отказались включить в свои ряды народовольцы, хотя во многих аспектах переняли его программу [22, с. 80–82]. Вряд ли радикальное крыло партии пролетариата горело бы желанием видеть у себя «неудобного» для него народника.

Вместе с тем статья А.В. Матюшина навела нас на следующие размышления. Проблема «Ткачёв и большевизм» имеет богатейшую историографическую традицию, как отечественную, так и зарубежную. Скромную лепту в неё в виде четырех монографий и нескольких десятков статей внёс и автор этих строк. В исследовании А.В. Матюшина нет и намёка на наличие данной традиции. Отсюда возникает вопрос о научном вкладе автора статьи, опубликованной в журнале из списка ВАК РФ. Какие уже известные положения он развил или дополнил, что привнёс нового, что оспорил у предшественников? Иначе получается «толчение воды в ступе», публикация ради наукометрических показателей, проблема, которая неоднократно обсуждалась уже в научном сообществе [5; 6]. Такая ситуация тем более печальна, так как А.В. Матюшин, судя по всему, знает специфику научного поиска.

Кроме статьи А.В. Матюшина, в журнале «Социально-гуманитарные знания» в 2020 и 2021 гг. было опубликовано ещё две работы, в которых, так или иначе, рассматрива-

лись социально-политические взгляды Ткачёва. Так, А.Ю. Вязинкин обратился к идеям политического освобождения в доктрине Ткачёва в сравнении со взглядами М.А. Бакунина [4]. Тезисно изложив революционную программу Ткачёва, автор при помощи цитаты из монографии американского историка А. Уикса указал на её второе рождение в идеологии большевизма. Не согласимся с мнением А.Ю. Вязинкина, будто бы Ткачёв считал институт общины консервативным. В письме к П.Л. Лаврову Пётр Никитич дал понять, что он отчетливо видит процесс разложения русской поземельной общины, углубление имущественного расслоения в крестьянской среде, появление категории кулаков, проникновение в деревню товарных отношений и т.д. Ткачёв утверждал, что община начинает разлагаться, и свободный переход поземельной собственности из рук в руки «с каждым днём встречает все меньше и меньше препятствий» [16, с. 15]. В статье «Народ и революция» он ещё раз обозначил: «В настоящее же время она (община — А.Х.) стоит, так сказать, на перепутье двух дорог: одна ведёт к царству коммунизма, другая — к царству индивидуализма; куда толкнёт её жизнь, — туда она и пойдёт. Если же жизнь не толкнёт её ни в ту, ни в другую сторону, она так, навеки, и останется на перепутье» [17, с. 361].

П.П. Аношкин, ссылаясь на Н.А. Бердяева, представил Ткачёва похожим на В.И. Ленина [1]. Добавим, что этот философ прямо писал, что русский бланкист «более чем кто-либо должен быть признан предшественником Ленина» [2, с. 58]. Тем удивительнее было тут же читать у П.П. Аношкина, что Ткачёв, якобы, не мог создать действенную, эффективную модель социалистической революции в политическом и социально-экономическом отношении отсталой стране. Ткачёв сформулировал и обосновал такую возможность. Можно хотя бы ознакомиться с письмом к Ф. Энгельсу [18].

Тема «Ткачёв и большевизм» промелькнула и в статусном академическом издании. В.В. Зверев отметил, что ленинский принцип строительства партии профессиональных революционеров очень напоминал аналогичные идеи заговорщика Ткачёва. В.В. Зверев приводит воспоминание В.Д. Бонч-Бруевича, относящееся к августу 1900 г., когда Ленин на две недели приехал в Швейцарию. Просматривая в Женевской публичной библиотеке старую эмигрантскую литературу, он обратил внимание на издававшийся Ткачёвым журнал «Набат» и внимательно его читал. Многие Владимиру Ильичу нравилось, он восторженно отзывался о писателе, стоявшим «несомненно ближе других к нашей точке зрения» [9, с. 33]. Цитата приводится по тексту из «Красной летописи» за 1932 г. № 3. Сноска на неё сопровождается следующим комментарием: «Характерно, что это признание в более поздних публикациях воспоминаний Бонч-Бруевича советского времени не воспроизводилось» [Там же]. Поправим уважаемого учёного. Воспроизводилось в избранных сочинениях В.Д. Бонч-Бруевича, напечатанных в 1961 г. [3, с. 314–315]. Только, по всей видимости, их мало кто читал.

В ещё одной публикации констатируется, что «спор Энгельса и Ткачева во многом напоминает спор Плеханова с Лениным <...>» [8, с. 194]. Тем самым воспроизводится мнение Н.А. Бердяева: «Ткачёв был прав в критике Энгельса. И правота его не была правотой народничества против марксизма, а исторической правотой большевиков против меньшевиков, Ленина против Плеханова» [2, с. 60].

С удовлетворением отметим, что неоднократно отмечаемая нами тенденция представлять в постсоветской историографии Ткачёва чуть ли не духовным отцом российского политического терроризма, в работах 2020 и 2021 гг. сошла на нет. Нам известны только две такие публикации [7, с. 61; 19, с. 162]. Зато неожиданно появилась другая тенденция — записывать Петра Никитича в анархисты [10; 12; 13]. Как водится, никаких доказательств не приводится. Для опровержения такого взгляда укажем на две антианархические статьи Ткачёва [14; 15].

ВЫВОДЫ. Подводя итог оценкам революционной теории Ткачёва в отечественной историографии 2020 и 2021 гг., можно сделать следующие выводы. Большинство из рассмотренных авторов касались вопроса взаимосвязи ткачевизма и большевизма, ограничиваясь простой констатацией данного факта. Это прослеживается даже в статье А.В. Матюхина, специально посвящённой этой теме. В качестве позитивного момента отметим заметное снижение количества работ, утверждающих, что учение Ткачёва сыграло ключевую роль в генезисе основ русского терроризма. Это, на наш взгляд, ведёт к правильному пониманию истинной роли этого мыслителя в истории русского революционного движения второй половины XIX — начала XX в.

Литература

1. Аношкин П.П. Идея социалистического государства в философии политики Н.А. Бердяева // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 6. С. 279–287.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
3. Бонч-Бруевич В.Д. Библиотека и архив РСДРП в Женеве // Бонч-Бруевич В.Д. Избранные сочинения. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. Т. 2. С. 307–322.
4. Вязинкин А.Ю. Проблема политического освобождения в социальной философии русского народничества // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 4. С. 186–193.
5. Гревнев А.В. Некоторые размышления университетского историка о проблемах наукометрии // Историческая экспертиза. 2015. № 2. С. 64–77.
6. «Если человек занимается наукой, то он должен добиваться приращения нового знания и обретения нового смысла. Если нет приращения нового знания — это не наука». Интервью с С.А. Экштутом // Историческая экспертиза. 2021. № 1. С. 346–366.
7. Жильцов С.В., Попядухина И.В. Террор в народническом движении России против самодержавной власти // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 6. С. 61–64.
8. Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Ф. Ф. Энгельс: марксистское пророчество о России // Новые идеи в философии. 2020. № 7. С. 192–198.
9. Зверев В.В. Ленин: социализм, народники и мировая революция // Российская история. 2020. № 2. С. 31–34.
10. Матвеева Д.М. Право и мораль в системе социального регулирования // Инновация. Наука. Образование. 2021. № 32. С. 154–179.
11. Матюхин А.В. Протобольшевизм Петра Ткачёва // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 174–184.
12. Протасова О.Л., Бикбаева Э.В. Н.Ф. Анненский — общественный и политический деятель либерального народничества // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 2. С. 38–44.
13. Смирнов К.В. Петербургское Марьино, трикстер и вечный спор (о романе И.С. Тургенева «Отцы и дети») // Актуальные вопросы современной философии и журналистики. 2020. № 2. С. 60–68.
14. Ткачёв П.Н. Анархия мысли // Ткачёв П.Н. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1976. Т. 2. С. 103–140.
15. Ткачёв П.Н. Анархическое государство // Ткачёв П.Н. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1976. Т. 2. С. 171–194.
16. Ткачёв П.Н. Задачи революционной пропаганды в России. Письмо к редактору журнала «Вперёд». Лондон: Б.и., 1874. 52 с.
17. Ткачёв П.Н. Народ и революция // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. М.: Археографический центр, 1997. С. 360–365.
18. Ткачёв П.Н. Открытое письмо господину Фридриху Энгельсу // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. М.: Археографический центр, 1997. С. 335–344.

19. Тулупов Я.Ю. Становление и развитие уголовной ответственности за террористическую деятельность // Инновация. Наука. Образование. 2021. № 43. С. 160–166.
20. Худолеев А.Н. Оценки революционной теории П.Н. Ткачёва в отечественной историографии 2012–2017 гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 3. Ч. 1. С. 172–179.
21. Худолеев А.Н. Оценки революционной теории П.Н. Ткачёва в отечественной историографии 2018–2019 гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 3. С. 140–145.
22. Худолеев А.Н. Революционная теория П.Н. Ткачёва и его роль в русском освободительном движении (историографический аспект). Новокузнецк: НФИ КемГУ, 2018. 243 с.

References

1. Anoshkin P.P. *Ideya socialisticheskogo gosudarstva v filosofii politiki N.A. Berdyayeva* [The idea of a socialist state in the philosophy of politics of N.A. Berdyayev] // *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2021. № 6. S. 279–287. (In Russian).
2. Berdyayev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian Communism]. M.: Science, 1990. 224 s. (In Russian).
3. Bonch-Bruevich V.D. *Biblioteka i arkhiv RSDRP v Zheneve* [Library and archive of the RSDRP in Geneva] // Bonch-Bruevich V.D. *Izbrannye sochineniya*. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. Vol 2. S. 307–322. (In Russian).
4. Vyazinkin A.Y. *Problema politicheskogo osvobodzheniya v sotsial'noi filosofii russkogo narodnichestva* [The problem of political liberation in the social philosophy of Russian narodnichestva] // *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2020, № 4. S. 186–193. (In Russian).
5. Grevnev A.V. *Nekotorye razmyshleniya universitetskogo istorika o problemakh naukometrii* [Some reflections of a university historian on the problems of scientometry] // *Istoricheskaya ekspertiza*, 2015. № 2. S. 64–77. (In Russian).
6. «*Esli chelovek zanimaetsya naukoi, to on dolzhen dobivat'sya prirashcheniya novogo znaniya i obreteniya novogo smysla. Esli net prirashcheniya novogo znaniya — eto ne nauka*». Interv'yu s S.A. Eksh-tutom [If a person is engaged in science, then he must strive to gain new knowledge and gain new meaning. If there is no increment of new knowledge, it is not science." Interview with S.A. Ekstut] // *Istoricheskaya ekspertiza*. 2021. № 1. S. 346–366. (In Russian).
7. Zhiltsov S.V., Popryadukhina I.V. *Terror v narodnicheskom dvizhenii Rossii protiv samoderzhavnoi vlasti* [Terror in the narodnichestvo movement of Russia against autocratic power] // *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 2021. № 6. S. 61–64. (In Russian).
8. Zhukotsky V.D., Zhukotskaya Z.F. *F. Engel's: marksistskoe prorochestvo o Rossii* [F. Engels: the marxist prophecy about Russia] // *Novye idei v filosofii*. 2020. № 7. S. 192–198. (In Russian).
9. Zverev V.V. *Lenin: sotsializm, narodniki i mirovaya revolyutsiya* [Lenin: socialism, narodniki and the World revolution] // *Rossiiskaya istoriya*. 2020. № 2. S. 31–34. (In Russian).
10. Matveeva D.M. *Pravo i moral' v sisteme sotsial'nogo regulirovaniya* [Law and morality in the system of social regulation] // *Innovatsiya. Nauka. Obrazovanie*. 2021. № 32. S. 154–179. (In Russian).
11. Matyukhin A.V. *Protobol'shevizm Petra Tkacheva* [Proto — Bolshevism of Pyotr Tkachev] // *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2021. № 1. S. 174–184. (In Russian).
12. Protasova O.L., Bikbaeva E.V. *N.F. Annenskii — obshchestvennyi i politicheskii deyatel' liberal'nogo narodnichestva* [N.F. Annensky — public and political figure of liberal narodnichestva]. Manuskrp. 2020. Vol 13. № 2. S. 38–44. (In Russian).
13. Smirnov K.V. *Peterburgskoe Mar'ino, trikster i vechnyi spor (o romane I.S. Turgeneva «Ottsy i deti»)* [The St. Petersburg Marino, the trickster and the eternal dispute (about the novel by I.S. Turgenev "Fathers and Children")] // *Aktual'nye voprosy sovremennoi filosofii i zhurnalistiki*. 2020. № 2. S. 60–68. (In Russian).

14. Tkachev P.N. *Anarkhiya mysli* [Anarchy of thought] / Tkachev P.N. Sochineniya v dvukh tomakh. M.: Thought, 1976. Vol 2. S. 103–140. (In Russian).
15. Tkachev P.N. *Anarkhicheskoe gosudarstvo* [Anarchic state] // Tkachev P.N. Sochineniya v dvukh tomakh. M.: Thought, 1976. Vol 2. S. 171–194. (In Russian).
16. Tkachev P.N. *Zadachi revolyutsionnoi propagandy v Rossii. Pis'mo k redaktoru zhurnala «Vpered»* [The tasks of revolutionary propaganda in Russia. A letter to the editor of the magazine "Forward"]. London: B.I., 1874. 52 s. (In Russian).
17. Tkachev P.N. *Narod i revolyutsiya* [The people and the revolution] // Revolyutsionnyi radikalizm v Rossii: vek devyatnadsyati. Dokumental'naya publikatsiya. M.: Archeographic Center, 1997. S. 360–365. (In Russian).
18. Tkachev P.N. *Otkrytoe pis'mo gospodinu Fridrikhu Engel'su* [Open letter to Mr. Friedrich Engels] // Revolyutsionnyi radikalizm v Rossii: vek devyatnadsyati. Dokumental'naya publikatsiya. M.: Archeographic Center, 1997. S. 335–344. (In Russian).
19. Tulupov Ya. Yu. *Stanovlenie i razvitie ugolovnoi otvetstvennosti za terroristicheskuyu deyatel'nost'* [Formation and development of criminal responsibility for terrorist activities] // Innovatsiya. Nauka. Obrazovanie. 2021. № 43. S. 160–166. (In Russian).
20. KHudoleev A. N. *Otsenki revolyutsionnoi teorii P.N. Tkacheva v otechestvennoi istoriografii 2012–2017 gg.* [The estimates of the revolutionary theory of P.N. Tkachev in Russian historiography 2012–2017] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2018. № 3. Part I.S. 172–179. (In Russian).
21. KHudoleev A. N. *Otsenki revolyutsionnoi teorii P.N. Tkacheva v otechestvennoi istoriografii 2018–2019 gg.* [The estimates of the revolutionary theory of P.N. Tkachev in Russian historiography 2018–2019.] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 3. S. 140–145. (In Russian).
22. KHudoleev A. N. *Revoljucionnaya teorija P.N. Tkachjova i ego rol' v russkom osvoboditel'nom dvizhenii (istoriograficheskij aspekt)* [The revolutionary theory of P.N. Tkachev and his role in the Russian liberation movement (historiographical aspect)]. Novokuznetsk: NFI KemGU, 2018. 243 s. (In Russian).

РЕЦЕНЗИИ**REVIEWS**

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.032

УДК 94(470).07"18"Каблиц И. И.

ББК 63.3(2)531-4,8Каблиц И. И.

В.В. ЗВЕРЕВ

РЕЦЕНЗИЯ НА ИЗДАНИЕ:**КАБЛИЦ ИОСИФ ИВАНОВИЧ:****БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ****(1878–2021 ГГ.) / [СОСТ. Г.Н. МОКШИН];****ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ****УНИВЕРСИТЕТ. – ВОРОНЕЖ: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ****ДОМ ВГУ, 2021. – 204 С.**

V.V. ZVEREV

REVIEW OF THE PUBLICATION: KABLITZ JOSEPH**IVANOVICH: BIOBIBLIOGRAPHICAL GUIDE****(1878–2021) / [AUTHOR G.N. MOKSHIN];****VORONEZH STATE UNIVERSITY. – VORONEZH:****PUBLISHING HOUSE OF VSU, 2021. – 204 P.**

По утверждениям всезнающих социологов, в настоящее время за 5–7 лет происходит двукратное увеличение общего объема информации, который обрушивается на человечество. Думается, что данный процесс имеет даже больший размах в гуманитарных науках. В этих условиях создание различного рода справочных материалов приобретает особую значимость и несомненную актуальность. Разнообразные и содержательные издания становятся настоящими лодками в безбрежном море знаний.

Подготовленный профессором Воронежского университета Г.Н. Мокшиным биобиблиографический указатель, посвященный жизни и деятельности И.И. Каблица (1848–1893), без всякого сомнения, принадлежит к такого рода сочинениям.

Необходимо отметить, что рецензируемая работа выполнена на высоком профессиональном уровне, со знанием дела и с явной склонностью автора к принципиальной и неистребимой скрупулезности. Кроме этого важным представляется и тот факт, что Мокшин поставил перед собой цель создать своеобразную библиотеку научно-справочной литературы представителей умеренного крыла русского народничества. «Первой ласточкой» в серии книг данного жанра стала работа о Я.В. Абрамове¹, вышедшая в 2017 г. Затем последовал указатель жизни и творчества С.Н. Кривенко². В 2021 г. наступила очередь И.И. Каблица.

Всем названным работам присущ, на мой взгляд, единственно верный подход тематического выделения главных смысловых блоков: труды, документальные материалы,

1 Абрамов Яков Васильевич: биобиблиографический указатель (1880–2017 гг.) / составление, предисловие и вспомогательные указатели Г.Н. Мокшна; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. – 217 с.

2 Кривенко Сергей Николаевич: биобиблиографический указатель (1873–2020 гг.) / [сост. Г.Н. Мокшин]; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2020. – 228 с.

публицистика, мемуары и письма современников, исследовательская, учебная, справочно-библиографическая литература. Мокшин и в новом указателе использует разработанную ранее структуру публикации, что позволяет не только добиться смыслового единства в экспозиции материала, но и обеспечить необходимую преемственность биобиблиографических указателей. Не менее точна и оправдана рубрикация вспомогательных указателей, которые информируют читателя о современниках, исследователях, популяризаторах идейного наследия и общественной практики личности, которой посвящен указатель. Единство замысла трех публикаций проявляется также в информационной насыщенности, в основе которой лежит выявление всех работ по обозначенным темам. Мокшин «перелопатил» значительный массив литературы, не оставив без внимания ни одной мало-мальски значимой статьи, заметки, упоминания, имеющих отношение к представляемым персоналиям.

В целом отечественных исследователей-народниковедов можно поздравить с появлением важного и ценного источника, значительно облегчающего поисковую часть научной работы. В общей сложности Мокшиным учтено 1,4 тыс. сочинений за период с 1878 г. по май 2021 г. Основу составили публицистические статьи и рецензии Каблица, львиная доля которых была опубликована в газетах «Неделя», «Начало», журналах «Слово», «Вестник Европы» «Мысль» и др. Прделанная автором работа отнюдь не означает прекращения поисков. Напротив, установить все сочинения Каблица, опубликованные в периодических изданиях, крайне трудно: большинство из них были анонимными. Таким образом, биобиблиографический указатель — не только подведение итогов, но и призыв Мокшина к пытливым молодым коллегам продолжить начатое им дело.

Значение биобиблиографического указателя И.И. Каблица состоит не только в расширении информационного поля поисков. Необходимо сказать и о весьма содержательном и концептуально выверенном предисловии. Мокшин не просто представил краткую биографическую справку Каблица, но и определил его место в народничестве. Как мыслитель и общественный деятель, он прошел длительный и непростой путь эволюции от приверженности анархистским взглядам М.А. Бакунина до обоснования концепции преобразований, которая опиралась на аполитизм, популизм и самодеятельность масс. Каблиц стремился приблизить осуществление, как ему казалось, истинно народных идеалов, но смотрел на решение проблем пореформенной России «глазами мужика», что вылилось в отказ от идеи непосредственного перехода к социализму, которую крестьянство не было готово воспринять.

Принципиально менял Каблиц и народническую оценку интеллигенции в общественном прогрессе, отводя ей отнюдь не руководящую, а сугубо служебную роль. По большому счету именно им было положено начало культурничеству, получившему дальнейшее развитие в «теории малых дел». Подобная позиция, естественно, не могла встретить одобрения со стороны как революционеров, так и представителей умеренного крыла народничества, видевших главную цель своей деятельности в активизации политической борьбы с русским самодержавием. Отрицательное, если не сказать акцентированно негативное, отношение к взглядам Каблица, сложившееся еще в дореволюционное время, перекечало и в советскую историографию, и только к началу 1980 г. было оспорено в трудах В.И. Харламова. Благодаря его исследованиям имя этого своеобразного мыслителя вновь было возвращено в контекст народнической историографии.

Подводя итог, можно сказать, что выход в свет биобиблиографического указателя И.И. Каблица стало еще одним свидетельством незатухающего интереса отечественных историков к общественной мысли и движению России, к изучению народничества и его наиболее ярких представителей. Зная о планах Г.Н. Мокшина, не могу удержаться от пожелания ему успехов в подготовке очередного указателя, посвященного на этот раз жизни и творчеству В.П. Воронцова (1947–1918).

Сведения об авторах

Аленичева Наталья Владимировна — аспирант кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений, Саратовский национально-исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Alenicheva Natalia Vladimirovna — Grad Student of the Institute of History and International Relations, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky.

E-mail: aleni4ewa.nat@yandex.ru

Варфоломеев Юрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Varfolomeev Yuriy Vladimirovich — Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of Russian History and Archaeology Department, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

E-mail: ybartho@mail.ru

Ермаков Вадим Андреевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, культуры и социального развития Московской области, Московский государственный областной университет.

Ermakov Vadim Andreevich — PhD (Historical Sciences), Associate Professor, Associate Professor at the Department of History, Culture and Social Development of the Moscow Region, Moscow State Regional University.

E-mail: fact-476@yandex.ru

Зверев Василий Васильевич — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник центра «История России XIX — начала XX вв.», Институт российской истории Российской академии наук

Zverev Vasily Vasilyevich — Doctor of Sciences (History), Professor, Knowledgeable Researcher of the Center «History of Russia of the XIX — early XX centuries», Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

E-mail: v.v.zverev@bk.ru

Ищенко Оксана Владимировна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления и управления персоналом, Сургутский государственный университет.

Ishchenko Oksana Vladimirovna — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management and Personal Management, Surgut State University

E-mail: ischenko_ov@surgu.ru

Квасов Олег Николаевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова.

Kvasov Oleg Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Voronezh State Forestry Engineering University named after G.F. Morozov.

E-mail: kvasovoleg@yandex.ru

Крижановский Николай Игоревич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры публицистики и журналистского мастерства, Кубанский государственный университет, Краснодар.

Krizhanovskij Nikolaj Igorevich — PhD (Philology), Docent, Docent of Journalism and Journalistic Mastery Department, Kuban State University, Krasnodar.

E-mail: nicolaykri@mail.ru

Лёвин Сергей Владимирович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, культуры и социального развития Московской области, Московский государственный областной университет.

Lyovin Sergei Vladimirovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of History, Culture and Social Development of the Moscow Region, Moscow State Regional University.

E-mail: serg.lewin@yandex.ru

Мауль Виктор Яковлевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарно-экономических и естественнонаучных дисциплин филиала ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет» в г. Нижневартовске

Maul Victor Yakovlevich — Doctor of Sciences (History), Professor of Tyumen Industrial University, branch in Nizhnevartovsk, Russia, Nizhnevartovsk

E-mail: VYMaul@mail.ru

Милевский Олег Анатольевич — доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории исторических исследований, Сургутский государственный педагогический университет

Milevsky Oleg Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Historical Research, Surgut State Pedagogical University

E-mail: olegmilevsky@mail.ru

Мокшин Геннадий Николаевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Воронежский государственный университет

Mokshin Gennady Nikolayevich — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Department of Russian History, Voronezh State University

E-mail: mok410@mail.ru

Морозов Тимофей Сергеевич — ведущий архивист Муниципального казенного учреждения «Муниципальный архив города Сургута», аспирант группы А-0071, социально-гуманитарный факультет, Сургутский государственный педагогический университет

Morozov Timofey Sergeevich — leading archivist of the Municipal State Institution «Municipal Archive of the City of Surgut», Postgraduate Student of Group A-0071, Faculty of Social Sciences and Humanities, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: timowulf@mail.ru

Плужников Дмитрий Анатольевич — старший преподаватель кафедры истории, культуры и социального развития Московской области, Московский государственный областной университет.

Pluzhnikov Dmitry Anatolyevich — Senior Teacher at the Department of History, Culture and Social Development of the Moscow Region, Moscow State Regional University.

E-mail: da.pluzhnikov@mgou.ru

Попов Эдуард Анатольевич — доктор философских наук, доцент Ростовского государственного медицинского университета

Popov Eduard Anatolievich — Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Rostov State Medical University.

E-mail: edwardp@yandex.ru

Ризаева Елена Николаевна — кандидат исторических наук, главный хранитель фондов Муниципального учреждения культуры «Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского»

Rizaeva Elena Nikolaevna — PhD (Historical Sciences), Chief curator of the funds of the Municipal Cultural Institution «Museum-Estate of N.G. Chernyshevsky»

E-mail: malova-el83@yandex.ru

Санькова Светлана Михайловна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

Sankova Svetlana Mikhailovna — Doctor of Sciences (History), Docent, Professor of Philosophy and Cultural Study Department, Oryol State University named after I.S. Turgenev

E-mail: s_sankova@mail.ru

Степаненкова Зоя Васильевна — к.и.н., доцент, доцент кафедры социально-гуманитарного образования, Сургутский государственный педагогический университет.

Stepanenkova Zoya Vasilyevna — PhD (Historical Sciences), Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Education, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: zoyastep@mail.ru

Степанов Юрий Геннадиевич — кандидат исторических наук, главный архивист отдела публикаций и использования документов Государственного архива Саратовской области (ГАСО).

Stepanov Yuri Gennadievich — PhD (Historical Sciences), Chief Archivist of the Department of Scientific Use of Documents of the State Archive of the Saratov Region (GASO).

E-mail: georgyi1964@yandex.ru

Худолеев Алексей Николаевич — доктор исторических наук, доцент, профессор, кафедра истории и обществознания факультета истории и права Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета.

Khudoleev Alexey Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, Department of History and Social Studies of the Faculty of History and Law of the Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute of Kemerovo State University.

E-mail: khudoleev73@mail.ru

Шумилова Людмила Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры права и правоприменительной деятельности, Поволжский кооперативный институт (филиал) АНОО ВО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации»

Shumilova Ludmila Nikolaevna — PhD (Historical Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Law and Law Enforcement, Volga Cooperative Institute (Branch) of the Central Union of the Russian Federation «Russian University of Cooperation»

E-mail: mila.shumilova.1959@mail.ru

Правила представления рукописи авторами

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей в научном журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета»

1 Общие положения

- 1.1 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» принимает к рассмотрению материалы, отвечающие профилю издания, не опубликованные ранее в других научных журналах и в сети Интернет. Присланные в редакцию материалы должны представлять собой оригинальные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы, основные результаты диссертационных исследований на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук. Для подтверждения этого требования мы рекомендуем заполнить автору статьи бланк соответствующего обязательства (см. Приложение).
- 1.2 Журнал публикует материалы в соответствии с актуальными рубриками:
 - в области педагогических наук: теория и методика профессионального образования;
 - в области исторических наук: отечественная история;
 - в области социологических наук: социальная структура, социальные институты и процессы.
- 1.3 Периодичность издания: выходит 6 раз в год и распространяется на территории Российской Федерации.
- 1.4 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» в процессе рассмотрения публикации статей руководствуется нормами международного и российского законодательства, этическими нормами, принятыми международным сообществом (Committee of Publication Ethics), также принципами независимости, добросовестности и ответственности редакторов и рецензентов.
- 1.5 Передача автором материалов в издание рассматривается как добровольная, безвозмездная и бессрочная передача прав на произведение научному журналу «Вестник Сургутского государственного педагогического университета».

2 Приём научных статей для публикации

- 2.1 Статьи принимаются к рассмотрению при строгом соблюдении требований к авторским оригиналам статей и наличии всех сопроводительных документов (сведения об авторах, авторское обязательство, отзыв научного руководителя для аспирантов).
- 2.2 Основаниями для включения статьи в журнал являются:
 - выполнение правил представления рукописей, сведений об авторах и требований к их оформлению;
 - оригинальность представленных материалов: она должна составлять не менее 75% (редакция проводит проверку статей с помощью сервиса «Антиплагиат»);
 - положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционной коллегией журнала.
- 2.3 К статьям аспирантов необходимо прилагать отзывы-рекомендации научных руководителей о целесообразности опубликования статьи.
- 2.4 Авторы несут ответственность за содержание статьи, за оригинальность, объективность и обоснованность публикуемых материалов, за достоверность приводимых результатов, отсутствие плагиата/фальсификации, за правильность ссылок на цитированные работы.

- 2.5 В журнале принято ограничение на возможное количество статей одного автора в одном выпуске журнала — до одной статьи, выполненной индивидуально, и до двух статей, выполненных в соавторстве.
- 2.6 Редакция оставляет за собой право редактирования текста статьи (небольшие исправления стилистического и формального характера, внесение несущественных изменений, не меняющих сути публикации, редактирование производятся без согласования с авторами) или отклонения материалов от публикации. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку. Исправленная рукопись (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию в течение 14 дней и повторно направляется на рецензирование.

3 Рецензирование научных статей, поступивших в редакцию

- 3.1 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих его тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3-х лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Редакционная коллегия определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет её на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой рукописи. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учётом создания условий для максимально оперативной публикации статьи, но составляют не более 30 дней. Рецензирование является слепым.
- 3.2 Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет. Редакция научного журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий в электронном виде в случае мотивированного отказа опубликовать статью. Редакция также обязуется направлять копии рецензий в Высшую аттестационную комиссию и/или Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.
- 3.3 Неопубликованные рукописи не используются для личных целей и не передаются третьим лицам полностью или частично без письменного согласия автора.
- 3.4 С 1 июня 2016 года авторам опубликованных материалов бесплатно предоставляется электронная версия журнала. Печатный вариант можно получить, оформив полугодовую подписку.
- 3.5 Каждой опубликованной статье присваивается дискретный идентификатор объекта DOI (стандарт обозначения представленной в сети информации об объекте).

4 Требования к материалам и рукописям

- 4.1 Статьи и электронные версии всех необходимых документов (сведения об авторе/ авторах, отзыв-рекомендация научного руководителя и т.п.) отдельными файлами направляются в редакцию журнала по электронной почте на адрес: vestnik@surgpu.ru. При пересылке материалов по электронной почте в строке «тема» указать: «Статья в журнал».
- 4.2 В сведениях об авторе/авторах на русском и английском языках указываются:
- фамилия, имя, отчество (полностью);
 - учёная степень (полностью, без сокращений, с указанием специальности, по которой защищена диссертация и основных направления научных исследований);
 - учёное звание;

- должность и место работы (без сокращений; название организации должно совпадать с названием в Уставе организации);
- адрес с почтовым индексом;
- контактные данные: телефоны (рабочий, домашний, сотовый), адрес электронной почты.

Образец:

Гололобов Евгений Ильич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарного образования, проректор по научной работе, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Golobov Evgeny Ilyich — Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of Social and Humanities Study Department, Vice-rector on scientific work, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: pr_science@surgpu.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ СТАТЬИ**Электронная копия**

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия автора русскими буквами (например: Иванов_doc.).

Гарнитура (шрифт)

Times New Roman, размер — 14 пт.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ — 1 см. Междустрочный интервал — полуторный.

Выравнивание по ширине. Все поля — 2 см. Без уплотнения и ручных переносов.

Оформление статьи

Структура текста:

- индексы УДК и ББК с выравниванием по левому краю;
- информация об авторе/ авторах: инициалы и фамилия (с выравниванием по левому краю заглавными буквами) на русском и английском языках;
- название статьи (заглавными буквами с выравниванием по центру) на русском и английском языках;
- аннотация статьи (объем — от 500 до 1800 знаков с пробелами) размещается после названия статьи на русском и английском языках (слово «аннотация» не пишется) с обязательными компонентами: «Введение», «Цель», «Материал и методы» и «Результаты и научная новизна»;
- ключевые слова по содержанию статьи размещаются после аннотации с заголовком «Ключевые слова» (указывается до 8 слов на русском и английском языках);
- основной текст статьи должен включать в себя следующие разделы: Введение; Цель; Материалы и методы; Результаты и обсуждение результатов; Выводы. В статье необходимо обозначить актуальность и новизну исследования. Объем статьи — 15–40 тыс. знаков;
- литература должна быть представлена на русском языке с переводом на английский язык (требования к списку литературы указаны ниже).

Не допускается вставка разрывов страниц, разделов и т.д.

Примечания. Сокращения. Ссылки. Цитаты

Примечания, комментарии и пояснения к тексту статьи даются в виде постраничных сносок. Вводимые в статью сокращения (кроме общеизвестных),

аббревиатуры организаций, названия тестов, анкет, условные обозначения и т.д. должны быть расшифрованы сразу после первого упоминания.

Ссылки на первоисточники приводятся по тексту статьи. В конце предложения заключаются в квадратные скобки с указанием номера источника из библиографического списка и страницы, например: ...о преимуществах деятельностного подхода [3, с. 52]. Если осуществляется ссылка на несколько источников, то они перечисляются в порядке возрастания номеров в списке литературы через запятую, например: [3, с. 29-28; 5, 12].

Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются.

Цитаты заключаются в кавычки, например: «...однозначно принято решение о реализации компетентностного подхода в вузе» [7, с. 21]. В квадратных скобках первым указан номер источника, после запятой — номер страницы, с которой взята цитата.

Требования к списку литературы

Список литературы (входит в общий объём статьи) должен обозначаться словом «Литература», размещаться в конце статьи.

Количественные требования: не менее 7 и не более 15 для статьи, для обзора — не более 30.

Качественные требования: желательно упоминать работы не только отечественных исследователей, но и зарубежных; не включать в список литературы учебные пособия, если это не оправдано целями исследования, научных трудов, которые не имеют отношения к теме исследования, степень давности литературных источников не должна превышать 10 лет, кроме случаев отсутствия аналогичных источников за данный период, к таким, в частности, относятся классические работы без переизданий.

Этические требования: допускается самоцитирование автора не более 30% всех источников из списка литературы, обязательна новизна исследования, если оно опирается на ранее изданные самим автором работы.

Образец:

Литература

1. А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Т.Г. Динесман. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 990 с.
2. Авдеева О.А. Средства выражения концепта «возраст» в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 220 с.
3. Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян / пер., примеч. и послесл. С.И. Радцига. 3-е изд., испр. М.: Флинта: МСПИ, 2007. 233 с.
4. Бессарабова Н.Д. Метафора и образность газетно-публицистической речи // Поэтика публицистики: [Сб. ст.] / Под ред. Г.Я. Солганика. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 21-34.
5. Королькова А.В. Афористика И.С. Тургенева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2 (83). С. 113-116.
6. Патенко Г.Р. Русская антропонимия романического пространства Д.И. Стахеева: Автореф. ... канд. филол. наук. Елабуга, 2007. 22 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
8. Токтагазин М.Б. Жанрово-стилистические особенности русской эпистолярной публицистики в исторической ретроспективе и современности.

URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=19766> (дата обращения: 11.08.2020).

References

1. A.A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie [A.A. Fet and his literary environment]: v 2 kn. Kn. 1 / otv. red. T.G. Dinesman. M.: IMLI RAN, 2008. 990 s. (In Russian).
2. Avdeeva O.A. Sredstva vy'razheniya koncepta «vozrast» v anglijskom yazy'ke [Means of Expressing the Concept «Age» In English]: Dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2007. 220 s. (In Russian).
3. Aristotel'. Afinskaya politiya. Gosudarstvennoe ustrojstvo afinyan [Athenian polity. State structure of the Athenians] / per., primech. i poslesl. S.I. Radciga. 3-e izd., ispr. M.: Flinta: MSPI, 2007. 233 s. (In Russian).
4. Bessarabova N.D. Metafora i obraznost' gazetno-publicisticheskoy rechi [Metaphor and imagery of newspaper and publicistic speech] // Poe'tika publicistiki: [Sb. st.] / Pod red. G.Ya. Solganika. M.: Izd-vo MGU, 1990. S. 21-34. (In Russian).
5. Korol'kova A.V. Aforistika I.S. Turgeneva [The aphoristics of I.S. Turgenev] // Ucheny'e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e i social'ny'e nauki. 2019. № 2 (83). S. 113-116. (In Russian).
6. Patenko G.R. Russkaya antroponimiya romanicheskogo prostranstva D.I. Staxeeva [Russian anthroponymy of the romantic space of D.I. Stakheeva]: Avtoref. ... kand. filol. nauk. Elabuga, 2007. 22 s. (In Russian).
7. Popova Z.D., Sternin I.A. Semantiko-kognitivny'j analiz yazy'ka [Semantic-cognitive analysis of language]. Monografiya. Voronezh: Istoki, 2007. 250 s. (In Russian).
8. Toktagazin M.B. Zhanrovo-stilisticheskie osobennosti russkoj e'pistol'yarnoj publicistiki v istoricheskoy retrospektive i sovremennosti [Genre and stylistic features of Russian epistolary journalism in historical retrospective and the present]. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=19766> (data obrashheniya: 11.08.2020). (In Russian).

Таблицы. Рисунки. Иллюстрации. Диаграммы

Все таблицы, рисунки, диаграммы и прочие графические объекты размещаются строго в рамках указанных полей шириной 12,5 см, размер кегля — 10 пт, междустрочный интервал — одинарный.

Таблицы (не более 10 столбцов) должны иметь содержательное название.

Как таблицы, так и рисунки следует пронумеровать, если их несколько. В примечаниях к таблицам объясняются все сокращения или обозначения. В тексте статьи должны быть ссылки на таблицы и рисунки после первого же упоминания, например: (табл. 1), (рис. 3).

Иллюстрации в статье должны быть чёткими, графики и диаграммы должны быть подписаны, каждая ось координат должна иметь название или единицы измерения.

5 Опубликование статей

- 5.1 После принятия Редакционной коллегией решения о допуске статьи к публикации ответственный за выпуск журнала информирует об этом автора и указывает сроки публикации.
- 5.2 Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей.
- 5.3 Публикация осуществляется бесплатно.

5.4 С «Правилами направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета», с примерами оформления литературы, сведений об авторе, PDF версиями журнала можно ознакомиться на сайте Сургутского государственного педагогического университета»: www.surgpu.ru

Состав редколлегии

Главный редактор:

КОНОПЛИНА Надежда Васильевна, доктор педагогических наук, профессор,
Президент Сургутского государственного педагогического университета

Ответственный редактор:

ГАВРИЛОВ Виктор Викторович, кандидат педагогических наук, доцент

Редакционная коллегия:

АЛЕКСЕЕВА Любовь Васильевна, доктор исторических наук, профессор
АМБАРОВА Полина Анатольевна, доктор социологических наук, доцент
БОЗИЕВ Руслан Сахитович, доктор педагогических наук, профессор
ВАТОРОПИН Александр Сергеевич, доктор социологических наук, доцент
ГОЛОЛОБОВ Евгений Ильич, доктор исторических наук, профессор
ДВОРЯШИН Юрий Александрович, доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ
ДЖОЗЕФСОН Пол Роберт, доктор исторических наук, профессор (США)
ДОКТОРОВ Борис Зусманович, доктор философских наук, профессор (США)
ДУЛИНА Надежда Васильевна, доктор социологических наук, профессор
ДУРНОВЦЕВ Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор
ЗАСЫПКИН Владислав Павлович, доктор социологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки ХМАО — Югры
ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович, доктор философских наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ
КОРЫЧАНКОВА Симона, доктор педагогических наук (Чехия)
ЛАЗАРЕВ Валерий Семёнович, доктор психологических наук, профессор,
академик РАО
ЛАРКОВИЧ Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор
ЛАШКОВА Лия Лутовна, доктор педагогических наук, доцент
МИЛЕВСКИЙ Олег Анатольевич, доктор исторических наук, доцент
МИЩЕНКО Владимир Александрович, доктор педагогических наук, доцент
СЕМЁНОВ Леонид Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор
СИНЯВСКИЙ Николай Иванович, доктор педагогических наук, профессор
СИПКО Йозеф, доктор педагогических наук (Словакия)
СТЕПАНОВА Галина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор
ШИБАЕВА Людмила Васильевна, доктор психологических наук, профессор
ШУКЛИНА Елена Анатольевна, доктор социологических наук, профессор

Editorial staff

The Chief Editor:

KONOPLINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Education, Professor,
President of the Surgut State Pedagogical University

The Editor-in-Chief:

GAVRILOV Victor Viktorovich, Ph.D., Pedagogical Sciences

The Editorial Staff:

ALEKSEEVA Lubov Vasilyevna, Doctor of Historical Sciences, Professor
AMBAROVA Polina Anatolyevna, Doctor of Sociology, Associate Professor
BOZIEV Ruslan Sakhitovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
VATOROPIN Alexander Sergeevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
GOLOBOV Yevgeniy Ilyich, Doctor of Historical Sciences, Professor
DVORYASHIN Yuriy Aleksandrovich, Doctor of Philological Sciences, Professor
JOSEPHSON Paul Robert, Doctor of Historical Sciences, Professor (USA)
DOCTOROV Boris Zusmanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (USA)
DULINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor
DURNOVTSEV Valery Ivanovich, Doctor of History, Professor
ZASYPKIN Vladislav Pavlovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor
ZBOROVSKIY Garold Yefimovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor
KORYCHANKOVA Simona, Doctor of Education (Czech Republic)
LAZAREV Valeriy Semyonovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Academician of the Russian Education Academy
LARKOVICH Dmitriy Vladimirovich, Doctor of Philological Sciences, Professor
LASHKOVA Liya Lutovna, Doctor of Education, Associate Professor
MILEVSKIY Oleg Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
MISHCHENKO Vladimir Alexandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences,
Associate Professor
SEMYONOV Leonid Alekseyevich, Doctor of Education, Professor
SINYAVSKIY Nikolay Ivanovich, Doctor of Education, Professor
SIPKO Joseph, Doctor of Education (Slovakia)
STEPANOVA Galina Alekseevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
SHIBAYEVA Lyudmila Vasilyevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor
SHUKLINA Yelena Anatolyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor